

С24
КР III 1369321

✓ КР

*Издается в Вологде с 1993 года. С 1996
при содействии Союза Российских писателей
Издание зарегистрировано в Тверской
региональной инспекции, региональный № Т-0219
Редактор-составитель Галина Щекина
Писать g_shekina@mail.ru
Контактный телефон 75-24-63
Фото на титуле - parusnik*

**Номер посвящен
70-летию Союза писателей
СССР**

АНКЕТА НОМЕРА (о литературе) 2

Александр Дудкин (Кадуй-Вологда) 2
Андрей Коков (Рихимяки, Финляндия) 3
Татьяна Сопина (Вологда) 5
Ирина Фещенко-Скворцова (Португалия) 6
Евгений Попов (Москва) 9
Павел Тимофеев (Вологда) 10
Михаил Еремин (Москва) 11
Галина Щекина (Вологда) 13
Елена Юшкова (Вологда) 14

ТОЧКА ЗРЕНИЯ 15

Сергей Фаустов (Вологда) 15
Михаил Жаравин (Вологда) 20
Авигея Бархолоенко (Вологда) 22, 23
Татьяна Тайганова (Вологда) 28, 34
Александр Арген (Литва) 37

ПРОЗА 40

Тамара Белякина (Новосибирск) 40
Елена Гудошникова (Воронеж) 44
Ольга Донец (Санкт-Петербург) 52
Сергей Донец (Вологда) 58
Александр Дубинин (Грязовец - Вологда) 62
Татьяна Калашникова (Канада) 64
Татьяна Корзина (Вологда) 65
Алла Райдл (Австрия) 69
Татьяна Масс (Франция) 72

Витас Новоселов (Вологда) 78
Екатерина Тушкова (Сыктывкар) 79
Юрий Тобольцев (Москва) 82
Елена Юшкова (Вологда) 84
Ирина Фещенко-Скворцова (Португалия) 89
Павел Шабанов (Вологда) 91

ПОЭЗИЯ 95

Наталья Адлер (Вологда) 95
Валерий Архипов (Вологда) 97
Дмитрий Гасин 99
Екатерина Березовская (Белгород - Москва) 101
Владимир Вуколов (Вологда) 104
Евгений Головкин (Вологда) 105
Александр Дубинин 107
Александр Дудкин (Кадуй-Вологда) 109
Татьяна Жмайло (Череповец) 110
Андрей Коков (Финляндия) 112
Сергей Королев (Бабаево-Вологда) 114
Галина Макарова (Вологда) 115
Андрей Наугольный (Вологда) 116
Ната Сучкова (Вологда-Москва) 119
Павел Тимофеев (Вологда) 121
Екатерина Тушкова (Сыктывкар) 123
Елена Хрусталева (Белозерск-Вологда) 125
Антон Черный (Вологда) 128

ХРОНИКА 130

(Кадуй, Вологда)

1. Литература и жизнь

Литература и жизнь. Правомерно ли такое сочетание этих слов и понятий? Каково Ваше собственное их видение и толкование? Литература и человек в начале XXI века: как меняется роль литературы и писателя нашей эпохи?

Любые сочетания любых слов имеют право быть. Даже два несочетаемых – «масло масляное» - заключают в себе иной смысл, чем одно из них, но без другого или с любым другим.

Но, если рассматривать глобальные понятия: «великая русская литература» и «жизнь русского народа», - то вот она литература, а вот народ. Да рядом. Да, бывает, литература заступает за свой народ, сочувствует ему. Но чаще презирает. И всегда от него отрешивается, соблюдает дистанцию. И Пушкина, назвавшего русский бунт бессмысленным и беспощадным, хотя бы только за эти высокомерные, снобистские слова, вряд ли этот народ считает своим. Бунт, возможно, и был беспощадным, - возражаю я Александру Сергеевичу, - но никак не бессмысленным. Бессмысленным же был гнёт со стороны царской власти и аристократии (сословий, так считается, образованных!) по отношению к крестьянству, то бишь к народу.

Писатель чаще соглядатай, чем соучастник и сочувственник. Чаще учитель, ментор и «мент», чем товарищ.

И в веке двадцать первом ничего не меняется. Только, похоже, разрыв писателя и «простого» человека увеличивается и увеличивается. С. Говорухин заявил так: «Я очень разочаровался в своём народе», а Ю. Афанасьев сделал открытие: «Народ предавал и убивал интеллигенцию», В. Ерофеев же пробормотал: «Я испытываю боль за русский народ, потому что он вял и сир», Э. Лимонов почти что проскандировал: «... народ дурно пахнет, и выпивает, и одет плохо». И защитник прав человека А. Приставкин (странно – почему защищают права, а не человека самого? почему в этой защите доходят до абсурда, встают на сторону уже и не людей, а звероподобных home sapiens-ов?). и сатирик Г. Горин, и журналистка В. Новодворская. и Р. Киреев, и В. Максимов, и А. Зиновьев и, и, и... говорили что-то похожее. Пишущие махнули на свой народ рукой и повернулись к нему задом, отделили себя от него.

Но если говорить не о литературе вообще и не о народе в целом, а о конкретном человеке (читателе) и о конкретном стихе или рассказе, то проникновение в жизнь первого идей, эмоций, принципов, которые содержат в себе вторые, возможно.

Когда-то давно мне было страшно и стыдно признаться себе и, тем более, другим в том, что меня кто-то обдурил, облапошил, обвёл вокруг пальца. Помните детскую дразнилку – «Обманули дурака на четыре кулака...»? Но потом и тоже уже, слава Богу, давно я прочитал: «Умного человека можно обмануть, но сделать его дураком невозможно». И жить сразу стало легче! Я понял тогда, что бояться и страшиться нужно своей лжи, а не чужой, хоть и обращённой на тебя. Не верить – грех, скорее всего, не меньший, чем врать. Литература, конечно же, может влиять на чью-то жизнь, но только в том случае, если этот кто-то сам того хочет, то есть желает читать и читает. Но так как большинство не читает, то и влияние литературы на народ, на жизнь обычного человека до того мало, что, если его округлить, оно будет равно нулю.

2. Добро в литературе и в жизни

Согласны ли Вы с тем, что литература изначально служит добру? Что такое добро в жизни, в объективной действительности? Что

такое добро в литературе?

Как, какими средствами литература борется, может и должна бороться со злом?

Нет, не согласен. Изначально, пока ещё создаётся, роман или поэма, служат пишущему, удовлетворяют его потребности, инстинкты, комплексы, вселяет или усиливает надежду на славу ли, на деньги ли... Потом же, когда литературное произведение обнаружено, оно может стать инструментом в чьих-то руках. Если им будет пользоваться человек добрый или, по крайней мере, с добрыми намерениями, то и произведение будет помогать творить добро, а если наоборот... Ведь любую аксиому, любой афоризм, любую идею можно извратить. Да так и бывает почти что всегда.

3. Прекрасное и безобразное в жизни и литературе

Прекрасная литература и прекрасное в литературе - что это такое? Что существеннее для воспроизведения добра в литературе - содержание или форма? Может ли быть прекрасным в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни?

Содержание или форма. Курица или яйцо. Цветок живой или точная до мельчайших деталей, до всех пылинков и волосков его искусственная копия. Но копия не даст нам никакого представления о запахе цвета, его упругости, податливости, внутренностях, наконец.

В литературном же произведении форма и содержание зависимы друг от друга, как нигде больше. Ничемное содержание заслонит собой оригинальную форму, а уродливая форма отобьёт всякую охоту проникать в глубины сюжета, проникаться идеями и умозаключениями автора.

Кто-то «балдеет» от жары, а кто-то её переносит с трудом. Кого-то коробит мат в художественном произведении, а кто-то от него получает эстетическое наслаждение. Что для одного прекрасно, то для другого чудовищно. В настоящее время в нашей стране, увы, нет общепринятых, общенародных критериев, чтобы однозначно что-то назвать безобразным или красивым. Но в общем и целом жизнь и литература прекрасны!

4. Как соотносится современная литература и современное искусство? Какой «изм» вы употребили бы для определения состояния нынешней литературы?

Вначале о поэзии. Стихи – и только, пожалуй, стихи, да ещё, наверное, музыка – суть сама жизнь. Поэт ведь живёт стихами (неважно – каждодневно или несколько раз в год), он ведь не записывает то, что видит или слышит, не фотографирует окружающее, стихи для него есть продукт жизнедеятельности. И значит, стихи всегда (если только они настоящие) не могут быть

АНКЕТА НОМЕРА

противопоставлены реальности. Не может же Тютчев противостоять Тютчеву, город Москва городу Москве. Поэтому стихи и жизнь (так как они одно и то же) нельзя сравнивать, нельзя соотносить...

Но о прозе так сказать, я думаю, мы не можем. Прозаик – это наблюдатель, собиратель, коллекционер фактов, пейзажей, смыслов и просто словечек, он психолог, гуру, «инженер человеческих душ». И обо всём том, что он видит, слышит, осознаёт, чувствует, переосмысливая это, преобразуя и преображая, он и пишет. И о соответствии прозы и жизни говорить нужно. Конечно, любое прозаическое произведение как-то, каким-то боком похоже на жизнь, на действительность какого-то человека или группы людей. Но вот такой прозы, которая бы соответствовала самоощущению, самоощущению большинства людей, то есть всего русского народа, за исключением, может быть, последней повести В. Распутина, я не знаю. Моё поэтическое ощущение, повторяюсь: вот она – литература, а вот он – народ.

Об *измах* сказать мне нечего.

5. *Смысл художественной литературы. Как литература служит познанию мира?*

Какой смысл для Вас заключён в словах «художественная литература», в чём сущность, специфика и критерии художественности? Как можно понять признание Л.Толстого: «Художественное не могу, как не могу в игрушки играть».

Художник (а в нашем случае – писатель) не фотограф, а если и фотографирует, то не обычной и дешёвенькой «мыльницей», а аппаратом навороченным, изменяющим, устрашающим, украшающим то, что попадает в поле зрения... Может быть, поэтому мы фотки с незнакомыми физиономиями, снятые «мыльницами» обычно просматриваем быстро, бегом, в памяти не сохраняем, а вот созданные фотохудожниками, которые подобными гигиеническими аппаратами брезгают, задерживают наше внимание долго, порой, заставляют возвращаться к ним не раз. То же можно сказать, если мы начнём сравнивать газетную статейку, в которой действительность просто запротоколирована, и рассказ, в котором она (действительность) преобразована фантазией автора. Вот в этом и сущность, и специфика, и отличие художественного произведения от милицейского протокола. Вот тут, если покопаться, наверное, можно наткнуться и на критерии.

АНДРЕЙ КОКОВ

(Вологда-Рихимяки, Финляндия)

1. *Литература и жизнь*

Правмерно ли такое сочетание этих слов и понятий? С какими проблемами определения и понимания литературы связан этот вопрос? Каково Ваше собственное их видение и толкование? Попробуйте конкретизировать соотношение объема и содержания понятий литературы и жизни логическими средствами. Литература и человек в начале XXI века: как меняется роль литературы и писателя нашей эпохи?

Литература – это один из подвидов культуры, присутствующий сравнительно развитым цивилизациям. Это метод обмена опытом между поколениями (учебная Л.), ёмкая форма сохранения знаний (научная Л.), ин-

струмент магического и метафизического осмысления мира (религиозная Л.), способ самовыражения индивида путём рассказов и песен (художественная Л.). Иногда все четыре упомянутых вида литературы объединяются под одной и той же тематической направленностью (напр. канонические книги – Авеста, Библия). Вначале письменная литература является обособленным родом занятий узких кру-

гов лиц, обладающих не столько выдающимися способностями, сколько достаточными средствами к существованию, благодаря которым эти индивиды могли бы посвящать достаточно времени чтению и «бумагомаранию». В древнем Китае это как правило знатные господа и государственные чиновники, в средневековой Азии и Европе – священники и представители благородных сословий. Существует гипотеза (и в этом есть свой резон), что невероятно обширные труды философов и историков древнего мира (Греции, Рима), которые якобы были написаны на пергаментах, являются на самом деле мистификацией образованных и владевших латынью и древнегреческим средневековых вольнодумцев, ради конспирации выдававших своё видение мира за труды античных авторов (используя псевдонимы Лукиан, Платон, Плиний и т.п.). К реальной жизни эти произведения имели отдалённое и косвенное отношение, так как во избежание преследования инквизицией были иносказательными и опирались либо на мифический, либо на исторически отдалённый материал. Однако по мере диверсификации и специализации языковой и культурной среды возникают литературные течения и школы, корни которых всё глубже в настоящем, окружающем автора мире, и отображают конкретные сословные и этнические реалии. Книгопечатание само по себе ещё не означало создания рынка печатной продукции, но лишь широкое распространение грамотности в XIX веке позволяет литературе преодолеть кастово-элитарный барьер и сделать резкий рычок и стать достоянием национальных культур посредством периодики и дешёвых «карманных изданий». В итоге и литературный ширпотреб, и высокий эстетический уровень на самом деле оказались связаны единой упряжкой: и то и другое является проводником как стереотипов бытового сознания, так и передовых идей. Спецификой XXI века становится смешение стилей и одновременная маргинализация литературных течений: то, что ещё недавно было ядром нравственного воспитания, оказывается оттеснённым на обочину, и наоборот – мистика с элементами сатанизма (В.Сорокин), стёб (В.Пелевин) и ксенофобские течения (А.Проханов) становятся популярными в достаточно широких массах. Роль писателя становится иной, чем в XX веке или в предыдущем веке. Согласно требований современного рынка, основная задача писателя – не только успешно развлекать читателей текстами и игрой ума и языка, но и притягивать своим именем, имиджем. Это ни хорошо и ни плохо – каждой

эпохе и каждой цивилизации свойственны свои способы реализации культурного процесса. И что с того, что расцветшие невиданным в советскую эпоху цветом жанры фэнтези и экшн являются калькой с рыночно успешных популярных на Западе жанров? В конце концов, даже в форме качественно выполненных любовных и детективных романов литература выполняет свою важнейшую задачу – сохранение и передачу новым поколениям выразительных средств языка. Конечно же при условии, что обитатели чатов вебсайтов и дискотек в свободное от интерактивной тусовки время ещё и читают печатную продукцию.

2. Добро в литературе и в жизни

Согласны ли Вы с тем, что литература изначально служит добру? Что такое добро в жизни, в объективной действительности? Что такое добро в литературе?

Как, какими средствами литература борется, может и должна бороться со злом?

Изначально литература служила сугубо утилитарным целям: это были учебники, сборники мифов и преданий, колдовских ритуалов, (впоследствии – богослужбные книги), жизнеописания, философские трактаты, исторические описания. Воспитательные же и назидательные свойства литературы появляются лишь тогда, когда она воздействует на целые пласты общества. Я не согласен с утверждением, что литература служила и служит добру: она лишь отображает поступки индивидов, явления жизни, события истории, и даёт им моральные оценки. В литературе нет ни добра, ни зла: это явления межличностного плана, а литература – лишь зеркало, глиняная табличка, папирус, набор образов. Бороться со злом через литературные произведения практически невозможно. В 70-е и 80-е годы молодые поколения населения всех регионов СССР были охвачены поголовной грамотностью и в обязательном порядке воспитывались на лучших литературных произведениях своего времени. Но ни Пушкин и Некрасов, ни Есенин и Достоевский, не говоря уж о выдающихся классиках соцреализма или «деревенщиках», не оказали определяющего воздействия на природу человека: в изменившейся политико-экономической ситуации те самые поколения превратились в живущих «по понятиям» «братков», в беспринципных жадных бюрократов-коррупционеров, в муджахедов Чечни, нацболов-лимоновцев, украинских националистов и т.д. Корпоративные и этнические императивы оказались сильнее прививки добра, которая предположительно должна была сделать граждан гуманнее и совестливее. Зло коренится в природе человека, и разве что Слово Божие при определённых обстоятельствах может изменить внутреннюю сущность индивида – а светская литература тут бессильна.

3. Прекрасное и безобразное в жизни и литературе

Прекрасная литература и прекрасное в литературе – что это такое? Что существеннее для

воспроизведения добра в литературе – содержание или форма? Может ли быть прекрасным в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни?

Как я уже высказался выше, в литературе нет ни добра, ни зла – в литературе возможно воспроизведение сюжетных линий, подача определённых выразительных форм. А всё остальное – это процессы в голове читателя, его восприятие. Безобразия бытия, поданные в определённом сюжетном контексте, могут служить благой цели – воспитанию неприятия насилия, мерзости. Но форма подачи может быть и такой, как например в прозе Владимира Сорокина, когда тошнотворные мерзости оформлены эстетически безупречно.

4. Как соотносится современная литература и современное искусство? Какой «изм» вы употребили бы для определения состояния нынешней литературы?

Мне сложно высказаться по этой теме: современное искусство не существует в отрыве от предыдущей истории и цивилизации. Даже такая форма полу-устного (а ныне всё более электронного) фольклора как анекдоты и байки строятся на базе уже существующих явлений и понятий – литературных произведений, кинофильмов, телепрограмм. В современной же «настоящей» литературе я бы выделил несколько основных «измов»: эгоизм, пофигизм, анархизм.

5. Смысл художественной литературы. Как литература служит познанию мира?

Какой смысл для Вас заключён в словах «художественная литература», в чём сущность, специфика и критерии художественности? Как можно понять признание великого художника слова Л. Толстого: «Художественное не могу, как не могу в игрушки играть».

Никакого особого смысла. Это условное понятие, подразумевающее наличие в произведении сюжета и авторского вымысла. Художественная литература лишь ограниченно служит познанию мира, так как в большей или меньшей степени является плодом воображения и игрой ума автора. Намного важнее роль учебной и научно-популярной литературы, знакомящей читателей с фактографией и методологией познания мира путём логических выводов. Что же касается слов Толстого, то это очевидный элемент кокетства, эдакий приём эпатажности – что-то из той же серии, как графское хождение босиком или спасительные проповеди, раздражавшие РПЦ своей еретичностью. В 1980-е годы этот имидж, отпечатавшийся в глубинах народного сознания, успешно эксплуатировал бородатый «учитель» Порфирий Иванов, дефилировавший в трусах по сугробам.

1. Для недавно умершего вологодского поэта Михаила Сопина литература и жизнь было одно и то же. У меня в руках - его лагерные стихотворные дневники конца 60-х годов (общий срок «отсидки» - 17 лет). Сохранились только дневники последних лет, когда автор был уже на поселении и я их оттуда увезла, но вел их Михаил и раньше, уничтожая перед очередным выходом на этап (их отбирали, автор не хотел, чтобы попали в чужие руки). В этих обстоятельствах, где не осталась ничего для жизни, кроме мысли и слова, слово стало единственной возможностью сохранить свою индивидуальность, не спиться, не раствориться в массе.

Такое отношение к литературе у него осталось на всю жизнь. Как жена я знала его только в двух состояниях: или он писал ежедневно, как каторжный, до изнеможения, без выходных и праздников (в эти недели и месяцы - прекрасный собеседник и семьянин, любимец детей, автор и исполнитель бардовских песен) - или, устав от творческого перегруза, бросался в пьянку. Потом, вспомнив о творческом долге, находил в себе силы к нему вернуться.

Теперь, когда автора нет в живых, такое же отношение к литературе должно быть у меня (за исключением пьянки). Я должна довести наследие, большей частью не прочитанное и не освоенное, до читателя. Этого хватит до конца моей жизни. Кстати, эстафету, кажется, собирается продолжить наш сын-музыкант.

2. Конечно, литература служит добру, ведь она учит труду (неважно - писателя или читателя), учит причащаться к прекрасному миру, думать, сопоставлять, анализировать. Это еще никому не помешало. Борьба со злом литература не должна. «Имеющий уши да услышит», а не имеющему их кулаком добро не навесишь. Литература может помочь «прочистить уши», а для этого надо иметь желание.

3. Для меня прекрасно то, что хочется запомнить. К примеру, считаю, что стихами лучше всего наслаждаться, заучив их наизусть. Прекрасную по стилю прозу

хочется перечитывать. Можно запомнить хороший детективный сюжет - в этой игре, если она доброкачественная, тоже есть своя красота, а вот когда сюжет начинает повторяться у другого автора или выстроен плохо - книгу хочется отложить.

Может ли быть в прекрасном в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни? Наверное. Ведь важен не натурализм, а авторская подача. Приведу последние строки поэмы Михаила Сопина «Агония триумфа»:

«Пятилеток снега,

Как странички тетрадей в косую,

Мрак листаает над тундрой,

Вглядитесь, взглянитесь вокруг -

Там вон дети войны,

Сиротище страны голосует

За «счастливое детство»

Кульями обрубленных рук».

Вряд ли явление можно назвать прекрасным, но я эти строчки уже не забуду.

4. По-моему, они идут в достаточно тесной сплотке, это общая тенденция в развитии культуры (европейской, мусульманской африканской...). К примеру, если в начале XX века в России модерном увлеклись литераторы (Пастернак, Каменский, Хлебников), то это было и в изобразительном искусстве (кубисты, авангардисты), и в музыке (Шостакович, Прокофьев). Назревает какой-то момент, когда молодежи хочется уйти от прошлого-инерционного, освоить новое пространство. То же самое происходит и теперь, но читатель (слушатель, зритель) всегда опаздывает. Его надо еще воспитать, а это потруднее, чем самому сделать прорыв.

Об этом хорошо рассказывает в телепередачах о музыке ведущий ток-шоу «Оркестровая яма» Артем Ваграфтик. Он не ругает и не хвалит модерн, а предлагает послушать разные авторитетные мнения и потрудиться телезрителям вжиться в саму музыку - а главное, призывает понять, что в искусстве ничье мнение не может быть окончательным.

Состояние нынешней литературы определять не берусь. Я вообще против всяких «измов». Я - за творческую личность, а она может говорить каким угодно языком, лишь бы не так: «На литфронте бои - импотенты дубасят скопцов» (по Михаилу Сопину).

5. Лев Толстой слишком много искал и противоречил самому себе, чтобы всерьез принимать его каждое, вырванное из контекста, высказывание. Известно, что он хотел переписать Шекспира. Не признавал стихов («Это все равно, что идти за плугом, танцуя»). В то же время другие его современники считали собственное хождение Льва Николаевича за плугом «игрой великого взрослого ребенка», но без этого и Толстого не было бы. Детские игры надо уважать, Толстовские - тем более.

«Художественное не могу, как не могу в игрушки играть» я понимаю как очень серьезное отношение к своему творчеству, протест против накручивая «искусства ради искусства». Для него литература была - черный хлеб, способ существования, нравственный поиск, а когда ему показалось, что такой поиск недостаточен, он ударился в обучение крестьянских детей и религию.

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА (Португалия)

1. Литература и жизнь

Правомерно ли такое сочетание этих слов и понятий? С какими проблемами определения и понимания литературы связан этот вопрос? Каково Ваше собственное их видение и толкование? Попробуйте конкретизировать соотношение объема и содержания понятий литературы и жизни логическими средствами. Литература и человек в начале XXI века: как меняется роль литературы и писателя нашей эпохи?

Литература пишется людьми и не может не являться отражением жизни. Вопрос в том, какой жизни, внешней или внутренней - и чьей жизни.

Это как Афродита небесная и простонародная. Вторая соответствует потребностям человека, неискущенного в тонкостях и критериях классической литературы. «Хлеба и зрелищ» превратилось в «секса и крови».

Но какое кушанье готовит искушенным интеллектуалам нашего времени литература так называемого постпостмодернизма? Низвержение всего, подозрение ко всему, что хоть немного поднимается над уровнем свиного корыта. Это как лозунг, хотя, конечно, бывают исключения.

Теперь о моём видении назначения литературы. Обостряя, приближая к человеку проблемы его внутренней, психической, духовно-душевной жизни, литература призвана помогать делать правильный выбор, не повторять ошибок, становиться чище и добрее.

В начале XXI века... пожалуй, главное отличие - появление огромного количества пишущих людей, мутного моря, в котором каждый ищет своих плавательных средств. Ещё труднее, чем во времена андеграунда, например, сохранить своё лицо. Потому что тогда писатель не мог печатать то, что писал, а поэтому мог себе позволить писать честно. В наших условиях, чтобы стать «раскрученным» часто приходится пройти через такие огни, воды и медные трубы... почти предвыборная компания... Остаться честным при этом крайне трудно, а музы не прощают подлости. Такой человек уже не сможет нести людям добро.

Думаю, роль литературы не меняется, ужесточаются требования к писателю: остаться человеком. Все мы знаем, что делало с талантливыми писателями служение государству, построенному на лжи. Хотя были и исключения, люди, оставшиеся чистыми в грязи.

И ещё: литература учит человека творческому восприятию мира. Показывает, как не просто, казалось бы самые простые отношения людей, природы... Учит смотреть на мир с самых разных точек зрения, жить в мире парадоксов и нелепостей. Утешает, примиряет с несовершенством мира и людей. Возрождает обесцененные и утраченные идеалы. Заражает вдохновением для поиска творческих решений в жизни.

Всё это гораздо сильнее «работает» у тех, кто «творит» литературу сам, а не только является её «потребителем». Возможно, в этом наблюдается изменение роли литературы: она теперь влияет на носителей в гораздо большей степени, чем на потребителей. Вечный вопрос о «гении и злодействе» я решаю положительно: несовместно.

2. Добро в литературе и в жизни

Согласны ли Вы с тем, что литература изначально служит добру? Что такое добро в жизни, в объективной действительности? Что такое добро в литературе? Как, какими средствами литература борется, может и должна бороться со злом?

Что такое добро? Вопрос философский. В наше время отрицание всех идеалов и ценностей, вызванное аллергией к длительному периоду лицемерия, приводит к стиранию различий между добром и злом. Действительно, то, что для одного человека есть добро, часто является злом для другого. На место человека можно поставить целые народы. Да и в природе сплошь такие примеры. И всё-таки, отказавшись от поисков критериев, от поисков Добра мы однозначно приходим к хаосу. Вопрос очень сложен.

Как бы я определила добро в жизни? Это направленность человека на диалог, включение тобою других людей с их потребностями, естественно ущемляющими в чём-то твои, и отличными от твоих взглядами в

АНКЕТА НОМЕРА

свою единственную и неповторимую жизнь, уважение к ним. Принятие в расчёт при осуществлении выбора, который в каждую минуту предлагает жизнь, не только своих интересов, и даже не только интересов людей, но учёт планетарных интересов, мышление на глобальном уровне. Искренность и честность перед собой и другими.

Добро в литературе?

Если при чтении произведения автора у читателя возникают добрые мысли, сомнения в правильности своих прежних поступков, обижавших кого-то, например, если автор помогает сочувствовать, понимать хрупкость всего живого, в том числе и нашей планеты, бесценность этой жизни вокруг нас.

Какими средствами литература борется со злом? Показывая его уродливость, его безобразие, так я перехожу к ответу на следующий вопрос.

3. Прекрасное и безобразное в жизни и литературе

Прекрасная литература и прекрасное в литературе - что это такое? Что существеннее для воспроизведения добра в литературе - содержание или форма? Может ли быть прекрасным в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни?

Прекрасная литература? Не знаю, не знаю.. Это, видимо, из области: «Аркадий, не говори красиво». Литература бульварная – просто условно сохраняет название литературы. Само понятие «литература» предполагает уровень, качество, владение техникой.

Прекрасное в литературе? Думаю, имеется в виду изображение того, что поднимает человека над будничной действительностью. Высокий поступок – подвиг. Честно и трудно прожитая жизнь. Наконец, просто побудить человека поднять глаза и взглянуть на небо, какое оно в разное время дня? Взглянуть на деревья, на цветы – на всё то, мимо чего спешим в суете будней. Удивить красотой, вызвать сочувствие к ней, такой хрупкой и беззащитной, восхищение ею, такой сильной и негибаемой:

Что существенное для воспроизведения добра – содержание или форма? Эти вещи никогда нельзя отрывать друг от друга. Я бы сказала: чувства. Чувства, с которыми создаётся произведение. Которые пропитывают его и создают неповторимую ауру. Они диктуют содержание и форму. Самое лучшее содержание (добрые мысли), переданные с поучающей интонацией – мертво. А то, что можно облечь, например, шовинистическое по духу содержание в прекрасную форму, отчего оно станет во много раз опаснее, - мы все знаем.

Реалистическое отражение безобразных проявлений жизни - может ли быть прекрасным? Я бы опять повторила – с какими чувствами это изображено? Если изображение вызывает возмущение и желание изменить или измениться – к лучшему – почему бы и нет?

4. Как соотносится современная литература и современное искусство? Какой «изм» вы употребили бы для определения состояния нынешней литературы?

Понятие «искусство» всегда было более широким, включая в себя литературу. Я не настолько знакома с другими областями искусства, чтобы брать на себя смелость говорить о современном их соотношении. Единственная мысль, приходящая в голову весьма банальна: для огромных масс людей почти единственным видом искусства являются демонстрируемые по телеви-

зору фильмы. И здесь чем глубже задумываешься, тем страшнее, вспомним только подбор этих фильмов... Читателей и почитателей литературы гораздо меньше.

Состояние нынешней литературы? Противостояние отходящего в прошлое постпостмодернизма, возникшего как отрицание лживости и лицемерия определённых околосредовых кругов, я бы не назвала их литературой, - вечному непреходящему поиску добра. Диккенс. Пушкин. Шолом Алейхем. Шекспир. Гёте. Рильке. Блок. Розанов. Померанц. Аверинцев.

Только доброе прекрасно. Только оноечно. Оно рождается в каждом поколении.

5. Смысл художественной литературы.

Как литература служит познанию мира? Какой смысл для Вас заключён в словах «художественная литература», в чём сущность, специфика и критерии художественности? Как можно понять признаки великого художника слова Л.Толстого: «Художественное не могу, как не могу в игрушки играть».

«Художественная литература» - если сравнивать с документальной, с мемуарами... Намеренно не хочу брать имеющиеся в словарях и энциклопедиях трактовки.

Думаю, сущность художественности в преображении автором действительности, например, автор концентрирует в данном месте, в данном отрезке времени то, что он хочет выхватить, как прожектором высветить в жизни. То, что встречается не часто, к чему человек может быть не готовым в жизни. То, что трудно понять без помощи искусства. Критерии художественности? Слияние в произведении разных смыслов, многозначность работы. Главное: умение своим изображением адекватно влиять на чувства воспринимающего его человека. К сожалению, на мой взгляд, понятие «художественная литература» ещё не адекватно понятию «носитель добра» или «средство познания мира». Говоря примитивно, есть «добрая» и «злая» художественная литература.

Как литература служит познанию мира? Так же, как служит познанию мира собственный жизненный опыт человека. Чужой жизненный опыт, отражённый в литературе, поиск истины, неуловимой, недостижимой, но ценной именно этими своими качествами. Вся наша жизнь – поиск. Себя, других. Смыслов. Постоянное развитие. Человек, как и Бог, это путь. Познание мира, его истолкование возможно не напрямую, а иносказательно, языком поэзии, намекая на ускользающую от прямых лучей Истину. Мне кажется, это всё больше понимают и учёные.

Толстой всю жизнь осуществлял себя. Это был великий путь. И на этом пути, конечно, были свои ошибки. Можно спорить, что ценнее для человечества: «Анна Каренина», «Война и мир» или философские работы Л.Н. Толстого? Можно. Спорить можно всегда. На мой взгляд, сочувствие и сопереживание героям романов Толстого - сильнее вызываемых его философскими размышлениями. Может быть, и потому, что читатель часто не готов сочувствовать мыслям художника, выкристаллизованным в результате всей напряжённой духовной жизни его. Ему проще понять князя Андрея, чем самого Льва Николаевича в последний период его жизни.

ИРИНА ФЕШЕНКО- СКВОРЦОВА ПОЭЗИЯ И ПРОБУЖДЕНИЕ ДУХОВНОСТИ

Да будет воля Твоя:
Твой замысел - Твой ответ.
И, волю Свою творя,
Из грязи - рождаешь свет.
Не будешь Ты укорять
За ложный порыв души,
Но, волю Свою творя,
От низости - до вершин.
Живительной влагой - яд,
Отдачей долга - заём.
Да будет воля Твоя
В покорном сердце моём.

Люди моего поколения помнят прежнее ощущение простоты и ясности мира. Теперь понимаешь, как парадоксально построен мир. Понимаешь, что зло, причинённое тебе, часто – двигатель души, первый толчок на пути к обретению себя.

Понимаешь, что добро для тебя – почти всегда в то же время - зло для кого-то другого. Да и для тебя любое приобретение сопряжено с утратами. «Если нет Бога, то всё позволено»? Для меня не это главное - пустота, оставленность человека в «безбожном» мире. Приходилось слышать много раз: верят в Бога от слабости. А нужна ли такая сила, которая верит только в себя, в право сильного, у которого острее зубы и когти?

Я всю жизнь работала преподавателем, а после занятий вела поэтическую студию. Видела, как в стихах, и в рассказах студентов всё чаще проскальзывает разочарованность, запуганность жестокостью жизни. Укрепляется уверенность – нельзя вырастить себя как личность без веры в Бога.

Актуальной для постатеистического общества становится логотерапия (В. Франкл): помощь в поисках смысла жизни. Её главный принцип – утверждение: человек живёт не для получения удовольствия и избежания боли, а для того чтобы понять и реализовать смысл своей жизни. Он может быть найден путём поиска и осуществления духовно направленных действий, путём переживания глубинной сущности другого человека в любви к нему, путём понимания смысла собственного страдания в ситуации, которую не можешь изменить. Мы знаем: одних людей страдание озлобляет, других делает особенно чуткими к чужому горю, милосердными. В отечественной психологии понятие личностного смысла было введено А.Н. Леонтьевым. Он писал, что сознание формируется в результате решения двух задач: задачи познания реальности и задачи на открытие смысла. Д.А. Леонтьев, продолживший эти исследования, выделяет три класса ситуаций «смыслостроительства». К третьему относятся ситуации воздействия искусства на личность. «Ворованный воздух» поэзии (О. Мандельштам), позволяет дышать в атмосфере цинизма и сарказма. «история литературы – не просто предмет познания, но одновременно шанс дышать «большим временем», вместо того, чтобы задыхаться в малом, позволяет жить в Божьем мире». Помочь молодым дышать этим воздухом – открыть им путь к духовному ученичеству, пусть они сами отыщут себе духовных учителей.

Какая поэзия может помочь человеку в поисках смысла жизни? Г.Померанц, опираясь на попытку иерархии поэтов М.Цветаевой, даёт свою иерархию.

Самый высокий уровень - отрешённая тишина созерцания, открытая всем любовью.

Второй уровень, где утрачен стержень отрешённости, но откуда всё же легче снова прорываться к первому уровню.

Третий уровень – «демонических страстей». Четвёртый уровень – поэзия сгоревших. В постатеистическом обществе нарастает напряжение борьбы между поэзией первого и четвёртого уровней. К сожалению, сегодня последний «диктует правила хорошего тона». Причина - усталость от многолетней лжи и особенности славянской психологии, не воспринимающей риторики в поэзии. В таких условиях призывы опровергать всяческих пророков (Ж. Деррида) падают на подготовленную почву. По поводу «Цветов зла» Ш. Бодлера Т. Готье писал: зло, представая в стихах, побуждает людей страшиться греховности.

История постмодернизма свидетельствует об обратном. Увлечение выпячиванием грязного, страшного в действительности прочно проникло в современную поэзию, ведёт к духовному и душевному опустошению. Об этом пишут даже признанные «гуру» постмодернистского искусства (Ж. Бодрийар). Человек сам строит мир вокруг себя. Он может быть счастлив созерцанием спокойной воды, погружением в мир книг, а может быть несчастен в самых, казалось бы, благоприятных материальных условиях.

И всё же, духовная поэзия начинает привлекать внимание ведущих отечественных специалистов. С.С. Аверинцев, размышляя о поэзии О. Седаковой, подчёркивает: «В чём же ещё вековая суть назначения поэта, если не в том, чтобы перед лицом ужаса обрести не черноту, а целение, не сарказмы, а псалом, не хулу, а хвалу?». Философ не отвечает на свой вопрос, есть ли у этого типа поэзии будущее в сегодняшней культуре, но он имеет мужество опубликовать свои собственные духовные стихи, своеобразные по форме, в лучших из которых передана страшная сосредоточенность духа, обращенного к Богу: «...Вся жизнь заключена в единой точке, словно в жгущей искре, всё в сердце собрано, и жизнь к нему отхлынула. От побелевших пальцев, от целого телесного состава жизнь отошла – и перешла в молитву».

Поэзией веры и надежды называет духовную поэзию Г. Померанц. В его книге имена поэтов этого направления: Мать Мария и Д. Андреев, З. Миркина и А. Солодовников. Д. Полячек и В. Блаженных, Е. Тагер. Духовная поэзия - вестничество, работа на огромной высоте, где материалом служит бесконечность.

Холод высоты – опасная вещь, он может обескровить стихи. Само название книги Г. Померанца «Страстная односторонность и бесстрашие духа» говорит об этом – бесстрашие, отрешённость, холод – трудно этим увлечь за собой, то ли дело – страсть.

Приподнятость требует соответствующей формы: торжественность, сдержанность языка, отсутствие ярких метафор, они могут быть приняты за риторику.

Можно ли идти к молодёжи с высокой поэзией? 26-летний опыт общения со студентами свидетельствует о необходимости постепенного приобщения молодых людей к глубинам духовного. Стихи, намеренно снижающие пафос Богоискательства введением разговорной речи, подробностей обыденной жизни, понимаются сразу. Примером могут служить стихи В. Блаженных, которые приводит Г. Померанц. Я обратила внимание: повторное чтение и прослушивание одних и тех же стихов часто приводит к тому, что студенты открывают их для себя. Понимание приходит не сразу. И только потом можно знакомить их с миром поэзии С.С. Аверинцева, Д. Андреева, З. Миркиной и др.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ (Москва)

1. Литература и жизнь

Правомерно ли такое сочетание этих слов и понятий? С какими проблемами определения и понимания литературы связан этот вопрос? Каково Ваше собственное их видение и толкование? Попробуйте конкретизировать соотношение объема и содержания понятий литературы и жизни логическими средствами. Литература и человек в начале XXI века: как меняется роль литературы и писателя нашей эпохи?

Ответ: Разумеется, такое сочетание правомерно. Жизнь существует вокруг, а литература – только на бумаге. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Любой самый нехороший персонаж не способен, к счастью, дать мне, читающему о его злодеяниях, в морду, а на улице я могу такой экзекуции подвергнуться с большей или меньшей степенью вероятности. Роль литературы и писателя нашей эпохи посткоммунизма совершенно не изменилась. Наивные люди, как и прежде, обливаются слезами над вымыслом, писатель – по-прежнему интересующая публику персона. Вроде немецкого профессора или городского сумасшедшего.

2. Добро в литературе и в жизни

Согласны ли Вы с тем, что литература изначально служит добру? Что такое добро в жизни, в объективной действительности? Что такое добро в литературе?

Как, какими средствами литература борется, может и должна бороться со злом?

Ответ: Да, литература изначально служит добру, но что такое «добро» в литературе, каждый понимает по-своему. Лично я считаю, что любое высококачественное, здравомыслящее и умное произведение полезно человечеству. И это произведение борется со злом вне зависимости от того, хочет или не хочет этого автор. Само существование литературы – это борьбы со злом.

3. Прекрасное и безобразное в жизни и литературе

Прекрасная литература и прекрасное в литературе – что это такое? Что существеннее для воспроизведения добра в литературе – содержание или форма? Может ли быть прекрасным в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни?

Ответ: Литература не может быть прекрасной или безобразной. Она либо есть, либо ее нет. Отвратительно написанное произведение – безобразно всегда, какие бы высокие цели не ставил его автор. Безобразно безобразное, как подсказывает русский язык. Прекрасное в литературе – это ум, слог, совесть, живость, юмор, доброта, отсутствие снобизма и мании «пасти народы».

4. Как соотносится современная литература и современное искусство? Какой «изм» вы употребили бы для определения состояния нынешней литературы?

Ответ: Литература – это и есть искусство, одна из ветвей искусства. А что касается «измов», то слово «идиотизм» вполне подходит для большинства произведений так называемой массовой литературы, которая соприкасается с эстрадно-музыкальной попсой, представителями которой являются телевизионные «смехачи» и наглые певцы-певицы. Это искусство, но не культура. Меня больше интересует культура, ибо все великие произведения искусства одновременно являются шедеврами культуры.

5. Смысл художественной литературы. Как литература служит познанию мира?

Какой смысл для Вас заключён в словах «художественная литература», в чём сущность, специфика и критерии художественности? Как можно понять признание великого художника слова Л.Толстого: «Художественное не могу, как не могу в игрушки играть».

ОТВЕТ: Игрушки, в которые играл Лев Толстой – это действующие и поныне модели мироздания, обращаясь к которым совершенствуется человечество. Равно как и «игрушки» Достоевского, Пушкина, Гоголя, Свифта, Петрония и др. Прямая нравственная проповедь для христианина – в Евангелии. Информация – в учебниках, энциклопедиях, справочниках. Есть пределы познания мира, и не дай Бог эти пределы перейти, ибо сказано «кто множит познание – множит скорбь». Чему мы имеет множество примеров из саморазрушительной истории прошлого и нынешнего века.

ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВ

1.1 Литература и жизнь. Правомерно ли такое сочетание этих слов и понятий?

Да, правомерно. Литература – явление внутри жизни, и сама (иногда) отражает жизнь.

1.2. С какими проблемами определения и понимания литературы связан этот вопрос?

Прежде чем ответить, следует оговориться, что под словом ЖИЗНЬ, в самом вопросе подразумевается окружающая действительность.

Если это так, то, по моему мнению, в Литературе существует 3 типа взаимодействия с окружающей действительностью:

А. Литература отражает окружающую действительность. Реализм.

Б. Литература бежит от окружающей действительности Романтизм. Фантастика и Т. П.

В. Литература совмещает в себе п. А и п. Б. На мой взгляд, наиболее талантливая литература.

Набоков. Булгаков.

1.3. Каково Ваше видение и толкование?

См. пункт 1.2.

1.4. Попробуйте конкретизировать соотношение объема и содержания понятий литературы и жизни логическими средствами.

А. Объем и содержание литературы должны соотноситься в определенной гармонической пропорции, в противном случае это уже будет не литература.

Б. Объем и содержание жизни соотносятся самым различным образом, так как жизнь разнообразна.

В. Объем и содержание литературы по отношению к жизни, всегда меньше, т. к. литература, даже самая реалистическая, всего лишь отражает жизнь.

1.5. Литература и человек в начале XXI века: как меняется роль литературы и писателя нашей эпохи?

Если меняется, то очень незначительно.

2. Добро в литературе и жизни

2.1. Согласны ли Вы с тем, что Литература изначально служит добру?

Нет, не согласен. Литература – одно из искусств. Помимо того, что в слове «искусство» присутствует искус, для занятия искусством необходимо иметь вкус. Вкус в свою очередь должен содержать полный объем, горечь, сладость, и т. д.

2.2. Что такое добро в жизни, в объективной действительности?

Учитывая условность и субъективность понятия Добро, это Свобода, Любовь, Свет, Тепло.

2.3. Что такое добро в литературе?

То же самое.

2.4. Как и какими средствами литература борется, может и должна бороться со злом? Литература не может и не должна бороться со злом. Любая попытка борьбы со злом зло умножает

3. Прекрасное и безобразное в жизни и литературе

3.1. Прекрасная литература и прекрасное в литературе – что это такое?

Прекрасная литература – не обязательно глянцева, слащавая продукция. Это подлинное мастерство, многогранность, чуткость и тонкость писателя.

Прекрасное в литературе - См. пункт 2.2.

3.2. Что существеннее для воспроизведения добра в литературе – содержание или форма?

Для воспроизведения важно содержание. Для восприятия не менее важна форма. Однако при воспроизведении, хорошо бы учитывать и восприятие.

3.3. Может ли быть прекрасным в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни?

Не может.

4. Как соотносится современная литература и современное искусство? Какой «изм» вы употребили бы для определения состояния нынешней литературы?

Современная литература и современное искусство соотносятся самым причудливым образом. Например, здание посольства Великобритании в Москве – пример проникновения литературы в архитектуру. Всевозможные «измы» присутствуют в современной литературе.

5. Смысл художественной литературы. Как литература служит познанию мира?

5.1. Какой смысл для Вас заключён в словах «художественная литература», в чём сущность, специфика и критерии художественности?

Художественная литература, в отличие, например, от справочной или учебной, должна быть:

А. Интересной

Б. Художественно оформленной. Наиболее богатое, эффективное и целесообразное применение художественных средств.

В. Необычной, новаторской (необязательно).

5.2. Как можно понять признание великого художника слова Л. Н. Толстого: «Художественное не могу, как не могу в игрушки играть».

Такую фразу я понимаю отказываясь.

Лично для меня гораздо более близок другой, не менее великий, художник слова, В. В. Набоков, который применил понятие Литература Больших Идей, т. е. литература, содержащая какие-то большие идеи, поучения, наставления и т. п., но кроме наличия оных, ничем от прочей бульварной дребедени не отличающаяся. В число адептов такой литературы Набоков включил и Л. Толстого.

Это письмо от Михаила Павловича Еремينا, профессора Литературного института, моего дяди, я получил незадолго до его смерти. После выхода книги «Харизма вологодской литературы» я ему подарил экземпляр. Он долго не отвечал, и, наконец, письмо пришло. Сказать, что Михаил Павлович - авторитет, значит, ничего не сказать. Он выше этого понятия. Русскую литературу он знал абсолютно, чуть ли не наизусть. Книга ему не понравилась, об этом он и пишет, но его взгляды, впитавшие русскую культуру, и его аргументы все равно интересны. Это взгляды человека, прожившего долгую жизнь, пришедшего к обретению мудрости.

С. Фаустов

О ХАРИЗМЕ И НЕ ТОЛЬКО

Дорогой Сережа!

Надо бы, конечно, объяснить, почему это письмо (или, точнее, его подобие) не написано месяцев пять тому назад: но, думаю, что ты поймешь это и так - без слов: сил мало, а охоты (то есть воли) к письменным делам - еще меньше. А потому - сразу к делу.

Книжку «Харизма вологодской литературы» написал очень умный человек с многими достоинствами, свойственными такой степени умности: начитанностью, сметливостью, чувством юмора весьма широкого диапазона... Но, читая ее, я спорил почти со всеми составляющими ее положениями и суждениями. И предопределено это не парадоксами стиля Сергея Фаустова, а прежде всего тем, что Сергей Фаустов очень умный человек.

Дело в том, что, начиная с петровских времен, подавляющее большинство очень умных русских людей убедило себя, что солнце всходит, конечно, на Востоке, а настоящий-то свет - только в том окошке, которое прорубил Петр, то есть на Западе. Вот сильно сокращенный список этих умников: А.Радищев, П.Чаадаев, Н.Полевой, В.Белинский, А.Герцен, М.Бакунин, Н.Чернышевский, Н.Добролюбов, Д.Писарев, Н.Михайловский, Вл. Соловьев, Г.Плеханов, В.Ленин, почти все пассажиры философских пароходов (1922 г.), П. Флоренский, А.Лосев: масштаб деятельности Сергея Фаустова пока что не тот, что у вышепоименованных, но коренная суть его убеждений та же, что и у них.

Девять из десяти наших образованцев (слово А.И. Солженицына) скажут: неплохая компания! Но если спросить каждого из них, кого они считают главными виновниками нынешних бед России, то и тут они окажутся единодушными: Ельцин (на самом деле, может быть, самый невинный из виноватых, вряд ли у кого из них мелькнет имя Горбачева (а он повиноватее Ельцина), кто-нибудь из уцелевших сидельцев назовет Сталина, а уж о Ленине (одном из главных виновников!) едва ли из них кто вспомнит - такого надо искать даже не в сотне, а в тысяче. Попал он в тот список не случайно: все они (за исключением, может быть, А.Лосева), хоть и с бранчливыми оговорками так или иначе одобрены ими - даже «попик» Флоренский (ГОЭЛРО!). И все они в подходящих случаях почтительно ссылались на Аристотеля - никто из них не осмеливался усомниться в декартовском Cogito, то есть все они с теми или иными «уточнениями» были рационалистами, то есть рассудочниками - ergo безбожниками. Твой Л. Витгенштейн - рассудочник не хуже этих всех и безбожник - только без ленинского

нахрапа. А с каким пренебрежением, сверху вниз, они все говорят о поэтах, художниках по призванию!

У нас только славянофилы и последователи Аполлона Григорьева расслышали этот двойной стандарт у Гегеля. Открыто сказать о своем презрении к немецкой метафизике осмелился только Пушкин. В сущности о том же идет речь и у Гоголя в его пророческой притче о Ките Мокиевиче и Мокии Кифовиче.

Разум - жулик. Это задолго до Чуковского сказали венские романтики. Впрочем, это верно только по отношению к разуму, забывшему о первородном грехе.

Вся философия всячески старается оправдать это забвение. Стало быть, долой Философию? Да, долой: чтобы человечество сохранило достоинство творения Господня, она должна стать богословием, смиренным (смирение есть отрицание первородного греха) богословием. Ты спросишь, куда деваться поэту?

Лучше всего спросить их самих. Величайшие из наших отвечают так:

Н.М.Карамзин. В молодости был руссоистом, а в зрелости стал верным сыном православной церкви.

В.А.Жуковский всю жизнь был верующим христианином.

А.С.Пушкин прошел мучительнейший путь от вольтерьянства к подножию Креста Честного (см. «Мирская власть»).

Ф.И.Тютчев. Не с таким напряжением, как Пушкин, но тоже с великим мирским трудом освобождался от влияния германского философизма, пока не возложил все свои упования на «ризу чистую Христа».

Н.В.Гоголь. Стоит только без философского высокомерия прочитать его ответ на «знаменитое» письмо Белинского, чтобы понять, на какой высоте христианской мудрости стоял он в последние годы своей жизни.

Ф.М.Достоевский. Весь свой гений он посвятил обличению соблазна рассудочности.

Л.Н.Толстой. К православию он, по-видимому, так и не пришел, но искания его были все-таки религиозными.

А.П.Чехов. Он немало похвал расточил культуре (то есть цивилизации) но ведь и «Студент», и «Святою ночью», и «Архиерей» написал он же.

А.А.Блок. Христос в финале его великой поэмы - это Бог, что бы ни писали большевистские толкователи и их Философские подпевалы.

Можно сказать даже: хорошо, развенчаем «науку наук», а как быть с наукой в собственном смысле? Н.Ф. Федоров - это нагляднейший пример того, что Гегель назвал «несчастливым сознанием». Полет человека в иные галактики? Заселение человеком иных миров? Генная

инженерия? Западная говядина, которую даже кошки не едят? Остается только верить, что современный ученый, подобно Симону-вольту, рано или поздно раскается.

А что касается эстетики с критикой, то ты наверно заметил, что, начиная с Платона, философы (они же и эстетики) и их выученики критики единодушно отказывают поэтам в уме (поэт сам не знает, что написал: перо умнее самого автора, не поэт создает свой язык, а, напротив, язык создает поэта). Потому-то они - от Аристотеля до наших Формалистов, «новых критиков», структуралистов всех мастей и оттенков - и предпочитают изучать технику писания, и никогда не пытались понять, что такое вдохновение и что такое личность художника как целое (психология творчества имя заела не по существу, на самом деле это - одно из ответвлений невро или точнее неврологии).

И несколько «частных» замечаний. Великих поэтов в мире не очень много; и везде, где они есть, обыкновенно один возвышается над другими великими. Он - величайший. У нас - это Пушкин. А великие? Тютчев. Лермонтов, может быть. Некрасов, Блок, может быть, Есенин. Николай Михайлович Рубцов - поэт милостию Божией, он - крупнее, значительнее, глубже многих, более, чем он прославленных: Баратынского, например, или Мандельштама; но, разумеется он - не великий. А Бродский? Когда он был гоним, мои ленинградские студенты доставляли мне все его стихи. Жалко было его, но от его стихов веяло таким же холодом, как и от стихов Сосноры или Кушнера. По отзывам специалистов, он хорошо переводил Т.Элиота - так хорошо, что по его переводам было видно: Элиот - не поэт. И это понятно: как мастера стихотворной речи, они, как сказал бы Остап Бендер, конгениальны.

Все твои разборы - как прозы, так и стихов - не заражают и не убеждают. Хорошо, что некоторые из разбираемых тобой опусов ты напечатал в приложении к своей книге, все трое, по-моему, не талантливо; какие-то сдавленные голоса, что-то похожее на горловое пение. Всем троим я бы посоветовал прочитать рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок».

Когда-то, в студенческие еще годы, я учился понимать искусство «революционно», то есть по западным шаблонам: новаторство прежде всего и во что бы то ни стало: Хлебников, Маяковский и если уж не Малевич (мне и тогда казалось, что Черный квадрат это все равно, что «Поэма конца» другого шарлатана - Василиска Гнедова), то по крайней мере, Лентулов, а еще лучше Матисс и Пикассо. В Музей Новой западной живописи ходил едва ли не чаще, чем в Третьяковку. Только после войны я стал осмеливаться замечать, что туман начал мало-помалу рассеиваться: без игры литература немислима, но в целом она - дело серьезное.

Я думаю, и Галя не обидится, прочитав это письмо. Для нее еще раз повторю: Набоков, Петрушевская, Толстая и им подобные - это что-то вроде «Пира во время чумы».

24/IX-98 Михаил Еремин

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕНКО

(«Независимая газета», «ExLibris», январь 2000г.)

ПОСЛЕДНИЙ АКЫН «ХА-ХА» ВЕКА

Год назад в январе скончался знаменитый профессор Литературного института им. Горького Михаил Павлович Еремин (1914-2000). Все - и коллеги, и студенты - звали-величали его в полном соответствии с законами русской фонетики Михал Палычем.

Приходит время долгих воспоминаний о нем, они стоят в прихожей. Но к годовщине его кончины уже

понятно, сколько с Ереминым не возвратно кануло в недоступную нам здесь вечность.

Михаил Павлович был подлинным историком русской культуры. Он знал все: от тех времен, которые прожил, а прожил он полных 85 лет (его фраза: «А я ведь помню Февральскую революцию»). И вправду помнил. Про безобразие в октябре 1917-го и говорить не хотел, только, посмеиваясь, замечал, что прототип главного героя сказки «Тараканище» - Ульянов-Ленин. С Чуковским он работал в Госиздате и знал, что говорил). Но, кажется, он знал о нашей стране и то, что уходило в общеславянские глубины. А как он умел сдирать хрестоматийный глянец, как он умел спасать литературу от глупости и пошлости!

Стиль Михаил Павлович чувствовал, как музыку (он и пел превосходно - русские романсы). Никогда не говорил «текст», только «произведение». Вышучивал, например, слово «аллюзия», хотя сам виртуозно комментировал сложнейшие сочинения, легко эти самые аллюзии вылавливая и объясняя. Будучи, повторю, по природе своей историком литературы, терпеть не мог малейшей теоретической зауми. Но нельзя сказать, что в эпоху постмодернизма старому ученому жилось неуютно. Куда интертекстуалам и дискурсивщикам было тягаться с ним, знавшим наизусть до исхода лет своих многие сотни, стихотворений?!

Слушать его лекции было удовольствием посильнее, чем читать классический детектив. Он всегда строго шел по теме. Но то и дело совершал необходимые историко-литературные отходы в сторону. При этом, даже если очередную экскурсию прерывал звонок, на следующей лекции Михаил Павлович начинал ровно от прерванного места и вскоре выводил нас на дорогу, по которой мы и шли.

Да не только лекции! Любой, казалось, случайный разговор с ним обязательно сопровождался каким-то к теме подходящим, как притча, рассказом из истории русской литературы, России старой и периода СССР. Он ведь не из одних библиотек и архивов свои знания вынес. Помимо многого другого прошел солдатом Великую Отечественную войну...

Однажды сам на себя посетовал: «Я все-таки, наверное, акын!» Но без «акына» этого едва бы приобрели свой художественный блеск многие таланты, окончившие Литературный институт во второй половине XX века. Он его называл «ха-ха век» и вот ушел вместе с ним.

ГАЛИНА ЩЕКИНА

1. Литература и жизнь

Правомерно ли такое сочетание этих слов и понятий? Каково Ваше собственное их видение и толкование? Попробуйте конкретизировать соотношение объема и содержания понятий литературы и жизни логическими средствами. Литература и человек в начале XXI века: как меняется роль литературы и писателя нашей эпохи?

Сочетание слов правомерно в том случае, когда нужно выявить между ними связь и противоречия. Литература действительно отражает жизнь, она зеркало жизни и тогда она лишь часть жизни. Но в то же время жизнь – основное содержание литературы, в этом случае литература – оболочка, а жизнь – начинка. Поэтому, на мой взгляд, связь между ними неразрывна, а вот соотношение объемов всегда разное.

В прошлом веке, например, роль литературы была очень высока. Сегодня, в начале XXI века, авторитет литературы упал. Рыночные законы способствуют распространению коммерческой литературы, а она на роль властителя дум не годится. Одновременно выросла роль человека как источника и генератора литературных идей. Если раньше общественные явления порождали то или иное явление в литературе, то теперь этот процесс индивидуализирован. Литература отражает не столько общественные процессы, сколько личный взгляд автора.

2. Добро в литературе и в жизни

Согласны ли Вы с тем, что литература изначально служит добру? Что такое добро в жизни, в объективной действительности? Что такое добро в литературе?

Как, какими средствами литература борется, может и должна бороться со злом?

Согласна. Добро в жизни – это практическое исполнение людьми христовых заповедей. Насколько они материализуются в жизни – настолько и реально добро. Но, поскольку материализуются она далеко не всегда, остается их идеал, который еще жив в

литературе. Разрыв между идеалом и реальностью всегда актуален. Есть литература, которая помогает разрушать идеалы – в таком случае она добру не служит...

Как эти вещи отражаются в моих произведениях? Просто: если основная тема – реализация таланта, то незарывание его в землю, угнетение таланта – зло («Графоманка», «Горящая рукопись»). Если тема – это любовь и вера, то предательство и неверие – это зло («Аллергия», «Арестовать в чем есть»), если привязанность к земле – это добро, то отлучение от нее – это зло («Ори-Зона»). Хотя чаще добро и зло перемешаны и трудно отделимы друг от друга – дружба, неповторимая атмосфера, единство профессиональных и личных интересов – и многолетнее пьянство («Тедиумм»).

3. Прекрасное и безобразное в жизни и литературе

Прекрасная литература и прекрасное в литературе – что это такое? Что существеннее для воспроизведения добра в литературе – содержание или форма? Может ли быть прекрасным в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни?

Прекрасное в литературе и прекрасная литература – конечно, не одно и то же.

То прекрасное, что есть в литературе – это все ее сильные стороны. Она необходима как часть общей культуры любого народа. Она хранит и передает идеалы от поколения к поколению. Наконец, литература – способ жизни, причем лучший ее способ для писателя (М. Анчаров) – как реализация дара, но, увы, не как способ существования. Для моих героев литература много значит, это способ жизни для Ларичевой в «Графоманке», для персонажей поэмы «Горящая рукопись». Литература питает людей с любым занятием, она помогает самоосознанию Тимофея Тескова («Ор»).

Прекрасная литература – это очень субъективное понятие, это то, что ценно в мировой литературе для конкретного читателя. Один считает прекрасной литературой Виктора Пелевина, другой Умберто Эко. У каждого писателя и неписателя есть своя золотая двадцатка книг, без которых он не может жить. Это для них – самая прекрасная литература. Чтобы понять это лучше, нужно каждому составить для себя золотую двадцатку – книги, которые повлияли на его жизнь, которые он никогда не разлюбит. В моей двадцатке есть Марина Цветаева, Людмила Улицкая, Михаил Анчаров, Варлам Шаламов, Ирина Полянская, Авигея Бархолоенко, Милан Кундера, Айрис Мэрдок, Уильям Фолкнер...

Да, прекрасная по своим достоинствам литература может описывать безобразное, например, это книги Артура Миллера.

4. Как соотносится современная литература и современное искусство? Какой «изм» вы употребили бы для определения состояния нынешней литературы?

Современные писатели действуют в духе всего современного искусства, которое не всегда, но часто полагается на форму в ущерб содержанию. Это

происходит от стремления потрясти читателя. Поэтому до сих пор актуален постмодернизм, расшатывающий многие традиции в литературе. А вот никаких традиций, поставим все с ног на голову. Разрушение формы – куда ни шло. В романах Н. Садура разрушена форма, но там богатое эмоциональное содержание. Необычна форма и тем более содержание романов В. Пелевина, но часто содержание не в силах заполнить предлагаемую форму.

В то же время традиционные романы Л. Улицкой по-прежнему завоевывают сердца. То же могу сказать о традиционных классических стихах Т. Бек, А. Кушнера.

Часто облик новой литературы напоминает игру – таковы многие блестящие повести Липскерова, и чем острее они, тем быстрее забыты. Слишком много «измов», много течений и направлений. Литература становится непредсказуемо разной. И в этом ее достоинство.

5. Смысл художественной литературы. Как литература служит познанию мира?

Какой смысл для Вас заключён в словах «художественная литература», в чём сущность, специфика и критерии художественности? Как можно понять признание великого художника слова Л. Толстого: «Художественное не могу, как не могу в игрушки играть».

Слова Л. Толстого я понимаю как отказ заниматься пустым украшательством текста. Полагаю, он применял обширные описания не ради них самих, а тогда, когда это работало на все произведение, усиливало общую мысль. Так, описание поля боя символизировало бессмысленность и ужас войны, мысли раненого Болконского подводили не только итог его жизни, но и раскрывали смысл жизни вообще, цветение дуба и монологи юной Ростовой утверждали торжество жизни даже при самых трагических обстоятельствах и т.д. Для меня смысл термина «художественная литература» означает письменное отображение реальности не фотографически, но при помощи художественных образов. Ведь это позволяет запечатлеть не только реалии жизни, но и внутренний мир автора, личностный его опыт.

В этом сущность литературы. Чем больше разнятся взгляды каждого автора, каждого литературного течения от общепринятых, тем более различаются критерии художественности. Попытки объединить эти взгляды всегда позитивны, ведь это позволяет расширить опыт художественного освоения мира и сделать его доступным каждому!

ЕЛЕНА ЮШКОВА

1. Литература и жизнь

Правомерно ли такое сочетание этих слов и понятий? С какими проблемами определения и понимания литературы связан этот вопрос? Каково Ваше собственное их видение и толкование? Попробуйте конкретизировать соотношение объема и содержания понятий литературы и жизни логическими средствами. Литература и человек в начале XXI века: как меняется роль литературы и писателя нашей эпохи?

Сочетание правомерно. Литература – средство познания жизни, а жизнь, в свою очередь, обогащается с помощью литературы. К сожалению, литература уходит на задворки нашей современной жизни, хотя, превращенная в визуальные искусства (кино, например, или – уж совсем грубо – комиксы), она может занять в сознании людей и достаточно важное место.

2. Добро в литературе и в жизни

Согласны ли Вы с тем, что литература изначально служит добру? Что такое добро в жизни, в объективной действительности? Что такое добро в литературе? Как, какими средствами литература борется, может и должна бороться со злом?

Литература, как и другие виды искусства, может бороться со злом только одним способом – создавая позитивные установки в душе читателя. А что такое добро – вопрос очень открытый, и чем дальше – тем больше...

3. Прекрасное и безобразное в жизни и литературе

Прекрасная литература и прекрасное в литературе - что это такое? Что существеннее для воспроизведения добра в литературе - содержание или форма? Может ли быть прекрасным в литературе реалистическое отражение безобразных проявлений жизни?

Содержания в литературе без формы быть просто не может. Даже реалистическое отражение чего-либо – это все равно форма, а у нее особые законы.

4. Как соотносится современная литература и современное искусство? Какой «изм» вы употребили бы для определения состояния нынешней литературы?

Пофигизм

5. Смысл художественной литературы. Как литература служит познанию мира?

Какой смысл для Вас заключён в словах «художественная литература», в чём сущность, специфика и критерии художественности? Как можно понять признание великого художника слова Л. Толстого: «Художественное не могу, как не могу в игрушки играть».

Смысл термина «художественная литература» в том, чтобы разграничить литературу как таковую с литературой документальной.

СЕРГЕЙ ФАУСТОВ ГИПОТЕЗА

Английский ученый Гук в 17 веке занимался опытами с грузиками и стерженьками и обнаружил, что каковы нагрузки, то есть напряжения, таковы и деформации стерженьков. Опыты были простыми, и выводы очевидными. Он решил результаты опубликовать, а главный вывод из исследований зашифровал анаграммой *ceiijnjssttuv*. Получилась статья с ребусом, загадкой. Отгадку он потом дал сам - *UT TENSIO SIC VIS* - «Каково напряжение, такова и деформация». В статье эта фраза была записана буквами в алфавитном порядке. А сделал он это потому, что считал вывод гипотетическим. Он не знал, что впоследствии такую простую фразу назовут законом Гука и постараются сделать ее недоступной пониманию.

Здесь, на мой взгляд, следует обратить внимание на ту осторожность, которая была присуща людям и вообще всему тому времени, той эпохе, которая очень опасалась ошибок, неправильностей, и все новое трижды проверялось на статус истины. Видимо, в то время возникла поговорка - «Семь раз отмерь, один отрежь». Это был период романтизма духа и истинности знаний.

Прошло двести лет.

В постиндустриальном, а точнее, информационном обществе очень трудно найти двух случайных людей с совершенно общими взглядами и мыслями, интересами и идеями. За стол садятся 10 человек и в цивилизованной форме высказывают взаимно противоречивые идеи. На этом построены разного рода ток-шоу, но не о них речь.

Речь пойдет о поэзии.

Пройдя через все «измы», поэзия дошла до последнего - постмодернизма. Как сказал А. Генис: «Постмодернизм - это фомка, открывающая любую дверь». Вообще-то говоря, говорить сегодня о постмодернизме неприлично. Не то время. И использовать слова на «измы» оканчивающиеся, тоже неприлично, потому что «изм» содержит в себе некую истину, а сейчас время гипотез.

Недавно слушал дискуссию о дезинформации в Интернете. Но дезинформация сейчас везде и повсюду, потому что гипотеза - та же деза.

Гипотеза - беспронгрышное умозаключение, потому что неподсудно.

Пришло время гипотез, разгул гипотез, вакханалия гипотез. Сегодня нет вранья, есть гипотезы.

Любое стихотворение, даже плохое - та же гипотетическая поэзия, а рецензия на него - гипотетическое доказательство этого утверждения.

Раньше природа вкладывала в умы людей общую истину и общую веру в нее. Сейчас вкладывает разные взгляды.

Они и называются гипотезами. Такова эволюция развития общества, которое, став информационным, оправдывает свое название в полной мере. Картина предстает не просто мозаичной, не просто меняющейся каждую секунду, не просто неуловимой, а вообще на грани невосприятия.

Картина сегодняшнего литературного мира невоспринимаема никем!

Картина сегодняшнего литературного мира невоспринимаема, если к рассмотрению ее подходить традиционно, с привычными мерками, стандартными нормами, требованиями. Несомненно, это верно, но... Изменилась поэтическая среда. Свобода печати дала одинаковый статус стихотворению, написанному бездарностью и стихотворению, написанному гением. Причем, бездарность считает себя в силу собственной малообразованности гипотетическим гением.

Интернет дает тот же статус обоим - и бездарности, и гению. Я обозначил диапазон возможностей, имея в виду, что подавляющую часть составляют «мастера стихотворного дела», по выражению Михаила Еремина, известного профессора Литинститута.

Выше я говорил, что картина невоспринимаема. Но если не вдаваться в частности, в детали, если дистанцироваться во времени, уйти на расстояние, не замечать фамилий авторов, имен, регалий, если читать вновь появляющиеся стихи непрерывно в течение нескольких часов или дней, умело вскочив на подножку проносающегося «поезда в огне» вдохновения, выровняв скорости прочтения со скоростью написания, вдруг обнаруживаешь... Вдруг обнаруживаешь, что литература совсем не та. Литература, оказывается, совсем другая.

Оказывается, это не нагромождение бесформенных творений, не хаос, а стройная и ясная, чистая картина, на которой отчетливо видна даль, перспектива, скрижали добра и зла, краеугольные камни заповедей. Это 3D-эффект, Magic Eye, «третий глаз», аналог известных альбомных картинок, на которых образы появляются сквозь хаос линий и пятен.

Появление новой линии или пятна не портит картину, а наоборот, вместе с новыми появляющимися, усиливает четкость и прозрачность. Странно, но это так - чем больше их, тем резче и прозрачнее, яснее и объемнее.

Представляю себе, что все поэты, все только что написавшие стихотворение, читают его вслух, и я каждого слышу. Я слышу белый шум слитых воедино мужских и женских голосов, я слышу голос стихии, подобной морю.

И шум меня тревожит, и чувствую я себя новым романтиком, и видится мне вдали моря одинокий парус, всмотревшись в который, узнаю, что он и белый, и алый, и пиратский, и голографический одновременно.

И я спокоен.

О ПОЭТАХ, ПОЭЗИИ, ХАРИЗМЕ И ОПТИМИЗМЕ

Беседа Павла Самсонова с Сергеем Фаустовым (Журнал «Круги»)

Предисловие №1

Спешу поделиться с нашими читателями маленькой радостью. Теперь на страницу журнала «Круги» можно попасть непосредственно с главной страницы сайта, воспользовавшись ссылкой, размещённой под рубрикой «Автор дня».

Надеюсь, что в скором времени рядом со ссылкой на наш журнал появятся другие.

Больше журналов, хороших и разных! Мы - за здоровую конкуренцию!

Журнал «Круги» всё равно всегда будет первым.

Предисловие №2

Во главе списка статей, опубликованных в ноябре, стоит Анкета ноября. Я приглашаю читателей журнала присоединиться к читателям, уже ответившим на её вопросы. Так, между прочим, пишется история.

Предисловие №3

Сергей Фаустов для меня - человек-загадка. Да, знаю, что он пишет литературные и критические статьи, вроде бы занимается преподаванием, живёт в Вологде... Настоящая фамилия? Казалось бы, чего проще - взять и спросить его самого - Сергей, кто Вы? Но в виртуальном общении есть своя прелесть. Пусть будет Фаустов. Да хоть Мефистофелев! Потому что чаще всего мне совершенно не хочется знать, чем мой собеседник занимается в реальной жизни, ведь гораздо интересней узнать его мысли. А Сергей Фаустов умеет мыслить нестандартно. Я предлагаю читателям текст своей беседы с ним, сделанной в конце октября. Уверен, что у вас возникнет немало вопросов к Сергею (возможно и ко мне) в конце чтения. А потому - милости просим, спрашивайте, дамы и господа!

Павел Самсонов, редактор журнала «Круги»

П.С.

Я как-то недавно составил для себя список двадцати величайших русских поэтов (вслух мы отрицаем всякие рейтинги, но запрещённый самим собой плод сладок вдвойне). Вы знаете, более 50% из них оказались по происхождению не совсем русскими. И тогда я задумался вот над чем: на развитие русской поэзии, как и поэзии вообще, оказали в своё время немалое влияние древнеримские и древнегреческие поэты, всякие там Овидий, Софокл или Лукреций, позднее - Гёте, Шекспир, Шиллер, Байрон, Гейне, Бодлер, Верлен, Рэмбо... с Запада пришли символизм, футуризм, авангардизм... то есть, русская поэзия никогда не являлась «чисто русским проектом». На мой, естественно, субъективный взгляд.

А на Ваш субъективный взгляд, что такое русская поэзия и что такого особенного есть (если есть) в русском поэте?

С. Ф.

Мой сын, учась в 9 классе, писал сочинение о «Горе от ума». Он у меня спрашивал совета, я ему говорил, что Чацкий, как образованный человек ездил в Европу, знал обо всех научных открытиях, которые в 20-х годах XIX века происходили, поэтому он настоящий герой на фоне всех остальных антигероев пьесы. После про-

верки учительницей сочинений сын сказал, что все в классе вместе с ней обсмеяли его по этому поводу - никакой Европы в путешествиях Чацкого не было и не надо было впутывать сюда какую-то науку. Так как у меня это был экспромт, то я подумал, что получился прокол. Но мысль несколько дней не давала покоя, и я решил выяснить, был ли все-таки Чацкий в Европе или нет. Слишком уж большой разрыв между Чацким и московским болотом того времени. Ведь в то время начался век паровых машин (Джеймс Уатт), электричества и магнетизма (Фарадей), новой экономики (А. Смит). Пушкин знал обо всем этом. Чацкий, тоже зная об этом, уже был другим человеком, с иной ментальностью, и был обречен на непонимание и провал в московской среде. Горе не в том, что он просто умен, а в том, что он уже мыслит другими категориями, другими межличностными отношениями, которые диктовала технология. Он получил европейскую прививку образованности и культуры. Должны же быть какие-то намеки в тексте; и я начал было читать пьесу, но мне не пришлось ее перечитывать. Открыв том «всемирки» на 808 странице, в комментариях, я увидел написанное черным по белому: Чацкий «ездил в Европу и затем вернулся в Москву».

Когда говорят, что русская литература 19 века существует сама по себе, как чисто национальное достояние, этому верить невозможно. Русская литература развивалась вместе со всеми: английскими инженерами, обеспечившими промышленную революцию, французскими физиками, немецкими химиками и математиками. Для меня это интересный исследовательский материал - вычитать в русской классической литературе предвестники последующих научных открытий. То, что они там есть, в этом можно не сомневаться.

Искусство и литература идут чуть-чуть впереди науки. Технология научной работы медленнее искры Божьей. Научная работа требует доказательств, а метафора нет. Поэтому новое знание быстрее появляется в литературном журнале, чем в научной статье. Русская литература - феномен той же природы, что британская промышленность и техника, они параллельны и неотделимы друг от друга. Бог дал возможность людям проявлять свои таланты, и не наказывал их ни войнами, ни катастрофами, ни бедствиями. Романтики начала 19 века остроумно говорили о провидении: «если наша жизнь есть сон, то есть кто-то, кому он снится...».

Россия проявила себя в литературе. Таков ее главный вклад в цивилизацию и культуру в ее широком понимании. Вашу фразу «...русская поэзия никогда не являлась «чисто русским проектом» я продолжу - потому что она была частью «общего проекта» Бога в 19 веке. Именно, повторяю, часть общего проекта.

На вторую часть вопроса, что есть особенного в русском поэте, я отвечу так. Особенность эта обусловлена добротностью и традиционно высоким качеством, уровнем, глубиной, психологизмом, лиричностью, выразительностью и так далее. Всегда привлекает мое внимание лондонский Пушкинский фестиваль, на котором поэты со всего мира представляют на конкурс свои стихи, посвященные какой-нибудь пушкинской строке об Англии. Вот где проявление традиции и новаторства одновременно! Очень интересная поэзия. В этом смыс-

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ле русскую поэзию надо развивать так, чтобы это был непрерывный всемирный фестиваль. Интернет дает такую возможность, и мы к этому сейчас подошли вплотную. И сам собой всплывает ответ: русский поэт - это участник праздника русской поэзии.

П.С.

Кстати, о Чацком. А не кажется ли Вам, что за прошедшие без малого двести лет ничего не изменилось? Сейчас люди с иной, назовём её «западной», ментальностью не обречены на провал (не о бизнесе речь, разумеется) в России, особенно, когда речь идёт о провинции? Мне, например, кажется, что российская ментальность непобедима.

С.Ф.

Обречены, на провал. Сейчас в России, особенно в провинции, негласно очень распространена известная поговорка: «Если такой умный, почему ты такой бедный?» Негласно, потому что никто ее не «озвучивает», но так поневоле думают. Когда такая мысль приходит в голову энергичным молодым людям, их никакая сила не заставит остаться в Вологде. они рвутся в Москву и там себя находят. Таковы Даня Файзов, Дима Гасин, Ната Сучкова. Поэтому действительно, «российская ментальность непобедима», как в случае с Чацким, так и в случае с Обломовым. Тут еще много других «слушаев» - и Акакий Акакиевич, и Тихон, и Молчалин, и... всех не перечить. Вся русская ментальность в русской литературе, и даже 73-х летний социальный и общественный эксперимент не смог ее убить, так что можно быть спокойным.

П.С.

Вы сказали: «...русская поэзия никогда не являлась чисто русским проектом»... потому что она была частью «общего проекта» Бога в 19 веке». В контексте 19 века, на мой взгляд, нужно говорить, прежде всего, о феномене русской прозы. О Гоголе, Толстом, Достоевском, Чехове, Тургеневе. Поэзия 19 века в России вряд ли достигла таких же вершин в мировом масштабе. Даже рассматривая литературное наследие стоящего особняком Пушкина, мы скорее отметим не его лирику, а драматические произведения, «Евгения», прозу. Что уж говорить о западных интеллектуалах. Тогда как именно на век двадцатый пришёлся подлинный расцвет русской поэзии.

Так какие виды на Россию были у «Главного менеджера» в 20 веке?

С.Ф.

Есть такое слово «синергетика». Синхронный - это значит одновременный, а синергетический - «одно-энергетический», то есть одна энергетика питает разные явления, общество, природу, человека. Единая энергия волнуется, как море, со своими периодическими впадинами и гребнями. Вот в 20 веке только самое начало века, belle epoque, и 60-е годы, они дали передышку цивилизации, когда можно было спокойно и плодотворно прожить, а остальные десятилетия были катастрофичны. И нынешнее десятилетие тоже. России и Германии пришлось хуже всех. Да, Польша еще, между молотом и наковальней. Помните, польский детектив, польская фантастика, фильмы Анджея Вайды, смятая, истерзанная Польша вдруг воспряла высоким духовным накалом национального самоопределения и куль-

турной независимости. Для Германии пример - мой любимый Томас Манн, который в самые ужасные со- роковые годы написал свои лучшие романы. Какая-то закономерность проявляется, когда гении возникают «благодаря», и когда гении возникают «вопреки». В девятнадцатом веке - благодаря, а в двадцатом - вопреки. Если существует эта закономерность, то в прошлом веке России была уготована судьба быть родиной великих поэтов.

П.С.

Вы, говоря о русском поэте, отмечаете, что его особенность «обусловлена добротностью и традиционно высоким качеством, уровнем, глубиной, психологизмом, лиричностью, выразительностью...». Но, скорее всего, то же самое можно сказать и о нерусских поэтах. Что, Мицкевич, Петёфи или Лорка не отличались лиричностью, выразительностью, глубиной, психологизмом и т.д.? Я бы сказал, что всё Вами перечисленное является вообще особенностью поэта. Но русского поэта от «вообще поэта» хоть что-то отличает?

Мандельштам, например, будучи совсем юным, писал:

В непринужденности творящего обмена
Суровость Тютчева с ребячеством Верлэна
Скажите, кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?
А русскому стиху так свойственно величие,
Где вешний поцелуй и шибетанье птичье.

Я упрощу задачу. Кого скорей можно назвать русским поэтом. Блока или Есенина? Клюева или Мандельштама? Заболоцкого или Бунина? Цветаеву или Ходасевича? Твардовского или Пастернака? Вознесенского или Кибирова? Бродского или Рубцова? Может быть, ответив на этот вопрос, мы и выясним, в чём состоит «исключительная особенность» русского поэта?

С.Ф.

Вопрос для меня трудный. Я не знаю готового ответа. Давайте для начала я процитирую моего дядю, Михаила Павловича Еремина, профессора Литературного института, известного и любимого многими поколениями писателей. Он умер в 2000 году, и в некрологе в одной из газет его назвали «акыном XX века». Я цитирую фрагмент из личного письма, которое он мне написал после прочтения моей «Харизмы вологодской литературы» незадолго до смерти. Книга ему не понравилась, и он пишет:

«... Разум - жулик. Это задолго до Чуковского сказали венские романтики. Впрочем, это верно только по отношению к разуму, забывшему о первородном грехе. Вся философия всячески старается оправдать это забвение. Стало быть, долой философию? Да, долой: чтобы человечество сохранило достоинство творения Господня, она должна стать богословием, смиренным (смирение есть отрицание первородного греха) богословием. Ты спросишь, куда деваться поэту?»

Лучше всего спросить их самих. (Далее цитируется письмо М.П. Еремина см. стр 10)

Вот еще один фрагмент.

«Великих поэтов в мире не очень много; и везде, где они есть, обыкновенно один возвышается над другими великими. Он - величайший. У нас - это Пушкин. А великие? Тютчев, Лермонтов, может быть, Некрасов. Блок, может быть, Есенин. Николай Михайлович Рубцов - поэт милостию Божией, он - крупнее, значительнее, глубже многих, более, чем он прославленных: Баратынского, например, или Мандельштама; но, разу-

1369321

меется он - не великий. А Бродский? Когда он был гоним, мои ленинградские студенты доставляли мне все его стихи. Жалко было его, но от его стихов веяло таким же холодом, как и от стихов Сосноры или Кушнера. По отзывам специалистов, он хорошо переводил Т.Элиота - так хорошо, что по его переводам было видно: Элиот - не поэт. И это понятно: как мастера стихотворной речи, они, как сказал бы Остап Бендер, конгениальны».

Павел, я думаю, что приведение этих по сути готовых ответов на Ваши вопросы, показывает их правомерность. В приведенной выше иерархии, видимо, Вознесенскому и Кибинову вообще нет места, они даже не «мастера стихотворной речи».

Что же касается меня, то вопросы ставят меня в тупик. «Разум-жулик» даже не хочет задумываться над поиском ответов на них.

Я по своей природе эволюционист, и считаю, что русская идея не может бытовать отдельно, она все равно часть целого.

С другой стороны, сугубая русскость, вот та самая сердцевина, до которой Вы хотите докопаться, не лежит на поверхности, ее нужно извлекать (как это делали и М. П. Еремин, или Борис Парамонов, скажем), но я никогда этим не занимался, а импровизировать не хочу, у меня просто компетенции не хватает. Или интереса к этим вопросам, они мне кажутся неправильно поставленными вопросами...

П.С.

Вернусь ещё к одной цитате из Вашего ответа: «русский поэт - это участник праздника русской поэзии».

Если наше с Вами время и можно назвать праздником, то, сдаётся мне, не русской поэзии, а уж русский поэт наверняка - чужой на этом празднике жизни. Или у Вас есть основания для оптимизма?

С.Ф.

Среди многих веселых праздников есть один особый, он называется «пир во время чумы». Нынешний праздник русской поэзии именно таков. Свистопляска, вакханалия, ерничество, скоморошество, цинизм, дремучесть, бескультурие, безграмотность, недотепство, бесталанность, необразованность, засилье мата, эротики, примитивизма. Но поэты здесь ни при чем. Общество одинаково не слышит ни самых убогих, ни самых талантливых. У общества нынче нет такого свойства, способности под названием - услышать, или прочесть. Общество не дает знака о том, кого оно слышит, поэтому поэты пишут только для себя. «Прочти меня, как я тебя» - формула их взаимоотношений.

П.С.

Не знаю, как у Вас, но у меня есть предчувствие, что период вакханалии заканчивается. Я вижу, насколько велика среди сегодняшней постсоветской молодежи тяга к образованию. Несмотря на повсеместное нашествие масскультуры, молодые люди читают (что уже здорово) и читают хорошую литературу. Среди них много людей открытых, незащищенных, умных. Стремление ли выбрать «из грязи в князи» ими руководит, крепость ли старых традиций, что-то иное, не в этом, наверное, суть. Сужу по Киеву и Одессе, где я бываю чаще, по Москве, где я был совсем недавно.

А что в провинции? Неужели-таки болото? Неужели надо бежать?

С.Ф.

Дураков слишком много. Наверное, их везде много, но я больше всего сталкиваюсь с дураками провинци-

альными. От дураков польза великая - они показывают новому поколению, как не надо жить. Дети не будут жить, как их родители. Лет через 10 - 15 в России будет совершенно новое поколение, родившихся в результате нынешнего бума, и это будет интересно. Вот на то поколение у меня надежды есть. А на нынешних молодых пока нет. Но ведь время быстро пролетит.

П.С.

Вы, если меня не подводит информация, известный в своих краях литературный критик, я, правда, читал Вашу публикацию и в одном из толстых журналов («Октябрь», кажется?), но это, видимо, исключение из правил (поправьте, если я ошибаюсь). И Вы, кажется, первым заговорили о вологодском поэтическом феномене, точнее, Вы произнесли слово харизма, но мне захотелось от полутонов перейти к более буйным краскам. Скажите, есть на то основания?

С.Ф.

Я бы не сказал, что я известный в своих краях литературный критик. В местных изданиях я давно не публикуюсь (у нас взаимная неприязнь), а в каких-то московских изданиях за год две-три публикации бывает.

Действительно, в «Октябре» были опубликованы фрагменты из книги «Харизма вологодской литературы». Эту книгу я писал в 1997 году. Там были просто статьи критического характера о молодых поэтах, о новой литературе, которую никто не хотел замечать. Дело в том, что в Вологде исторически сложилась мощная литературная школа. Писательская организация была создана еще А. Яшиным, в которую потом вошли все живущие в Вологде литераторы, среди них и В. Белов, С. Викулов, О. Фокина, Н. Рубцов, В. Астафьев и многие другие. Писатели были гордостью тогдашнего Обкома КПСС - «вот какие у нас писатели, мы привечаем их, даем лучшие квартиры в лучших домах - и никаких диссидентов!».

Около 10 лет назад, в середине 90-х, я решил показать, что да, хорошо, есть такая литература, но есть и другая, смотрите, вот талантливые совсем молодые поэты и прозаики, их тоже надо привечать, читать, выпускать их книги, развивать, помогать! Не им помогать, а литературе. У меня были тогда еще наивные представления. Однако общественные представления сложились так, что литература есть только та, которую одобрит В. Белов. Более того, сегодня сложилась прямо-таки бетонная и непрошибаемая «литературная» триединая структура: «власть-писатели-церковь». Власть дает писателям премии, писатели ни шагу от церкви («литература - как вера в Бога»), церковь во всем поддерживает власть. Так только в Вологде!

Так что сегодня говорить о какой-то харизме и неприлично, и иронично. Поэтому, отвечая на Ваш, Павел, вопрос, говорю - может быть, раньше и были основания говорить о литературном феномене Вологды, во всяком случае, на нем можно было настаивать, как это делал я, но сегодня нет предмета разговора.

И вот почему. Молодежная поэзия никуда не делась, она есть, число людей пишущих огромно. Сегодня люди, особенно молодые, очень подвижны. Едва они заявили о себе, как уже куда-то уехали - в Москву, в Питер, Ярославль. В «Харизме» я много писал о воложанке Нате Сучковой, как оказалось, не зря - только что вдобавок к своим многим титулам она стала «Королевой поэзии - 2005» в Коктебеле. А последние 5 лет она живет в Москве.

Картина типична. И очень хорошо. Так что «Харизма» закрыта, региональный фактор закрыт, нет мест-

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ных флюктуаций и образований, средоточий талантов, а есть история, традиции и есть современность, the poets of nowadays, привязанные не к месту обитания, а ко времени.

П.С.

Получается, 10 лет назад феномен был, а сейчас вдруг нет. Если есть признаки какого-то серьезного явления, оно не может исчезнуть бесследно, да ещё так скоро. Может, его и не было? Или, может, наоборот, всё не так серьёзно и фонтан по-прежнему бьёт?

С другой стороны, отчего речь идёт о вологодской харизме, вон на Смоленщине были в своё время Исаковский, Твардовский, Рыленков, вспоминаю первое, что пришло в голову, с таким же успехом можно что-то вспомнить и про Орёл, Псков, Воронеж... Но мне почему-то хочется поверить именно в Вашу теорию, сужу хотя бы по Стихире. Вологодское представительство здесь более, чем внушительно. Представительство не только количественное, но и качественное.

Может, и этот факт свидетельствует о Вашей правоте?

С.Ф.

Я рад тому, что успел, не опоздал обозначить «вологодскую харизму». Но теперь она ушла в историю. Мы с Татьяной Тайгановой живем не так далеко друг от друга, но встречаемся не чаще раза в год. Свои проекты у каждого. У каждого свои способы самовыражения. Сейчас можно было бы говорить об «киркутской харизме», о «смоленской харизме», и так далее. Или вообще не говорить. Представьте, «харизма московской литературы». Это уже на грани прикола.

Я не говорю, что литература умерла, или в упадке. Есть очень талантливые поэты. Например, Илья Тюрин, живший в Москве. Но общество, оно в переходном режиме, когда экстремальный индивидуализм каждого отталкивает всех друг от друга, и в лучшем случае поэт найдет себе лишь несколько десятков поклонников. У качественного фактора нет количественного подтверждения, а без этого невозможно явление.

П.С.

А что можно изменить? Вы лично видите какие-то реальные способы изменить обстановку? Или стоит

смириться и ждать, что само как-то образуется?

С.Ф.

Не так давно я ехал в такси, и по радио передавали советскую песню: «Человеку много ль надо? Чтоб в природе был порядок».

Из-за таких песен Советский Союз и рухнул.

Людвиг Больцман в свое время сформулировал не какой-то там домысел, гипотезу, а закон природы, второй закон термодинамики: «Природа стремится от состояний менее вероятных к состояниям более вероятным».

То есть природа стремится к увеличению степени неупорядоченности как наиболее вероятному состоянию. Поразительно, но подавляющее большинство современных политиков, глав государств, даже супердержав, этого не знают!

Прошу прощения за следующую фразу, но я действительно не знаю, как ее лучше выразить: парадокс в том, что уменьшение вероятности упорядочивания сопровождается ростом вероятности невероятного!

У России шанс есть, есть признаки, присущие такому скачку, трансформации, фазовому переходу, революции, можно назвать как угодно. Ясно одно - революция не романтико-эмоциональная и насильственно-принудительная, как в октябре 1917 года, а интеллектуальная, совершаемая работой мозга каждого человека, и лучше вообще без всякого участия гос -, дум -, и тому подобных структур. Людям надо меньше думать о власти.

Признаки, обеспечивающие возможность России быстрого скачка вперед, следующие: демо - и инфо - бумы, экономическая свобода и предпринимательская активность, питаемая низкими налогами, и сопутствующая всему этому законодательная поддержка. Все это у России есть.

Поддержка степени неупорядоченности сегодня - категорический императив развития и движения общества к комфортной и счастливой жизни.

Под неупорядоченностью мыслится жизненное кредо эгоиста - делай лучше себе и будет лучше другим.

Что же касается русской поэзии, то из-за роста вероятности невероятного, появление русского гения очень возможно. Пока же его нет, поэтому мы обжигаем глаголом не сердца людей, а свои собственные.

Михаил ЖУРАВЛИН ДЕТАЛЬ, КОМПОЗИЦИЯ И СЮЖЕТ рассказов Чехова «Скрипка Ротшильда» и «Студент»

«Краткость - сестра таланта» - этой знаменитой чеховской фразе жизнь вечная. И в ней весь Чехов!

«Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант - человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще». Так характеризовал Антон Павлович своего героя в рассказе «Припадок». И так же смело можно охарактеризовать самого Чехова. И только поэтому ему удалось создать в русской литературе картину трагикомедии человеческого бытия в мире призрачных ценностей, забот и безделья. Угол зрения на действительность у Чехова все равно, что две диаметрально противоположные величины - мнимые духовные ценности и ценности истинные, проникновение их в быт, и последствия...

С точки зрения формы Чехов внешне весьма и весьма традиционен. Почти всегда краткая, довольно ясная, без выкрутасов, экспозиция; несколько скупых строк и описание места, времени, погоды природы закончено. Комментарии и авторская оценка действий и реплик персонажей - как в пьесах - минимальны. Чехов редко использовал «авторское балагурство» в «зрелом» возрасте (писательском, естественно), а к «мудрости» отказался от него вообще: текст от автора предельно скуп и эмоционально сдержан.

Еще об одном из принципов своих рассказов Антон Павлович в шуточной форме сказал так: «Каждое действие я оканчиваю, как рассказы, все действие веду тихо, мирно, а в конце даю зрителю по морде.» - 1889 год, при работе над пьесой «Иванов». И уж наверняка каждый школьник знает «про ружье, которое должно выстрелить.»

Критиков иногда сбивала с толку тональность чеховских рассказов, отсутствие в них горькой иронии Гоголя, испепеляющего сарказма Салтыкова-Щедрина. Чехов запросто может писать о явлениях ужасных неимоверно сдержанно, не выдавая своего негодования. Позже это отнесли на счет уверенности писателя в незыблемости подлинных человеческих

ценностей. Работая в рамках избранной им художественной условности, подразумевающей сведение человеческой психики к немногим исследуемым чертам, Чехов не забывал и о реальной сложности человека. Композиция и внешняя сюжетная линия «Скрипки Ротшильда» довольно просты, можно сказать - примитивны, без претензий. Живет себе в маленьком городишке Яков Иванов по кличке Бронза, столяр, гробовых дел мастер. Кроме того, он очень недурно играет на скрипке - его даже приглашают в еврейский ансамбль иногда... А там он возненавидел Ротшильда, который даже самое веселое умудрялся играть жалобно.

У Якова заболела и скончалась жена. И тут он задумался: за всю жизнь он ни разу не приласкал ее, платочка не подарил самого дешевого, а она ведь стирала, готовила, спала с ним и никогда не перечила. Он не мог даже вспомнить, что у них лет 50 назад родилась белокурая дочка, но умерла... Он в свою книжницу занес: «Марфе Ивановой гроб - 2р.40к.»

Возвращаясь с кладбища, затосковал, не захотелось в пустую избу, а тут еще Ротшильд. Яков едва его не пришиб. А потом на берегу речки раздумался: всю жизнь за 50 лет не был на речке, а может, и был, но внимания не обращал. Вспомнил и дочку, А ведь раньше одни убытки на уме были, только и делал, что считал их. «Почему человек не может жить так, чтобы не было этих потерь и убытков?... Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? ... Для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? Зачем люди мешают друг другу жить? Ведь от этого убытки!»

Назавтра к заболевшему Якову пришел Ротшильд с приглашением поиграть на торжестве, а Яков сидел на крыльчке и играл на скрипке. Ротшильд слушал, слушал и выражение лица его стало скорбным и страдальческим, и слезы закапали на зеленый сюртук.

Скрипку он завещая Ротшильду.

Важен в «Скрипке» сюжет внутренний!

Я нем Чехов приподнимает Бронзу, доводит его до философских размышлений. И ведь получается - не напрасно жил человек! Мелодию его предсмертную исполняет теперь Ротшльд, и нравится она людям, просят исполнить по десяти раз кряду. Понятно, что вопросы, которые сам себе задавал Яков, остались без ответа, но Чехов и предлагает читателю ответить на них самому.

Ярких и емких деталей в рассказе я увидел несколько: запомнилось, явно представилось лицо Ротшильда -...рыжий тощий жид с целой сетью красных и синих жилок на лице... который даже самое веселое умудрялся играть жалобно.

«И она глядела в потолок и шевелила губами, и выражение лица у нее было счастливое, точно она видела смерть, свою, избавительницу, и шепталась с ней.» Вид жены так потряс Якова, что он вспомнил, что не приласкал ее ни разу, и даже решился на

«убыток» - повез ее к доктору и ругался с тем, требуя банок или пьавок!

«... А она сидела на табурете сгорбившись и, тощая, остроногая, с открытым ртом, походила в профиль на птицу, которой хочется пить». Чехову хватило ОДНОГО предложения, чтоб показать как НАРИСОВАТЬ предсмертное состояние старухи!

«Прощаясь в последний раз с Марфой, он гроб потрогал рукой и подумал: «Хорошая работа!» У меня просто нет слов и комментариев!»

«Он ворочался с боку на бок и пять раз вставал с постели, чтобы поиграть на скрипке.» Яков, бывало, спал рядом со скрипкой по пьянке, но здесь другое,

здесь ДЕТАЛЬ, на мой взгляд, конечно, несколько иного рода, она как бы преподносит самую суть перерождения человека и одновременно страшной человеческой тоски. Бронза ведь и умирает от осознания!

«Не жалко было умирать, но как только дома он увидел скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко». Здесь тоже зримо передана суть человеческая. Не помню где именно, но вычитал я, что Антон Павлович самым любимым из своих рассказов для себя считал «Студента». Тогда-то, году в 80 примерно, я и прочел этого «Студента», прочел вроде внимательно и дважды, но, говоря честно, так и не понял, почему и за что Чехов называет его любимым.

Ничего особенного: идет студент домой к папемаме, где голодно и холодно, и ему туда неохота. Поговорил по дороге с бабкой, рассказал ей притчу о Христе, Иуде и Петре, бабка поплакала, а студент пошел дальше. И вдруг понял из-за бабкиных слез связь прошлого с настоящим, настоящего с будущим. Очень обрадовался. А зашагал - ноги

сами понесли!

Ну да - примерно так, как и в «Ротшильде», есть МОМЕНТ открытия. И все! Мне и сегодня «Скрипка Ротшильда» ближе и интереснее. На мой взгляд, в ней все более глубинно. Если я верно понимаю, и если понимаю хоть что-нибудь!

Деталей в «Студенте» я обнаружил лишь две, и то если можно их назвать деталями.

«...Деревенская баба, забитая мужем, только щурилась на студента и молчала, и выражение у нее было странное, как у глухонемой. Считаю это важной деталью, потому что приходилось работать с глухонемыми. Там бывают довольно интересные и странные выражения лиц.

«...И выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает головную боль». Тоже доводилось видеть, как человек замирает, напрягается, как бы прислушиваясь и одновременно подавляя эту боль головную...

И снова Жаравин

В декабре 2005 года исполнилось десять лет со дня смерти вологодского писателя Михаила Жаравина – он ушел молодым, в 36 лет. В 1998 вышла посмертная книга «Сердечная рана». Памяти писателя посвящен и выход книги «Михаил Жаравин крупным планом» (издательство «Свеча»), в которой собраны статьи и отклики на его творчество. «Крупным планом» - значит, рассматривая близко-близко. Освоение написанного Жаравиным продолжается. Его читают разные люди, размышляют о прочитанном.

Появляются новые попытки оценить его наследие. Иногда это бережный разбор по полочкам – «Пейзаж в произведениях Жаравина» Е. Смирновой или «Стилистика рассказа «Морозко» Н. Сучковой, иногда это ценные документальные хроники, воспоминания его товарищей Саши Алексеева и Андрея Лопухина – они особенно дороги, поскольку их немного, иногда настоящий эмоциональный взрыв, после которого появляется новое яркое произведение – «Прощание, скользящее с листа» Валерия Анохина, эссе известного череповецкого критика. Среди авторов книги люди разного возраста – и школьники, и учителя, и рабочие, и литераторы.

Однажды в центральной городской библиотеке прошел конкурс сочинений на тему «Сердечная рана» - лучшие сочинения вошли в эту книгу. Совсем недавно появились и новые материалы – это дипломный проект выпускницы филфака Ольги Шопыревой «Лирика М. Жаравина» и статья Дмитрия Ермакова «Сжатое время Жаравина», где отражено его выступление на семинаре по современной литературе в Хельсинки.

В книге «Михаил Жаравин крупным планом» помещены прекрасные рисунки Надежды Черкасовой на тему рассказов Жаравина, которые не успели попасть в «Сердечную рану».

Материалы собирали многие, в том числе подборку стихов поэта сохранила в своем архиве Лариса Новолодская, толстую пачку стихов обнаружил в архивах писателя его брат Николай Жаравин. Отклики и статьи настроят вас на удивительный лад, и вы новыми глазами увидите даже ранние жаравинские тексты. Уходи, горечь и горе, оставайся, нежная грусть. Читайте. Вы такого еще не читали... (От редакции).

АВИГЕЯ БАРХОЛЕНКО

(Вологда)

ОБЩЕНИЕ С СОВЕСТЬЮ

Человек хочет общения. Не находя искомого ни в себе, ни во встречаемых людях, он берется за книгу. И книга некоторое время назад действительно была собеседником. К сожалению, сейчас-то этого утверждать нельзя. Диалог оборван: писатели пишут - читатели их не читают. А те, кто читают, достойны, возможно, сожаления. Мы - свидетели духовной трагедии народа: какой мир входит в читателя и какими читательскими эмоциями мир пополняется. Ибо слово, безусловно, воздействует. Оно является ключом к открытию эмоций и совершению или, наоборот, несовершению действия. Оно может остановить или подтолкнуть.

Художественная литература магична. Она убеждает, вводит в резонанс, гипнотизирует. Художественная литература - род *заговора*, доброго или злого, *плача* или *молитвы*. Мы смеемся, негодуем, любим, подражаем. Слово нас обучает и программирует. Это обучение идет с момента рождения - чтобы человек оптимально действовал. Оптимально - чтобы он сохранял свою жизнь, свое здоровье и жизнь и здоровье окружающего мира. Это минимум. Максимум - чтобы он что-то улучшил, ничему не навредив.

Заканчивая школы и университеты, многие склонны продолжить *наполнение через художественную литературу*.

В идеале художественное произведение должно *методом соучастия читателя или зрителя* в предлагаемых событиях анализировать реальность и исследовать алгоритмы решений встающих проблем.

Для этого необходимо, по крайней мере, наличие в произведении следующих составных:

- реальности;
- проблемы;
- решения.

Требования реальности меряется не только коровой в сарае, разумеется.

Например, фантастика двадцатилетней давности, как и полагается, пользовалась *условной реальностью*, в

которую помещаются *человеческие законы*. В результате этот, для многих несерьезный жанр подготовил человека к спокойному восприятию иных форм жизни и разума, и тем самым вложил неоцененный вклад в расширение здорового человеческого сознания. Позднее количественное разрастание этого жанра обернулось отрицательным качеством наращивания произвольных ужасов и космической пошлости.

Проблемы: Что побуждает писателя писать? Сложнейший вопрос. Нет времени проанализировать его полно. Но произведения, созданные с целью *наживы*, получения известности, самоутверждения, подражания, удовлетворения нездоровых пристрастий, а также по причине глупости следовало бы лишить гражданства. Если бы мы предложили авторам издавать свои произведения анонимно, нам удалось бы сохранить немало материальных и духовных ресурсов. Даже калек было бы меньше.

Эпос, сказки. Ни имени, ни платы, а читаем до сих пор.

Соседка в *Марьинском* - "Надоело. Любовь, любовь! А еще-то они что-нибудь умеют?"

Я привела неисчерпывающий перечень недопустимых побуждений, толкающих к созданию якобы художественных произведений. В общем-то эти побуждения очевидны. Значительно сложнее определить свойства, которыми должен обладать писатель, чтобы не впасть в грех гордыни или разрушения.

Если рассматривать Книгу как явление только современное, качества эти определить невозможно. Если кто-то скажет, что писателем должна двигать любовь к человеку, то необходимо найти определение понятия "любовь" и ответить на вопрос: к какому человеку? любовь к деспоту, любовь к сироте, любовь к экстремисту, любовь к извращенцу, любовь к дураку?

Или пусть писателем двигает стремление к истине. Опять: к какой истине? Что есть *истина сегодня*? Сегодня, когда подаем нищему, а он миллионер, когда видим обман и соглашаемся, когда верим, если нам врут, и возмущаемся, если слышим правду. Не договорившись о терминах, мы лишаемся возможности понимать друг друга.

Нам это трудно не только из-за спутанного времени, но по причине все больше проявляющейся ограниченности языка.

Поясню, что я имею в виду.

Простое выражение "Я ПОДНИМАЮСЬ"

- по лестнице,
 - встаю,
 - взлетаю,
 - делаю карьеру.
- Я ЛЮБЛЮ
- мужа,
 - ребенка,
 - пиво.

Для приближения к более точному смыслу требуются *дополнительные слова*: любовь - ревность, любовь-ненависть, любовь-жалость. Иногда нужно очень много слов. В конце концов, истинная книга превращается в термин.

Можно предположить, что это показатель глубокого неблагополучия народа, переставшего дифференцировать новые явления повседневной жизни, особенно в духовной сфере.

МАЙЯ - НИРВАНА - ПРАНА - ПРАЛАЙЯ - ПРАКРИТИ - АТМАН

Сотни, если не тысячи действующих понятий

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

космоса. Бога, состояний души и духа, свойств небес и земли - неисчерпаемое богатство и Великая Поэзия и мудрость Индии.

Мы этого, к сожалению, не имеем. И тем не менее надо как-то **пробиться к первоуродным понятиям**, чтобы непонимание и несогласие свести к минимуму, а лучше и вовсе избежать их.

Исходя из замеченных и почти неоспариваемых сторон человека, мы ищем удовлетворения:

1. Для тела (восполнение потребности в активной деятельности, движение);

2. Для ума (знание без труда обучения через эмоционально окрашенную тезисную информацию);

3. Для души - определение направления наших устремлений и действий (совесть - инструмент души);

К **первому** уровню потребностей можно было бы отнести: детективы, приключения, любовные романы; **ко второму**: фантастику, фантази, интеллектуальные романы (Пелевин); **к третьему**: романы совести (Солженицын) и не-романы вовсе - горы эзотерической литературы, ставшие бестселлерами. Последнее просто кричит о духовном голоде и, может быть, предлагает писателям сместить жанровые предпочтения. Похоже, читатель желает **расширения реализма**.

Я указываю преимущественные, но отнюдь не исчерпывающие признаки этих трех разделов. Они весьма подвижны, разнообразны, они отсутствуют-присутствуют, но неизменными остаются почти непреодолимые границы между ними. Этими видами жанров занимаются писатели узкой, так сказать, специализации, сверх всякой меры засоряя экологическую среду духовности, ибо самым лучшим из них на сегодняшний день присуща смежная недостаточность. Если ее не преодолеть, читатель не захочет брать в руки наших произведений.

Очень поверхностный экскурс в предисторию о книге.

Кто-нибудь задавался вопросом, откуда начинается книга для общего чтения?

С законов Хаммурапи. И если не с них именно, то с чего-то, им подобного. Со скрижалей Моисея, например. С того, что некоторые сообщения стали высекаться на камне. Устная традиция передачи сказаний существовала параллельно. Сказания будут записаны позднее. Поскольку Восток был закрыт от нас на тысячелетия, то я говорю об афро-европейской традиции в варианте не только об афро-европейской традиции.

Каменными письменами достигались задачи:

- а) сделать некие установки **известными**, гласными;
- б) **продлить** время их использования;
- в) **оградить** от преходящего субъективного

влияния. Духовные функции текстов.

1. Провозглашались **высшие ценности** общества.

2. Сообщались **способы защиты** и поддержания этих ценностей. (Книга "Левит", Талмуд) (При этом - через века - накапливалась усталость некогда провозглашенных формул: человеческий опыт концентрировал новые связи и новые потребности. И ныне Ветхий Завет почти насильственно соседствует с Новым.)

3. Позднее возникли книги противостояния: как неправильно веришь ты и как правильно верю я. (Книги пророков, святоотеческая литература).

Художественная литература вышла из **сакральных источников**, мифов, священных писаний как частный случай человеческой или народной судьбы. В этом отношении очень показательны греческие трагедии, от Софокла-Эсхилла-Эврипида снижавшие пафос происходящего:

а) отношения между богами; б) между богами и титанами (детьми богов и людей); в) между людьми;

У Аристофана Бог полностью выпал из жизни человека как действующее лицо. Происходит трансформация бога в судьбу, рок и так далее.

Был Бог Солнца - солнце. Бог Моря - море, вода. Бог Ветра - ветер, который сейчас дует. Происходила усиливающаяся материализация мира. К сегодняшнему дню завершившееся слиянием хорошего и плохого - до единообразия. Убить, что плюнуть, деньги - высшая сила, и прочее. Рекламный ролик: "Кто взял пепси?!..." И резюме: "Бери от жизни все!" По сотне раз на день.

Так какие же проблемы должен ставить писатель, не утративший душу?

Маленькая реплика по поводу Солженицына. Он человек великого мужества, и сделанное им для нас необходимо. Но его мир - мир истории, хотя и недавней, а не сегодняшнего дня. Историю судить легче, особенно ту, которая заканчивается или закончилась.

И резюме.

Книга сегодняшних и будущих дней должна быть синтезом, суммарным ответом на искания ума, переводом необходимых ответов в воплощение - в направление, которое будет указывать живущая совесть. Читавшие люди утверждают, что у Павлова была опубликована за границей работа, так и не дождавшаяся обратного перевода на русский язык. Павлов в ней утверждает, что кроме условных и безусловных рефлексов он открыл еще один - безусловный рефлекс Истины.

Авигея Бархолоенко. КООРДИНАТЫ СЛОВА

(Фрагмент творческого исследования)

Мне кажется, что большинство людей, а может быть — и все, хотя бы в школьные годы, ощущали потребность письменного выражения хоть чего-нибудь, и не ради передачи новости, а из внутреннего тревожного посыла самоосознания, удивления-радости-гордости существования, поиска внутри себя чего-то себе нужного. Таковы личные дневники, доверительные письма лучшему другу, хотя ты с ним расстался пять минут назад, — но вот недоговорил, неполно выразился, а пока открывал-закрывал дверь — в тебе возникла такая удивительная новая мысль, она требует записи, фиксации продолжения... Молодость (хотя не обязательно только молодость) самостийно ищет духовной школы, и пусть это будут хоть палочки первоклассников, но это стихийная попытка заметить и другу составляющую человеческой жизни, кроме предлагаемой нашим образованием и бытом сугубой материальности.

Понятно, что с воцарением телефона-интернета-мобильников письменная речь снижается в количестве и качестве, но это другой вопрос. — сейчас я только хочу сказать, что исток «письма» лежит во внутренней природе человека, которая то так, то этак подталкивает sapiens-а приостановиться в беге по кругу и заглянуть в неисчерпаемость следующего мира, к границе которого мы уже приблизились.

Закономерно предположить, что «письмо» — более позднее качество, нежели речь, это, похоже, ее следующая ступень, значительно больше связанная с анализом и познанием. То есть — с усложнением человеческого сознания. Иначе говоря — с эволюцией и еще с какими-то процессами, о которых пока можно только догадываться. И дающая, к тому же, необходимую обстановку — сосредоточенности и действия почти одновременно.

Из этой преамбулы для меня несокрушимо вытекает следующее.

Писательство — что бы под ним ни подразумевать — книги, фильмы, театр, диски, концерты и т.д. — то есть любой жанр, который не обходится без слова. —

а) органично;

б) направлено к человеку;

в) у него, как и у языка, как у любой другой сферы человеческих действий, есть ученичество и развитие.

Под органичностью я в данном случае имею в виду, что писательство в своей зародышевой стадии свойственно если и не всем, то большинству людей российской культуры. И то, что чаша весов склонится здесь в сторону частушки, песни или анекдота, нисколько сказанному не противоречит, ибо и то, и другое, и третье (найдется и четвертое, и пятое и т.д.) есть обособившиеся от разговорной речи плоды творчества, признаваемые нами как литературные виды, и особенностью их является лишь разделение труда: кто-то сказал, а кто-то записал (предпочел выполнить подсобную работу, но и эта-то работа может быть какова! Даль, например).

Я знала человека — хороший мой знакомый, друг семьи, недавно офицер, в отставке по ранению, штангист, — который, уйдя от нас вечером, забегал рано утром по пути на работу только для того, чтобы рассказать (опубликовать!) пару-тройку свеженьких анекдотов — блестящих, неповторяющихся, остроумных и умных... Мы были для него ценностью — нам рассказать было МОЖНО, ибо на дворе висели глухие шестидесятые, и даже оттепелью еще не веяло. Он рассказывал, не смеясь, с непроницаемым лицом, удовлетворенно получал от нас с мужем первую порцию хохота и бежал дальше, а мы ржали еще полчаса, а Тайганова тарасилась из люльки...

В конце концов я спросила:

— Если он ушел от нас в первом часу ночи, а пришел в восемь утра, а от нас до него всего квартал, то от кого он мог эти анекдоты услышать?

Муж посмотрел на меня как на дуру:

— Зачем ему слышать? Он сам их сочиняет.

Да, я была дура. Считала, что анекдоты берутся из воздуха. Впрочем, если подумать... Да, я была дура, я эти анекдоты не записала. Не пришло в голову. Скорее всего, они пропали. Анекдоты экстракласса.

Позднее, когда мне взбрелось в уральской тайге поставить дом, и лесник повел по следу трактора среди сосен, похожих на свечи, чтобы показать три сруб, любой из которых может стать моим, и через километр-другой-третий свернул на стук топоров, и я осмотрела все три, и выбрала свой будущий приют над дивным озером с островами и заводьями, с полукругим гор за спиной, с тишиной и грибными зарослями... Да. Ну, да. В общем, плотники воткнули топоры в бревно, развели костер, объединили остатки еды, что-то еще нашлось, — а как же, в такой-то тайге и не то найти можно, и...

... И пошло про то, что в тугоших лесах находят и что теряют, и как мыши дорогу указывают, а понаришься — так и до дому доведут, а косяпапы в чашобу манит, рыком рычит — умоляет, чтоб в картишки перекинуться, летом-то ничего, а по осени — никак, из берлоги не выпустит, будешь до весны в подкидного бросать, а зайцы, всякий раз впятером, наладилась тут с каждого топора собирать малосольными огурцами, а огурец чтоб каждый — с бородавками, и из каждой чтоб волосок торчал, и всякий раз пересчитывают, мерзавцы, и если насчитают бородавок меньше сорока одной — держись, сегодня Серегу аж на сосну загнали — вон на ту, видишь, пень с клыком обломанным, это Федька ствол подпилит, да бензин из «Дружбы» вытек, вот он и стоит в сторонке, новый наливает, а Серега уже к вершине скачет, да шустро так, будто кросс сдает, сосна и перевесилась — хряк! — и на Федьку, «Дружбу» вышибла, а самого ни-ни, только зайцы скок-скок по сучьям, хвосты распушили, на другие деревья взлетели, ждут, пока мы на Сереге синяки пересчитаем. И что ты думаешь — сорок один, синяк-то!

Прошу, конечно, прощения за бездарный пересказ, хотелось принцип вязи таежных бухтин отметить, у которых только начало, но не бывает конца. И где мне до юмора — нет, затаенного смеха плотнического бригадира, чернявого и сухожильного с башкирской кровью мужика лет под сорок! И это единство летнего берендеева пространства, и солнца сквозь сосновые ресницы, и запаха смолы, и виновато опущенных Сергиных глаз — загубил, видать, казенную «Дружбу», да и синяков на нем и впрямь многовато, а мужики переглядываются, рады — беда миновала, человек жив, и жаль, что Серега этого не видит, а впрочем, и мне жалеть некогда — слова бригадира нижутся, переплетаются, стягивают несоединимое и распаивают равновесный мир, который вот тут, от них всех и проистекает, и в котором не востребовано зло.

Как работал мозг у этого человека? Откуда, из чего всё бралось? Где хранилось? Импровизации сверкали одна за другой — быстрые, парадоксальные, безупречные в литературном отношении. Нарастало чувство потерянности, удивленное ощущение совершенства, которого не может быть. И беспокорность — а как? что дальше? делать-то что?

Бригадир набрал воздуха для нового захода, а я ляпнула:

— А вы не записываете?

Творец отмахнулся:

— Да ну...

— Так печатать же надо!

Помолчал, ухмыльнулся:

— Кто же всё это напечатает?

— Почему же нет?

— Не влезет.

— Что не влезет?

— Да всё! — Обвел взглядом что видел. — У сосен всегда вершины шумят, а ухо к стволу приложит — гуди-ит... Тишина. костерок... Люди смеются, шишки падают, муравьи по коре ползут, дятел долбит... Да что! Не влезет.

И поднялся. И другие поднялись.

Попрошались вежливо, за ручку.

Что же я сделала не то?

Через пару недель я не вытерпела, поехала в лесничество, узнала, в какой стороне работает бригада:

— Вот по этой полосе, она от пожаров, а колеи нет, срубы еще не вывозили. Да тут близко, километров шесть, до малинника дойдете, и направо. Прямо через малинник, а там увидите.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Через малинник — это было да-а. Да и вывороченная плугом антипожарная полоса ничего себе. Но я хотела сохранить для литературы Талант.

Осы пили малиновый сок. Гудело мошкаррой. Бесшумные, как тени, пикировали слепни, мгновенно пронзали. Ноги отключенно прокладывали просеку.

Малинник уперся в склон, вернулись сосны. Запахло свежей щепой — туда. Засветились желтые срубы. Людей не было.

Обдало тишиной, как холодом. Я стояла, выпав из времени. Откуда-то появился молоденький заяц, присел в метре, не замечая. Повертел ушами, поскакал дальше. Почти как в бригадировой байке, где он ловил зайцев за уши.

Нет, надо что-то понять.

Взгляд, не найдя подсказки в ином, зацепился за срубы. Они странно выпирали из слаженной массы живого. Их прежнее исконное бытие оборвано. Обнаженно светящиеся дневным теплым светом, тоже живые, но уже иначе, они теперь будут зависеть от пыли дорог и топящейся внутри печи. Какая-то связь между нами, совпадение судьбы. От проверенного поколениями — к совсем иному отсчету. Да и отсчет мне неведом. Но что-то толкает, толкает — к чему? Пойму ли когда-нибудь?

Срубы вывезут, лес останется. Чтобы было чем дышать. И из чего строить дома.

Я не заметила, как снова вломилась в малинник.

Больше я не искала его — удивительного импровизатора, наделенного Словом. Я поняла человеческое предпочтение неотделения.

Уже не один год через наши с Тайгановой руки проходит часть потока вологодского самиздата. Сначала стихи, потом стало появляться прозаическое, воспоминания, опыт жизни. Люди входили во вкус, издавали вторую, пятую, девятую книжку...

Семейные хроники, вплоть до поздравительных открыток... Конечно, отношение к этому двойственное, и другим быть не может. Но сколь бы ни были уязвимы эти издания, в каждом из них, за редкими исключениями, звучит искренность, оберег живого, тоска и моление о доброте. Устойчивее как-то после этого можно дышать, и ты уже не совсем в пустоте...

Книжек этих сотни и сотни. Кажется, у одного Ю. Малозёмова (Юрий Полиэктович Малозёмов, вологодский коллекционер) число изданного зашкаливает за тысячу. Это за последние несколько лет, в одной только Вологде. Если посчитать население Вологды в 300 тысяч человек, то что выходит? Каждый трехсотый житель имеет изданную книгу?! А если вычесть половину — младенцев, еще не умеющих грамоте... Количество иногда должно убеждать, ибо начинает сигнализировать о каком-то производимом явлении.

Упрощенно было бы видеть истоки такого положения исключительно в свободе слова, например. Возможность говорить о чем угодно и как угодно здесь не работает — говорят авторы этих изданий, по сути, об одном. Возможность, разумеется, создает определенные предпосылки — пятнадцать лет назад такое и в вешем сне не приснилось бы. И не только по причине идеологических табу и гонений на мыслящих иначе, а по примитивной безграмотности текстов. Также и не в возросшем благосостоянии дело — оно тоже имеет место, но не определяет. Авторы на хлебе-воде могут сидеть, и сидят чуть не поголовно, родственники им бойкоты устраивают — подумать только, зарплата-пенсия от детей-внуков уплывает, это ж разве можно пережить?! В Кувшиново его! (Кто не знает: в поселке Кувшиново находится областная психиатрическая лечебница. И живут там, в рядовых жилых хрущевках, выстроенных когда-то для медперсонала, А. Бархоленко и Т. Тайганова). Ну, конечно, и самолюбие в процессе участвует: с каким удовлетворением Автор скромно оповещает на титульном листе очередного труда: Книга Шестая, Книга Девятая...

И всё же не оставляя мысль, что не только эти суетные моменты определяют странную картину встречной литературной волны. Потому что волна эта нарастает на фоне убийственной духовной засухи. Кто постарше, должен помнить запредельное количество доступных (доступных!) журналов и газет эзэсэровского времени, передачу из рук в руки недоступных переводов, истрепанных неопубликованных рукописей, весьма условно именованных тогдашним «самиздатом»: тусклые машинописные странички, «списки», чреватые непредсказуемыми (предсказуемыми!) последствиями. Читающий народ был огромен, и читал он не халтуру, которой, казалось, и не было, а серьезные думающие вещи, даже экономические статьи становились бестселлерами. — он через них радовался, он ими негодовал, он создавал кумиров и пророков, — иного евангелия, кроме литературы, не было. И вдруг — оборвалось. Враз обанкротились и перекупились издательства, управление перехватили литературные иуды и неучи. В сердца и души полилась канализационная жижа, приносящая миллиарды упомянутым категориям.

Таково-каково. Не на пустом месте возникло. Жижа-то — закономерна. Она из застоев, голодухи и лагерей. И будет выплескиваться, пока ее жрать будем.

Вакуум. Отнято и то нищее и суррогатное, что было. Отведав блюд новой свободы, нормальные люди почувствовали, что их рвать тянет. Кто-то по старой памяти жаловаться бегал, кто-то привыкал, кто-то, не обнаруживая нигде заботы о стране, ощутил, что должен сам. И ничто не могло создать для наивных душ такой убедительной иллюзии дела, как писательство.

* * *

Была в советское время фантастика — то ли повесть, то ли рассказ, и автора я тоже не помню: в не столь отдаленном будущем обеспечивалось для человека компьютерное (тогда еще ЭВМ) пространство, в котором фиксировались как след истории полезные дела и мысли каждого, и каждый мог по своему выбору внести в собственное поле то, что считал самым значительным в своей жизни. И оно тоже оставалось для будущего. И можно было сравнить то, что считал важным отдельный человек, автор своей жизни, с тем, что находила в его деяниях не зависящая от частных настроений машина, настроенная на интересы человечества и потому на жизнь каждого из людей. Помню, что герой, совершивший немало полезного, так и не решился ввести в машину свой код, предпочтя не узнать оценки своих поступков обществом. После чтения этого произведения прошло, наверно, полвека, а вот всплыло — выбор, который сделал литературный герой, оставил след. За таким поступком стояла независимость личности, была мудрость, отвергающая как разочарование в себе, так и самообольщение.

Сейчас агрессивно насаждается, а аккредитовано-пишущими радостно принято к исполнению мнение, что критериев оценки самореализации, поведения, образа жизни и, соответственно, плодов творчества быть не может, у всех-де — право на собственное мнение, все свободны и самовыражаются как хотят. И прочая демагогия.

Однако, право на мнение имеет границы — ну, считаем мы, что у нас зарплата маленькая, и что? Ну, считает насильник, что не может обойтись без насилия — и что?

Когда всё можно, это значит, что ничего нельзя.

Наконец-то пришедшая к нам свобода началась со свободы отрицания, ибо это проще — ломать не строить. Как только интересы общества сместятся (уже смешаются, кстати) к построению, к устройству, так критерии, столь залихватски

отрицаемые, будут востребованы, ибо создаваемое имеет потребность в слагающих его законах. Мне на даче нужен ящик для перегона — я отграничиваю для этого четырехугольное пространство как самое практичное, и сколачиваю доски именно по этому принципу, а не просто сваливаю их в кучу как ни попадя. Да и анархическая формула, что «критериев нет», — уже руководство к действию, то есть тоже критерий, который сам себя считает. Что бы мы там ни провозглашали, каждый из нас всё же критерии имеет — весьма часто произвольные или заимствованные, без опоры на факт и суть оцениваемого явления. Надо бы воспользоваться данным каждому разумом и понять, что само наше существование держится на несвободе, на ограничении, на отграничении от того, что ему противоречит. Ну, болезнь хотя бы. Болезнь это вторжение (свободное, с точки зрения вторгающейся силы) в наш венценосный организм влияний, не предусмотренных законами организма. Результат такой свободы — разрушение. Разрушение в любой дозе — от ущербности до распада. Что мы и имеем в нашей повседневной жизни в полном объеме.

Поскольку всем категориям существующего присущи их собственные законы-ограничения, то нет никаких оснований отказывать в этом и категории творчества. Я не могу сложить печь, игнорируя законы тяги. Если печь дымит или не греет, это значит, что я не выполнила требование ее основного закона. И сколь бы ни стремилась я ее украсить, как бы ни углаживала и ни подбеливала, какую бы форму ни придавала, греть она не станет. То есть сотворенное не выполнит свое назначение и станет мусором.

Попытки утверждать, что творчество может быть и без назначения, мягко говоря, несостоятельны. Человек ничего не делает без цели, хотя цели нередко оказываются несоответствующими, так сказать, основной тяге — их уровень не совпадает с образующим явление законом: человек *имитирует* творчество, но не был творцом.

Остановимся пока на том, что ничто не может быть свободно от присущих ему законов. Разве не закономерна наша речь? Вспомните орфографию и синтаксис — разве это не законы? Так можно ли допустить, что художественное произведение, на порядок превышая любой школьный учебник, рождается произволом, а не закономерностями?

Другой разговор, что законы творчества исследованы мало, они преимущественно интуитивны и такими будут оставаться всегда. Но восхождение интуиции на очередную высоту будет делать доступным уже освоенное.

Когда вы пишете, вы что-то исправляете в своей рукописи? Меняете слова местами, вместо одного слова ставите другое, сдвигаете строчки, абзацы, главы, делаете вставки, от чего-то отказываетесь вовсе? Наденось, что так. И отработанный текст вы цените больше, вы больше им удовлетворены, он точнее выражает то, что вам хотелось сказать. Так вот, совершая эти обычные для литератора действия, вы следуете зову Закона, который каким-то образом в нас находится. Может быть, это органически заложенное в человека чувство соответствия частей. Ведь и дикарь выбирал для своей палицы не любой камень, а тот, который больше подходит.

Скорее всего, подходящее определяется опытом. Или, точнее сказать, и опытом тоже.

Думаю, что природа слова (употребляю его здесь не в единичном, а охватывающем смысле, как весь речевой запас доступный человеку) исходит из нескольких — разных — источников.

Это — звук (сочетание звуков), прикрепляющихся к одному явлению, которое способно сохраняться или повторяться во времени. (Наглядно сохранилось в междометиях: ах!.. — боль, угроза; о-о! — боль, изумление; у-у! — угроза, погоня и пр. В какую потрясающую древность уходят наши произведения!)

Это — память, в которой звук отпечатывается. Без памяти звук неузнаваем, и потому перестает быть постоянным, закрепленным сигналом.

Это — встречный импульс памяти, пробуждающей воображение, которое, в общем-то, как бы визуальная, образная память, но — другая, не первичная. Воображение весьма при этом валентно, обладает огромным, а может, и бесконечным пространством для перестановок, сочетаний и новообразований. Так что воображение, похоже, из памяти только проистекает, но имеет уже автономные возможности, которые можно рассматривать как истоки божественной способности человека творить, призывая то, чего никогда не было.

Звук — Память — Воображение. Видимо, наличием воображения человек и отличается от животных. Отличается словом, которое творит. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»

Какой гимн, какая правда.

Всю жизнь я пыталась понять, как из одинакового получается разное. Не удивительно ли, что тридцать три буквы русского алфавита слагают Достоевского и Толстого, Есенина и Цветаеву, и других, многих и разных?

Как из трех десятков буквенных знаков слежены целые библиотеки?

* * *

Слово нельзя рассматривать как единицу, как одностороннее явление, которому достаточно образоваться, возникнуть, и оно будет способно пребывать независимо от остального. Слово живет лишь в диполе (поли-поле), ему нужен *приёмник*, иначе оно вещь в себе — не раскрыто, не состоялось, не наличествует. То есть каждый говорящий человек обеспечивает зачатие и посыл, выброс слова-энергии: и каждый может быть получателем, приёмником. Слово мгновенно достигает сознания, впечатывается в него, остается в нем. И этот словоприём — как вспышка. Когда — мини-вспышка, когда макси, а когда и взрыв, могущий закончиться разрушением приёмника-человека.

Даже школьная программа рассматривает речь как вторую сигнальную систему (в отличие от первой, предметно-контактной). То есть речь (слово) уравнивается в правах с многообразием материального мира и тем самым признается не полностью материальной, ибо какая же материальность в сигнале о сигнале?

Но что же в слове — сигнализирует? Через что? К чему?

Наверное, есть исследования по этому поводу, но то, что мне попадалось, всегда имело медицинский, физиологический уклон, упускавший нечто существенное. Если не основное.

Мир состоит из направленных бесчисленных вибраций, и плотность их столь велика, что это представляется глубочайшей немотой. Наше сознание способно к выделению частичности. Каждый достает из вселенской копилки доступное только ему, и по-своему это ощущает. И каждый, сам являясь частью, стремится приблизиться к другим, провозглашая себя собственным голосом, который есть его жизнь, и другие дополняются тем, что к ним приходит. На материальном уровне это никого не удивляет: живем в домах, кем-то для нас построенных, ходим по тротуарам, заасфальтированных не нами, и питаемся тем, что вырастили другие, собственной каглей вливаясь в великое общежитие. Но и на менее очевидном уровне духовном, который по необходимости из материального вытекает, продлевая линию бытия, грани радия добываются каждым. Человек

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

получает в свое распоряжение волшебный ключ - Слово, и проявленные его сигналом состояния становятся доступны не только ему. Слово — универсальный посредник, приближающий к каждому неиссякающую бесконечность.

Наверно, если отдаленно ощущаемое назвать точно, то оно возникнет. Или, быть может, не раз возникало, а мы не замечаем. Или замечаем, но забыли, откуда явилось это возникшее. Нам уже нет дела до давнего Творца и до того, что Слово соответствовало выделенному им явлению, а до этого не существовало. Его слово настроилось на присущий явлению звук, и мы легко и как бы походя воспринимаем теперь полученный кем-то итог.

Но и фантомы чьих-то ошибок кружат около нас, засоряя слух и зрение. Только крыши их почему-то рушатся. Не потому ли, что живет лишь то, что служит жизни?

Доказывать, что любой звук есть колебание среды, есть волна, которую можно даже чем-то там измерить, необходимости нет — проходили, запомнили. Но запомнили как некую прихоть физиков, которые обременяют племя учеников бесконечными формулами. Однако — у меня, например, — не возникло в свое время даже приближения к мысли о том, что звучит — весь мир, что Вселенная — от звезд до нейтрино и глубже, — колеблется, и колебания завихряются в густки, и что, не поленившись подумать еще, обнаружишь, что кроме колеблющейся среды другого и нет, что всё окружающее нас многообразие — это великолепные образы Творца.

Вспомним момент, опять же школьный, но спустившийся в классы с эверестов науки, — момент, когда ученые, углубившись в микрочастицу, которая только что спокойно признавалась ими материей, вдруг обнаружили, что свойства материальности куда-то на их глазах исчезли, превратившись в колебания, волны. То есть — с косной человеческой точки зрения — в ничто. Ну кому бы тогда пришло в голову, что через это Ничто он приблизился к плоти Творца? Хотя и материя — Его же тело, лишь прошедшее многие уровни нисходящих видоизменений.

Не потому ли в древности высшим искусством считались Музыка и Геометрия? Не потому ли, что обе, лишённые грубой материальной основы, находятся ближе к Богу, нежели глиняный человек? Слово тогда лишь прислуживало. Его возвышение, затмившее древних цариц, было впереди.

Имея и сохраняя волновую (Музыка) природу, Слово вышло на измерение познанных законов, касающихся как материи, так и Космоса, как психологии, так и Духа (Геометрия!). Согласимся, что спектр познанного — или лучше сказать — приближенной к человеку какой-то из сторон бытия, — спектр этот ныне не слишком сопоставим с сиянием известных нам культур прошлого, хотя бы потому, что мы стремимся к числу, а не к Принципам. К количествам, игнорируя Качества. И вполне можно представить великую цивилизацию, опирающуюся не на буквенные знаки, как у нас, а, например, на музыкальные созвучия. Не напоминание ли о том обряды многих религий, совершающиеся в сопровождении музыкальных инструментов или голосового пения, где слова отсутствуют или находятся на втором или вовсе последнем месте, а звуковой ряд вздымает нашу выпавшую шерсть.

У северных народов существуют песнопения, состоящие из модуляций единственного слова, а слово состоит из одной гласной а-а... Вехи эволюции — чем иным это может быть? Наверно, слово стало преобладать ввиду совершающейся дифференциации мира и необходимости отграничения друг от друга обнажающихся конкретностей. Музыкой версту не опишешь и указ о распитии пива не споешь. Хотя набатный рельс висит в живых деревьях до сих пор, отбивая в страду время обеда, созывая на сходку или сообщая о бедствии.

Нет, я не отклоняюсь то и дело в сторону — я расставляю флажки. Я не хочу, чтобы мы ощущали себя дикарями, возникшими девяносто или пятнадцать лет назад. Я хочу, чтобы мы прониклись величием тысячелетних путей, на острие которых сегодня наша очередь ставить знаки своего времени. Я не хочу, чтобы Слово, лепившееся творчеством и великими прозрениями миллионов живых, и веками, пылящими позади нас, применялось ради убожества человеческих бесплодных низин. Еще я хочу, чтобы в каждом проснулась память и прозрение. Не время концу — время продолжению. Великому продолжению — нужно только прислушаться.

Может быть, чтобы увидеть больше, надо было отдалиться. Но маятник уже качнулся в другую сторону.

Пожалуй, нужно еще раз напомнить, что я говорю не о конкретно-смысловой оболочке слова, а о некоем общем состоянии, которое находится под (за) однозначными смыслами. Об общей для всех слов субстанции, которая готова сотрудничать с тем, кто научится находить к ней ключ.

Уже допустив, что даже ближний к нам мир — мы сами — имеет волновую природу, можно теперь ощутить, понять чувством и поэтому принять сложнейший мир интерференций, в которых встречаются, накладываются, всплывают связи интеллекта, чувств, интуиции, памяти, души и духа. Происходит снятие преград, которые были неодолимы первичным прикосновением, является состояние понимания, прозрения, улавливание *ответа* на запрос. Личное состояние синхронизируется с отдаленной от человека наполненностью. Удивляться, что *там* больше, чем здесь, не стоит, но я бы не определяла это как некую сознательную направленность Среды к тебе лично. Нет: ты искал и нашел — попал в ту струю потока, которая тебе нужна. Но не ее это инициатива в том, а твое усилие: ты хотел пить и нашел воду, и если бы ты не подошел к ней, вода существовала бы без тебя.

По-моему, внутреннее состояние творческого запроса удовлетворяется *всегда* — если не сетовать на время, потраченное на такой поиск. В конечном счете, проблема упирается в соискателя — захочет ли он привести себя в резонансное состояние со Средой или начнет навязывать ей свои поспешные и поверхностные утверждения. Одно легко отличается от другого. Первое дает, хотя бы на миг, удовлетворение и вызывает чувство гармонии и наполненного покоя, второе частично, нервно, суетливо и самолюбиво. Что предпочесть — дело человеческого выбора.

Будем ли спорить, что талантливое произведение отличается от неталантливого? Там и тут слова одного языка, авторы живут в одно время, одинаково грамотны, даже, может быть, сходны в понимании затрагиваемых вопросов, но... но один ребенок жив, другой рожден мертвым. Да еще склонять к мертворождению оказалось в моде и возводится в культ, слишком многие подвизаются на этом поприще сознательно и даже понимают, что относятся к племени тридцатисеребрянников и субкультуры, а мы молчаливо соглашаемся с их напористостью, и кто-то начинает считать, что так и надо, и убеждает себя тем, что делает не хуже многих.

Собственно говоря, можно и не теоретизировать дальше, ибо разница между состоятельным и халтурным текстом назвалась сама собой. Не я придумала сочетание «мертворожденный», применяемое к проявлениям механического творчества, — давно замечено и попадает в точку: живое — мертвое. Соглашусь, что с определенной точки зрения мертвое тоже живо — хотя бы потому, что существует. Но в мертвом отсутствует то, что есть в живом. Или его принципиально меньше. То есть различны живые уровни одного и другого. Качества различны, например: человек — микроб. Оба живы, и

никто не докажет обратного, но я не слышала пока об обществе защиты микроорганизмов. Хотя реклама «Доместоса» с ее слоганом «Миллионы микробов умрут!» в сотый, тысячный раз коробит, и микробов становится жалко.

Разница в уровнях — это уже существенно. С этим можно и не спорить, ибо — наличествует.

Поскольку высший земной разум это, как ни странно сегодня звучит, всё же человек, и он же — существо творящее и деятельное, а другого, приближающегося к нему по возможностям, пока нет, то приходится именно его, человека, признать высшей ступенью земной материальной истории. Так что жизнь его является космической ценностью, и опускать его усилиями интеллектуалов до уровня личинок, перерабатывающих белок, или тварей, заживо сжирающих друг друга, нет необходимости. Да и не заложено в человеке повсеместного стремления вниз, а стремление вверх — наоборот, присутствовало в каждом хотя бы в детстве, а то даже и в юности. И анализирующий ум имеет основания из этих возобновляющихся признаков сделать вывод хотя бы о неслучайности наблюдаемого, об определенной программе, временно затухающей в недостаточных условиях и снова пробно сигнализирующей о возможностях, которыми следовало бы воспользоваться. Жизнь — вообще устремление к высшему уровню. Или хотя бы — в крайнем случае — не потеря имеющегося. Возможно, потому и дарован нам страх смерти, чтобы мы не стремились вниз.

Выпишу в столбцы любопытные, всем известные выражения:

- «божьей милостью — художник» (поэт, певец);
- «дарованный Богом»;
- «дал Бог дар»;
- «отнял Бог дар»;
- «дар»;
- «одаренность»;
- «бездарный».

Выводы:

- талантливость издавна, из тысячелетий, соединялась с волей и милостью Высшей силы;
- одаренный Богом человек служил, естественно. Высшему началу;
- были не отмеченные Богом — бездарные;
- Бог мог отнять дар — естественно предположить, что причиной божественного гнева было недолжное использование дарованного.

Выражения эти мы так и употребляем до сих пор не в переносном, а в самом что ни на есть *прямом* смысле, когда отмечаем чью-то особо яркую способность нечто делать. «Дар» тут в положительном диапазоне, естественно, — противоположная способность обозначается речью нашей как проклятие.

Я не о религиозных постулатах. Я о том, что, возможно, намного шире.

Впрямую ведь выражено назначение человека-творца. — того, кому предлагается хоть в малом уравниваться с Космическим Началом: служить жизни, служить высшему благу, давать силы на преодоление, на восхождение остальным, через художника прикасаться к Богу.

А не наоборот.

Февраль 2006

ТАТЬЯНА ТАЙГАНОВА И АВИГЕЯ БАРХОЛЕНКО

О ПИСАТЕЛЬСТВЕ Диалог первый.

*О профессионализме; об альманахе;
о нежелании писателей учиться.*

ТТ: Мы с тобой уперлись в причины, по которым необходимо делать альманах. Смысл я сейчас попытаюсь конспективно изложить. Когда мы в предыдущие разы начинали разговор, я пыталась изложить, что прервано, подрезано, ограблено дерево культуры, ее преемственность, а есть только одни осколки, которые пытаются сами по себе выжить, как обрубленные части растения.

Ну и вот. Есть такое понятие, как «уровень жизни». Когда мы смотрим телевизор и слышим про этот «уровень», мы что предполагаем — что есть социальная сторона жизни: заработная плата, пенсионный фонд, и все прочее в том же духе. На самом деле уровень жизни включает в себя и нематериальные вещи тоже. Понижение уровня жизни означает понижение качества жизни, а в качество входят и нематериальные элементы тоже.

В чем это выражается: вся страна находится в хаосе. Культура кажется роскошью — по материальным

причинам. Она – подрезана. многократно. многослойно. многократно. И качество жизни отсутствует именно как качество, то есть когда живем не только по надобности, но и по душевной потребности. Жизнь поддается количественно. Но это уже начинаются переключки с Геномом, но его можно и не цитировать.

Второе. Качество – это вопрос профессионализма. Я пытаюсь проанализировать свою реакцию на слова Сергея Фаустова, он сказал, что профессионал – это тот, кто получает за свою работу деньги. У меня возникает внутренняя полемика с этим высказыванием, потому что оно, на мой взгляд, демагогическое. Почему я так думаю? Да даже чисто по экономическим. то есть – количественным – причинам. Потому что тот по-фаустовски «профессиональный» труд, который в России ранее существовал, - он ведь тоже мог не оплачиваться. Если оплачивался, то неадекватно, ну, и так далее. То есть оплата работы совсем не есть показатель профессионализма.

АБ: Или обратная ситуация – когда за халтуру получают.

ТТ: Или, допустим сейчас – бытуют достаточно легкие деньги, дикие рыночные проценты, - они совсем не означают профессионального рынка. То есть в условиях России оплата за труд – ложный подход в принципе, разбирайся хоть экономически. хоть философски. Значит, нужно искать какие-то другие критерии.

Закономерно возникает вопрос – что такое профессионализм? На нашем писательском собрании я это выразила как чувство собственного достоинства.

АБ: И ответственности.

ТТ: Но можно подойти, наверное, с каких-то иных позиций, не столь личностных, хотя достоинство и ответственность как составляющие должны включаться в понятие профессионализма, по-моему, это в доказательствах даже и не нуждается. Но может быть, то и другое – следствие профессионализма.

АБ: Наверное, мы это понятие расширяем все-таки, когда вкладываем в него нравственные понятия.

ТТ: Нет. Я сейчас попытаюсь сказать. Понимаешь, когда происходит изменение уровня жизни от качества к количеству, то тем самым происходит падение и языковое тоже. Потому что слово «профессионал» в сегодняшней среде стало приобретать совершенно иной оттенок. Мы этого не замечаем, как не замечаем ничего, но когда я об этом задумалась, то очень четко ощутила разницу между «профессионалом» семидесятых-восемидесятых и «профессионалом» девяностых. Это понятие, употребленное всеу. в быту, вызывает просто усмешку, потому что понятно, что профессионал – киллер. Люди смотрят триллеры ежедневно, и ежедневно по отношению к убийце там всерьез и уважительно говорится – «Он – профессионал!» И у слова уже наличествует оттенок мафиозности, и привязка к определенному типу воздействия на среду. То есть – понятие «профессионал» деградировало до уровня детектива. Отдельно, где-то, от этого уровня существует еще пласт профессионализма. Давай, вот так, сходу – профессионал, если он не киллер, то кто? Хакер! Тоже профессионал. Он, кстати, за свою работу денег может и не получать, а взламывать программы хочет для собственного удовольствия. Весьма ценим и уважаемый обществом талант, между прочим. Без хакеров вся Россия сидела бы без пользовательского программного обеспечения – никто не смог бы платить по триста долларов за «Microsoft», так ведь? Хакеру – общероссийский поклон, однако их действия выходят за рамки законности, то есть попросту – криминальны.

Еще какие у нас сейчас живы проявления профессионализма? Давай, с ходу, прямо из быта! Мы сейчас пытаемся связать это слово с действующей реальностью, с тем уровнем, в котором оно сейчас наиболее результативно и активно проявляется. Ну, еще банкиры – профессионалы, опять же в обход законности. А больше оно нигде масштабно, увесисто и доказательно не проявляется. Значит, понятие «профессионализм» проявляется либо к умению обходить закон, либо к научно-технологическому экспериментированию, к элитным слоям среды. Значит – либо наука, заметь – закрытая от общественного внимания, либо детективно-криминальные слои жизни. То есть – в нормальной, ежедневной среде это понятие уже не присутствует, оно стало своего рода «эзотерическим», «скрытым знанием».

АБ: Но может быть, и мы допускаем лексическую неточность, употребляя слово именно «профессионал»? Может быть, нужно говорить о «мастерстве»?

ТТ: Я к этому и веду. Я пытаюсь разобраться, что для сегодняшнего человека означает понятие «профессионализм». И означает ли вообще что-нибудь. А – ничего не означает! Потому что исчерпались или растворились критерии, по которым возможно определить профессионал человек, или нет. То есть на самом деле эти критерии есть, но они – этического характера, а отнюдь не экономического.

Я ходила с собакой между наших кувшиновских скособоченных сараюшек и думала, как же можно расифицировать это загадочное слово «профессионализм». А вот – природа глубоко профессиональна! Зимой в Кувшинове снег, летом – одуванчики, всегда неизменно и вовремя, с максимальной самоотдачей. Природа – глубоко профессиональна. И не получает за свою работу никакой зарплаты. Это значит...

АБ: Это значит: приблизительная адекватность исполнения поставленной цели.

ТТ: Да. Я это выразила для себя как позитивную результативность усилий. А на сегодняшний день каждый из нас в одиночку имеет дело с хаосом почти космических масштабов, который надо как-то останавливать. Наверное, практически никто из нас в большинстве своем – в данный момент я не по писательской категории сужу – не является в России профессионалом. Потому что люди потеряли работу. Люди вынуждены были заняться чем-то совсем другим, чем то, чему учились и к чему себя готовили. И вся страна сейчас опирается на полуграфоманский, в лучшем случае – любительский – уровень. От челноков, торговцев до русской мафии, хотя, может, быть, в мафии что-то и есть профессиональное. Киллеры.

АБ: Да нет, конечно, - дилетанты! Они же должны разбираться в банковском деле, в товарообороте и так далее.

ТТ: Вообще когда ситуация разрешима только с убийством – она уже не профессиональна. Профессионал мокрухи бы не допустил, я думаю. Но мафия – обучается. Она нас не интересует, я думаю. А в широкой массе люди вынужденно сменили – и не один раз – работу, это во-первых; во-вторых, очевидно, что они не мастера и не профессионалы в том деле, которым сейчас занимаются и делу этому не обучались, то есть – все стоят на уровне современной массовой литературной графомании, когда кто-то пишет повесть потому, что просто умеет писать авторучкой и что-то когда-то читал, и знает, что есть такой род деятельности: или торгует потому, что ведь другие тоже торгуют, и есть такой род деятельности, и вообще не боги горшки обжигают. Не боги, конечно. Но – мастера. А о мастерах никто уже не помнит. И не вспомнит в ближайшее

время, ибо мастерство трудоемко, коммерчески не выгодно, а клеймо мастера – то есть те самые достоинство и ответственность, с которых мы начали разговор – не имеет смысла: заплати за фирменный логотип и ставь его хоть на пробегающих бездомных кошках.

Все стоит на уровне массовой литературной графомании, когда человек делает попытки душевного либо физического самосохранения, имея неподготовленный житейский материал и совершенно не подготовив себя к этому материалу, к тому, чтобы грамотно с ним управляться. У него нет инструмента, он все постигает опытом. Вот это желание самосохранения, разрешаемое полуграфоманством, полулубительством – общероссийское явление. Это и есть наша сегодняшняя исходная точка национальной культуры.

То же самое в литературе.

Если переходить сейчас на какой-то литературный уровень, то, конечно, профессионализма не наблюдается давно. В значительной мере это можно связать и с разницей в творческих Союзах, потому что в старом Союзе профессионализм душился сознательно по причинам идеологическим, а у членов нового Союза просто нет желания чему-нибудь вообще учиться. То есть профессия – это знание материала и того инструмента, которым ты можешь на этот материал воздействовать. Профессия начинается со знания. И вот мы имеем сегодняшних писателей, которые не умеют работать со словом. Даже талантливый человек должен пройти определенную школу слова. Для чего? Это не идеологическая школа слова, это значит – понять свои достоинства, свои недостатки, свои возможности, и каким-то образом гармонизировать и то, и другое, и третье с той средой, на которую человек пытается влиять, и с самим собой. Это и будет профессиональный подход.

Что касается альманаха – это попытка дать реальную, но несколько идеализированную картину того, что имеется на данный момент. Идеализация заключена в том, что люди, которые в жизни не соприкасаются и не общаются, друг у друга не учатся, объединены под одной жилой крышей в альманахе. Это – идеал. В реальной жизни этого нет. И неизвестно – будет ли. Что такое Союз – это профессиональное объединение художников. Вторая задача – показать что, вот, друг сердечный, эта вся та работа, которую ты имеешь к данному моменту. А рядом – твои коллеги, и их работа. Наверное, что-то будет с чем-то сравниваться. Может быть. Не знаю, будет ли кто-то сравнивать усилия свои с чужими, но такая возможность будет. Третья задача – дать отражения людей позитивно, потому что негатива и так хватает, с расчетом на какую-то перспективу, на развитие. А дальше – уж как сложится. Скорее всего – никак не сложится, но пробовать надо. На самом деле это попытка остановки хаоса в отдельно взятой космической точке. Может быть, с этого альманаха и начнется разговор о том, что же такое профессионализм художника, включая и этические понятия нравственного отношения к собственному тексту. Ты недавно выразила удачно смысл творчества в формуле, что человек предлагает свои возможности безадресно, в надежде или даже без надежды – на всякий такой запасной случай – что что-то может оказаться востребованным. По-моему, твое определение такой социальной копилки – это точная формула.

АБ: Наверное, при резких, кризисных изменениях обстоятельств – война, разруха, перестройка и так далее – в человеке выходят на поверхность несколько иные

качества. До кризиса – были совершенно нормальные, честные люди. Нине Веселовой пришлось торговать, она могла торговать только честно, - у нее оказался шиш в кармане. Но тем не менее, она нашла в себе силы – не все находят силы, не все могли бы это сделать, некоторые предпочтут лечь и помирить где-нибудь на помойке, но не смогут, не сумеют, посчитают это неправильным для себя. В большинстве людей раздвигается какая-то ткань и появляются ради сохранения жизни новые качества. Я хочу провести параллель с тем, что ты говоришь. Что художник на всякий случай предлагает: «А может быть, тебе потребуется другое? Мое?» Бывает, что и требуется, бывает, что книга и попадает, и кому-то оказывает внутреннее содействие и помощь. На случай каких-то экстремальных востребований художниками производится нечто.

ТТ: Ну, экстремальные ситуации – они же не только физические.

АБ: Не только, безусловно. И обучающийся человек ищет, что бы ему попробовать применить.

ТТ: Я тебе скажу, что драма российского времени заключена в том, что люди не хотят учиться. Они больше доверяют сейчас собственному опыту, который мало что дает на самом деле.

АБ: Надо быть осторожней с определяющими словами – в них тоже произошла некоторая перестройка, они несколько сдвинули собственные смыслы. Что значит «не хотят»? Не то что по убеждению не хотят – они по факту жизни не хотят, скорее – не могут. Но и не то что не могут, а делают выбор, говоря: «мы этим заниматься не будем, потому что не выгодно».

Всю предыдущую историю у нас был дефицит действия. Помнишь, мы с тобой где-то, так же вот сидя, говорили, что не переходил человек к деятельности? Жили в виртуальности и не могли ничего сделать. Даже те, которые хотели что-то делать – их сажали, они почему-то там нарушали какие-то законы. Множество примеров, они сразу всплывают, когда за постройку дороги, даже без всякого нарушения законов, человека засадили. «Не моги!» - не моги мыслить, не моги писать так, как ты хочешь, а не как положено компартии, и так далее. А сейчас пришла возможность действия, и люди пошли на это действие. А действие – в какой-то мере первично, оно обеспечивает результат, оно – начальное условие дальнейшего существования и дальнейшего развития. Так что, насчет того, что «не хотят» - может быть, это вынужденное нехотение.

ТТ: Нехотение и неможение – тоже имеют отношение к профессионализму. Профессионал-редактор не будет давать название книге «На сон грядущий». Не будет, потому что он – профессионал, потому что знает заведомо, что такое название – гроб. Если ты отказываешься от какой-то школы, которую все-таки получить бы нужно, то будешь делать одни гробы и роешь своему делу могилу. Непрофессионал может создавать только брак. Этого, по-моему, никто не понимает. Наверное, потому, что второсорт на всеобщей нищете пользуется спросом, и потому имеет возможность выдать себя за качество. Через поколение в качественной культуре просто не будет потребности. И народ на этом закончится.

АФ: Люди собрались без всякой подготовки к этой деятельности, но, абсолютно без никакой! Ну, писали стишки, ну, еще что-то такое, ну, попали по молодости на какой-то семинар, там их сделали членами какого-то Союза, они не понимают, что это значит, что есть какая-то ответственность, и прочее и прочее. Что ты таким образом признаешься профессиональным писателем, а не любителем. То есть – они сироты, они не имеют

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

родителей. они не имеют старших, которые помогли бы им вписаться в определенные рамки требований хотя бы.

ТТ: Да не хотят этих старших!

АБ: Таня, ну подзаборник тоже не хочет, чтобы его из-под забора выволакивали.

ТТ: Не хочет!

АБ: Так он подзаборник! Он поэтому не хочет, потому что не знает, не воспитан. Все равно нужно воспитывать.

ТТ: Это тезисы, обреченные на провал, потому что воспитываться никто не желает и не пожелает.

АБ: Обреченное на провал не подразумевает, что нужно прекратить усилия в этом направлении. Провал – это или вообще итоговая черта, или явление временное, обозначение периода: что-то оканчивается провалом, но может продолжение потом. Не знаем, как наше слово аукнется! Ну – не знаем! Это может выглядеть провалом, а быть не провалом. Ну, пройдут люди через одно-другое, десятое обсуждение. по кругу все пройдут – ну что-то же будет говориться, что-то же может оседать, а для кого-то, - открытие – не открытие – но ведь самоочевидно теперь, что что-то нужно менять, ну, хотя бы вариант названия. допустим, что нужно соблюдать меру и грань. Если уж говорить об упомянутом тобой названии «На сон грядущий» - это ведь катастрофически ограниченное число ассоциаций. Человек настолько восхитился какой-то игрой слов «На сон грядущий» - «Насон грядущий», что он совершенно отринул, позабыл, ему сто раз наплевать на то, а как на это отреагирует тот, кто возьмет в руки подобное произведение – то ли сразу заснет, то ли выбросит... А проработка вариантов и есть школа. Почему раньше говорили: «Не получил систематического образования» - то есть человек нахватан где-то как-то случайно, у него пробелы, которые, как потом оказывается, в жизни проявляются в безвкусице, непонимании, неумении, неграмотности, поведении, в действии, наконец.

Насиловать, конечно, никого не надо. Но достаточно настойчивыми быть, пытаться то с одной стороны зайти, то с другой, и говорить, что лучше будет, если ты сократишь роман, даже на три печатных листа. А роману стало – лучше! Мой собственный роман казался мне достаточно отредактированным и отработанным – но я в нем выловила столько паразитирующих слов, без которых совершенно можно обходиться, очень даже, - на целый лист будет в общей сложности. А казалось бы! – а казалось бы... Оказалось, что можно было бы более умело находить свои просчеты – так ведь нет.

ТТ: Давай вернемся к интервью с Тайгановой. Ты какие-нибудь вопросы накопила?

АФ: Нет. Таня. Только то, что пыталась тебе сказать, что, может быть, я предложила бы тебе не делать все как вывод, как у нас получилось это днем, в той записи, которую ты стерла, когда ты жизненные итоги подводила – было одно, а вот пришли к этому, к разлуке и потерям. И – всё, на этом всё останавливается. Но отметить наличие этой разлуки и неумения, нежелание работать, непонимание, что ты такое, чем ты являешься, состоя в Союзе писательском – даже этом! Они – не понимают.

Когда у нас возникла идея создания альманаха, я надеялась на то, что люди смогут, быть может, каким-то образом абстрагированно посмотреть на свои усилия. То, что вот так вот будет преподнесено – оно от человека уже оторвано. Оторвали от автора, сделали кесарево сечение. Взяли и все труды разложили. И вот, допустим, Кузнецова смотрит на себя – что у нее есть, а у нее – ничего нету! Может быть, несколько публикаций

газетных, но ведь вообще-то ничего нету. Конечно, это может произвести на нее такое впечатление, что она уйдет, и не будет этим заниматься вообще. А кто-то посмотрит – посмотри-ка ты, по сколько люди имеют! А я – чего? Да ведь, наверное, надо, значит, трудиться и что-то кропать, и куда-то с этим соваться! Они же никуда не посылают! Ты понимаешь? Это феномен вологодский! Они никуда и не посылают! Одна Веселова там где-то бегаёт, и причем публикуется! Пусть даже как журналист, а не как прозаик и не как поэт. Может быть, Галя туда-сюда, но что-то не очень видно, чтобы где-то что-то пошло. Оно, конечно, время не способствует, я понимаю, время такое, что нигде ничего и не пойдет, но ведь они даже и не рыпаются. Им ведь и в голову не приходит, что нужно посылать куда-нибудь! «Да, - говорит Паша Тимофеев, - а что мне даст этот семинар, который будет осенью в Москве? А чего я? Зачем я туда поеду-то?» Они даже этого не понимают! А в мое время как желали люди попасть хоть на какой-нибудь семинар – они бились и рвались туда! Конечно, для этого были условия – когда я была на драматургическом семинаре, то после его завершения у меня Министерство культуры покупало пьесы, - платило мне за это, прямо с семинара мне аванс выдавали, тут же шли в Министерство заключать договор. А проза – принималась в журналы. Но ведь на будущем Совещании то же самое – будут редактора! Нет – не реагируют.

Я, Таня, отношу это к безграмотности. Может быть, конечно, и такой вологодский темперамент – им безразлично печататься. Но я думаю, что они лгут – а зачем тогда ты пишешь? И зачем ты кому-то – хоть кому-то! – даешь прочитать? Безразличие к публикациям – это внутренняя ложь, и лучше бы все-таки ее преодолеть. Каждый хочет быть, скажем, великим. Хочет быть замеченным. Это безусловно. Ну, и чего в этом дурного-то? Давайте признаемся, и будем стараться, чтобы нас заметили. Не любой ценой, понятно, - начать с мастерства.

Мне так и представлялось, что этот художественный справочник, или как мы там определим этот новый жанр...

ТТ: Коллективный портрет.

АБ: Вот этот коллективный портрет – он необходим нам как какое-то зеркало, как пусть невысокая, но ступень абстрагированности, ступень понимания, что «я ведь, оказывается, делаю что-то! Смотри-ка, как это выглядит! Как хорошо, когда этого больше, как хорошо, когда это сделано лучше, красивее!» Видно будет, что у альманаха профессиональная обложка, а не тетрадная черт-те как. Оттуда будет идти большее качество, и, наверное, это будет создавать какую-то потребность: так что, вот бы и мне бы такое же... Хотя мы и погреем против истинного положения вещей и постараемся сделать альманах привлекательным для всех, потому что перед нами стоит задача еще и выхода в свет – вывода в свет и своей организации – ведь необходимо реабилитироваться, доказать, что мы работаем. Точно так же работаем, как и тот, другой, Союз.

Идея очень хорошая, Танечка.

ТТ: Ну, доломаем. Я, конечно, буду периодически брыкаться.

АБ: Да ничего, когда начнем переходить уже на составительство, на оформление – и нелюбимого полюбишь.

ТТ: Конечно. Я сидела, думала – ведь это феноменальное вологодское состояние нежелания движения вообще – очень раздражает. Я же знаю из опыта – любишь то, во что вкладываешь силы. Наши ребятки в большинстве своем ни во что силы не

вкладывают – не имею в виду ни Сучкову, ни Галю. Они начальный импульс творческий выразили, и считают, что этого достаточно. То есть творческого ребенка, родив, никто не воспитывает. И все вот эти наши произведения – действительно беспризорники. И если будет вкладываться силы – в самого себя, в свое же произведение – то, конечно, ответственности и любви будет больше. Но это – «если».

АБ: Таня, я еще хочу ворваться и прервать. Понимаешь, ведь это очень удивительно – мне это удивительно. Тебе, наверное, удивительно. Мне это – совсем удивительно. У них нет потребности принести человеку более опытному свое произведение! Нету!

ТТ: Может быть, нет доверия?

АБ: Ну, может быть, они стали все очень умные – я не знаю... Нет доверия – так ищи! Я припоминаю свой опыт: тащили в газету, тащили на литобъединения, куда-то там, искали семинары... С чем туда идешь? Ты же туда приезжаешь зачем-то? Не только для того, чтобы опубликоваться, но и услышать о себе хоть что-то. На семинарах же старшие были руководителями, более опытные, они же что-то предлагали, говорили, объясняли, как нужно решить проблему, как что-то сделать. Даже то, что рукопись нужно через два интервала напечатать, а не через один! Что поля нужно оставить три см! Что с красной строки нужно начинать абзац! Я ведь тоже, Таня, через это проходила – я ведь тоже не знала, как нужно составить рукопись! А они – до сих пор не составляют. Было же тяготение – получить что-то. Как вообще можно быть таким уродом, чтобы подумать, что ты прямо родился все знающим!

ТТ: Вопрос – ведь не простой. Нет доверия. Впервые, по причине печального коммунистического цензурного прошлого. Во-вторых, благодаря коммунистическому прошлому вообще понятие творческого Союза как таковое уже дискредитировано, особенно в писательской среде. В третьих, господа-товарищи старшие по поколению душили живое. Обсуждение проведут, кого-нибудь порекомендуют и пятнадцать лет будут гнобить. Именно и как раз того, кого порекомендовали. Доверие, конечно, подорвано объективно.

Потом есть еще структуры недоверия более тонкие. Я с ними сталкивалась. И эти более тонкие моменты – более серьезные. То, что я выразила сейчас в трех пунктах – на это можно рукой в принципе махнуть и жить на уровне симпатии-антипатии в собственных душевных пределах, а на прочее рукой махнуть. То есть уйти во внутреннюю эмиграцию по нравственным причинам. Но спонтанно любой человек обязательно хочет внутреннего роста. Но когда он сталкивается с необходимостью многократно возвращаться к собственному тексту и десять-двадцать раз его перерабатывать!.. Это я знаю, какую радость может доставлять работа такого рода – так у меня какая школа, какая дисциплина! Это надо научиться – преодолеть стадию неизбежного отторжения от мнения другого человека. По-моему, до стадии вникания в сам процесс совершенствования текста – процесс во многом процедурный, юридический, процесс доказательства самому себе права или не-права на существование твоего текста в том виде, в каком он народился на свет – никто просто не добивается. На самом деле эта работа доставляет громадное удовольствие – лично мне, например. Эта авторская многократная редакция – труд тяжелый и кропотливый, но, с моей точки зрения, этот процесс намного интереснее того начального написания. Хотя начальный процесс написания более захватывает. Он более эмоционален. Как бы можно – так кажется – на этом остановиться.

АБ: Но он – внутри! А тут ты уже начинаешь делать – это и начинается настоящее творчество, оно – потом. Потому что ищешь... Начинаешь магией заниматься. Ты ищешь те слова, их расстановку, то звучание, которые передадут начальное-внутреннее – а ты его помнишь! Вот то, какое у тебя было чувство, что его вызвало, какие картины, которые ты передаешь. А они этого не понимают – они думают, что зафиксировали свой внутренний порыв – и он весь на бумаге и есть. И всё – они сделали. Они – сделали! Они меряют свои тексты своим же ощущением.

ТТ: Я пыталась сказать, что вот эта необходимость дальнейшей работы – она не является потребностью. А для сегодняшних – особенно молодых – ребят она является обузой. Они – не хотят. И хорошо, что есть, допустим, ядовитый Авербух, который в три счета состряпает пародию. Вот на языке пародии – когда тебя спародировали, когда тебе дали пощечину, справедливую – несправедливую – это другой разговор. – вот тогда реакция есть, на физиологическом уровне, уже химическая: «ага, меня тут засекали в нарушении законов – давай-ка я попробую их иначе обойти». Это же амебный уровень, эмоциональное реагирование на болезненное прикосновение, и всё. Но опять же – это не путь, и не дает работы, потому что творческая работа над собственным текстом предполагает углубление в собственные хотя бы законы, развитие, расширение их. Заниматься – не хотят.

АБ: Таня, я опять, я зануда, я опять говорю, что это еще и незнание. Таня, давай перейдем на личность и вспомним: ведь ты очень болезненно относилась к замечаниям. И нужна была чрезвычайно терпеливая и продолжительная школа, чтобы ты более-менее стала хотя бы вслушиваться – не обязательно принимать – в то, что, допустим, я тебе говорила. А ты как-то это проецировала, у тебя получилась какая-то сложная обратная проекция на себя – и лишь потом это служило толчком, чтобы ты что-то из предлагаемого взяла и уточнила, или – развила, углубила. Вот так у тебя происходила твоя работа, насколько я могу судить. Я тебе что-то сказала: можно было бы усовершенствовать и исправить вот так и вот так, где мне показалась какая-то недостаточность, но ты практически редко когда соглашаешься с этим. Но ты соглашаешься не с моим предложением, а с тем, что тут нечто есть, что замечание чем-то вызвано и какая-то недостаточность наличествует. И сама ее ликвидируешь, собственными своими приемами, и происходит углубление.

ТТ: Это нормальный процесс.

АБ: Это совершенно нормальный процесс. Но ведь это все надо же еще и понимать! Это с тобой хорошо, что ты вот так вот взяла и, сопротивляясь замечаниям, отбрыкиваясь, отталкиваясь от них, но прошла через себя. Но ведь это только через опыт приходит.

ТТ: Профессионал реагирует на такие вещи уже не эмоционально. Или – не только лишь эмоционально.

АБ: Я думаю, что тут у нас поворачивается разговор к «Камертону», Таня?

ТТ: К какому?

АБ: А к твоему!

ТТ: К которому?

АБ: А просто – к выпуску.

ТТ: Будем делать. «Камертон» у меня не стоит под вопросом. И стоять там не будет.

АБ: Нет?

ТТ: Нет-нет. Там очень много интересных тем. Не знаю, правда, как быстро это все будет развиваться. Надо просто сделать работу с альманахом, пока главную. А остальное будет жить, даже если никто в этом не станет

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

принимать участия.

АБ: А не лишне будет, если мы тут коснемся и каких-то проектов?

ТТ: У нас что с тобой – рекламная кампания?

АБ: В значительной мере и рекламная кампания. А потом, об этих проектах далеко не все знают из нашей организации – что-то слышали, что-то исказили, что-то обсмеяли...

ТТ: На меня очень разрушительно и болезненно действует вот это вологодское нежелание двигаться. Вообще производить какие-то движения в пространстве. Я это не очень понимаю. Это очень отражается на моем самочувствии, в том числе и на проектах тоже. В крупных городах этого феномена нет совершенно.

АБ: Череповец – другой.

* * *

ТТ: Сейчас получается так: два Союза. Один – кондовый и дурак, второй – беспомощный. Народ, который в общем-то склонен к творческому развитию, он в принципе уклоняется от всякого соседства с Союдами. Идет тема, что Союды себя исчерпали, и у этой позиции есть серьезные основания.

Хотела бы тебя расспросить, потому что у тебя опыт существования и работы в Союзе достаточно большой. Оно понятно, что организация, с одной стороны, исчерпана. Но с другой, если представить картину, в которой художники предоставлены сами себе и карабкаются самостоятельно, то мы будем иметь печальный самиздат без развития и выхода на серьезный творческий уровень. Вообще все-таки художники вольно-невольно тяготеют к собратьям по разуму. И все равно так или иначе начнут сбиваться в какие-то стаи. Паша Тимофеев – на данный момент не состоит ни в каком Союзе, а просто собирает молодежь и пытается инициировать творческий процесс. Такие инициативы в той или иной форме неизбежны.

И вот, мы сейчас имеем на данный момент неразвитый, новорожденный, практически беспомощный Союз писателей. Я говорю конкретно о вологодской группе и не касаюсь московских проблем.

Должен ли подобный Союз существовать, с твоей точки зрения? В каком виде это существование может быть полезным для пишущих, с учетом того, что материальной стороны реализации мы лишены в принципе? Возможно ли на практике организовать жизнь без этой материальной стороны? И какие принципы должны быть у этого Союза? Дело здесь не в бюрократическом органе и даже не в конструкции самой. Может быть, дело в чем-то другом. Какие реальные возможности продолжения жизни есть у нас, и какие они могут быть? Ведь Галя Щекина что говорила? Говорила, что Союз – фиктивный. Ведь я ее понимаю, почему она это говорила. Она говорила это спекулятивно, но на самом деле ее гложет вот это мучительное чувство, что она сбивала масло из воды, а вода так и осталась водой. Союза, как творческого, с ее точки зрения нет.

АБ: Интересно, а что она сделала для того, чтобы союз был творческим?

ТТ: Она сделала, что могла.

АБ: Нет, Таня, она не сделала, что могла! Она пошла по количественному пути. Другое дело, что она, может быть, не знала, как нужно делать. Она же еще и слушать не захотела!

ТТ: Ну, ладно, давай не будем касаться сейчас этих вопросов. Давай о другом: нужна ли структура какого-то творческого объединения? Если нужна, то как она должна работать? Может ли она работать вообще?

Вызрели ли для этого условия?

АБ: Танечка, у меня нет полной убежденности, чтобы сказать «нет, не нужна», и чтобы сказать «да, нужна». Потому что каждый раз это зависит, видимо, от входящих в организацию людей. Умеют они к чему-то стремиться и соседствовать друг с другом, помогать, продвигаться куда-то? Ведь несмотря на то, что существовал у нас один писательский Союз, был же иной круг – Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. Ведь я же их ровесница, мы с одного года. У них была просто группа, и группа-то была – из трех человек! И они сбили такое масло из воды – но они были столичные люди, что существенно, там хватало нахальства, эпатажности и всего такого прочего, – потому что были группой не разлей вода.

ТТ: А вот мы теперь хлебаем их воду.

АБ: А мы теперь хлебаем, понятное дело. Теперь нас кинули. Ну, и ладно – самим надо о себе заботиться. Это манипуляция, конечно, была.

Раз уж речь идет об этом Союзе, то, наверное, невозможно не сказать о том Союзе.

Я повторю еще раз то, что тебе неоднократно говорила – я ни разу не пожалела, что нас поставили в такое положение, что вынудили отказаться к ним идти. Не жалею. Потому что все-таки там мы, наверное, задыхались бы, совершенно дышать было бы нечем. Но, наверное, этого касаться совершенно не нужно.

Сейчас я попробую какими-то кругами приблизиться к проблеме, которую ты поставила.

Молодые протестуют, та же Наташа Сучкова, кто-то еще – говорят: «А зачем нам все эти союзы, мы сами по себе». Наверное, когда люди составляют хотя бы три человека, то могут быть сами по себе. Почему нет? Но в нашей ситуации, когда нас одиннадцать, и это перевыборное собрание, и все, что из него впоследствии – Галино утверждение, что Союз фиктивный – мягко говоря, лукавое утверждение. Потому что они не смогли сделать необходимого для всех, поэтому они говорят, что «все» им не нужны. Они самодостаточны в том количестве, в котором они наличествуют. Приглашают еще кого-то на временные роли, типа Новолодской...

ТТ: Я не в этом плане задавала вопрос, не в идеологическом. Я тебе задаю вопрос такой: чем должны заниматься творческие люди, при условии, если они хотят какого-то объединения или общения, выходящее за пределы трех человек. На чем должен строиться Союз? Что в нем жизненно необходимо?

АБ: Я думаю, что прототипом Союза является, наверное, литературное объединение. В данном случае я не имею в виду «Ступени», но и «Ступени» – тоже. Они добровольно собираются. Там ни членства нету, ничего нету. И – постоянный контингент. Кто-то приходит, кто-то уходит, но костяк остается. Или же он настолько во времени видоизменяется, что все равно остается ядром. И их что-то объединяет. И они вот этим ядром так и катятся по времени, начиная с девяностого – или с какого там точно – года, и еще будут катиться. Значит, наличествует что-то, в чем люди испытывают потребность. Но там приблизительно один возрастной ценз. И профессиональный уровень тоже – несоответствующий. Это люди еще только пытающиеся. Нам делать в лито «Ступени» нечего – я об этом говорила на собрании. Но нам тоже нужны ступени. Они приходят на собрания, имея жажду и каждый раз надеясь на что-то, и иногда получая, а чаще, может быть, нет, и все равно опять надеясь получить, они приходят – так точно так же нужно вот это вот и нам. Если мы этим занимаемся – мы тоже будем хотеть приходить. Хотя кому-то может быть тяжело. Наверное, тяжелее

всего это может быть нам, тебе. Эта основа – это цех. Как было – принадлежать к такому-то цеху. К такой-то гильдии мастеров. То есть – объединение мастеров. Оно существовало со средних веков и, может быть, раньше, с каких-то древностей. В Древней Греции было сообщество гончаров, в Древнем Египте – бальзамировщиков. они даже жили отдельным городом, у них были свои тайны и своя жизнь. То есть – объединение по профессиональному признаку в какое-то общество, живущее по определенным отработываемым и, может быть, изменяемым законам – думаю, что оно создано и подтверждено историей. И поэтому оправдано. Мне кажется, что без этого – никак. Тяготение к этому будет идти.

ТТ: Если сравнивать наш вологодский Союз со «Ступенями» же, то ситуация получается смешная, потому что ребята, которые туда ходят, находятся на своем уровне, в непрерывном творческом процессе. А у нас этого нет! У нас нет непрерывности. У нас вообще и самого творческого процесса для многих членов нашего творческого Союза просто не существует.

АБ: Правильно. Мы же говорили, что это и есть начало.

ТТ: То есть жизнеспособность лежит на уровне выработки законов профессионализма. Так?

АБ: Я думаю, да.

ТТ: Хорошо. И ты полагаешь, что народ будет ходить ради этого самого профессионализма? Что народ этого захочет? Когда люди столкнутся с необходимостью работать над собой и собственным текстом – разбегутся.

АБ: Ну пусть ходят в «Ступени», Таня, в конечном счете! Ну, пусть – насильно-то мил не будешь. Нет – так и нет. А если подходить к этому немножечко изнутри –

так в первую очередь заниматься возникающими произведениями. Рукописями. Вниманием друг к другу. Иногда, может быть, себя и заставляя – даже так. У меня своих дел полно, а мне нужно кого-то читать... А я, между прочим, безотказно читаю! Наверное, никто, кроме тебя и меня не читает других. Щекина еще, из-за того что публикует это все. А я еще читаю на совершенно добровольных и бескорыстных началах. чтобы посмотреть, что написал Николаев или Наугольный. Я же их – не издаю! И рецензий по этому поводу не пишу, - я просто читаю. Мне кажется, что именно с чтения друг друга, с обсуждения, с обмена информацией и житейского, и отвлеченно-профессионального текущего момента, обратить внимание на публикацию, если она пошла поздравить кого-то с днем рождения и с Новым годом, - нужно начать, это облегчит жизнь. При нормальном бы развитии, хотя для этого нет возможностей, должна быть взаимовыручка и взаимопомощь.

Слава богу – обходимся все пока без! Посмотри, что делает Малоземов! А Малоземов, не будучи ни в каком Союзе, а просто товарищем будучи, может быть, и не очень близким, приходит в больницу к писателю. Он – приходит. Мне просто интересно, насколько к этому писателю его коллеги приходят. Но до этого, наверное, далеко. Скорее, мы можем справиться с обсуждением рукописей. Но Таня, я даже могу допустить, что и это может не очень состояться, потому что у нас для наших коллег требовательность непосильная. Не привыкли люди к критике, и не потому, что не справились бы с предложениями – Сергей Донец, наверное, справился бы. Но вот как он отнесется к тому, что может прозвучать как требование? А другие как? Это же все очень болезненно. Не знаю, не знаю. Но попробуем.

Татьяна Тайганова (Вологда)

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ РЕЧЬ

Быстроречный народ наш создал незаменимую, единственную в мире уникальную среду устной матерной речи, с помощью которой из десятка исходных кубиков создаются мощнейшие и ёмкие в семантическом отношении конструкции, которые сделали бы честь шепетильному стилисту. Изгоняемый из рафинированной речи, в русской ментальности мат отнюдь не изгой, и никогда им не будет, ибо представляет собой живую творческую структуру, нравится это кому-то или нет. Я не стремлюсь ничего романтизировать. Меня, как любого нормального человека, до смертной тоски удручают мальчишки и юноши, не верящие в силу слова иного и пытающиеся обольстить девчонок чудовищными пассажами, а девушки это терпят, хотя терпеть нельзя, ибо женщине не место под камнепадом; я стараюсь не напороться взглядом на злобно разверзшегося пьяного мужика и дергаюсь, как от удара, когда парень, испуганный вылетевшим на него из-за угла маленьким пуделем, швыряет в него матерное проклятие — это значит, он слаб настолько, что при малейшей тревоге хватается сразу за ядерную боеголовку. Я осознаю все возможные последствия злоупотребления магией речи, и именно потому, что ее воздействие невозможно запретить, мне остается лишь пытаться

понимать происходящее, не игнорируя реального положения вещей. Может быть, есть возможность, опираясь на факты современных мутаций слова, разобраться, какие на самом деле процессы происходят в российской речи и не только в ней, ибо она лишь прямое и честное отражение сопутствующей человеку материальной реальности.

Мат — явление в России теперь прочно национальное, вошедшее в структуру народной повседневности и трансформировавшейся в ней уже до столь назывательной речи, что в деревнях первым словом младенца стало отнюдь не «мама». Став неопровержимым фактом жизни, мат стремится быть ее естественным, что явно требует хотя бы анализа, причем отнюдь не академически-лингвистического. То же, что начинает считаться естественным, неизбежно проникает в литературное творчество, хотя далеко не всегда и не всё внедренное в язык книги имеет на то веские основания. Естественно, мальчишки не станут выслушивать ничьих концептуальных выкладок, но, возможно, от них не отвернутся пишущие, которым не все равно, как влияет их творчество на других.

Последние полтора перестроечных десятилетия вскормили и вывели мат из подполья brutальных междометий, подарив для развития невиданную социально-конфликтную среду. Сохранив убойную силу,

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

мат оторвался от сексуально порочающего русла и из сомнительного творчества «устного и народного» стал воистину гражданским, агрессивно-оценочной непримиримой структурой, имеющей конкретную цель: беспощадно метить разврат отнюдь не физиологический. Эта хищная речь преобразовалась в непревзойденную форму народной сатиры, что, естественно, не осталось незамеченным художниками, живо экспроприровавшими ее лаконизм и мощь в речь письменную. Можно уже и не поминать потрясшего женское воображение Эдичку — недавно мне позвонил друг Кошкин, поинтересовался моим здоровьем, и после некоторых колебаний и сомнений в моем чувстве юмора (смущение по иным поводам ему в принципе не свойственно), торжественно зачитал последнее приобретение из Интернета: сложнейшую по синтаксической конструкции элегию, написанную, разумеется, все той же непечатной лексикой в размере гексаметра. Насколько помню, там наличествовали даже деепричастия в чрезвычайно распространенных сложноподчиненных оборотах. Впечатлившись силой искусства, я смиренно поинтересовалась, чье это произведение, подозревая, что даже литератор, будучи все-таки более или менее мужиком, не стал бы так издеваться над святой для него ненормативной стихией, ибо ценность ее в лаконичности и достойном поводе. Оказалось — шедевр выпустили в мировое пространство русские хакеры, для собственного интеллектуального удовольствия требующие повышенных творческих нагрузок, — а может быть, и из почтения к российскому абсурду. Америке нас не догнать никогда — наши отечественные гении создали программу по преобразованию мата в любые, вплоть до венка сонетов, поэтические формы и распространили всем желающим абсолютно бесплатно.

Литературу резидентские новации отнюдь не обогатили никакими серьезными достижениями — в неволе мат не размножается. Иначе и быть не могло: несмотря на свою активность и народную общепризнанность, мат остается незаменимым дополнением речи исключительно устной и лишь в ее среде сохраняет свою первобытную силу. Он обогащает частушки и укореняется в анекдотах — здесь совсем не часто удачно, потому что современные анекдоты, в отличие от частушек, жанр далекий от импровизации и скорее сконструированный и авторский, хотя и анонимный, и с естественной устной речью состоит не в самом близком родстве. Попытка ввести изгойную лексику в литературные произведения на устном уровне удалась гибкому Михаилу Задорнову, который, явно будучи интеллектуалом высокого уровня, сумел сотрудничать с этой стихией благодаря редчайшему чувству меры. Истинный ценитель парадокса, он и к взрывоопасному браку двух понятийных пластов подошел парадоксально: ненормативная лексика подается им умелым и редко столь разнообразным принципиальным умолчанием вкупе с соседствующими с паузой соответствующими рифмами: зал услышит в воображении самостоятельно всё необходимое остальное. И именно эта всеобщая осведомленность позволила мне не привлекать цитат и остаться в пределах речи для меня естественной. То есть по существу — Михаил Задорнов в устном выступлении грамотно и артистично до сих пор пользуется многоточием. Многоточия же в надлежащих местах в литературных текстах, хлынувшие после срыва цензурных границ в начале девяностых, были приемом не столько цензурно-стыдливым, сколько цензурно-рациональным: они, разумеется, никакой конкретики не обозначали, но место, заполненное тремя символическими точками, так удачно тактово совпадающими с популярнейшим трехчленом, и еще одним трехбуквенным членом (я имею в виду —

лексической семьи), само предлагало читателю заполнить его в соответствии с литературным контекстом и собственным вербальным или слуховым опытом, который богат у нас всех без исключения. Прием быстро приелся, читатели возжаждали развития слишком нематериальных точек в нечто более весомое, и под видом якобы естественно необходимой речи явились под мирное небо невинной советской литературы монстры, насильственно сочленившие (опять пардон муа) в себе два разных энергетических уровня: долго взращиваемую и накапливаемую произведением с помощью общеупотребительной речи его финальное вибрационное слово и тяжелую артиллерию мата. То, что раньше подразумевалось за многоточиями, теперь взрывалось в буквальном смысле от взгляда и решетило все тонкие связи, которые худо-бедно сплетались ранее.

Мат неуместен в художественных книгах, в обители слов более-менее общеупотребительных, где они уже неподвижно зафиксированы, оторваны от физиологического бытия и так или иначе обречены приспособляться к жизни в абстрактной среде. Я даже могу себе вообразить некую секцию художественного мата — были же в советские времена аналогичные секции свиста, и достигших мастерства никто не стеснялся демонстрировать со сцены публично. Однако даже в случае гипотетического успеха такой эксперимент ничего не изменит — *мат в литературном отношении не художественен* не потому что аморален, а потому, что *полностью самодостаточен*. Внутри себя самого — он гибок сколь угодно, в народе есть умельцы, достигающие в подобном творческом самовыражении поэтического полета. Они, как правило, известны и популярны — их заманивают даровой бутылкой пива в мужскую компанию, чтобы послушаться досыта и выразить свое восхищение. К истинному матюгу (то есть сказанному к месту и вовремя) — ни прибавить ничего, ни убавить, он не поддается литературной — в писательском понимании — обработке, потому что не валентен по отношению к словам более мирного назначения и не способен вступить с ними в полноценное — равноправное — соитие, рождающее новую метафору. И даже далеко не со всякой устной и виртуальной речью мат уживается, а в цивилизованной письменной — обречен оставаться на дороге диким булыжником. Он представляет собой отдельную — отделенную — от прочего языка среду, практически для читающего непроницаемую, стихию, в которую невозможно внедрить новые понятия, а можно лишь модифицировать исходные. Этот язык не поддается никакому иннокровному обогащению, кроме структурного, а захваченные им нормативные слова могут играть в его среде лишь декоративно-вспомогательную функцию. А что, собственно, возможно добавить к известному глаголу в известном трехчлене, чтобы он обрел иной смысл и образовал новую метафору? Я не смогла найти ему даже просто тождественного понятия в доступном моему воображению привычном словесном объеме, ибо все подобранные аналоги, включая философские и медицинские, вынужденные моими усилиями войти если уж не в единение, то хотя бы в противоборствующий контакт с подопытным глаголом, странным образом утеряли свою понятийную силу и оказались пародийными. Ну, не «коитус» же, в самом деле?.. Выделить мат из русской речи как жаргон и на том примириться с ним к со специальной речью узкой категории любителей оказалось принципиально невозможно. Жаргоны — цеховая речь рокеров, брокеров, хакеров — никогда не имели к принципу мата ровно никакого отношения: жаргонные языки в значительной степени *имитируются*, они изначально искусственны, наслаены поверх естественной речи, представляют собой перевод с широкого русского на русский цеховой и закрытый. Жаргоны принадлежат цеху,

и по мере его развития легко принимают в себя неологизмы; либо, осваивая новые понятия, которых не было, заимствуют их из других языков и вообще не стесняются самых диких калек, выхваченных из чужого контекста один к одному при переводе. Повальная компьютеризация — самый горячий пример: я вздрогнула, когда, впервые десять лет назад зайдя в компьютерную фирму, услышала по отношению к себе озабоченно-деловое: «Что, мать сгорела?». Стихия русского мата — явление принципиально общенародное и в своем роде патриотичное — она не принимает иноязычной лексики, английское «фак», ухваченное молодежью, есть лишь ее личный подражательный эпатаж и не способно конкурировать с русским аналогом, хотя бы в силу своей морфологической обособленности в среде чужого языка: ни приставки ни прибавить, ни предлогом воспользоваться. Иди на «фак»?.. Не убедительно, у нас для такого... ну хотя бы «фиг» есть. Жаргон переводим на стандартную речь, мат — никогда, ибо он глубоко метафоричен: Вася, уронившему кирпич на голову нижестоящего товарища, не придет на ум усомниться в смысле того, что он в ответ услышит, и Вася не станет себе представлять вообще чью-либо мать в предлагаемом положении.

Попытки искусственно навязать мату равные права с прочими художественными приемами, включая сетевую лексику, обречены на провал. И не потому, что что-то в них непристойно — читатель всякое видел и слышал и не больно-то пуглив, однако — смущен, но вовсе не от застенчивости. Ему не по себе оттого, что ретивые словотворцы сунули хищника в клетку и пытаются научить держать вилку в левой руке. Кроме того, читатель не слишком любит те метафорические приемы, в которых что-либо обозначается сугубо и конкретно — он чувствует себя бессовестно обманутым: его воображению в тексте нечем заняться, а если его мучают интимные проблемы, которые возможно облегчить с помощью соответствующей образной медитации, то он воспользуется иной литературой. По совести говоря, мастер, полноценно владеющий словесной стихией, и не нуждается при творческом процессе в браконьерстве — он найдет способ избежать соблазна, даже если тот диктуется необходимостью отразить соответствующую среду. Мат не только не несет образности того, что обозначает — он речь не аналитическая, даже не описательная и не созерцательная; хотя там, где восхищенный философ растрогоанно вздохнет: «экзистенциально!..», кто-нибудь рядом обязательно с ним согласится соответствующим «блябудуколдун, ёкарныйбабай!» Этот неистребимый слой языка — оценочный и скоростной, мгновенно реагирующий на ложь, слабость и абсурд, и в экстремальных ситуациях он практически полностью заменяет собой непоспешающую стандартную лексику. И делает это весьма продуктивно: когда тебе в голову летит кирпич, нет смысла вступать в дискуссию: «Вася, ты не прав...»

Мат безусловно несет в себе мощную вибрацию, он равен заклятию, а в крайних ситуациях приближается по своей силе к проклятию. Причина проста — слова этого слоя, опоясав собой сферу обнаженных половых понятий и глубоко в них внедрившись, несут в себе всю ее мощь — самую энергоемкую и энергоотдающую. Заклятие — это непрерываемое требование немедленно что-либо остановить. Бывает, что и летящий кирпич замирает — русские мужики это знают. И не только кирпич — не имеющие собственного опыта могут поинтересоваться

у побывавших на войнах, какие именно слова в положении, еще не настолько отчаянном, чтобы взломиться о спасении к Господу Богу, помогли им сконцентрировать волю.

Экстремальная ситуация, как известно, может возникнуть где угодно. Я знаю одну даму, которая убеждена, что у нее не было бы детей, если бы муж в интимной ситуации не пел ей нежнейшим шепотом песнь песней самыми солеными матюгами. Охотно верю, потому что такое определение мужчиной известных частей тела своей сексуальной партнерши есть способ растворения ее личности в понятиях в половом отношении глубоко безымянных и всеобщих, не принадлежащих женщине как таковой — она начинает чувствовать себя не телом даже, и даже не какой-нибудь из обозначаемых партнером телесных деталей, а мировым жерлом, воронкой, счастливо не имеющей сознания, совершенным инструментом столь же безымянного хтонического соития. Без сомнения, такая ласка способна помочь отключить наблюдающие за процессом сторожевые центры скорее, чем стандартные приемы, а многие женщины согласны на любые импровизации, лишь бы они привели к успеху без потерь и сомнений.

Женщине же не положено пользоваться ядерным оружием не по причине торжественного оберегания ее стыдливости, а потому, что ей не место в экстремальных ситуациях и нечего любителю отбирать хлеб у профессионала.

Дама, прибегающая в качестве последнего аргумента к ненормативам, воспринимается мужской половиной человечества однозначно как проклинающая не только мужчину (и отца с матерью), но и собственное женское порождающее качество. Тем самым обрекая на вырождение само будущее. И тем самым оскорбляя Бога. И мужчина, трезво подозревая, что сила слабости — самое мощное оружие, этого не прощает. Даже когда не верует ни в бога, ни в черта, ни в себя самого. Слабость женщины — разрушительна вдвойне, не говоря уж о том, что сам стереотип лжив насквозь, до изнанки.

У мата есть одно незаменимое для России свойство, которое помогает мне с ним мириться: наделенный сконцентрированной энергией, он — единственный слой языка, безотказно рождающий беспощадный народный смех, который в состоянии полностью противостоять абсурду. Поскольку, превышая все мировые достижения, наше отечество наиболее успешно производит именно абсурд, то не приходится удивляться тому, что почти все мужское населения страны охвачено экстремальной лексикой. Знаменитая «железяка из села Чугуева» именно потому навечно впечатана в народное сознание, что вопреки природным законам по реке *ПЛЫВЕТ*, и, как я подозреваю, — против течения. Железяке надо знать свое место. И мужик, проклинающий черной бранью, в душу и в мать, и свою бабу, и ее детей, и ее корову, и ее подойник, и ее власть советскую и несветскую, бушует против взбесившейся непредсказуемой материи, которая благодаря обуйавшему Россию структурному развалу предала его вчера и сегодня, и неизвестно когда и где, но неизбежно предаст еще. Извергаемые им в свет божий ненормативы — не только слепая злоба и распущенность, это еще и отчаянное сопротивление человека наступившему на горло хаосу и последнее его заклинание.

Мат — карате безоружных россиян, вынужденных от катастрофизации всей страны защищаться голый магией слова.

Александр Арген (литва) НЕУГОДНОЕ СЛОВО

Холодов

Дмитрий Холодов, журналист газеты «Московский комсомолец», погиб 17 октября 1994 г. в результате взрыва переданного ему «дипломата». А 5 февраля 1995 г. Генеральная прокуратура направила в Московский окружной военный суд уголовное дело по убийству журналиста. В качестве обвиняемых было привлечено 6 человек: главный обвиняемый - бывший полковник разведки ВДВ Павел Поповских, офицеры разведки ВДВ Морозов, Сорока, Мирзоянц и Барковский; также в соучастии обвинялся один из охранников частного предприятия.

Причиной совершения преступления, как выяснили следователи, было желание обвиняемых «защитить» бывшего министра обороны Павла Грачева от назойливого журналиста.

Холодов писал о злоупотреблениях в Западной группе войск, и участии в них высокопоставленных военных. С августа 1991 года, то есть после неудачного путча ГКЧП, и до августа 1994 г. боевая подготовка в ЗГВ практически прекратилась. Доблестные защитники западных рубежей социалистического лагеря осознали, что войска непременно будут выводить, в связи с этим плюнули на службу и начали тащить, все что под руку попадется.

У более высоких чинов и возможностей для обогащения было, соответственно, больше. Они продавали, а затем списывали различного рода военное имущество: от вещевого и автомобильного до вооружения. Не остался в стороне и генерал Павел Грачев, за свою любовь к дорогим машинам получивший в народе кличку «Паша-мерседес».

Публикации корреспондента «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова, мягко говоря, раздражали военное руководство, в том числе и ставшего к тому времени министром обороны Павла Грачева. Министр частенько заводил разговор о журналистах, которые пишут не о том и не так, как хотелось бы.

Начальник разведки ВДВ, Павел Поповских, правильно понял намеки шефа. Была сколочена оперативная группа, выписаны фальшивые паспорта, получена со склада взрывчатка и – операция началась. Хотя, какая там операция, шестеро здоровых натренированных мужиков убили мальчишку-журналиста. Подсунули «дипломат», якобы с документами по делу о Западной группе войск, а на самом деле с бомбой.

Их нашли довольно быстро, оказалось, что была пара свидетелей, которые видели процесс закладки «дипломата» с взрывчаткой в камеру хранения на вокзале. Прокуратура довольно оперативно расследовала дело. Но суд оправдал убийц. Хотя доказательств вины хватило бы на два таких процесса. Затем, после протестов общественности, делом занялся Верховный суд и тоже оправдал обвиняемых. После этого всем, даже самым наивным правдолюбцам стало ясно, что дружки Павла Грачева находятся под защитой весьма влиятельных сил, и посадить их за решетку не удастся,

пока в стране сохраняется такой политический климат.

Как назвать эту группу? По формальным признакам на «эскадроны смерти» не похоже, во время совершения преступления эти люди находились на государственной службе.

Но и сказать, что убийство Холодова дело рук спецслужб – тоже нельзя, ведь сотрудники, по их словам, действовали в порядке личной инициативы, и в свободное, так сказать, от работы время. Но все это уже неважно, важно другое, в 1994 году мы впервые услышали об «эскадронах смерти» в России. Но никто из компетентных лиц не встревожился этой информацией. Так же, как и в последующие годы, когда боевиками подобных организаций совершались уже другие убийства и покушения.

Щекочихин

Писать о Юрии Щекочихине тяжело. Потому что мы любили этого великолепного журналиста. Любили за то, что, не опускаясь до подглядывания в замочную скважину, он «откапывал» такие материалы о махинациях российского истеблишмента, публикация которых вызывала истерику у проворовавшихся прокуроров и министров. Его бесстрашие вызывало восхищение у всех, кто понимал, по какому краю ходит Юрий. Мы все за него боялись. И вполне обоснованно, как выяснилось.

Писать о Юрии Щекочихине легко. Не нужно рыться в интернете, просеивая информацию о его смерти, ломать голову, сопоставляя факты и домыслы. Потому что в этом деле все ясно с самого начала. Юрия попросту убили, отравили каким-то супертайным боевым отравляющим веществом, затем засекретили диагноз и даже не стали расследовать причин смерти. И правда, что в России власть, дурная что ли, против самой себя обвинения выдвигать?

В том, что Щекочихина убила именно власть, сомневаться не приходится. Как еще назвать шайку из экс-генералов КГБ, продажных прокуроров и жуликоватых министров, которые ненавидели его лютой ненавистью, за то, что Юрий вытаскивал на белый свет их дурно пахнущие, многомиллионные махинации? Кто еще, кроме облеченных властью подонков, мог получить доступ к секретным хранилищам высокотехнологичной смерти в пробирках? Это и есть самая настоящая, реальная власть, правящая сейчас в России с двухтысячного года! А как же президент, скажете вы? Президент, судя по всему, является лишь коммуникативным органом данного монстра.

Для людей, не знакомых с существом дела, даю небольшую справку, основанную на публикациях «Новой газеты», где Юрий работал журналистом. В последнее время Щекочихин, будучи заместителем председателя комитета по безопасности Государственной Думы, расследовал деятельность мебельной фирмы «Три кита». Фирма принадлежит экс-генералу КГБ Евгению Заостровцеву, чей сын, Юрий Заостровцев, недавно сменил должность с зампреда председателя ФСБ на зампреда председателя «Внешэкономбанка». Начались угрозы. Юрия предупреждали - откажись, не вороши осино гнездо. В процессе расследования махинаций Юрий Щекочихин вышел на «крышу» мебельного бизнеса,

в виде работников Генпрокуратуры. Угрозы участились. В интересах расследования депутат выехал в Рязань, а вернулся оттуда уже смертельно больным. Его состояние ухудшалось на глазах, и через десять дней Юрия не стало.

Диагноз, как я уже говорил, был засекречен, и все попытки друзей Щекочихина обратить внимание прокуратуры на обстоятельства его смерти остались без ответа.

Хлебников

Пол Хлебников, главный редактор российского издания журнала «Forbes», был убит в пятницу, 9-го июля 2004 года. Убийца четыре раза выстрелил ему в грудь, когда он выходил из офиса. Убийство главного редактора американского журнала вызвало неблагоприятную для России реакцию во всем мире. Кроме различных журналистских объединений на это событие откликнулись ОБСЕ и президент США. Естественно, Москва бросила все силы на поиски убийц. Хлебников довольно активно вел различные журналистские расследования, и были все основания предполагать в качестве основной причины убийства его профессиональную деятельность.

Менее, чем через год, МВД отрапортовало о поимке предполагаемых убийц. Ими оказались уроженцы Чечни. Вот как об этом сообщала Генпрокуратура: «В ходе расследования установлено, что убийство Хлебникова было совершено участниками организованной преступной группы, в состав которой входили жители Чечни Казбек Дукузов, его брат Магомед Дукузов, Муса Вахаев, Магомед Эдильсултанов и другие».

Обнародованные мотивы убийства, если выражаться вежливо, несколько удивляют. Вот как звучит версия Генпрокуратуры: Хлебников в своей последней книге, якобы, нехорошо отозвался о некоем Хож-Ахмед Нухаеве, бывшем работнике ичкерийского правительства. Гордый горец оскорбился и заказал убийство обидчика своим соплеменникам.

Пусть простит меня уважаемая легковерная Генпрокуратура России, но я в эту версию не верю. То есть, я верю в обидчивость и мстительность чеченцев, но не до такой же степени, чтобы в ответ, на не понравившееся высказывание журналиста, собирать шайку бандитов и тщательно организовывать покушение. Мне кажется, основным заказчиком все-таки был не Нухаев. Нухаевым и его бандитами воспользовался кто-то другой, кому Хлебников насолил гораздо больше.

Пол Хлебников был экспансивным, увлекающимся журналистом. У него был особый талант соперничания рассказчику, благодаря которому он и стал главным редактором русского издания «Forbes», Люди охотно шли на контакт с ним, сообщали интереснейшие факты, а Хлебников, увлекаясь, частенько не удосуживался проверить обоснованность полученной информации. Память сразу подсовывает имя Бориса Березовского, который, после публикации книги Хлебникова «Разграбление России», выиграл против «Forbes» дело о клевете.

Кстати, сразу после убийства Хлебникова ходили слухи о причастности Березовского к организации покушения. Но это явная провокация, вряд ли Березовский, сидя в

Лондоне со статусом жертвы преследований ФСБ, стал бы так рисковать. Тем более что после упомянутого решения суда он, несомненно, сильно выиграл в глазах международной общественности, и ему не было смысла портить этот имидж невинно оклеветанного.

Ну, хорошо, Березовский получил свою сатисфакцию в Лондонском суде, но кто-то же организовал покушение на Хлебникова? Кому еще перешел дорогу русский американец со столь известной фамилией? Я думаю, здесь замешаны организации, которые не терпят вмешательства прессы в свои дела, особенно когда эти дела не совсем легальные. Пол Хлебников, несмотря на свое русское происхождение, вырос не в России, и многие реалии российской жизни до него, как говорится, так и не дошли, что подчеркивается фатальным окончанием его карьеры. Он никак не мог понять, что есть области, которых лучше не касаться вообще.

Если читатель ждет от меня сенсационной информации о заказчиках убийства Хлебникова – напрасно. Я не знаю, чем занимался журналист в последние месяцы и недели своей жизни, этого не знает даже его американское руководство.

Но вот опять мои наблюдения - на интернет-сайтах, которые, по моему мнению, финансируются спецслужбами для дозированного вброса дезинформации в общество, Пол Хлебников рисуется как наивный дурачок, осознанно и неосознанно врущий своим читателям. И это главный-то редактор русского издания «Forbes»? Человек, отмеченный четырьмя журналистскими премиями?

Если спецслужбы кого-то высмеивают - значит, этот человек им явно мешает, иначе о нем не упоминали бы вовсе. Это наблюдение, само собой, не может быть принято как доказательство злокозненного заговора спецслужб против журналиста. Но, в совокупности с другими фактами, оно может заставить задуматься об их роли в этом деле. В ходе расследования выяснилось, что чеченцы, убившие Хлебникова, были лишь рядовыми исполнителями в банде. А руководили бандой личности довольно-таки примечательные. Например, офицер ФСБ Роман Сливкин. Правда, ему вменяется в вину организация другого преступления, похищение чеченского предпринимателя Алиева с целью получения выкупа. Вместе со Сливкиным, по этому делу проходят два офицера военной контрразведки, Олег Сачков и Дмитрий Фролов.

Не правда ли, знакомая картина вырисовывается? Но, судя по комментариям Генпрокуратуры, следствие, по каким-то своим причинам, не связывает Сливкина, Фролова и Сачкова с убийством Хлебникова.

В связи с этим возникает несколько вопросов. Знали ли о готовящемся убийстве журналиста Сливкин, Сачков и Фролов? Какова их роль в этом деле? Не получали ли они указаний еще от кого-то? От того, кому наступил на любимую мозоль вечно сующий свой нос не туда, куда нужно, журналист Пол Хлебников? Судя по смехотворности принятых Генпрокуратурой на веру причин гибели Хлебникова – опять вопросы останутся без ответа...

ТАМАРА БЕЛЯКИНА
(Новосибирск)

ЖИВОЙ ГУМИЛЕВ

Было так. В 1967 году я почувствовала, как «к туманным низким берегам меня влечёт неведомая сила». Меня подняло и перенесло в Академгородок.

Ну, полгода на «взаимопроникновение», но надо и работать. Чтобы работать, нужна прописка, чтобы прописаться, надо зарегистрировать брак. Всё выполнили.

А в это время проходило первое в СССР большое социологическое обследование трёх газет - «Известий», «Литературки» и «Комсомолки». Впервые были собраны десятки тысяч анкет с двумя - тремя десятками вопросов в них. Эти анкеты были привезены в Академгородок для обработки в нашем Вычислительном центре на наших машинах величиной с трёхэтажный дом.

Организатором этого обследования был Владимир Иммануилович Шляпентох. Красный рыжий еврей, брызжущий идеями, гурман и ловелас, наверное, из рода Исава. Все всегда ждали его прихода, он всегда опаздывал, а когда приходил, люди чувствовали себя как бы сильно подвыпившими. Литературную часть обследования вёл Иосиф Сухарович Гольденберг - совершенно другой тип - скорее, чеховский, даже внешне - перец с солью, очки, тихий голос, невероятная интеллигентность, громадные знания и, конечно, диссидент.

Директором института был Абель Гезович Аганбегян. (Гулял анекдот, как телеграфистка обиделась и не захотела принимать телеграмму такого содержания: «Аганбегяну - Шляпентох задерживается - Каценнэленбоген»).

Шляпентох потом с огромным материалом уехал в Москву, а далее - в Америку. (Набирал с собой девочек в аспирантуру, но я осталась со своим «Могучиминтеллектом».) Гольденберга как диссидента уволили из университета, и он уехал в Пушкино.

Институты (около 20!) были сверкающими, дома - разноцветными, деревца - маленькими, а гениев - густо. Как комаров.

И были три клуба. «Под интегралом» - лирико-физический - теперь там Банк, а на стене - доска - «Здесь, мол, выступал Галич». После фестиваля бардовской песни клубу перекрыли кислород.

«Сигма» - киноклуб. Фильмы доставались по сугубым каналам, на один день, и показывались ночью после всех сеансов, набивался полный зал. Теперь он существует как видеоклуб, зимой буду ходить, там до сих пор Миша Боярский достаёт лучшие фильмы.

«Клуб межнаучных контактов». Я туда попала как раз по линии социологии. Чего там и кого там только не было! Я особенно любила ходить на ежегодные лекции Салганика - директора Института цитологии и генетики, он рассказывал о новейших мировых достижениях. Прекрасные были дискуссии о «Фаусте». Муж мой называл его «клубом завиральных идей». Много было интересно, «и всего упомянуть не имел он силы».

О каждом из этих клубов отцами-основателями, наверное, написаны мемуары. Надо бы разузнать.

Так вот - однажды «Клуб межнаучных контактов» пригласил на цикл лекций Л.Н.Гумилёва! А дело было в 1976 году. Пете было 5 лет. Детей я вырастила без всякой посторонней помощи. А НАДО было по вечерам ходить на лекции, и надо было с кем-то оставлять Петюшку. И я уж и не помню, где его оставляли. Возможно, у совсем уж негуманитарных соседей.

Живём мы - не внимательно! Молоды, заняты любовью, детьми, борьбой за существование - и удивительнейшие события воспринимаем как норму.

Но приезд Гумилёва был всё-таки событие паранормальное.

Вот ОН пришёл. Первое - на кого похож? У меня то время в комнате висел портрет Ахматовой - из поздних, - седая, полная, в профиль. И сразу увиделось, что Л.Н. похож на мать, таких лиц не много. Тот же горбоносый профиль, та же полнота - сердечная, та же царственность осанки и всей манеры - в движениях, поворотах.

Это был человек - «власть имеющий» и НИЧЕГО не боящийся. ЛЕВ. Но это впечатление усиливалось ещё и обескураживающе одновременным сходством и с отцом! И эта двойственность оставалась всегда. Когда мы делились своими впечатлениями, то все говорили, что никак не остановишься ни на одном сходстве - «два в одном». Смотрит на тебя - и в то же время - в себя, как А.А. и вдруг - смелый, бесстрашный, авантюрный, насмешливый чуть косой взгляд Гумилёва.

Повадки барина, и в то же время чувствуется реактивность, резкость, размашистость. Кажется, что может сильно задеть мощной лапой. Он не говорил ни об отце, ни о матери, но они были в нём. И он был отдельный - ТРЕТИЙ, равновеликий. Даже в присутствии в то время мощных фигур в нашем мире было ясно - это ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Л.Н. рассказывал нам тогда свою книгу об этногенезе и пассионарности. Она уже была в гранках, но наши тогдашние и географы, и историки не признавали его теорий, считали «завиральными идеями» и «не пушали». Никто не мог тогда предположить, что эта книга когда-нибудь выйдет. Я пыталась записывать в скоропалительном темпе, было у меня несколько общих тетрадей в чёрных клеёных обложках. Всё собиралась разобраться в них, переписать. Но жизнь земная не позволяла. Одна дурацкая стирка сколько сил и времени моей жизни отняла, пока Стёпа не купил мне автомат. Да и в этих поспешных записях становилось всё труднее разбираться. надо было это делать сразу же на свежую память. А потом эти тетрадки во время моих переездов где-то... затерялись.

Теперь все его книги напечатаны, в больших количествах стоят на полках в книжных магазинах, в каждом мало-мальски читающем доме они есть. Идеи его постепенно утрачивают свою однозность, входят в обычный обиход. Воспринимаются как само собой разумеющееся. Но личность его - уникальная - мало кому известна. И я, конечно, не в силах показать её даже чуть-чуть. Есть ещё люди, хорошо знавшие Л.Н., может быть, они уже пишут, или уже написали. Надо искать. Я только напишу то, что помнится.

А помнится, что он рассказал, как в лагерях вспоминал историю народов, как пытался понять взаимосвязь событий, законы процветания и угасания наций, причины войн и передвижения людей. Странной показалась идея Пассионарности. Он не говорил о Боге или звёздах, скорее об энергии солнца. Но обо всём этом теперь можно прочесть в его книгах. А вот шокировал он каждую минуту своей речью. Когда он рассказывал о совершенно невероятно далёких временах, то было впечатление, что всё это он видел сам! Был очевидцем, жил среди этих древних людей, был знаком и с великими, и с простыми. Иногда даже охватывало недоумение - как он смеет так говорить, откуда такая уверенность, что именно так всё и было, что за нахальство считать себя истиной в последней инстанции?

- А вот однако именно так и только так и было! Я СКАЗАЛ! А кто думает иначе - так ведь - недоучки и дураки! - было в его манере. И ему верилось! Потому что недоучек и дураков было вокруг тьма тем. И это не воспринималось, как высокомерие, а наоборот, как факт.

А если добавить сюда огромную свободу языка - знание тюркских и европейских языков плюс такое же свободное владение блатным, воровским, лагерным жаргоном! Запросто! Жаргонные словечки проскальзывали чуть не в каждой фразе.

Не любить, мягко говоря, ему было чего, и тогда уж своё к нему отношение он с лёгкостью высказывал в точно соответствующих выражениях. Это шокировало меньше, чем самоуверенность «очевидца». Он ПРАВО ИМЕЛ! Но в нём не было обозлённости, он как будто понимал, что «малые сии» не ведают, что творят. Что подлецы и мерзавцы - это такое же физико-географическое явление, как горы или болота. Поняв, что народы порождены историей и географией, что на них сердиться? И он только показывал нам - вот мерзавец, а вот - так и вполне доблестный человек.

Как он мог вместить в свои то ли 12, то ли 15 лекций столько истории и историй? Тёмные места, которых масса в наших исторических знаниях, вдруг просветлялись, и удивительно было, сколько логики, здравого ума и прозрений в этом старом, много пережившем человеке. Казалось, что вся история в нём поместилась и бурлит, волнуется, ищет. И чуть ли не он там «ПРАВИТ БАЛ».

Я не преувеличиваю. Даже думаю, что наоборот, не могу охватить полностью гений этого человека. И, к сожалению, мало помню. По окончании отцы-основатели решили устроить небольшой ужин. Подкатывались ко мне, чтобы я взялась за это. Но я, балда, не решилась. Ребёнок маленький, плохо спал, требовал внимания. Готовить было некогда, а если бы пришло много народа, был бы не спокойным и не дал бы спокойно посидеть. Но на ужин всё-таки пошла. Уложила Петю спать и оставила одного в квартире. Сидели, пили водку, ели пельмени, слушали неистощимого Л.Н.

Я в конце вечера задала ему вопрос. Известно, что русский север не был под татарами. Что так же, как татар не пустили на север зимой - морозы, а летом болота и мошкара, так же и аборигенов эти географические факторы не пускали на юг.

И вот известно, что во многих деревнях жители носят одну фамилию. Значит, не было пришельцев, финно-угорские народы не смешивались с другими. А при царе Иване Грозном был в тех краях дьяк с фамилией нашего отца. Так вот. Могу ли я считать себя потомком этого дьяка и могу ли считать себя принадлежащей к финской расе? Посмотрел он на меня внимательно и с улыбкой и сказал:

- Да, несомненно! Судя по тонкой коже, розовому цвету лица и общей конституции у Вас финно-угорский тип.

(Так как мандат выдан, на этом основании могу проситься в Финляндию на жительство).

Меня, конечно, подмывало спросить об Ахматовой. Но это было табу. Было известно, что говорить об этом нельзя. Вот и всё. Это нельзя назвать знакомством. Потом, в течение нескольких лет мы посылали Л.Н. поздравления с днём рождения, а потом и это прекратилось. Зачем докучать, он слишком стар, болен и занят. Он говорил, что у него есть жена. На которой он женился не очень давно, после выхода из заключения, и собака, которую он очень любит.

Я не смогла живописать потрясающего человека, но я его помню, образ его во мне-то живёт! Восторг и ужас охватывают от сознания того, что сидела рядом с этим человеком, что он целовал мне руку! Прямой провод к Серебряному веку!

Вчера я нашла в журнале «Даугава» 1989 года его опус об истории гёзов, написанную на блатном жаргоне. Собираюсь перепечатать в компьютер.

А пока всё. Если будут ещё воспоминания, я обязательно продолжу.

ПИСЬМО ПРАГЕ

Дорогие Павел, Яна и Мария! Я надеюсь, вы простите меня, что я не сразу смогла написать вам. Обстоятельства сложились так, что в первые дни после приезда мне пришлось пережить горькие и скорбные события. И вот прошли первые десять самых тяжёлых дней, страх, чувство вины и горечь немного отпустили горло, и я попробую написать немного о том, что я увидела и поняла у вас.

Надо сказать, что после Братиславы мне Прага сначала не понравилась.

Это невероятно, но так. Хотя нас поселили в хороший номер в общежитии Пражской Академии «музыкальных умений» на Нерудовой улице. Из окна был виден Пражский град.

До него, казалось, можно достать рукой, утром он был весь розовый в лучах солнца, а ночью я со своей подушкой любовалась его ночным освещением.

На следующий день мы встали очень рано и пошли к Карлову мосту. Это было совсем рядом! Я, по уши влюблённая в Дунай, ждала ещё больших эмоций. Но с некоторым торжеством увидела, что лучше Дуная нет ничего! Мне сразу же пришла в голову мысль, что Дунай как-то по-особенному течёт по земле. Все реки текут в своих руслах, промытых сотнями лет, а Дунай, кажется, несёт свои воды прямо по поверхности земли, просто волны плывут в ритме вальса, празднично, уверенно.

Дунай похож на великовельможного Пана, на Князя, красавца - гусара. А Братислава - его Пани, нежная, любящая, приветливая госпожа, уютно притулившаяся у груди славного господина.

В Праге мне представилось, что наоборот - Город - господин - деловой, строгий, умный, а Влтава - просто любящая его Паненка, хорошенькая весёлая девушка, из крестьянок, радующая его в часы отдыха.

И показалось мне, что Влтава - нужна Праге только для того, чтобы построить через неё множество мостов. И что мелко мелькающие её воды танцуют какой-то простенький народный танец.

Но это было первое впечатление.

Потом нам приходилось много раз проходить по Карлову Мосту, и по нему всегда текла ещё одна река - поперёк течения - река туристов, днём и ночью, из всех стран света. На мосту выстраиваются сотни художников, музыканты, почему-то нищие на коленях и с прижатыми к мостовой лбами. И дальше - вдоль Карловой улицы -

бесконечные магазинчики с сувенирами.

И начинаешь понимать, что эта часть Города отдана туристам. Что потом и подтвердил Млчек, который сказал, что 80 процентов домов в центре отданы отелям.

Нам весело было ходить вдвоём, не в толпе, не с группой. Всё хотелось увидеть другую Прагу – не на продажу.

Хотя на меня произвёл сильное впечатление рассказ Пана Вопенки о Карле IV, который выстроил Град и создал Университет, и таким образом заложил основу благополучия всем пражанам на все последующие века – пока будет жив Город, в него будут течь золотые реки, приносимые миллионами туристов.

Но вот Коля (профессор Николай Белякин, переводчик книги П. Вопенки) пошёл на факультет, а я одна отправилась искать кабачок «У калиха», известный всем любителям Швейка.

Каково же было моё удивление, когда выяснилось, что никто – ни молодые, ни старые не знают, кто такой Швейк и где этот кабачок. Я была в недоумении. Но уже сразу поняла, что, наверное, этот герой непопулярен, чем-то несимпатичен, даже как будто и стыдно за него. Всё-таки мне удалось узнать дорогу у пожилого интеллигентного вида мужчины. И наконец я вижу вывеску со Швейком. Захожу, думаю – выпью чашечку кофе в знаменитом кабачке!

Но – увы! – это уже не кабачок, а вполне респектабельный ресторан, и Швейк с глуповатым видом сидит в прихожей под «зас... портретом Франца-Иосифа», а рядом –сыщик Бредшнейдер. Купила я швейковских сувениров для своих парней и пошла грустно дальше – к Национальному Музею.

По дороге проголодалась и зашла в Едельню, где пообедала в обществе настоящих Швейков – каких-то рабочих в испачканных спецовках, молодых и старых, сидящих за кружками пива и разговаривающих о жизни, читавших какие-то газетки, немолодых одиноких женщин – в общем, я нашла то, что искала, и с удовольствием съела гуляш по-венгерски всего за тридцать крон в атмосфере народной жизни.

Так же, как и в Словакии, мне интереснее всего были люди, с которыми я познакомилась.

Профессор Вопенка водил нас в Пражский град, и мне казалось очень важным – на что он обращал наше внимание. Например, на ворота с изображением полевых работ – 12 месяцев. В другой раз он водил нас вечером по своим, по-видимому, любимым местам - по Моштейской улице, мимо мальтийских звёзд, тех, что упоминала Марина Цветаева в «Поэме Горы».

В Праге мне больше всего понравились Карл IV и Профессор Вопенка. Ну, Карл – понятно – и памятник ему прекрасный – и сам Город, и тот, что стоит у моста – красивый умный задумчивый король среди символов разных наук! Но Вопенка меня поразил своей патриотической отвагой – создать чешскую математику на чешском языке! И пусть «все флаги в гости будут к нам назло надменному садеду»!

Слушать его было невероятно интересно, ещё и потому, что он и не старался адаптировать свои мысли, как это всегда бывает, когда люди говорят на разных языках. Но я думаю, те, кто знает Пана Профессора, знают и понимают его масштабную личность намного лучше меня. Все, с кем нам удалось познакомиться, были полны желания показать нам Город

И вот наступил момент, когда я вдруг поняла неисчерпаемость этого Города. Вот прекрасное место! И кажется, что лучше уже и быть не может, но повернули за угол – и снова Красота, и ещё! И ещё! А там – Батюшки! Новые дворцы, новые сады, новые соборы! И все разные! А сколько музеев, театров! Жизнь можно прожить,

а везде не успеть побывать.

Но всё-таки я счастлива, что мы послушали «Свадьбу Фигаро» в театре, где дирижировал своими операми Моцарт.

Я сфотографировала каждый доступный уголок в этом театре. А исполнение оперы вызвало мысли о том, что русским, конечно, никогда не добиться такой лёгкости и непринуждённости в пении и игре. У нас – Моцарт – это сияющая вершина, Эверест! Он представляется невероятно трудным для исполнения, даже имея технику и прекрасные голоса, русским приходится настраиваться именно на исполнение Моцарта, с его законами. И поэтому пиетет Моцарта подавляет.

А в Праге – двести лет исполняют Моцарта.

В маленьком театре с прекрасной акустикой, где не надо форсировать голос, он и так прекрасно слышен, когда не надо мысленно переводить смысл арий на свой язык, где Моцарт звучит непринуждённо, играючи, весело, легко, когда оркестр из тридцати человек играет ВСЮ музыку, а не каждый – отдельную, тщательно выученную партию.

И потом уже я поняла, что и вся жизнь в Европе уже тысячи лет выстроена по своим законам и традициям, и люди привыкли жить в этой культуре, что любое нарушение требует скорейшего исправления, и людям комфортно жить именно в цивилизованных условиях, сохранять, а не разрушать. И тогда я поняла, почему в Праге не очень любят Швейка – он « деструктивный антигерой». А Словакия и Чехия – настроены на сотрудничество, процветание, счастье.

И ещё я почувствовала, какие они разные, и как хорошо, что обе они приобрели самостоятельность и в то же время - вместе с другими такими же независимыми странами.

Вообще мне в этом путешествии было скорее трудно, чем легко. Множество картин и впечатлений нужно было «прочитать», увидеть, понять, сопоставить. Приходилось понимать с трудом произносимую речь на русском языке, привыкать прочитывать ещё и то, что и не могло быть выраженным.

Ночью я не могла спать, несмотря на усталость, в голове проносились картины, наслаивались одна на другую, нужно было их упорядочивать, складывать в сколько-нибудь понятные очертания. И когда мы сели в наш родной самолёт, с потёртыми креслами, а наши соотечественники брюзжали и негодовали на наш сервис, я была рада – наконец-то я дома!

Наконец-то я слышу привычную знакомую речь, мне всё понятно. Мне знакомы и понятны все гадости, все ямы в асфальте, привычна грубость нашего сервиса. Но дома мне захотелось чистоты и изящества европейской жизни, и я с грустью поняла, что как нам никогда не исполнить непринуждённо Моцарта, так никогда не будет в нашей жизни той грации, которая определяется, как «устойчивость». Вот первые мои попытки хоть чуть-чуть определить свои впечатления.

Ещё очень о многом я не вспомнила, ещё буду писать и думать. И я благодарна всем, кто помог нам и сердечно принял нас! И всё-таки Братиславу я люблю! Дунай люблю!

А Прага – прекрасный музей, я только в конце нашего пребывания начала чувствовать жемчужный воздух, золотисто-розовое освещение утренних и вечерних часов, непринуждённое и в то же время таинственное сочетание разных стилей и времен.

Постепенно вся наша поездка окрашивается в романтические тона. Тогда голова моя была подобна моему фотоаппарату – главное было увидеть, а уж осмысление

откладывалось на потом. И самые первые картины сейчас я вижу так, как будто прокручиваю кинофильм.

Мне так хотелось бы, чтобы эффект присутствия остался надолго – вижу нашу комнату в нашем красносинем отеле, вид из окна, потом идём по коридору, выходим, переходим через мост, под ним – трамвай, поднимаемся к факультету – я даже смогу найти Ваш кабинет, чудесные кусты с оранжевыми ягодами, которые мне так хотелось попробовать.

А первая встреча с замком!

(Мы тогда ещё ходили провинциально медленно, это потом, уже в Праге, я научилась ходить быстрее, и даже похудела немножко!) Я помню первое кафе, куда Вы привели нас, даже помню лицо мальчика, который заглядывал в окно, помню, где Вы оставили машину, и тоже нашла бы сейчас это место. Я обратила внимание на объявление о еврейской выставке, и только когда Мария показала мне, где раньше стояла Синагога, я поняла, как особенно нужен музей еврейской Культуры. И этот красивый мост ассоциируется с петербургским Храмом На Крови.

Хотя мы были в Братиславе осенью, она показалась мне «ветвью, полной цветов и листьев!» И эти милые коровы на улицах располагали к умиротворению и безмятежности.

Мне ужасно нравится, что любой уютный уголок сразу же превращается в маленькое кафе – все они так и зовут – «Не надо бегать, что-то искать – садись, пей кофе или пиво, дыши нашим воздухом, смотри на эти дома и соборы, - ничего лучшего всё равно нет!»

Мне нравится, что из любого места в Городе легко выйти к Дунаю – все улицы как будто стекают к Нему. И знаешь, что сколько бы ни ходил по каменным дорогам, всё равно выйдешь к Дунаю.

А Он будет проплывать мимо тебя и нести какую-то тайну, которую Он знает, потому что уже тысячи лет течёт из тёмных лесов Шварцвальда через всю Европу, и в Нём отразились замки и дворцы, к Нему приходили бедные и богатые любовники, Он слышал песни на всех языках, в Нём живут рыбы и русалки, и Он – один, для всех народов, легко несёт на своей груди их рыбацкие лодки и большие корабли - да при этом ещё и поёт, и танцует, и объединяет, и любит эту жизнь и дарит счастье!

Нет, мне не высказать свою любовь к Дунаю!

Ведь надо же счастье – влюбиться на старости лет - в Реку! :) Я видела Лену в Якутии, Волгу, Обь, это красивые

реки, но у меня никогда не возникало такого восприятия их – как личности, как чего-то большего, чем Река, чем Человек.

Дунай – это Человечество, человечность. История. Культура. Прошлое и Будущее, - растворённые в Природе. И даже возникло уважение и благодарность к этой Воде, текущей в ритме вальса.

Я полюбила людей, живущих на этой Реке. И не только тех, с кем познакомилась, но мне показалось, что Дунай даже воспитывает во всех людях приветливость, заботу, доброжелательность, отзывчивость, юмор, лёгкость и весёлость. Я заметила это даже на совсем незнакомых людях – и старых, и, особенно, на молодых.

Может быть Вам кажется, что я просто упражняюсь в красноречии, но это не так – я на самом деле так чувствую и просто не смогла бы написать это, если бы не чувствовала.

Словакия мне представилась красивой и прекрасной Женщиной, как Яна, Мария, Ваши Дочки. Особенно это я почувствовала, когда Вы нас свозили в Горы.

Эти мягкие очертания, милота во всех очертаниях, изысканная простота продуманных природой пейзажей. Я понимаю теперь, что влечёт Вас в Горы!

Встреч было мало, и они были короткими. Это как в поезде. Правда, на ваших расстояниях, наверно, редко возможны встречи с совсем незнакомыми людьми, когда рассказывается вся жизнь в самых главных её событиях – как, например, в «Крейцеровой Сонате» Толстого. И видишь как будто мгновенный снимок всей жизни человека. И больше никогда его не увидишь, но он уже вошёл в твою жизнь и стал её содержанием.

Я снова в Вашем Доме и вижу первое, что Вы мне показали – Самко, самозабвенно развалившийся на широком диване! Всё! Понятно, какие люди здесь живут!

Милые девочки, как весёлые красивые птицы!

А Яна – лесная Красавица, молчаливая, таинственная, а в глазах – Ласка! Спасибо вам за знакомство с Марией! Будьте добры, сообщите мне адрес или передайте ей мой адрес, может быть она мне немного напишет, и тогда я его буду знать.

За эти несколько встреч я почувствовала к Праге такую близость и любовь, как к подруге.

Я обнимаю и целую всех. И Вас – тоже, как всё в этой поездке, прикосновение к мужским усам тоже было впервые. И «Да здравствует Мир во всём Мире!»

ЕЛЕНА ГУДОШНИКОВА (Воронеж)

СЕМЬ МУЖЧИН И СЕМЬ ЖЕНЩИН

СЕМЬ МУЖЧИН

1. Славка

«Уж на что мне по-настоящему везло в этой жизни – так это на мужиков» – говорю я, никогда не бывшая замужем мать-одиночка единственной дочери Анны. И это правда. Столько мужиков оставили неизгладимый след в моей жизни, что очень сложно выбрать из них семерых самых, самых...

Возлюбленных Деда и Рифа отбрасываю, как уже упомянувших. Нервные детские любви слишком наивны и неразборчивы – их тоже отринем.

Возраст сравнительно половозрелый – 18 лет, а уж объект любви и вовсе взрослый – 30. Такое со мной впервые, робюю и горжусь. Он журналист, известный в городе, талантливый, яркий, до краев наполненный жизненной энергией, которая проявляется в сочном баритоне, бархатистом смехе, вальяжных движениях. Ему забавно и смешно ухаживать за восторженной первокурсницей-филологиней – бросать в форточку цветы, привешивать к дверной ручке шоколадки, звонить вечерами по телефону и волнуящим шепотом дразнить: «Лена, Лена...»

Бедная Лена с непривычки одурела. Настоящий ухажер! Бог с ним, что женат, что на двенадцать лет старше, зато захватывает дух, когда начинает он плести небылицы о любимых героях, которые живут прямо здесь, рядом, в каждом маленьком доме, обо мне самой, себя не знающей. Богатая, щедрая его натура не знает границ, и он азартно вовлекает девочку в мир своих фантазий, не думая о последствиях.

Тогда, в уже далекие шестидесятые годы, нам хотелось одного – радости жизни. И Славка, Славочка с отеческой нежностью учил меня впитывать эту радость ежедневно и ежечасно. Зная мою страсть к хорошей еде, он устраивал «Лукулловы пиры» в мою честь, зная эмоциональную мою жадность, читал стихи и дарил хорошие книги. Дальше этого, увы, не пошло – преданный (и любимый!) ученик моего отца не посмел посягнуть на честь его единственной дочери. Я обиделась и замкнулась.

Мы не виделись много лет, а когда встретились снова – мне было сорок, а Славке – за пятьдесят. Нам было о чем поговорить, тем более что ни он, ни я практически не изменились. Только я родила дочь (от нелюбимого человека), а он сменил трех жен. От последней своей жены он принес мне на работу кулинарные подношения – маленькие котлетки с че-

ноком, картошку в мундире, соленые огурцы. От себя – бутылку водки. Был непривычно грустен, сочный его баритон звучал глуховато, но серые глаза за стеклами очков блестели все так же лукаво.

«Славка! Ну почему не ты был моим первым мужиком?!» – вдохновенная третья рюмка спросила я. «Ну, вот ты сейчас кем работаешь?» – обстоятельно высасывая огуречный сок из тощего соленого тельца, спросил Славка. «Директором кинотеатра», – ответила я, незаметно гордясь собой. «А если бы я был твоим первым мужиком, – с некоторой скукой в голосе вещает Славка, – ты была бы сейчас валютной проституткой с хорошим рабочим стажем». Смеемся. Кто знает, что было бы, если бы...

Славка немного растолстел и обрюзг, но это его не портит. Раблезианская его натура прет, проявляясь в жестях, смехе, апетите и остроумии. «Я тебя любила...» – меланхолично поддавшись пятой рюмке, говорю я. «Да, брось! Ты ведь даже на мои похороны не придешь!» – веселится он. «Это почему же?» – я обижена. «Да по кочану», – как всегда, следуя собственной логике, аргументирует он.

Прошло еще несколько лет. Хорошим летним днем налетела на меня в тихом переулке зареванная красавица Лиля Гушина. Я не привыкла видеть ее такой на людях, спрашиваю с искренней тревогой и изумлением: «Лиля, что с тобой?» «Вячеслав Васильевич... – бормочет Лилька, – я с похорон...»

Убитая, звоню его последней жене – как, почему не позвонила? «Он просил не говорить. Вы же поспорили, что ты не будешь на его похоронах».

Спасибо тебе, Славка. Я не видела тебя мертвым и никогда не смогу таковым представить. А значит, твой сочный голос всегда будет звучать, и ты будешь жить.

2. Андрей

Я довольно рано поняла, в чем состоит прелесть и достоинство настоящего мужчины – он творец, и этим почти равен Богу. Мужчина, которым я не могу восхищаться – особь бесполоя. Так для себя я категорически решила однажды, и уже никогда от этого определения не отказывалась.

Мой друг Андриуша Высоцкий был вздорен, нервозен, иногда зол и груб, но необыкновенно талантлив. Впервые я узнала о его существовании, сидя на кафельном полу в туалете квартиры моей тогдашней задушевной подружки Светы Моташковой. Мне 19 лет. Светлана, одержимая романтическими чувствами, увлекает меня из комнаты, переполненной гостями, и, в далеко не самом удобном, но единственном уединенном месте, читает письма некоего А.В. Письма хороши: дивный самоироничный слог, сквозь который прорывается красивая мужская нежность и тихая человеческая мудрость. Я запомнила его имя – Андрей Высоцкий, позавидовав подружке – такое, наверное, не часто встречается. Причудливая судьба свела меня с Андреем в Москве, где я, легкомысленная второкурсница, оттягивалась в каникулярные дни с лихими друзьями и хлебосольными подругами. К одной из них, самой моей любимой Тонечке, мы зарулили с Андриушей однажды вечером. А рано утром, обнаружив их в одной постели, я, счастливая, понеслась на Тверской бульвар. Тоня работала там дворником, и, экипировавшись ее халатом, ведром и метелкой, я под шумок нарезала целое ведро роз, коими радостно осыпала новобранных.

Они были прекрасной парой. Тонечка – маленькая, с тончайшей талией, высокой грудью, сильными руками и роскошно густых жестких черных волос – была не похожа ни на одну из жительниц Москвы. Андриуша – первый, бледный, с обутленными черными глазами и злым ртом – был воплощением советского декаданса 60-х годов. Писал он постоянно – обо всем, и всегда очень ярко и впечатляюще.

Я любила их обоих, и каждое лето спешила к ним за впечатлениями. Суворовский бульвар, семь отдельных звожков в каждую из комнат большой коммунальной квартиры. Зво-

но, открывает Андрей – его угольные глаза вспыхивают на минуту, но тут же бледное лицо принимает привычное выражение иронии и сарказма: «Антонина! Наша подруга приехала!» Я, как всегда, голодна. Андрюша это знает и удаляется на кухню. Я спешу следом. Утка с яблоками – это мой конек! Но Андрей неумолим. Мясо готовит мужчина. Курице, девочки! Девочки курят и тихо тренлются о том, о сем. Андрюша, священнодействуя, вносит утку с гарниром, раскладывает по тарелкам, приговаривая: «Вот тебе, Леночка, деточка моя золотая, лыточка с яблочками, кушай, деточка, будешь справная, красивая, отдамим тебя замуж за генерала!» (Сколько съела андрюшиных уток, а за генерала замуж не вышла.)

Коротаем день в разговорах, читках андрюшиних стихов и рассказов, легких препирательствах и спорах. Тонечка уходит на дежурство (она работает лифтершей с 7-ми вечера до 7-ми утра). Андрюша искушает: «Хочешь вкусенького?». Кто же не хочет. Идем в кулинарию Арбатского ресторана, покупаем ликер, шоколад, апельсины. Заваливаемся на диван, по-детски уживаясь сладостями. Андрюшка начинает травить свои бесконечные истории. Я слушаю, балдею, и невпопад спрашиваю: «Андрюша, а ты часто любишь в своей жизни?». Он улыбается тонким ртом и говорит нарочито цинично: «Деточка! Для меня влюбиться – что тебе зубы почистить...». Я не верю.

Двадцать лет спустя, после многого, многого, многого раздался телефонный звонок. Моя московская подруга Люся сообщила о странной и загадочной смерти Тонечки. Я лежала дома, прикованная к постели диагнозом «нарушение мозгового кровообращения». В полном ужасе от внезапной потери любимой подруги, тело которой лежит в московском морге никем не востребованное, звоню Андрею. «Тоня умерла!» – кричу я, не совсем себя контролируя. Ответ Андрея меня убивает: «Ну, вы, ребята, гуляете! От меня что надо?» Я немею: «Андрюша, речь идет о женщине, которую ты любил...» Ответ Андрюши циничен: «Если я буду забирать из морга всех женщин, которых любил, морг будет у меня дома». Короткие сигналы в трубке, я в истерике. А через две минуты звонок: «Прости, малыш. Конечно, я заберу ее. Это ведь наша Тонечка!»

Последний раз я видела Андрея, когда он приезжал в Воронеж навестить своих братьев. Был бледнее обычного, а черные цыганские глаза были уже совсем потусторонними. «Пойдем куда-нибудь», – бесцветным голосом позвал он. Пошли. Была весна, и мы вылезли на бугор над рекой, где цвел сад в угольях городского кожно-венерологического диспансера. Впечатлительный и мнительный Андрюшка долго не хотел там размещаться, но в конце концов сдался, плененный видом цветущего абрикоса. Под ним мы и расположились с двумя бутылками дешевого вина и банкой кильки в томате. Расставаясь, я с пронзительной грустью поцеловала его потухающие глаза.

Андрюша умер странно и непредсказуемо – от гриппа, перешедшего в какую-то легочную болезнь. Очень быстро. Мать не успела с ним проститься, хотя вылетела из своего Кишинева на следующий день, после того, как положили Андрея в больницу. Его архив, полный веселых, ярких, легких и остроумных рассказов исчез. Остались в памяти только обрывки фраз и черные, обутленные глаза на бледном лице умного арлекина.

3. Рустям

Рустям – самый благополучный из моих друзей-мужчин. Он – признанный гений с детских лет. Лучший ученик математической школы, в 20 лет – кандидат математических наук. Мы работаем в одном здании – я в библиотеке, он в НИИ математики. Вместе курим и треплемся. Мы молоды и болды – смехом народ синхронными движениями, друг друга радуем моментальным угадыванием каждого намеча. Он умница, веселый и начитанный фантазер, совсем не похож на

кандидата математических наук – слишком хиповый, леткомысленный и общительный.

Мы нашли друг друга. Нам вместе легко, общение это ни к чему не обязывает. Забавляемся тем, что носим одинаковые джинсы, одинаковую стрижку, одинаковые очки (это притом, что рост и комплекция у нас тоже одинаковые). Оба любим эпатировать ненавистных обывателей раскованностью движений и яркой, порой ненормативной лексикой, а также нарочитой небрежностью одежды. Хипуем по-своему, и нам хорошо.

Однако, Рустям не чужд некоторого снобизма. Заявления типа «Я пью только коньяк и сухое вино» меня, истинную пролетариатку, коробят. В ответ заявляю с классовой гордостью: «А я пью только «Волжское». Это мы с ним выпить собрались по поводу нашей чудесной встречи. Рустям пригласил меня домой – хорошая, вполне ухоженная для одинокого мужчины-ученого квартира, огромное количество книг, многие из которых я вижу впервые. Трепетно рассматриваю их и раскладываю по кучкам – это попрошу почитать сегодня, это – завтра и т.д. «Ну, что же, - говорит Рустям-незнающий-преград, - «Волжское», так «Волжское», и убегает, оставив меня в тихом братании с книжным шкафом.

Прошло три часа. Я успела начитаться, проголодаться и даже испугаться: дверь закрыта снаружи – мне что, здесь теперь век вековать? Мистические ощущения присущи мне с детства, и я легко представляю, как через пару лет мой усохший труп обнаруживают на этой уютной кухне в окружении лучших образов классической и модернистской литературы. Я бледна, худа и неподвижна (что мне абсолютно несвойственно), а вокруг хладного тела витают все еще живые мечты и фантазии. Слезы жалости к безвременному умершей уже закипают на глазах, когда раздается звук открываемого замка. Честь и хвала Рустяму – никогда я не видела его злым, уставшим или раздраженным. Сияя счастливой улыбкой, он выставляет на стол «Волжское» и гордо вздыхает: «Черт возьми, весь город объездил». Я готова зарыдать от умиления, но сдерживаюсь.

Однако рыдать на груди Рустяма мне однажды пришлось. По причине своей непомерной живости и страсти к приключениям, а также движимая гражданским долгом, доставшимся в наследство от моих дедов, я влетела в историю антисоветского движения г. Воронежа, и меня с треском увольняли из библиотеки ВГУ, устроив пышное аутодафе – три персональных дела в один день. Я не испытывала никаких угрызений совести, но страх перед пауськанной, безликой толпой людей, которые еще вчера мило со мной здоровались и говорили комплименты, меня парализовал.

В огромном читальном зале библиотеки я стояла, как у позорного столба, и женщины, от праведного гнева ставшие совершенно белоглазыми (это мне запомнилось особенно), изо всех сил пытались дотянуться, чтобы плюнуть мне в лицо. У представителя КГБ, видимо, сдали нервы. Заслоняя собой, он вывел меня из зала в объятия верного Рустяма, который весь день провел под дверью. Унижение и обида были выплеснуты на него, и Рустям стойко вынес все это. «Ну, что, по «Волжскому»?» – спросил он. «Знаешь, - потихоньку просыхая от слез, сказала я, – нусть будет коньяк». На лавочке у красного корпуса ВГУ мы выпили с Рустямом из красивой портативной фляжки и пошли гулять. Много говорили в этот вечер о любви, о предательстве, о работе и обязанностях человека на этом свете. Успела я спокойная и умиротворенная, с ясным пониманием, что жизнь не кончается моментом позора и унижения.

Потом наступило другое время. Мы стали реже видеться – Тятяша и Додоша, так прозвали нас нелюбимые дремучие тетки из библиотеки. Прозвища были хорошо изобретенными из его имени и моей фамилии. Однако синхронные Тятяша и Додоша разбрелись по своим углам и виделись все реже и реже.

В последний раз нас свела неожиданная оказия, – друг детства и непутевый сын батиного однополчанина на десятом году обучения в Воронежском университете должен был писать дипломную работу. Ни один здравомыслящий кандидат математических наук не хотел стать его научным руководителем. Я уговорила Рустяма. Мальчишки уединились в частном доме на берегу водохранилища. Дом оплачивался щедрыми Юркиного отца, но зрелище представлял убогое – ветхие стены и захлавленная комната. Мой визит в их обиталище кончился печально – я ушла, удрученная видом двух пьющих математиков, кочмяющихся в полном сраче.

Юрка, тем не менее, диплом защитил, а Рустям стал профессором Новосибирского университета. Время от времени они передают мне приветы. Один от другого и наоборот.

4. Лёлик

Никого я так не любила в своей богатой впечатлениями жизни, как этого неуклюжего, толстого, крытого пегой соломой мужаика! Какая магия таилаась в его водянистых глазах и белесых ресницах, в губах – варениках, вислом носе и брылястых щеках пожилой собаки? Всегда грустный, задумчивый и многознающий, он напрягал меня постижением морально-нравственных правил, которые мне в ту пору нужны были, как корове седло. Хотелось сумасбродства, неистовства, страсти. Объект для этих маневров я выбрала совсем неподходящий. Лёлик, статичный и умозаключенный, как каменная баба на просторах нашей Российской земли, всегда оставался безучастен к моим просветлениям.

«Лёлик! – кричала я в порыве вдохновения и предчувствия нестерпимого счастья, – поедим в лес, в поле, на реку... Ну, куда-нибудь, где мы будем вдвоем...» Лёлик смотрел на меня скучно и сострадательно: «Ты со мной разговариваешь как с ровесником. А у меня – год за два идет».

Мы познакомились при производственных обстоятельствах – я, безденежная, после декретного отпуска, подрядилась переводить польский фильм «Ва-банк», пришедший к нам в город по линии фестиваля «Интерфест». Польский знала очень приблизительно, прожив месяц в Кракове среди филологов, изучающих русский язык. Наиболее уверенно могла произносить фразы: «Дай, пан, поеждичь на ровеже» и «Нихь пан поставе мне цож допиче», что в переводе означает достаточно дерзкие предложения – «Дай велосипед!» и «Поставь выпивку».

Лёлик польским языком болел. Он вообще был полиглотом, но польский любил особенно. Застенчиво поднеся ко мне свое белесоватое лицо, он спросил: «А можно я буду переводить тоже?». Одержимая гордостью неимущей матери-одиночки, я позволила себе протестовать. Лёлик был кроток: «Мне денег не надо...» Я была горда: «А мне, тем более, Ваших денег не надо». Мы разошлись, как в море корабли. Проснувшись наутро, я вдруг явственно представила себе смешную челку, неуклюжую фигуру, а главное, услышала дивный бас, рокочущий и вибрирующий. Мне стало стыдно. И где его теперь искать?

Искать пришлось недолго. Неуклюжий Лёлик сидел на парапете у входа в кинотеатр «Юность», куда я скорой ножкой шла на работу. «Знаешь, – сказал он мне без предисловий, – делим сеансы пополам, а там посмотрим». Там – посматрели. На свой гонорар Лёлик купил цветов, фруктов и шампанского. Мы дивно попиروвали и больше уже не расставались.

Уже позже, по утрам я ждала его на чай (он работал сторожем в кинотеатре напротив моего дома). В одно из таких утр произошел инцидент, оставивший мне впечатление на всю жизнь. Только лишь мы расположились попить кофий и поболтать, свободно и раскованно, как вдруг раздался звонок в дверь. Девушка, стоящая на пороге, была отвратительна во всех отношениях. Грязная, окровавленная и бессмысленная. Я тихо застыдилась, но прогнать утрешнюю гостью не смогла. Лена Бельмондо (таково было ее прозвище, данное на сельхозработках, где мы трудились вместе) ввали-

лась в квартиру с рыданиями и стенаниями. Ее где-то изнасиловали и избили. Непрезентабельный вид Лены, ее лексика и повадки немедленно меня устыдили – ну и друзья у тебя, Гудошникова! Ой, стыдоба! Желая дистанцироваться от грязной, окровавленной Бельмондо, говорю Лёлику после ее ухода спокойно и равнодушно: «Да, это так, человеческий мусор».

Опомниться не успеваю, как получаю любимой рукой по губам и лечу в угол. Тихо плачу, и поднимаюсь с пола, понимаю, что прощения нет. Он не вернется никогда. Зачем нужна ему мелкая сука, которая так легко сдает людей, доверившихся ей? Звонок. Вся в слезах и соплих иду открывать. Лёлик. Бурно рыдаю и абсолютно искренне кричу: «Я не буду так, никогда, клянусь, честно...» и еще что-то. Мой добрый Лёлик смотрит спокойно и говорит: «Знаю, не будешь».

Клянусь, я не нарушила обещания и никогда больше не унижала категоричными определениями униженных жизнью людей. Это был не единственный урок Лёлика. Однажды, бредя прекрасной белой ночью по Ленинграду с коллегой Селезневым, мы анализировали щедрую натуру нашего общего друга и делились уроками, полученными от него. «Ну, скажи, чему он тебя научил?» – ревниво спрашивал мой собеседник. «Куришь папиросы и посылаешь матом непрошенных гостей», – лукавила я, не желая делиться уроками великодушия и мудрости, преподанными мне Лёликом. Мы шли на телеграф звонить ему, работавшему в ту пору ночным сторожем в кинотеатре, возглавляемом Селезневым. Вырывая друг у друга трубку, кричали в нее слова любви, а добрый Лёлик басил в ответ что-то спиходительно-нежное. Он любил всех. Такие неисчерпаемые резервы любви я наблюдала только у моего Деда.

Видимо, эта аналогия породила причудливый сон, где я призналась Лёлику, что он очень похож на Деда. Ответ я получила ошеломляющий: «Дура ты, Ленка. Это ведь я и есть». Дед к тому времени уже давно умер, и я отчетливо вспомнила, как, поехав с Лёликом забирать памятник на дядову могилу, мы наткнулись на падабробье с фамилией Савилов. Лёлечка, долгое время убеждавший меня, что его фамилия в этом городе единственная, был впечатлен. «Это значит, я скоро умру», – вполне равнодушно сказал он.

Хоронили его многолюдно. Я и не знала, что кроме меня его любило такое огромное количество людей. Мне впервые в жизни не было обидно быть одной из многих.

5. Лялечка

Более неподходящего прозвища этому жесткому, сильному и упрямому мужчине придумать, наверно, невозможно. Вертикальные, азиатские его глаза смотрят пронзительно и всезнающе, суровые твердые скулы отсылают к смутной ассоциации с японскими самураями, твердая походка и мужественный плечевой размах рождает робость перед человеком, сумевшим сделать себя. Но все это ничто, против той неистребимой нежности, которую Сережа Лялин носит и бережет в себе. Это проявляется на сцене, где я вижу его впервые.

Он читает посмертное письмо Эвридики своему возлюбленному. Маленькая роль, небольшой текст, который становится ключом к пониманию удивительной трагедии Ж. Ануй. Я плачу дружно со всем залом и ухожу ошеломленная. Какую интонацию внес этот весьма смешной актер в обожаемый мною текст?

Мучимая загадкой, прихожу в ПЮЗ, спрашиваю у вежливой, но очень востребованной зрительями кассирши: «Кто играл помощника почтмейстера в спектакле «Эвридика?» Кассирша расцветает: «Прекрасный актер! Сережа Лялин». Судорожно роюсь в карманах, прошу: «Дайте, пожалуйста, билеты на спектакли с его участием!» Кассирша тускнеет: «Ушел из ПЮЗа...» Куда? Неизвестно.

Коротка человеческая память. Через год я забыла имя и фамилию актера, столь меня впечатлившего. А еще через

некоторое время мой непредсказуемый друг режиссер Михаил Бычков пригласил на открытие своего театра – ныне уже знаменитого Камерного. «Береника» – скупой, академический спектакль, где неизменно сдержанный Сережа Лялин играет скорбного Ангиоха. Поразила метаморфозе и ходить стала на все премьеры в ожидании чуда. Дождалась. Сережа окончательно потряс меня спектаклем о А.П. Вертинском, бесконечно мною любимом.

Я и не смела мечтать о знакомстве с актером, ставшим моим кумиром, однако знакомство это произошло, положив начало крепкой и верной дружбе.

Самая сиротская столовая в нашем городе называлась офицерской. Когда-то, во времена счастливого детства, мы с бабулей обедали здесь по воскресеньям, после утренних походов в оперный театр – это был наш ритуал. Столовая поражала крахмальными скатертями, цветами на каждом столе и отдельными кабинетами, где действительно вкушали от общепитовских яств офицеры. Огромные, в полстены, шедрые натюрморты, официантки в кружевных белых наколках на аккуратно уложенных прическах, а также упомянутые уже офицеры придавали обеду привкус праздника.

К моменту нашей исторической встречи с Сережей Лялиным столовая превратилась в дешевую, грязную, убогую забегаловку. О былой роскоши напоминал только последний оставшийся в живых натюрморт с россыпью фруктов, тушками дичи и серебряными емкостями, тающими в себе, по всей видимости, дивные напитки. Под этим натюрмортом мы и встретились, привлеченные в «офицерскую» голодом и скудостью средств. Сережа заговорил первым, с любопытством разглядывая меня своими вертикальными глазами-маслинами. Я откровенно оробела, дурацкий борщ стал колом в горле, спазмированном волнением.

Из столовки мы вышли вместе, пили чай в моем захлапленном кабинете и говорили о кино. Я потихонечку осваивалась и привыкала к Сережиному присутствию. Тем более, что дозировал его он грамотно и аккуратно, удлиняя свои визиты изо дня в день на 2-3 минуты. Довольно скоро я уже воспринимала его как неотъемлемую часть своей работы и жизни. Мы вместе смотрели любимое кино, незаметно наблюдая друг за другом, вместе вкушали покупные пельмени, слаббивая их сметаной или маслом, вместе строили планы на будущее: «У нас будет отличный кинотеатр, прекрасная публика и фильмы, которые я сниму», – мужественно говорил Сережа, и я с радостью верила ему.

Однажды настал день, когда актер Лялин ушел из театра и окончательно перебрался в мой кабинет, ритуально внеся в него свою любимую чашку. Беспреданно потягивая из нее чай, кофе или газировку, он говорил о планах своего скорейшего внедрения в отечественный кинематограф. Я опять же верила, хотя и пугалась дерзости этих мечтаний. Внимать и верить Сереже к тому времени уже стало моим жизненным постулатом.

Он поражал не столько уверенностью в себе, сколько удивительно пристальным вниманием ко всему окружающему и умением щедро делиться своими впечатлениями. На скучных улицах нашего города среди огромного количества малообразовательных людей Сережа, с безошибочным чутьем истинного творца и художника, слышал потрясающие диалоги, находил фрагменты и характеры, ставшие настоящей подпиткой его творческой природы. Впечатлениями своими он делился ежедневно. Одно из них мне особенно запомнилось. «Представьте: мужчина и женщина, – вполне буднично говорит Сережа, потягивая кофе из своей неповторимой чашки, – немолодые, неухоженные, грустноглазые. Идут, не касаясь друг друга даже кончиками пальцев. Он говорит тихим голосом: «Я макароны сварил, а ты не пришла...»

У меня перехватывает дыхание от точности попадания в больное место каждого из живущих на этой земле – одиночества. Мне становится жалко всех и Сережу тоже. Он так часто бывает простужен, голоден, неустроен, работает по 18

часов в сутки, заботится о трех своих девочках – маме, сестре и племяннице, живущих в мрачноватом селе Рождественская Хава... Милый мой Сережа, ну чем я могу облегчить твой тернистый путь?

В Москву едем вместе, хотя я точно знаю, что помочь ему не смогу ни в чем. Целый день мотаемся по столице, пьем чай в каких-то павильонах, говорим и готовимся к прощанию (я готовлюсь). Когда же этот момент настает, и Сережа твердой своей походкой отправляется в московскую неизвестность, оставив меня на Суворовском бульваре, я смотрю влед с тревогой и тоской. – так не вписывается он в нарядную, праздную и, как мне кажется, бессмысленную толпу, наводняющую арбатские улицы. «Прощай, мое сокровище!» – тихо шепчу я цитату из любимейшего рассказа Чехова «Скучная история».

Теперь пора объяснить, откуда взялось легкомысленное прозвище «Лялочка». В самое счастливое время нашего знакомства, когда мечты казались совершенно осуществимыми, нас курировал и благодетельствовал Региональный центр французского языка. Руководила им сухая, молодая и строгивая Сильвия Сенескаль, которая, по моему ревнивому подозрению, была в Сережу влюблена (или впечатлена, что, в принципе, одно и то же). Яркая и наступательная, она внушала некоторый страх. Сделанное Сильвией предложение о презентации Сережи на Каннский фестиваль, смутило даже меня, доверчивую. Сережа, меряя шагами мой кабинет, вопрошал: «Сенескаль? Что это значит?». «А что может значить фамилия?» – вполне равнодушно осведомляюсь я. «Да всё! Либо определение человека, либо его предназначение». – тихо сердясь на мою bestолоковость, сказал Сережа. «Что же в таком случае означает ваша фамилия?» – спросила я. «Лялин – лялька – лялочка – кукла, забава, игрушка. Ваша любимая игрушка, Елена Яковлевна». Я опешила надолго, пока не поняла, что любимая игрушка – это то, во что человек вкладывает смысл и цель своей жизни. Если таковой и таковая есть.

6. Роберт

«Никогда не разговаривайте с иностранцами» – этим советом М.Булгакова я пренебрегла, заговорив однажды с толстым, длинным англичанином, носящим на детском лице внимательные и мудрые глаза. Абсолютная небрежность одежды, легкость общения и совершенная его органичность пленили меня раз и навсегда.

Работала я в ту пору преподавателем русского языка на подготовительном факультете для иностранцев, собиравшихся обучаться в ВГУ. В основном это были вьетнамцы – робкие и закомплексованные дети измученной американцами страны. Я, в ту пору активно читающая, была знакома с повестью Юлиана Семенова «Он убил меня под Луанг-Пробангом». Посему предпочтение отдавала азиатам. Европейцы казались скучными и лживыми, излишне цивилизованными, а уж благополучные англичане и вовсе не вписывались в систему моих ценностей. И вдруг – Роберт! Любопытный, умный и сумасбродный. Нам весело и хорошо вместе – днем скупулечно анализируем Пастернака и Ахматову, а вечером ржем и валяемся, обнимаясь и радостно целуясь, на газоне. Это непорядок! Нас забирают в выгрезитель – вполне естественно для нашего города, жители которого (а тем более милиционеры!) знают, что трезвые люди на газонах не валяются. Мы с Робертом, однако, трезвы, и страж порядка, несколько обескураженный, требует предъявить документы. Роберт законопослушно протягивает ему паспорт. Страж шалает еще больше: «Но тут не по-русски...» – растерянно говорит он, глядя вась в невинное голубоглазое лицо. «Ну да, я англичанин», – приветливо улыбаясь, говорит Роберт на чистейшем русском языке. Наш конвоир исчезает и возвращается с неким чином, быстро выкинув в ситуацию. Нас с извилениями выводят из выгрезителя на свежий воздух. Сей смешной карамболь был бы только смешон, если бы не стал предтечей дальнейших приключений мистера Р.Чандлера

ра в стране большевиков. Романтичный и доверчивый англичанин вливал в самые причудливые истории, движимый любовью и интересом к загадочной России, а также детским доброжелательным любопытством ко всем людям, встречающимся на его пути.

Одна из таких встреч подарила Роберту знакомство с разбитной француженкой Лидией, чей темперамент никак не укладывался в строгие рамки должного поведения иностранца в России семидесятых годов. Результатом этой импульсивной дружбы стало приключение, имевшее печальные последствия. Прекрасным первомайским вечером, гуляя с Робертом по вечернему Воронежу, Лидия выразила желание снять сарафан из советского флага, которым в изобилии был украшен праздничный город. Здраво рассудив, что при таком количестве флагов одним больше, одним меньше – значения не имеет, английский рыцарь полез на парашют. Подоспевшие как раз вовремя представители правоохранительных органов дали этой акции политическую оценку – оскорбление национального флага. После бурной, но короткой идеологической кампании Роберт в 24 часа был выслан из Советского Союза. Мы едва успели проститься, после чего меня с треском увольняли из ВГУ с формулировкой: «связь с иностранцами». На мой вопрос, в чем именно усмотрена крамольная связь, один из ретивых общественных обвинителей провозгласил: «Вас вместе видели в Оперном театре! На «Кармен-сюите!» Скажите, не было такого?» Такое было. Пришлось увольняться по собственному желанию, чтобы не дразнить гусей.

Я не была обижена на Роберта – и он, и я следовали вполне невинной потребности интересного человеческого общения, совершенно не предполагая никаких печальных последствий, ибо зла не причиняли никому. Но добрые люди еще долго пытались колоть мне глаза дружбой с английским шпионом (именно так его окрестили в книге одного из сотрудников воронежского КГБ). Заклейменная, я жила в опале. От Роберта не было ни слуху, ни духу. Я перестала даже мечтать о возможной встрече с ним, а так интересно было бы увидеть, во что превратили тридцать лет безмолвной разлуки этот доверчивый голубоглазый взгляд и неуклюжую жестикацию щепка-подростка – именно эти трогательные признаки отличали внешний облик незадачливого мистера Чандлера. Отрывочные сведения довели до меня информацию о том, что Роберт стал профессором русской филологии и занимается переводом на английский язык Андрея Платонова – писателя, действительно очень близкого ему по духу.

С одной из платоновских конференций в Питере ко мне явился гонец. Спросив с порога, знаю ли я Роберта Чандлера, он передал мне короткую записку с адресом и сообщением, что в скором времени Роберт прибудет в Воронеж на празднование 100-летия Платонова. А еще через некоторое время раздался телефонный звонок: «Ленка! – я узнала его сразу, голос совсем не изменился. – Еду в Воронеж, встречай завтра 25-й поезд!» Смущенно спрашиваю: «А мы узнаем друг друга?». «Ты меня узнаешь! – радостно кричит Роберт. – Я без поги!» Дивная примета. По перрону на своих костылях он скакал резвее многих двуногих, умудряясь тащить еще и здоровенную сумку. Мы рассмеялись и распеловались.

Культурная программа Роберта в Воронеже была обширна и насыщена. Некогда изгнанный его город встречал теперь с распростертыми объятиями. Но у моего неугомонного друга была, как всегда, идея-фикс. «Хочу видеть овраги. – настойчиво твердит он, – у Платонова – везде овраги. Ты можешь объяснить, что это?» Несмотря на все свои филологические способности, я так и не смогла сформулировать отличие оврага от его собратьев – яра, канавы, обрыва и т.д. Договорившись с друзьями, везу Роберта в Дивногорье. За рулем маленькая решительная шоферша. Как и многое в этой жизни, она внушает Роберту восторг: «Пелея, Пелея!»

– кричит он, исполненный впечатлениями и по-птичьи вертит головой, боясь пропустить бегущие за окном пейзажи. Первый овраг мы встречаем дружным ревом: «Роберт! Овраг, овраг!» По мере приближения к Дивногорью выкрики становятся все чаще. Намогавшись по склонам и оврагам, обедаем в маленьком симпатичном кафе. Видно, что Роберт устал (он скакал на своих костылях впереди нас всех), но счастлив. Сытые и довольные едем домой. Роберт потихонечку задремывает, но мы безжалостно толкаем его в бок через каждые пять минут: «Овраг! Овраг!».

Среди бесконечных встреч, дел и впечатлений мы едва успели поговорить. «Нога – это даже хорошо! – уверенно заявляет он, – а то я был слишком шустрый – это мешало работать, да и жить. Столько увлечений! А теперь я женат и счастлив. Правда, жена смертельно больна, но ведь целых двадцать лет нам было хорошо!».

Милый Роберт! Ты совсем не изменился. Я думаю, мы еще встретимся!

7. Сашуля

«Все мужчины делятся на Сашу и Володь» – так порешили мы с ближайшей подругой в счастливые годы скорой на определение младости. Дабы понять индивидуальность каждого из посетителей популярного имени, я употребляла в дальнейшем различные вариации для всех – от величественного «Александр» до пренебрежительного «Шурик». В промежутке умещались Саньки, Сашеньки и даже Саидеры. Называя интересного мне человека единственным именем, данным мною, я, вроде бы, сразу определяю свое к нему отношение.

Сашуля – адвокат. Не только по образованию, но и по своей сути – он сострадателен и нежен, невзирая на внешний, довольно неуклюжий, эпатаж и грубость словесных выражений. Последнее идет от того, что вовремя не стал он филологом (к чему есть явная предрасположенность), дабы выплескивать свой стих, «облигтый горечью и злостью». Хотя, склонен Сашуля больше не к обличению, а к содружеству – с людьми, природой и, особенно, с животными. У него три слабости – справедливость, кошки и женщины (хотя их он клеймит с яростью Арбенина). Одна из этих слабостей и привела его однажды ко мне, в ту пору безусловно воевавшую за часть подведомственного кинотеатра «Юность». Вошел он решительно, но деликатно. «Александр Александрович, Адвокат», – лаконично представился молодой и весьма стройный мужчина с неопределенным выражением лица. «Очень приятно. Чем могу служить?» – как всегда, козыряя своей вежливостью, поинтересовалась я. «Вы – мне? Вряд ли... – скучно сморщив рот, сказал вошедший. – Я вам – да!». «Чем же?» Скенсис мой уже тогда достиг изрядного предела, и в добродетельную помощь внезапно возникших адвокатов я не верила. Оказалось, зря.

На заседания суда мы ходили вместе. Я волновалась и дергалась. Сашуля скучал, рисуя в своих бесконечных блокнотах какие-то дурацкие пистолеты. На мои попытки вскопичить и тут же произнести пламенную речь, он тянул скучным шепотом: «Сидеть. Молчать. Говорить буду».

Мы выиграли, и я влюбилась в Сашулю страстно. Тем более, что круг наших интересов так радостно и неожиданно совпал. Я могла вместе с ним отгадывать десятки километров по заметенному снегом лесу, несмотря на дырявые сапоги. Он мог часами пить со мной Галича и Визбора, невзирая на полное отсутствие музыкального слуха.

Но где-то мы не совпадали. Какие-то Сашулины императивы отсылали его к другим, более надежным, ценностям, тем более, что во мне он усматривал некоторую непостоянность. Он называл беспринципностью мою терпимость к предавшим меня людям, а я была спокойна и горда тем, что всех могу принять и понять. Сашуля принимал и понимал людей лишь по собственной, ведомой ему одному, логике.

Немного кокетничая, он декларировал: «Для меня не существует морали и нравственности. Для меня существует

этика». Что стоит за этим заявлением, я пыталась понять несколько лет, наблюдая сашулины дивертисменты, швыряющие его от ярых схваток за правое дело к деловитому накопленному денежным средствам. И обратно. Мы сосуществовали в близком пространстве, время от времени деля вечерние часы досуга за вкушением скудных яств из киоска напротив кинотеатра. Разговоры и споры носили сугубо этический характер. Слава Богу, претензий друг к другу у нас не было никогда. Изжив обиду несостоятельной возлюбленной, я с удовольствием воспринимала Сашулю как запасной аэродром, на который, в случае крайней нужды, всегда можно приземлиться, злоупотребляя этим негласным правом только в случаях юридических тупиков, которые Сашуля либо разводит единым махом, либо усмехался: «Это бессмысленно». Во всяком случае, не врал никогда. Это его этика.

В одной страсти он постоянен и непогрешим - кошки. По-детски удивляясь и праведно возмущаясь, говорит о нашем общем знакомом: «Он хочет, чтобы у меня было хорошее настроение... Как возможно?! Я встретил сегодня двух бездомных кошек!» Я бы дала Сашуле почетное звание «кошачий адвокат». «Человек должен в этой жизни чем-то болеть, иначе он редька, а не человек», - так сказал герой одного из моих любимейших фильмов. Я с этим согласна, и люблю Сашулю за его верность кошкам. Он представляется мне древним египтянином, обожающим это грациозное, умное и жизнестойкое животное...

Моя кошка Брюся заболела. На фоне этого несчастья бури и смерчи вокруг и внутри моей теперешней горькой планиды отошли на второй план. Получив консультацию ветеринара и затарившись лекарствами, мчимся на такси уже поздним вечером ко мне домой. Брюся дикая, злобная и больная, забивается под книжный шкаф, а Сашуля, струдом разместив свои параметры на свободных половых метрах комнаты, отчаянно и страстно кричит в узкое пространство: «Жопа! Милая жопа! Вылезай!». Милая жопа сверкает зелеными глазами и даже пытается скалиться. Израненные в битве, мы все же побеждаем и вкалываем (точнее, Сашуля вкалывает) под пушистую холку необходимое количество инъекций. Все умиротворены и довольны (за исключением моей матушки, чей хрупкий сон был безвозвратно нарушен нашими воплями). Сашуля легко обретает привычную саповитость и респектабельность. На мой взгляд, ему это не очень идет, но, кажется, мое мнение решающим не является. «Ну что, жопа, - говорит он, обращаясь на этот раз ко мне, - теперь ты внесешь меня в число семерых достойных мужчин?». А как же! Это менее чем скромная награда за совершенный подвиг. Да, дело-то не в подвиге, а в хорошей Сашулиной природе, которой совершенно чужды категоричные определения, нравственные оценки и решительные житейские советы на каждый день. Все это говорит о его мудрости, которую впитал Сашуля от постоянного и близкого общения с кошками.

Прости, мой друг, если написала о тебе слишком легкомысленно.

СЕМЬ ЖЕНЩИН

1. Татьяна

Домоустроительница, домоуправительница. Меньше всего ей шло это имя. Не было в этой угловатой, резкой и несколько мужеподобной девушке-подростке ни домовитости, ни желания благополучия и спокойствия. Вздорная и затажная Татьяна все время рвалась на конфликты. Наши дворы были через дорогу, и я с робостью наблюдала, как поджарая и мускулистая девица вела на бой свой дворовый отряд (за что и для чего - непонятно). Только немного повзрослев, я поняла, что агрессия эта была вполне объяснима - Татьяна жила в абсолютной нищете (даже по тем, вполне благополучным, временам) с мамой и бабушкой, заслуживающими особого внимания.

Мама носила редкое имя - Ядвига. Пережила Ленинград-

скую блокаду и немецкий плен, что научило ее стоическому спокойствию и терпимости. Бабушка, до самой смерти сохранившая стать, величественность и иллэзии, звалась Еленой Федоровной Фосс. Таких спокойных и корректных манер я не наблюдала ни у кого.

Мы с Танькой, поднакопив за неделю денег, оставшихся от законных завтраков в вузе, покупаем бутылку дешевого, дурно пахнущего вина и размещаемся на ее кухне, пользуясь отсутствием Яди, вечно где-то работающей. Величественно вливается Бахалёна - прозвище, данное Елене Федоровне не помню кем. «Что вы пьете?», - буква «ч» в вопросе звучит особенно четко. «Вино, - робея, говорю я, - хотите попробовать?» Бахалёна молча удаляется в свою комнату и возвращается со старинной граненой рюмкой. «Сюда!» - царственно подносит она свою емкость. Делает глоток, смакует, вдохновенно произносит: «Прекрасно!» и удаляется на длинных, красивых ногах.

Потом пришли другие времена - я уехала по распределению в глухое башкирское село, а верная Татьяна приехала меня навестить. Точнее, сбежала из дома, от очередной сессии в университете, от повседневных хлопот и забот, рванув в Казанковку без денег, а главное, без подообающей теплой одежды. Сначала она чуть не замерла насмерть в автобусе, застрявшем где-то в снегах Стерлитамака, а, добравшись, наконец ко мне, отогрелась чаем и супом.

Мне же нужно было идти на педсовет. Начинаясь третья четверть, Мороз на дворе был лютый, однако, безумная Танька понеслась в сортир, одетая в легкое платьице. Там же кричучко безнадежно приморозился к ушку, и бедная моя подруга вторично рисковала замерзнуть насмерть. К счастью, педсовет не состоялся, и, возвращаясь домой мимо убогого сортирного строения, я услышала слабые звуки взволнованной жизни - потаптывание и тихую нецензурную брань, адресованную крючку, морозу и сложившимся жизненным обстоятельствам. Средством киятка и молодого задора дверь мы открыли, и Танька с жалобным поскуливанием понеслась в дом, теряя на ходу тапки. Этот милый эпизод вспоминали мы неоднократно в тяжелые минуты жизни, повторяя: «Живы. Не судьба умереть в сортире».

Умерла Танька в достаточно нежном возрасте, когда можно еще было жить, действовать и прогиводействовать. Но силы свои она, видимо, исчерпала. Силы эти выражались в способности любить и восхищаться - бедная моя Танька впечатлениями была обделена. А жадная и страстная ее натура все хотела подпитки.

Последний раз мы встретились на пересеченье двух дорог - «Комиссаржевской» и «Кольцовской». Она увлекла меня на лавочку бульвара, тихо говоря о своих бедах, полном одиночестве и непонимании детей. Их к тому времени было двое - нелепый Данька и продуманка Валентина, которую я любила за рысьи глаза и дивную жизнестойкость. Однажды вечером, обманув премудрую Бахалёну, они отправились в путешествие, маленькие и почти голые в зимнее время. Куда и зачем эти дети шли - неведомо. Танюха восхищалась ими с детской непосредственностью...

Дети, однако, выросли. Ядя и Бахалёна умерли, муж погиб при весьма подлых обстоятельствах, я, в ту пору вполне благополучная, забыла про нее.

Одиночества Танька не любила и прелесть в нем находить не умела. Видимо, оттого в один прекрасный день (совпавший календарно с днем смерти ее мужа) унала мертвая в кресло у телевизора. Определение «внезапная смерть» я слышала и раньше, но близко столкнулась с этим впервые. Повзрослевшие Валя и Данила не могли объяснить, что произошло. Повторяли только Татьянин рефрен последних месяцев жизни: «Витя! Забери меня к себе!». Плохо было моей верной подруге, и ничем помочь ей не смогла (да и не спенила на помощь).

Похоронили Танюху рядом с Бахалёной - две совершенно непохожие женщины - несостоявшаяся аристократка и состоявшаяся пролетарка лежат теперь рядом на тихом Лесном кладбище, ожидая нашего теплого прихода. И памяти, которая пока не изменяет.

2. Инка

Миниатюрна, как фарфоровая статуэтка и хрипловато-басовита, как провинциальный оперный певец. Прибавить к этому эстетскую манеру курить дешевые сигареты через длиннопий, в пол ее роста, мундштук – и внешний облик вполне узнаваем. Для тех, кто хоть однажды лицезрел эту удивительную женщину. Я впервые увидела ее на каком-то праздничном утреннике в школе. Инка яростно кричала в зал стихи о советском паспорте, выбрасывая вперед маленький кулачок и страстно сверкая черными глазами. Онемев от восторга, я выслеживала Инку, проводящую утренники и политзанятия с младшими классами (она была старшей пионервожатой школы). Маленькая, темпераментная и быстрая, в красном галстуке и черно-белой форме, носилась Инка по школе, вселяя в души романтиков восторг и веру в светлое будущее.

Для меня светлое будущее наступило на первом курсе университета, где я, наконец, почувствовала себя равной среди равных. И вновь увидела Инку, учившуюся на курс старше. Преподаватели ее обожали, немногочисленные мужики-однокурсники млели, девушки тихо завидовали. Она была курьер филфака, а я тихо гордилась дружбой с ней.

Встречая Новый год вместе с ее родителями – удивительно мирной и дружной супружеской парой – кричим в морозный воздух открытой форточки стихи Окуджавы и песни Высоцкого. Хорошо, весело и бездумно. Инка, не чуждая вполне законного самолюбования, пересказывает мне некую повесть, героиней которой себя представляет. Героиню зовут Инкой, она быстра, длиннонога и весела. Название повести я моментально забыла, погруженная в собственные эмоции. А форточку в доме на Бульваре Пионеров помню до сих пор. Как помню тепло, мир и уют этого небогатого дома.

Увы, как часто бывает на свете, мы расстались надолго, и виделись только случайно сталкиваясь на улице. Инка потускнела, но совсем не постарела – яростная надежда ее черных глаз обещала все то же прекрасное будущее. «Как ты думаешь, - кокетливо спрашивает она, - Платонова (это ее фамилия) ближе к Андрею Платонову или Платону?» Смотрю в выразительные карие глаза и отвечаю: «К Платону!».

Проповедовала Инка безбрачие и духовную близость, однако в зрелом уже возрасте вышла замуж за весьма отвратительного вахлака, молодого, глухого и подлогого. Он не любил ее. То ли квартира, то ли престиж подвинули его на брак с маленькой, к тому времени почти ослепшей интеллектуралкой. Или он самоутверждался, глумясь над ней, беззащитной умницей?

Отец и мать Инки к тому времени уже умерли, остались лишь двоюродные братья Высоцкие, мои хорошие друзья. Один из них и позвонил мне сообщить о ее смерти, сказав: «Помоему, этот подонок ее убил».

В гробу Инка лежала такая замученная и изможденная, что лучшей доли, чем смерть, представить для нее было невозможно.

Собравшиеся бывшие друзья (небольшая кучка людей, встречающихся лишь на похоронах) изо всех сил пытались вспомнить счастливые дни юности. Получилось. Бездумно длительную процедуру похорон мы сопровождали веселым смехом и счастливыми воспоминаниями.

Молодого вдовца, оскорбленного нашим весельем, на поминки не пригласили. В весьма загаженном павильоне выпили водки, закусив крабовыми палочками, помянули Инку тихим словом и разошлись.

А совсем недавно я увидела по каналу «Культура» старый фильм – «До свидания, мальчики!». И поняла, что это экранизация той самой повести, о которой мне рассказывала Инка. Героиня действительно прекрасна – умна, романтична и темпераментна. Влетает в море на длинных ногах и погибает в хаосе непредсказуемых событий, столь беспощадных к хрупкой человеческой жизни.

3. Тонечка

«Выходила тоненькая, тоненькая, потому и Тонечка...»
Всю жизнь завидовала хрупким и тоненьким женщинам, пола-

гая что только такие могут быть объектом любви. У Тонечки – талия, высокая грудь и дивные густые волосы, черные от природы, жесткие и длинные. Чудную эту внешность дополняло деревенское здоровье и пылкий ум, приведший Антонину на филологический факультет ВГУ с золотой медалью сергиевской школы.

Не было в ней ни кокетства, ни жеманства, несмотря на чарующую женственность. Даже я, неуклоная в ту пору эмансипированная девица, это чувствовала и понимала. Однако Тонечке в этой жизни глобально не везло – из университета ее исключили после первого курса, летей, о которых она так мечтала, не получилось, мужчины, которых она любила, оказались чужими и непонимающими.

Тоня уехала в Москву лимитчицей. Работала в жутком поселке «Капотня», а потом на Мантулинской сахарной фабрике, куда я приезжала к ней неоднократно. Количество сахара и тараканов в убогом общежитии потрясали. Тоня держалась стойко – это пройдет. Прошло.

Получив комнату в коммунальной квартире на Суворовском бульваре, она с радостью и радушием принимала прощенных и непрощенных гостей. Их в столице бывает много. Я приезжала к Тонечке каждое лето не от потребности получить временное московское жилье – от желания видеть любимую подругу.

Утром мы выходили на Суворовский бульвар. Не для прогулок, для уборки этого пространства. Антонина мела, а я собирала шампиньоны и слагала дурацкие стихи, адресованные интеллигентам, работающим дворниками: «Надев широкий «боливар», Онегин шел мести бульвар...» Красавица моя Тонечка бульвар мела царственно. Сильные и красивые ее руки уверенно держали и метлу, и лопату. Я робела, чувствуя свою ничтожность, зато умела варить любой суп и борщ, который мы с удовольствием вкушали.

Однажды мы с Тонечкой поехали в путешествие, которое было вызвано обстоятельством странным: на зверином рынке мы, Бог весть зачем, купили двух тритонов, пленившись их древней красотой. Назвали их Машкой и Ванькой Мигалкиными, веселясь от ассоциации с друзьями, которые тоже мигают, но не видят. Не знаю, что видели Машка и Ванька, но удивительное ощущение от соприкосновения с древним существом рождало во мне чувство восторга и вдохновения. В тонечкином аквариуме тритоны чувствовали себя неуютно. Машка вылезла и засохла под кроватью на третий день. Ванька терпеливо ждал своей участи на пластиковом кружочке, с отвращением разглядывая разноцветных рыбок, снующих вокруг. Мы с подругой собрались в турне – «Золотое кольцо» – самые заповедные города России. Первым из них был Ростов Великий, где простирается дивное озеро Неро - то ли для сохранения мелких существ, то ли для улаживания глаза нас, больших. Мы с Тонечкой туда поехали, бережно сохраняя в пол-литровой банке Ваньку Мигалкина, маленькое существо, нам доверившееся. Этого тритончика мы с удовольствием пустили в озеро, где, я надеюсь, он живет по сейчас, вспоминая нас добрым словом.

Потом мы питались воровскими набегами на близлежащие огороды. Устав от вегетарианской пищи, рванули зачем-то в Вологду, где посещали по вечерам железнодорожную столовку, упиваясь мясным супом и гуляшом с картошкой. Ночной вологодской улицей шли вдвоем и говорили о смысле жизни. Тонечка была весела и оптимистична: «Поглядим, что будет, ежели глаза не откажут».

Зеленые глаза ее не отказали. Мою любимую подругу утопили на мелководье в большой луже рядом с полученной, наконец, отдельной квартирой. Там она имела неосторожность прописать очередного своего воздыхателя.

На похороны в село Сергеевка я ехала электричкой без малого семь часов, держа в руках огромный букет розовых гладиолусов. Потом в палашем июльском зное бежала по огромному селу, рыдая почти в голос и удивляя селян своим видом. Успела Тонечку уже вынести на деревенскую улицу, и добросовестные плакальщицы причитали над безвременно умершей.

Меня приветствовал дружный, но разноголосый хор: «А вот приехала твоя любимая подруженька! Она не ела, не пила,

к тебе все собиралась! С трудами добиралась, слезами умывалась!» Положив в гроб безнадежно увядшие цветы, я сделала то, ради чего, собственно и совершила этот демарш – погладила роскошные черные волосы, которые так и не успела тронуть седина.

4. Надежда

Надежду я увидела впервые в доме, куда меня торжественно, с предисловиями и наставлениями привела Инка. Это был некий светско-богемный салон на коммунальной кухне, где ежевечерне собирались самые разные, но почти всегда интеллигентные и славные люди.

Хозяйка салона (блюдя традиции мадам Шерер) была суха, холодно отстранена от суеты и зловрага. Храня спокойствие хорошей осанки и величественность взгляда, все основные хлопоты по приему гостей она доверяла верной панернице – Надежде, худой, маленькой и суетливой.

Я сразу попала к ней в немилость. – почувствовав мою робость и неуверенность в своей личности для изысканной компании. Надежда весьма точно определяла влук мои недостатки. Эту акцию она называла длинно: «Я расскажу тебе такое, что три дня в зеркало смотреться не сможешь!». Впечатлительная и доверчивая от природы, я ежевечерне тщательно разглядывала в зеркале свое лицо, ища в нем признаки дебилизма (может быть, благодаря этому, они так до сих пор и не появились). Я же Надежду любила, скорбя о ее раннем сиротстве и уважая изрядную проницательность.

Как ни странно, мы подружились, хотя прав у самолюбивой сироты был строгив и вздорен (теперь-то я понимаю, что это естественная реакция на беззащитность и уязвимость, которую гордая натура принять не в силах). Категоричность оценок и иезуитская способность видеть слабые стороны достаточно сильных людей придавали ей уверенность и спокойствие: «Не замай! Укуцу – мало не покажется!». Страшнее кошки зверя нет!

Но время шло, и иллюзорный страх перед этим зверем потихоньку рассеивался, тем более что для Надежды настал период новых испытаний – тетя с ее красивым именем Анна Акимовна умерла, оставив племянницу уже в полном отсутствии кровных связей. Были только отношения благоприобретенные. Надежда притихла и пообмякла. Юношеский кураж ее покинул, уступив место вполне спокойной наблюдательности. «Года к суровой прозе клонят...»

Надежда, внешне чуждая романтики, так и осталась верующей в эту религию – Романтику. Думаю, что именно эта склонность загнала ее по распределению на Камчатку. Ни благ, ни льгот ей это (в ту пору 22-летней) это не сузило, но впечатлений было море (или океан?).

Сравнительно недавно мы, уже работающие вместе, заговорили в очередной раз о смысле жизни. Я, почти уверенная, сказала: «Впечатления! И ничего больше!» Надежда была занудна и прагматична. Что-то ее сосало и не давало быть свободной в своих суждениях. Может быть, усталость, которую я наблюдаю в ней последнее время. Может быть, неуверенность в себе, стареющей и худеющей, много теряющей и мало обретающей. Впрочем, все ведь так живем. Просто внутренние ресурсы распределены по-разному: у кого-то больше, у кого-то меньше.

Надежде сегодня нужен мир и покой – она достаточно долго мыкалась неприкаянная. Я обречена на борьбу почти бесполезную, не имея сил отказаться от возможности нашего общения. Обезудая все это, играем по утрам в карты, будучи лишены иного активного действия.

Надежда скромна, как никогда. Пронзывает, и, видимо, надеется на то, что мой выигрыш спасет нас всех. Хотя ни верующей, ни суеверной она не была никогда. Да, и не будет. Просто я точно знаю, что в этой жизни мы друг друга уже не потеряем. А дальше – Бог весть, что будет.

5. Тата

Она вошла в аудиторию, как входили, наверное, римские императоры к своим подданным: величественно, презрительно, и, тем не менее, терпимо. Худощая, неуклюжая структура ее тела была облачена во что-то неопределенное – то ли балахон, то ли тогу, то ли саван (впоследствии ходили легенды, что

приходила она на лекции, подпоясанная сантиметром, оставленным портнихой). Грациозный клов носа, гортанность речи и грубость определений наших старательных потуг спискали Татьяне Львовне общую нелюбовь и боязнь. Я же полюбила ее с первого взгляда.

Академическая умница, независимая и яркая, она мерила шагами коридор университета с уверенностью генерала. Предсказать движения этого интеллекта было невозможно. «Эрнест Хемингуэй. Белые слоны. - без предисловий кричала она в аудиторию, - ваши соображения?» И тут же вызывала любого, кто казался ей наиболее бессмысленным. Груша папа была сильной и начитанной, а уж Хемингуэй, любимец, был не просто знаком, а родим и дорог! Нам ли робеть! Однако робеем, Татьяна Львовна, величественно сморкаясь в огромный носовой платок и водружая его на батарею парового отопления, вопрошает: «Но содержание кто-то может рассказать?». Интеллектуал Валера Монастырский, красивый и изысканный, встает и вспает: «Мужчина и женщина выясняют отношения. У них проблемы». «Какие?» – грубо прерывает Т.Л. «Ну, разные проблемы бывают у мужчин и женщин», - уклончиво говорит Валера, уже умудренный некоторым опытом. «Мы говорим о конкретном случае! – преподавательница беспадна. - Вы можете называть вещи своими именами?». «Ну, речь идет о какой-то операции, надо что-то решить...» Сардонический смех Татьяны Львовны: «Вы что, ребенок (Валере 25 лет)? Не понимаете, что это за операция?». Валера, робко: «Аборт?» Т.Л.: «Слава Богу! Дошло!» Довольная произведенным эффектом, удаляется из аудитории, забыв свой носовой платок на абсолютно холодной батарее.

Поддавшись какому-то мощному внутреннему импульсу, с трудом преодолев страх, подхожу к ней в коридоре, где Т.Л. демонстративно курит, невзирая на официальный запрет. «Я хочу писать у Вас курсовую», - говорю без предисловий.

- Какую?
- Какую скажете.
- Почему у меня?
- Не знаю.

Т.Л. впервые смотрит на меня с любопытством, в беспощадных жгучих глазах загорается иронический огонек: «Это будет просто», - говорит она, разглядывая меня с некоторым подобием доброжелательности.

Весь год, посвященный этой чертовой курсовой, я кляла свою импульсивность. Видимо, издеваясь, Т.Л. выбрала для меня тему «Ленин и французская революционная литература». Вместо того чтобы эстетствовать, блистая оборотами речи и знанием современной зарубежной литературы, я вынуждена была усилешно читать собрание сочинений вождя. Везде – дома, в транспорте на лекциях (многовато он написал)! На одной из лекций меня застукали. Желчный профессор Кретов произнес скрипучим голосом: «А Гудошников, конечно, беллетристику читает!». И решительно вырвал книгу. Уже за одно то, как карикатурно изменилось его лицо, я благодарна Татьяне Львовне. До сих пор – люблю наблюдать человеческое изумление.

Проклятую эту курсовую я написала и получила царскую награду. «Тему дипломной можешь выбирать сама», - роняя пепел на свой балахон, сказала Т.Л. «С Вами?» – не веря своему счастью, спросила я. «А что, у тебя есть другие варианты?» Других вариантов быть не могло.

Визиты в ее заваленную книгами комнату в коммунальной квартире, где мы ели хлеб с постным маслом и бесконечно говорили о самом высоком и самом низком, что существует на этом свете, стали неотъемлемой частью моей жизни. Дипломную я написала, университет закончила. Мы стали друзьями.

Внебратно беременная, я скрывалась в ее доме от своей ретивой магушки, требующей аборта. А когда родилась моя Анька, первый подарок ей сделала Татьяна Львовна – огромного пупса, больше нее ростом, которого моя дочь воспринимала как человека – все время что-то ему объясняла, о чем-то просила. Татьяна Львовна превратилась в бабушку Тагу, что ей, определенно, нравилось.

«Бабушка Тата! Смотри, какие у меня погонь!» Анька врывается на кухню, где мы мирно пьем чай, у нее на плечах двое недавно подаренных крысят. Легкая на подъем, Татьяна

ПРОЗА

Львовна с диким визгом выпрыгивает на кухонный стол.

Уезжая в свой родной Питер от склок и дразг вокруг заведования кафедрой, она просит меня тихо и несколько скорбно: «Лена, а ты не могла бы называть меня Татой?»

Хочу, но не могу. Язык не новорачивается. С тем она и уезжает. Бедная моя одинокая Тага!

6. Валюня

На лекции в университете она приходила дерзко и независимо, бросая свой портфель с порога на первый стол. Как бы была профессором, а не студенткой-первокурсницей. Я тихо балдела, наблюдая уверенную походку, мальчишескую стрижку и совершенно детское лицо юной нахалки, живущей по собственным законам.

Ломкий, тоненький, но всегда уверенный ее голос вешал истины в последней инстанции. Особенно любила Валюня клеймить – твердые скулы ее разгорались, голос обретал силу, лексика – выразительность. Филфак млеял. Но недо.го. Эпатажную Валюню с ее неразлучной подружкой Соней «вычислили» из ВГУ за академическую неуспеваемость. Это был предлог. Девочки не вписывались в дисциплинарную среду, что было свойственно им в дальнейшем. Соня поступила в ярославское театральное училище на курсе знаменитого Фирса Шишигина, а Валюня в литинститут, что было еще сложнее.

К творческому конкурсу мы готовились вместе, – то есть она писала, а я слушала и восхищалась. Слог Валюни был легкий и выразителен, как естественная смена погодных явлений. Рождал настроения, ассоциации и легкую грусть – самое прекрасное, что может дарить проза.

Валюня уехала в Москву, оставив в нашем городе след легкой досады на себя, здесь не состоявшуюся. Я ждала, иногда дожидаясь редких встреч, преподносивших мне Валюню иной, не совсем понятной, отстраненной и улетающей. Хотелось лететь за ней, постигая неведомые границы и упиваясь независимостью от всего земного.

Меж тем, невзирая на свою эфемерность, Валюня родила троих дочерей, одна краше другой, и вполне прочно обосновалась в центре Москвы, куда я, время от времени, приезжаю к ней в гости. Там, в небольшом пространстве однокомнатной квартиры, мы можем говорить откровенно, что и делаем.

Помимо досады оставила Валюня в Воронеже престарелых родителей, которых нежно и трепетно любила. Они умерли один за другим (правда, в очень преклонном возрасте), оставив любимой дочери уютную квартиру и маленький старый сад, забота о котором легла на наши плечи, непривычные к такой ноше.

Валюня стала мягче, но, отнюдь, не уступчивее. Она по-прежнему следовала знанию, ведомому только ей одной.

В первое свое осиротевшее лето сад встречает нас, деловых и решительных, вооруженных рассадой и лопатами. «Ну, поехали!» – бодро говорю я, нацелясь лопатой в чернозем. «Подожди...» – Валюня созерцает землю, будто соображая, где именно зарыт клад. «Чего ждать-то?» – бешусь я, оценив перспективу предстоящих работ и скудный запас своих физических сил. «Подожди... Надо подумать...» «Да конать надо, а не думать!» «Подожди...» Спорить бесполезно. Жду, преодолевая раздражение и копящуюся под палящим зноем жажду. Видимо, проворнив досконально траектории небесных светил, Валюня, наконец, берется за лопату, и, надо сказать, работает хоть и медленнее, но гораздо продуктивнее меня. Я через пару часов выдыхаюсь и иду готовить обед, она же, методично и потупательно, вспахивает весь участок.

Абсолютно большинство наших общих знакомых считает Валюню бездельницей и сибариткой, – мол, только и умеет, что красиво вешать, расслабленно жестикулируя коленными руками. Я же на опыте последних лет убедилась, что, долго запрягаясь, она очень ретиво скачет, делая, практически, любое дело. Неторопливость, обстоятельность и некоторая потусторонность – это ее стиль жизни.

Мне кажется, что она счастлива, невзирая на потери, воспринимаемые очень остро и трагически, одиночество и непонимание, неизбежное для человека неординарного. Я по-прежнему люблю ее и с нетерпением жду приезда самоотстоянной подружки в Воронеж. Мы будем разговаривать, спорить и ругаться. Это – жизнь!

7. Колышкина

Все называли ее только по фамилии, а мать Валюни звала ее Палочкойпой, то ли по ассоциации, то ли по каким-то другим соображениям. С Колышкиной-Палочкойной я познакомилась в довольно раннем возрасте, и, впечатлительная наступательной ее натурой, приготовилась служить ей вечно.

Суха, легка и иронична, она шествовала по этой жизни, впечатляя неуклюжих. Одним из таких был мой батя, посвятивший ей стихи:

Зимний день морозцем щеки трогает,

Оседая инеем на мех,

Ты идешь своей походкой строгою,

Каблучком прокалывая снег...

Дивное совпадение – она, обожаемая ученица моего отца и любимейшая учительница моей Валюни...

Попавшая, как кур в ощиц, из своей полудетской замкнутости в мир взрослых страстей и умствований, я робела нещадно. В колышкинском характере не было ни снисходительности, ни терпимости. Весь мир обозревала она пристрастно-ревнивым оком, находя бесконечные изъяны, проколы и ошибки, с далеким идущими последствиями. Безрадостный человек – сказала бы я сейчас.

Мой первый урок в настоящей школе. Практика, и я должна донести детям трагедию Онегина. Готовилось долго, напрягая все силы и подручные средства. На урок прихожу, вооруженная арией Ленского, как самым эмоциональным воздействием и методическими советами Колышкиной. Она сидит на задней парте – меня это вдохновляет и убивает одновременно. Дети млеют, но мне интересны, к сожалению, не они, а та, что сидит с надменно-бледным лицом за последней партой. Что ей во мне? – думаю я сейчас и не понимаю. Раздолье она все мои потуги на корню, говоря, что нельзя махом приобщать детей к собственным впечатлениям и окультурировать одним уроком.

Холодная суровость классической «учительки» вне сферы профессионального обитания рассеивалась напрочь, и, будто наверх выпущенная, Колышкина превращалась в шаловливую девчонку. «Ленка! – кричит она радостно, – Хочу красное мороженое, вон, как у того мужика!» И тычет меня носом в чужой картонный стаканчик, изумляя «того мужика» до полного ступора – такая приличная с виду дама! Носимся по городу до цыганского потока, наконец, находим. Ковырнув мороженое пару раз и потеряв к нему интерес, Палочкина равнодушно бросает стаканчик в урну.

Семья ее, мягко говоря, была странной – подружка Рита, кустодиевская красавица десятью годами старше и Ритин сын Артур, было ему в ту пору лет пятнадцать. Рита не работала, обихаживала дом, и дом этот буквально светился чистотой и уютом. Артур, воспитываемый двумя женщинами (отец его давно трагически погиб) имел мировосприятие специфическое.

Тихий, весенний вечер. Мы все вместе пьем чай и мирно смотрим телевизор. Идет фильм, коллизия которого состоит в драме подростка, сына разводящихся родителей. Родители брызгливо препираются, мальчик переживает. Артур ерзает в кресле, явно чего-то не понимая. Наконец, не выдерживает: «Мам! Она что, мужа не любит? «Видимо, так», – отвечает мирная Рита, совмещая просмотр с вязанием. «И никогда не любила?» – продолжает свою линию Артур.

- Наверное, никогда.

- А сын откуда?

Я прыскаю в кулак, но тут же получаю строгий тычок в бок со стороны Колышкиной. «Ты что, Артур, не знаешь, откуда дети берутся?» – без малейших признаков раздражения спрашивает Рита. «Знаю, – уверенно говорит Артур, – от любви». «Валя, ты педагог или иде? Объясни ему». «Что тебе непонятно, Артурчик?» – с несвойственной нежностью в голосе спрашивает Колышкина. Артур говорит сурово и мужественно: «Я понимаю, что люди могут совокупляться без любви. Но разве дети рождаются в таких случаях?» Мы с Ритой замираем в ожидании ответа премудрой Колышкиной. «Конечно, нет, – говорит она, – вот мы с Ритой любим друг друга, поэтому у нас есть ты». Я тихо балдела.

Воронеж

ОЛЬГА ДОНЕЦ
(Санкт-Петербург)

ТРИ ЧАСА ТРЕЗВОСТИ

(Главы из повести)

Я убежден, что всякое человеческое существо рождается, чтобы написать книгу, и ни для чего другого. Не важно, гениальную или посредственную, но тот, кто ничего не напишет, - пропащий человек. Он лишь прошел по земле, не оставив следа.

Агота Кристоф «Толстая тетрадь»

К свободе сквозь дождь

Я пробиралась сквозь холодную цепкость кустов, не оставляя следов. Шел дождь. Он смывал слезы, косметику, разницу между мной и одеждой. Карман куртки оттягивала фляга с остатками вермута, она позвякивала, соприкасаясь с ключом от квартиры Артура. Артур, мой брат, жил далеко, в заоблачном районе, а у меня не было денег даже на метро. И я шла, потому что возвращаться было некуда. Меня выгнал из дома единственный, любимый мною человек. А, значит, меня выгнали из единственного дома. Я - бездомное существо с ключом от чужой квартиры.

В голове мутило от вермута. Я урывками вспоминала искривившийся рот, изрыгавший проклятья в мой адрес. Это был чей-то очень знакомый, очень близкий рот: Я упала в грязь, расплылась в маслянистой луже. Дождь усиливался. Я могла бы пролежать незамеченной в этой проклятой Богом луже до утра, пока дворник или какой-нибудь гуляющий с собакой, меня не заметит, могла бы стать рыбой или русалкой. Я закричала что было сил. Я могла стать Сиреной. Но сирена пришла сама ко мне в облике машины, наполненной людьми в униформе. Они ташили меня, как большой, долгожданный улов. Большого, жирного сома. Я казалась себе жирной и скользкой.

А потом я помню серое помещение и двух людей, скидывающих униформу, у них горели в полутьме глаза, и это было похоже на кадр из фильма о средневековых пытках, на комедию об инквизиции. Я громко смеялась, когда они, по очереди, очень быстро, как по невидимому свистку, делали это со мной, одинаково, механично, с придыханием в конце, ничего мне не напоминая. А потом мне дали допить вермут, и даже угостили сигаретой. А я сказала, что я - писательница, и теперь уже смеялись они, одинаковые, и смех их, как и их придыхание, был безликим, не запоминающимся.

Когда мой единственный, любимый мною человек смеялся, я слышала музыку. Больше ты ее не услышишь, крошка. Никогда. Я снова зарыдала. Сердобольные насильники, которые были опять в своей уродливой униформе, налили мне водки, или какой-то другой дрянн, от которой я стала видеть все в тройном объеме, и, поднявшись с тяжелой скамьи, поняла, что до Артура не дойду. Я попросила денег на такси. Они вышвырнули меня под дождь в ответ.

Рядом маячили огоньки вывески какого-то бара. Я зашла внутрь. Здесь было тепло. И сухо. Я села за столик, пошатываясь, и каждый раз норовя опрокинуться навзничь. Ко мне подошла красавица с очень широкими бедрами, которые затмевали собой весь бар.

Я даже протянула руку и потрогала их: - Какие у тебя бедра, крошка, как у русалки. - проговорила я. Сдались мне сегодня русалки. - Посиди со мной.

- Вы будете заказывать что-нибудь?

- Я закажу, - мутные глаза оглядели бар в поисках какого-нибудь мало-мальски приличного кобеля, способного заплатить за меня. У стойки стояло несколько человек. - Бутылку вермута, поесть что-нибудь. Как я выгляжу?

Она достала из передника зеркальце, протянула мне. - Нет, - я отодвинула зеркальце. - Ты скажи. Сама скажи мне. - Неважно.

- Иди отсюда, шлюха, - вырвалось у меня откуда-то из самого дна души. Она выглядела хорошо. И широкие бедра ее совсем не портили. Она была благополучна. Работала официанткой, и думала о своем доме, где ее ждал какой-нибудь единственный человек, который не выгонял ее, а любил. А я, писательница хренова, словоплетка, пропойца, брошенка. Мои книжки нужно укладывать рядами в общественных туалетах. Чтобы бумага не пропадала почем зря.

Вермут появился вместе с мужиком. Он глядел на меня и недовольно мотал головой.

- Чего ж так напилась?

- Отвали, - я наполнила стакан. - Хотя, если можешь заплатить за мой вермут, заходи.

- Что-то случилось? - он был вежлив, меня от этого тошнило. Мой единственный, любимый мной, человек, никогда не был вежлив. Он напивался, как выводок свиней, бил меня наотмашь по лицу и бросал в камин мои рукописи. А я визжала от восторга - так мне все это нравилось. А этот истукан источал какую-то натянутость. Казалось, сейчас лопнет тугой струной. И хлестанет мне по лицу. Хотя, этот момент казался заманчивым.

- У меня нет больше дома, - сказала я. - И денег нет. Я - отброс.

- Общества?

- Я не признаю общества. Поэтому пишу о нем, чтобы хоть как-то оправдать себя. - получалось связывать слова в предложения. Это напрягало. Мне захотелось обратно к насильникам в униформе. - Ты заплатишь за мою выпивку? Русалка принесла тарелку со спагетти. Терпеть не могу. Я пододвинула тарелку мужчине:

- Угощайся.

- Вы пишете?

- Да. Выпьешь со мной?

- И вы издавались?

- Друг мой, я печатаюсь на пяти языках. - Я уронила голову на скрещенные руки и проспала, наверное, несколько часов, потому что, когда похмелье заставило меня проснуться, уже светало, дождя не было слышно за стенами заведения. Впрочем, напротив меня сидел мужчина. Я его вспомнила. Он сел передо мной, когда я засыпала. Он опять был натянут, только теперь казался тетивой. Я потянулась к бутылке, на дне которой оставалось еще немного зелья.

- Вы сказали, что у вас нет дома. - начал он так, будто я и не спала вовсе.

Я отхлебнула вермута, и по сердцу резануло горечью памяти. Потеря. Нет любви. Все кончено. Идите все к такой-то матери. Я выложила на стол ключ от квартиры Артура.

- Это - квартира моего брата. Он живет в далеком районе. У меня нет денег, чтобы до него добраться. Я уму, а он не успеет узнать.

Мужчина расплатился с официанткой за вермут и заставшую лепешку нетронутых спагетти, я попросила купить мне еще бутылку. Он купил. Потом - предложил отвезти меня. Я даже не спросила - куда. Мне было все равно. Мужчина мне не нравился. Поэтому спрашивать - куда, не было смысла - так же, если бы он нравился мне. У меня был единственный, любимый мной человек, а остальные все - катились к черту, и годились только для удовлетворения обоюдных потребностей. Когда мы сели в машину (Бог мой! У него была отличная машина), он спросил, где живет мой брат. - Какого черта тебе знать это? - я откупила бутылку. - Я должен знать, куда ехать.

Я пожала плечами и назвала адрес.

Вскоре мы были на месте. Мужчина помог мне добраться до квартиры, сунул в руки пачку денег и скрылся в лифте. Я стояла у двери, стараясь сообразить, что со мной произошло. Я вошла в квартиру Артура, где, как обычно, было накурено и пахло дешевыми женскими духами.

Я прошла на кухню. Села. Выпила. Передо мной лежали деньги, уйма денег. На них можно было купить винный погреб в Барселоне. Появился брат. Заспанный, в цветастых трусах.

- Пьешь? - спросил он.

- Пью.

- А это что? - он подошел к столу и положил свою большую ладонь на деньги.

Внезапно я поняла, что могу ответить. - Гонорар за новый рассказ.

- Как называется? - без интереса зевнул и потянулся он. Я не раздумывала.

- Это будет интересная история, - я рассмеялась и пошла в душ.

Твори свою жизнь

Мы шли очень быстро, мне даже казалось, что я лечу - не касаясь ногами пыльной, раскаленной земли. - Давай посидим, - простонала я и попыталась остановить Лолу, схватив за плечо. - Где посидим? В дорожной пыли? - она строго, по-матерински, взяла меня за руку и потащила дальше. Я злилась на нее, потому что в затылок жарило солнце, потому что я была трезва, как чертова кукла, потому что Лола впустила в себя столько кокаина, что трудно было предупредить финал ее марафона. Потом уже стала злиться на то, что ей двадцать пять, а мне - тридцать четыре, что она - журналист, а я - черт знает кто, писательница, которую закопают где-нибудь, вполне возможно - очень скоро, под забором, пьяную и забытую всеми. И еще это похмелье, будь оно проклято.

Я толкнула Лолу в спину. Она не удержалась и упала. - Свинья, - сообщила она мне, когда поднялась и принялась отряхивать свое безвкусное платье от пыли. - Белла. Иди прочь.

- Нет. Уж. - я сплюнула на дорогу. - Я уже совершила героический поступок, отправившись с тобой, не захватив с собой даже пива. Ты же, как последняя дрянь, накачалась порошком, и теперь рвешься вперед, как табун лошадей. Мне не угнаться за тобой. Давай подождем машину.

- Мы опаздываем. Машины по этой дороге ездят очень редко. Так редко, что их практически здесь не встретишь.

- И что делать?

- Идти. Еще несколько километров.

Лола - дура. В полном смысле этого лаконичного слова. Она образована, болтлива, умеет произвести впечатление на мужчин, но она - простушка. в ее голове снуют редкие мысли, в основном о том, что нужно крутиться в элитных кругах, чтобы потом, заработав репутацию и деньги, купить домик на Канарах и встретить там спокойную старость с каким-нибудь сухоногим старикашкой. Хотя, с такими дозами кокаина о спокойной старости ей можно было только мечтать. Этим мы и отличались. Я знала себя и все, что со мной может случиться, Лола - стремилась к тому, чего добиться она никогда не сможет. - Зачем ты вообще ринулась на эту конференцию? - кричала она.

- Мне нужны материалы. У меня информационный голод. Тема конференции мне очень интересна. Я об этом еще не писала. - Я натерла ногу, и теперь хромала, понимая, что пройду от силы километр. Тут, вдалеке, за нашими спинами, послышались звуки приближающейся машины.

Я резко обернулась. Из ореола пыли возник грузовик. Я встала посреди дороги и расставила руки. Машина остановилась.

- Ты что стоишь, как изваяние, идиотка? - выскочил шофер.

- Довези нас до Академгородка.

Тут в разговор вплелась Лола. Она вальяжно, но достаточно бесцеремонно отстранила меня и, растягивая слова, проговорила:

- Мужчина, позвольте составить вам компанию. В этой жары мы, две заблудившиеся тигрицы, погибаем от жажды.

«Какая пошлость», - подумала я. Лучше идти пешком, чем вот так выпячивать свою плоскую грудь перед каким-то небритым мужланом.

Так или иначе, мы очутились в кабине и поехали. Лола верещала, не переставая, о какой-то дряни, шофер смеялся. У него были вставные металлические зубы и очень низкий лоб. Я даже не прислушивалась к словам Лолы, потому что мне было не интересно, что может рассмешить такое чудовище. Я корчилась от жары и неимоверного похмелья.

- Если на пути будет какая-нибудь забегаловка, останови, - единственное, что сказала я за всю дорогу. Забегаловка нашлась, я купила выпивку, и через несколько минут чувствовала себя полной сил и стремлений, хотя, конечно, элемент отчуждения от сложившейся ситуации присутствовал. Лола с шофером жили своей обособленной жизнью. Я была на другой стороне Земли.

Конференция уже началась, когда мы ворвались в зал, нарушив зрительскую тишину, поскольку со сцены уже кто-то вешал. Седой мужчина с холемым лицом. Лола кивнула на свободные места, мы уселись, кто-то

покоился на мою бутылку, я поставила ее на пол. Лола выгашила из сумочки диктофон, включила. Человек говорил про власть. Сначала я скучала, попивая из бутылки, потом, утолив похмельный голод, приступила к утилизации информационного. Я прислушалась к словам, летящим со сцены:

- Человеку необходима власть, необходимо владение властью, для самоуважения как минимум. Власть - это гарантия свободы. Власть для победителя становится средством для свободного творчества. Даже если человек не считает себя творцом - он всё равно творит. Он творит свою жизнь, жизнь своих детей, своей нации, настоящую и будущую. Достаточно не считать себя животным - это уже творчество. А для этого нужно преодолеть, преломить животность существующей власти.

Я подняла руку, услышав шипение Лолы:

- Белла, прекрати.

- Да, - вежливо кивнул мне оратор.

Покачиваясь, я встала.

- Извольте уточнить, - сказала я, - Любезный, каким образом человек, ну, к примеру, вы, творите жизнь своей нации? Это мой первый вопрос, давайте остановимся на нем. Я не против того, что вы творите в своей жизни, вернее, своєю жизнь, а уж тем более - своих отпрысков, - после этих слов в зале зашумели. - Но, извините, при чем тут жизнь нации? Очень глупо! - я гордо села.

- Нет, погодите девушка, - обратился он ко мне. - Давайте разберемся в вопросе.

- А что в нем разбираться, если вы ни черта в нем не смыслите, - я влила в себя порцию алкоголя.

- Как вы себя ведете? Это возмутительно! - воскликнула женщина, которая стояла рядом со мной и была похожа на консервированную рыбу.

Я продемонстрировала ей средний палец моей правой руки, и увидела, что ко мне пробираются охранники. Оставалось несколько минут, я снова встала: - К тому же - не считать себя животным и не быть им - две большие разницы, и процент творчества в обоих случаях мизерный - он зависит от обстоятельств этой грешанной жизни! - охранники уже тянули свои огромные руки ко мне, - Я творю уже больше двадцати лет, и не могу утверждать, что я не животное. Я пью, как последний пропойца, сплю со всякими ублюдками, и готова писать на заборах слово «нация», присобачивая к ней какую-нибудь брань. При этом я свободна, как самая свободная птица, парящая под облаками, - меня уже тащили к выходу.

- Оставьте ее, - внезапно приказал человек со сцены, и охранники повиновались. Вот это была власть, вернее - ее проявление. Я подошла к сцене, постояла немного, потом с трудом вскарабкалась на нее и примостилась рядом с оратором.

- Поглядите, это же Белла Косицкая... - послышалось из зала. - Сама Белла... Как плохо выглядит...

- Прошу без комментариев, - сказала я. - Я давно не выступала перед аудиторией.

Послышались отдельные хлопки. Меня узнавали! Меня помнили. Какие-то две тонконогие блондинки подбежали к сцене брать автографы.

- Послушайте, господа, я не в том состоянии, чтобы вешать отсюда, либо пускаться в прения. Вы, мужчина, - я обратилась к оратору, - выступаете перед этими людьми, говорите чушь, они вас слушают и понимают, что это - полная туфта. А потом они напишут статьи в газетах, их буду читать люди, нация. И, вполне возможно, кто-то из этой нации поверит вам... Это вы называете творчеством? Возможно, это власть.

Суррогат власти.

Мужчина молчал, я видела, как капельки пота проступили на его лице. Я нашла глазами Лолу, которая сидела, нахохлившись, и недовольно покачивала головой. Тут я решила немного выпендриться, как писательница, как умная женщина, чтобы превратить в хаос это глупое сборище

- Воля к власти - романтика нашего времени, - я закурила. - Власть - это волшебная страна, где по мановению руки возникают города и заводы, где армии встанут с помощью одного взгляда, где возможности создавать прекрасное просто неограниченны. - оратор смотрел на меня с удивлением, вперемежку с застывшим интересом, - Путь к власти указывают путеводные звезды идеалов. Тот, кто пойдёт на свет этих звезд, власть рано или поздно получит. Нужно только понять, как это красиво. Конечно, это не каждому дано. Только тем, в ком живы стремления - всё равно какие - все они производные от одного стремления - стремления жить, - я замолчала и на мгновение оглохла от аплодисментов. - Идите домой, к своим семьям, и не слушайте это вранье. Власть терпеть не может талантливых людей и возвышает уроды: Те в свою очередь тоже, по отношению к себе. Те же, уроды по отношению к уродам - уродов по отношению к уродам по отношению к уродам, - я начинала путаться, пора было заканчивать. - Они есть сейчас, но их не было и их не будет. Они уже пришли на вершины власти, они уже получили все удовольствия, которые могли получить. Путь завершён, задача выполнена. Ура! - опять аплодисменты. В этот момент зал поплыл. Я прыгнула со сцены, меня облепили жаждущие автографов.

- Белла, ты опустила меня на деньги, - сообщила Лола, когда мы сидели внизу, в кафе. - Я должна была сделать репортаж.

- Лола, зачем ты занимаешься этим дерьмом? Ты же даже писать не умеешь, - спросила я.

Она нагнулась под столик и вдохнула очередную порцию кокаина:

- А чем мне еще заниматься?

- Ну, не знаю, - для начала тебе нужно выйти замуж за какого-нибудь богатого ублюдка. Хотя, вполне возможно, он будет добрым малым. Потом у вас появятся дети, ты будешь их нянчить. - Кому я нужна?

- Да... - покачала головой я, - Мы с тобой - проклятые Богом стервы, не созданные для семейной жизни. И для жизни вообще, - я посмотрела на Лолу, и мне стало ее жаль. Обычная, пьяная жалость.

- Послушай, Лола, а ты напиши про мое выступление. Скандальная получится статейка. - Меня уволят. Этот человек, с трибуны - руководит очень серьезной партией.

- Ой, прекрати. И хорошо, что уволят. Хоть один материал сделаешь от души. Твоя газетенка давно уже на ладан дышит вместе с ее старичком-редактором. - Я все равно не могу, - мотала головой она. - Почему? Глупость какая, - я заказала коньяка.

- Он мой отчим.

- Кто? Старичок?

- Человек с трибуны.

Я расхохоталась.

- Да ты что! Лола! У тебя такие важные родственники! Чего же он тебе не поможет, этот идиот, твой отчим? Или он ушел из семьи, когда тебе было три года, и не помнит, кто ты есть?

- Помнит, - складывалось ощущение, что кокаин сегодня не касался ее протерченных мозгов.

ПРОЗА

- Ну, и? - принесли коньяк, я с удовольствием смаковала.
- Чего же не поможет?
- Я не хочу.

- Лола, тебе же нужны бабки. Хотя бы на твою белую отраву, - тут я вспомнила выступление оратора, - А, я знаю! Ты не хочешь, чтобы он творил твою жизнь, - я засмеялась, - Лола, ты иногда кажешься мне уникальной. и это, несомненно, иллюзия, но тем не менее...

- Да, не хочу, - вдруг как-то слишком четко и серьезно произнесла она.

- Хорошо, тогда почему ты не отказалась от репортажа, интересно узнать, - чертова девка, она была нетак уж проста. Лола, я ее совсем не знала! - Я просто не хочу его выставлять на посмешище. Это убьет маму.

Приехали. У Лолы была мама. За которую она волновалась. Я всегда думала, что эта, склонная к наркотикам и развлечениям, вульгарная девица - сирота, либо что-то вроде этого. Сколько я ее помнила, она никогда не говорила о своей семье, снимала зачуханные комнатенки в далеких кварталах, тратила деньги на румяна и кокаин. Вот это сюжет. Подумала я, ощущая, как информационный голод отпускает меня.

Дома, лежа на тахте, я вспоминала день, Лолу, ее внезапный ракурс, очень живописный. Ее отчима с извращенным понятием о власти. Хотя, как знать. Если она, бедствуя, отказывалась от его помощи, быть может, в его словах о творчестве и был какой-то смысл - размытый, не сформулированный, скорее всего, неосознанный даже. Лола не хотела, чтобы кто-либо творил ее жизнь. Она пыталась, пусть даже и без какой-то перспективы, делать это сама. Да. Так оно и было. Все у нее получится, у красавицы Лолы, у гордой, целеустремленной, независимой Лолы. А отчим? Его жаль. Паршивая овца не виновата в том, что она паршивая, но она портит стадо, и поэтому её забивают. Их вина в том, что они занимают место под солнцем. Наше место. В том, что они не смогут себя спасти.

Сьюзи

Я лежала на земле и не могла встать. Ужасно болела голова, небо слоилось - их было, по крайней мере, пять или шесть, соответственно, столько же лун, и бесчисленное количество расплывающихся звезд. Люди шли мимо и брезгливо обходили меня: кто смеялся, кто-то охал, но ни один не подал руки. Да, я была пьяна сегодня не на шутку.

Мы нализались с дружкой в кабаке, где я учинила грандиозный скандал, разбила гору посуды, и мне выставили такой счет за все это, что пришлось удирать через окно туалета. Я выпала из окна, как оторвавшаяся от крюка авоська - какие старушки обычно вывешивают за окна. Я плюхнулась в сугроб, и, покачиваясь, вышла из подворотни, где находился кабак. И оказалась на широкой улице, и, пройдя несколько метров, упала. Я была в платье, в сапогах и легком пальто, наспех натянутом во время моего побега.

- Сволочи! - кричала я. - Поганые людишки! Вам не понять того, что понимаю я! Вы идете в свои напичканные мешанским дурманом дома, и даже не представляете, что такое один раз посмотреть на мир с высоты солнца!!!

- Зато ты сейчас на небо в клеточку посмотришь, - услышала я над ухом низкий мужской голос и увидела какого-то мужика с широкой красной мордой. - Я помогу тебе, крошка, добраться до вытрезвителя. А сначала мы позабавимся с тобой в моей машине. Он сидел на корточках рядом со мной и напоминал павиана, который нашел самку для очередной случки и

разглядывал - нет ли на ней блох.

- Пошел ты! - я попыталась встать, но он, мерзко хихикая, толкнул меня пальцем, и я навзничь опрокинулась на землю...

«А, пусть помогает...» - зашуршали в голове мысли. - Пусть резвится... Может, дело до вытрезвителя и не дойдет».

Тут в холоде ночи, точно бритвой надрезав воздух, раздался колокольчиковый голос:

- Дяденька, не надо. Это моя мама. Я отведу ее домой.

- Что же у тебя такая мама, - недовольно произнес мужчина и встал, и ушел.

Я поднялась на локтях и попыталась разглядеть ребенка. Через пьяную пелену я увидела девочку.

Ей было, наверное, лет двенадцать. Я не понимала ни черта. Девочка... Мама...

- Какая я тебя мама... - проскрипела я и снова сделала попытку подняться.

- Но вам же грозила опасность от этого человека. Вы же не знаете - кто это. Он мог убить вас.

- Могу, - согласилась я, и встала, используя девочку, как опору... - Но скажу тебе честно, на земле от этого больше дряни не стало бы, дитя моё. Я отстранила девочку и, покачиваясь, проверила, насколько твердо стою на ногах. Стояла неважно...

- Ты где живешь, дитя, твою мать? - произнесла я.

- Недалеко, - она взяла меня за руку, - Пойдемте со мной. Вам сейчас нельзя вот так лежать на улице, и домой к себе нельзя - там, наверное, у вас семья, они будут недовольны.

- Там у меня - террариум, а не семья, - сказала я, шагая, увлекаемая девочкой. - Там у меня только я и моё пойло, и моя грёбанная печатная машинка, которая уже две недели не видела бумаги. Там пусто, как в желудке у покойника. И я не хочу туда. Потому что не помню, где это... Я часто не помню, где мой дом... Эти воспоминания порой мне кажутся лишними. Дом, - это место, где тебя ждут, где тебе рады...

- Вам нигде не рады? - облачком обжег вопрос.

- Мне... - я усмехнулась. - Погляди на меня, дитя. Мне... Я уже не помню, когда кто-то испытывал хотя бы отсутствие брезгливости, общаясь со мной...

- Но я не испытываю брезгливость, - сказала девочка. - Вот и мой дом. Скоро придем.

- Тебя там ждут? - спросила я, чуть не растянувшись в предбаннике темной парадной.

- Нет, я тоже живу одна, но мне нравится мой дом - в нем тепло и уютно, он дарит мне безопасность и чувство спокойствия.

- Ты как-то странно говоришь, девочка, очень странно... - сказала я, - Я как литератор, могу тебе с уверенностью сказать, что ты говоришь на редкость странно... Но это не касается меня, впрочем так же, как и не интересует. И если ты обидишься на такие мои слова, и вышвырнешь меня к черту, я не удивлюсь, это будет нормально.

- Пришли, - прервала меня девочка и открыла входную дверь.

Мы оказались в теплой прихожей, пахло старыми вещами и кухней.

- Включи свет. Я не вижу ни черта... - сказала я. Зажегся свет, я увидела коридор, показавшийся мне непостижимо длинным... обоим давили на глаза своей пестротой... девочка сливалась с обоями, образуя на них новый узор... а у меня начинала болеть голова.

- Ты одна живешь? - спросила я, сидя на полу и пытаюсь стащить с ноги сапог.

- Да, я же говорила вам. Одна.

- Сколько же тебе лет, девочка, что ты живешь одна. Куда смотрят власти?

- Я сирота, - ответила девочка, опустила рядом со мной и помогла снять мне сапоги. - Но у меня есть опекун - он приходит раз в неделю. Дает мне деньги

на еду и учебники.

- Ладно, проводи меня в комнату, где есть кровать. Комната была какая-то маленькая, похожая на келью монашки. Ничего лишнего. Я не могла сфокусироваться на мелочах, но в целом, после моего гнезда, где каждый миллиметр можно было разглядывать часами... – о да, у меня было много антиквариата, в моменты творчества и грезвости, а особенно в моменты гонорара, я покупала изысканную мебель. А тут? Тут было слегка комфортней, чем в вытрезвителе.

- Девочка, – сказала я, развалившись на кровати. – Тебе не покажется наглым, если я, как твой опекун, дам тебе денег, только не на учебники, а на выпивку? Тут у вас есть магазины, где ночью можно купить вермут? – Хорошо, – мне показалось, что в ее голосе мелькнули нотки досады. – Я схожу.

Она взяла у меня деньги и вышла из комнаты.

Я зарылась лицом в подушку и зарыдала. Вот уже почти пятнадцать дней длился мой запой, и я никак не могла прекратить это. Деньги были на исходе, нужно было как-то приводить себя в порядок и начинать писать. После смерти отца я совсем опустилась. Он меня как-то держал, я несла за него ответственность, пусть набившую оскомину, но хоть какую-то... А теперь, совсем одна, я не могла остановить поток грязи, извергавшейся из меня. Последняя повесть, которая прогремела с небывалым успехом, взбудоражила все мои чертовы амбиции, и я расслабилась. Интервью, новые знакомства с важными людьми... Несколько таких важных людей не погнушались воспользоваться мной отнюдь не как писательницей... Я была так одинока!!! Господи... Лола окончательно просадила мозги кокаином, и теперь проходила адаптацию в каком-то центре. Я навестила ее один раз и ушла минут через пять – передо мной была мумия с лицом Лолы, которая только молчала и иногда, сказав что-то бессвязное, роняла капли слюны на казенный халат... Брат уехал в Америку, и устроился там в какой-то еврейской общине. Звал меня, но куда я поеду – отвечала я, куда я поеду, осел ты безмозглый! Какая община? Моя печатная машинка и бутылка с выпивкой – вот вся моя община!!! Он в очередной раз назвал меня дурой, на том мы и расстались. Я не хотела с ним общаться, а он, судя по всему, – со мной. Были еще, конечно, дружки-сбутыльщики... Петр... Но это все, это все было суррогатом наполненной жизни... – любой из них мог продать меня за монгольский тугрик... Мысли прервал звук открывающейся двери. В комнате появилась девочка с бутылкой вермута и палкой колбасы.

- Эту отраву, – я кивнула на колбасу, – могла бы и не покупать. стакан есть?

- Да, – тихо ответила она и поставила на стол стакан. Я встала с кровати, подошла к столу, откупорила бутылку, наполнила стакан и выпила залпом.

Девочка тем временем нарезала колбасу тонкими ломтиками. Что-то неуловимо странное почудилось мне в ее движениях, какая-то невидимая глазу неуверенность – она же сквозила из девочки, когда та говорила. Но мои мысли быстро потеряли ясность, мне стало абсолютно плевать на девочку и я, прихватив бутылку, плюнула обратнo на кровать.

- Тебя как зовут? – спросила я, попивая из горлышка бутылки.

- Сьюзи, – девочка переложила кусочки колбасы на тарелку и подошла ко мне. – Угощайтесь.

- Будь добра, Сьюзи, убери от меня эту гадость. И запомни, дитя, такое едят только голодные бездомные псы. Отдай им, когда пойдешь гулять. – Я всегда покупаю эту колбасу, она вкусная, – с сожалением сказала девочка и отошла с тарелкой к окну.

- Эй, Сьюзи, не обижайся на пьяную старую тетку! Это очень хорошая колбаса! – я отхлебнула вермута. – Ты лучше скажи мне, кто тебя так назвал? Сьюзи. Или ты не в России родилась?

- В России. Папа... – девочка села за стол и поставила тарелку. – Он любил Сьюзи Кватро.

- Тебе повезло, что он не любил Джона Леннона, моя дорогая, – сказала я и громко засмеялась.

Девочка тоже улыбнулась.

- Так, значит, ты сирота, – продолжила я, – Что же произошло?

- Мама умерла давно, я плохо ее помню, только запах духов... Сейчас такие не выпускают... А папа. Папа жив? – Жив? Очень интересно, – я вытянула ноги и обнаружила дыру на правом чулке. – Мне кажется, я слышала слово «сирота».

- Да, он отказался от меня. Когда я родилась.

- Назвал Сьюзи и отказался, – я села. – Вот что я тебе скажу – кобель твой папаша и кретин, каких мало, и пусть он подохнет поскорей.

- Нет, он хороший... – грустно ответила Сьюзи. – Просто он испугался.

- Уууу... – закивала я. – Испугался. Девочка моя... – я даже не знала, что сказать еще. Объяснять ребенку скверную конституцию мира мне не хотелось. Даже в пьяном угаре я не походила на проповедника, а, тем более, на паскудного проповедника. Девочка верила в хорошее: к чему мне было ее разубеждать. Верит, и ладно. Папа отказался, потому что испугался. Нормальное объяснение. Ей так легче, и пусть. Если бы я еще во что-то верила, то не валялась бы сейчас вот так, черт те где, в непотребном виде.

- Вы часто пьете? – спросила она.

- Постоянно, – отглотнула я вермута, который уже кончался.

- А зачем?

- Зачем? – я на какое-то мгновение заинтересовалась дырой на чулке. – Зачем... Давно начала – уже не помню, зачем. Хотя, знаешь, Сьюзи... Знаешь, Сьюзи, наверное, не так... Вот ты веришь в то, что твой папа испугался. Это, скажу тебе честно, это, будем говорить откровенно, мало похоже на правду. Но ты верь! – последнюю фразу я сказала максимально патетично, чуть сама не прослезилась. – А я, дитя, не верю, понимаешь? Ни во что!

- И поэтому пьете?

- Нет, ну погоди. Почему поэтому? Нет, это – следствие, крошка, нет, я верила, я любила даже, если хочешь знать! Да так любила, что никому так и не посочастливится. Я любила, когда меня били, любила, когда унижали и заставляли ощущать свою никчемность! И верила!... Но потом перестала верить... И все только потому, запомни, детка, только потому, что меня обманывали. Никогда не верь, когда тебя обманывают, слышишь?

Она кивнула. Я понимала, что начинаю нести ахинею, но мысль была не потеряна, и я решила успеть ее завершить.

- Ну так вот, Сьюзи... Черт дери того папу, который тебя так назвал... Когда я перестала верить, я все равно любила, потому что надеялась, что меня перестанут обманывать... Это очень просто, это как алфавит, это проше алфавита. Вера-любовь-надежда...

- Да, я знаю... – она сказала это так, что я с удивлением поняла, что она действительно все это знает. Удивившись, но не подав виду, я решила закруглиться. – Но когда меня выгнали из дома и отрезали, полностью отрезали от себя – так, что я не могла верить, я не могла даже НЕ верить, потому что я была отрезана и не знала – обманывают меня или нет. – я сделал глубокий глоток и опустила бутылку. – Отрезали так, что я не могла надеяться, потому что точно знала, что меня выгнали

навсегда....

Я медленно подняла глаза к потолку...

- В такие минуты, девочка, мир становится чужим. Тебе кажется, что он огромен и прекрасен, что он только притворяется большим и уродливым, а ты находишься в нем по какой-то нелепой, паршивой случайности, и единственное, что тебе хочется, это не видеть больше ничего, ничего не видеть, - я зарыдала и закрыла лицо одеялом.

- Вы до сих пор любите этого человека? – внезапно спросила девочка.

Я отняла одеяло от лица и подняла брови.

- А ты чего такая умная? Не дело знать маленьким соплячкам, кого любят известные писательницы, - я улыбнулась. - Ладно, Сьюзи, сделай для меня еще немного. Там, в прихожей пальто, в кармане – деньги, возьми их и купи мне еще бутылку. Я выпью и усну, и больше не буду доставать тебя ненужным резонерством. Сходи в магазин.

- Хорошо, - она тихо поднялась и покинула комнату. Забываясь в хмельном сне, я вдруг подумала, что очень странно – почему эта девочка не спросила, как меня зовут...

Проснувшись я ночью от похмелья. В свете Луны, я углядела на столе бутылку, а в углу на раскладушке спящую Сьюзи. Я соскочила к кровати, откупорила бутылку и присосалась к горлышку... Стараясь не разбудить девочку, я подкралась к подоконнику и поглядела на улицу – все замело. Я подумала, как паршиво мне будет добираться завтра домой в осеннем пальто и рваных чулках... Опустошив половину бутылки, я снова уснула...

- Тетя, - я открыла глаза и в полумраке увидела девочку. - Мне нужно в школу, вы спите, ключ у меня есть запасной. Когда захотите, уйдете, а ключ оставьте под ковриком.

- Хорошо, - простонала я сквозь сон и снова забылась

Очередной приступ похмелья заставил меня подскочить на кровати. Я обнаружила себя с бутылкой в обнимку. В комнате было светло, солнечный луч бил в зеркало, висящее на стене, и рикошетил прямо мне в лицо. Я встала, подошла к столу, налила себе в стакан, умыла горящие внутренности и огляделась. Комната выглядела почти такой же, как накануне – ничего лишнего, все серое... Да, меня удивила потрясающая бедность палитры этого жилья. Серый, кое-где – коричневый... Казалось, девочка совершенно не заботилась о том, чтобы в ее доме было хоть немного радостно...

Попивая из бутылки, я подошла к полке и стала рассматривать книги. И тут мне стало не по себе... Я поставила бутылку на пол и вытащила одну брошюру с полки. Это была книжка, усеянная дырочками – я

поглядела на корешки остальных книг – все до одной были такими. Я знала эти дырочки... Это были - книги для слепых...

Забыв про бутылку, я осмотрелась по сторонам. На стенах не было картин, в углу не стояло телевизора... Письменный стол был завален тетрадками, испещренными все теми же дырочками... А в углу, у самой двери, стояла белая трость...

Мне захотелось кричать.

Я, взрослая, распутившаяся, преуспевающая стерва, всю ночь травила этого ангела пьяными рассказами про свою несчастную жизнь, несчастье которой состояло только в том, что я любила выпить. А она, сирота, от которой отказался отец – я теперь понимала, почему он испугался, и поверила, что он мог испугаться – он, конечно, не переставал из-за этого быть паршивцем, но все же это, наверное, было правдой. И не просто сирота, а слепая, и, видимо, с рождения, которая спасла меня, которая училась в школе... и так безропотно относилась к своей роли, и ее неуверенность исходила – только из того, что она все-таки ничего не видела, она сидела и слушала меня, и ПОНИМАЛА все, что я говорю. Конечно, она понимала.

Вера. Что для нее значила вера? Она могла верить только себе, и никакой стервец, типа моего бывшего мужа, не выжег бы из нее эту веру, поскольку тот мир, который она не видела, но в котором жила, был воспринят ею самой, прочувствован и изобретен так, как решила она. Решила и поверила. И никто не мог ее обмануть, потому что другого мира она не знала.

Надежда. Надеяться ей было не на что, абсолютный ноль. Она это понимала. На богатство? На принца? На исцеление? Бесчисленный список безответных вопросов... И ее безнадежность была так истинна и так глубока, что становилась самой великой из всех надежд мира.

А любовь. Я думаю, она любила эту жизнь – Сьюзи слишком многого не видела из того, что могло заставить ее разочароваться в жизни...

Сделав окончательный вывод, что я зажавшаяся овца, я взяла бумагу и написала «Сьюзи, ты великолепна!», потом чертыхнулась, скомкала бумажку. Я вышла из квартиры, положила ключ под коврик, и поняла, что не притронусь сегодня к спиртному. Я не была сентиментальной, нет. Я пропила свою сентиментальность еще лет пять назад... Но мир, который бессознательно открыла для меня эта девочка, был до такой степени непостижимым и сильным, что я, не переставая ощущать себя убогой, задавленной гордыней, сучкой, очень быстро очутилась дома, и вскоре квартиру осветили колкие удары пальцев по клавишам пишущей машинки. Сегодня я знала, что мне есть, о чем рассказать людям - для того, чтобы хоть кому-то стало легче... А я всегда старалась писать только для этого...

СЕРГЕЙ ДОНЕЦ

(Вологда)

МАРУСЯ

Давно это было и сейчас уже многим покажется вымыслом или раскрашкой какой, вроде поэм Николая Гоголя или сказок Максима Горького. На самом же деле все то, что мы узнали из рассказов старых людей – какая ни на есть, но доподлинная правда. Соленая, горькая, да простите за откровение и старинную прямоту слога, кондовая и печальная бывальщина.

Итак, все начиналось в одной из некогда самых воспеваемых стран в мире и в один из самых многообещающих весенних дней на свете.

Господа, вы не знаете и не можете себе даже представить, как в той сказочной стране на рассвете пел соловей. Он не пел – он просто издевался над людской приземленностью, выдавливая из себя высокие до хрипоты и визга звуки, он чисто злобствовал, как самый что ни на есть сказочный соловей – разбойник. Слюна с его камерного клювика падала на робкую желтизну одуванчиковых головок и шипела, как яичница на сковородке.

Двое молодых созданий, он и она, спали на пахучем от прошлогодних высушенных летних трав и остывшем за ночь сеновале, утомленные жаркой и юной любовью. Снились им сны про последний звонок в сельской школе, которую они должны были вот – вот закончить. Снились сны про самое прекрасное и долговечное на свете: про крепкие и долгие объятия, про все такое, что и не расскажешь постороннему человеку без особой надобности и разом заплывших ушей.

Спало в то раннее утро и все село, раскинутое по окраине северного леса, когда еще до первых петушиных криков на центральную деревенскую улицу вкатил автозак, прозванный в народе вороном. Черная полуторатонная маруся – и так именовали в те времена машины для перевозки арестованных или заключенных, – тяжело кряхтя разбитыми рессорами и вздыхая старым движком, резко свернула в просторный крестьянский двор. Трудно зарывчав перегретыми цилиндрами, остановилась напротив колодца. Из кабинки вылезли толстошекий красный командир и молоденький шофер в туркестанской тюбетейке.

– Где энта сука? – сразу заорал командир, некрасиво кривя красным, мясистым ртом и одновременно лузгая семечки подсолнуха.

На эти слова никто не откликнулся. Только лениво, словно нехотя залаял старый, весь в грязных репьях, пес, подергивая ржавой цепью как частью своего тела.

– Командир, а ты гляди туда, – молодой водила показал потной ладошкой на лестницу, приставленную к чердачному окну, по которой, задрав пышную юбку, бойко спускалась задастая девка.

– Фу ты, сатана! – ругнулся старшой. – Мы ее, контру, понимаешь, ищем кругом, а она на чердаке, понимаешь, прохладжается себе на здоровье желаю.

На крыльце показался плешивый, босоногий мужичок и словно хозяин поинтересовался у служивых людей насчет столь раннего приезда. Мужичка, как и полагается в таких случаях, сразу послали по адресу, но на первый раз не стали сильно бить, а только свалили с ног и пару-тройку раз пнули под ребра свиной кожей наркомовских сапог, заставив говорить: кто у него и почему ночует вне дома и не уважает тем самым родную власть. Особенно старался малый в тюбетейке. Он же сноровисто принимал молодуху с лестницы и подтаскивал к начальнику на допрос.

Толстый начальник не спешил с допросом. Важно, больше для порядка, смачно высморкался на загаженную крупным рогатым скотом землю, а потом

произнес только одно слово: «Падла!»

Молодуха – ни слова в ответ. Даже в крестьянской, убогой одежде было хорошо видно, как она красива и соблазнительна.

– Ну? – Начальник влез лупастыми глазами в синие омуты девичьих глаз. – Ты и есть, понимаешь, дочка комиссарова?

– Чего время тянешь, начальник? – Девчонка оказалась не из робких. – Знаю, вы отца забрали. Теперь моя очередь. Дайте хоть собраться.

– Уважаю понятливых! – Сказал старшой. – Пошли, вещички в дорогу прихватишь и муфточку всполоснешь, а то не скоро, понимаешь, подмыться дадут: «Гы – гы – гы!». Когда он смеялся, то обнажал два ряда желтых и крупных, как у породистого мерина, зубов.

– Пошли, – не растерялась девушка, – очень вам благодарна за вашу отеческую заботу. – Они направились к соседнему крестьянскому дому.

И надо же было в это самое время угораздить дружка молодухи спуститься на чердачную лестницу. Появление парня органы оценили как действия злоумышленника, шедшего на подмогу задержанному антисоветскому элементу.

– Давай, давай сюда, мудачок! – Застонал от счастья жирный командир, вытаскивая из синих просторов галифе наган. – Стой! Стрелять б-буду! – Произнес больше ради порядка, чем для смысла начальственный пузан, слегка заикаясь, но быстрой скороговоркой. Еще быстрее поднял руку с наганом и, почти не целясь, очень натренированно выстрелил в спускавшегося по лесенке паренька. Второй раз, по инструкции, – в воздух, добросовестно отработывая дополнительные дни к отпуску.

– А-А-А! – Дико и обреченно завопили окрестности. Молодуха сиамской кошкой бросилась на убийцу, но куда там! Тот был сыт и дороден. Как и всякий при власти в тех краях вельможа или боярин. И не важно, что он был большевик по билету. По роже – тоже не скажешь, что бандит, а не бухгалтер какой – нибудь мелкой конной артели. Так дал ей в промежность, что взвыла наша девка пуше прежнего и упала на остывающее тело своего разлюбезного дружка.

– Таши ее в автозак, – скомандовал шоферу старший чекист. – Да смотри, чтобы не обделала машину. Терпеть, понимаешь, не могу их трусливого запаху! – Гы – гы – гы!

– Православные! Хошь чайку попейтя! – Заорал очнувшийся хозяин дома. – Я давно чуял, што за энтой курвой скоро хорошие люди прийдут. Поэнтому завсегда хорроший чай для добрых людей имею.

– Некогда нам с контрами чаи гонять! – сплюнул начальник. – Ты вот лучше снеди какой на дорожку собери, понимаешь.

– Завсегда рады, завсегда рады! – Мужичонка, путаясь в сползших на шиколотки подштанниках, резво бросился в избу. И так скоро выскочил с двумя плетеными туесами, словно давно наготовил всего в дорогу славным командирам.

– Слышь, Кирюха? – Принимая туеса, старшой кивнул тюбетейке. – А игде наше славное воинство? Какого хера, ты меня извини, мы только вдвоем с тобою сражаемся с энтими выблядками?

– Так они ишшо не отошли со вчерашнего, командир. Прикажете поднять?

– Да мать их так! Сами управимся с энтим дерьмом! – Начальник с удовольствием ударил носком начищенного дегтем сапога еще теплый труп парня в висок, а ладошкой поддал рыдавшей девке по крупной попке. – Кончай, понимаешь, в остатний раз и по коням. – А шоферу приказал: «Таши эту шмару, Сколько тебе, козлу, понимаешь, повторять одно и то же!»

В хлеву так жалобно промычала давно не доенная, с воспаленным, перегруженным выменем пестрая корова, словно прощаясь с кем – то. Над деревней медленно поднималась бурая, точно обрыганная мелким пропойцей чахоточная заря.

Бойцы при задержании контры изрядно на шумели, но никто за ворота деревенских домов не вышел, чтобы посмотреть на то, как увозили дочку когда-то прославленного в этих краях красного комиссара, потом сгнувшего в ежовском наборе. «А пускай – самим бы жить!» - так думал каждый, спустив в неясной надежде на что – то с цепи грозного волкодава.

Воронье, почувствовав близкую пададь, стаей бросилось на слабое, едва-едва нарождающееся солнце – ребенка, легкомысленно рискнувшего так и не дожить до своего совершеннолетия в это безумное время.

И только сейчас, словно протрезвев, плешивый мужичок упал на землю и раненным зверем подполз к бездыханному телу мальчишки, обхватил его кровавую рубашонку большими, крюкастыми и темными от вечного пребывания в черной работе руками, уткнулся маленькой головешкой куда-то в подмышку безжизненного тела и завыл по-звериному так тягостно и протяжно, что можно было и на том свете услышать:

- Убили! А-А-А! Кровинушка вы моя единственная, сынок вы мой разлюбезный, сколько раз вам сказывал, не ходите вы с этой зазубой. Так и до цугундера недалеченько. А вы што удумали: умерли совсем. А-А-А! Сокол наш ясный! Заря нашей жизни!

Только зря он так кричал: у власти были хорошие уши. Начальнику эта речь совсем не приглянулась. Он в последнее время очень устал в борьбе за народную власть. Да так устал, что даже не представлял себе: кто и как может побеспокоить и оскорбить его, истового радетеля мировой революции. Хорошо бы его одного, а то и все государство одним разом, как лярву какую-то приבלатненную пнуть. «Ну, вот вам по самые помидоры, а в обиду мы себя не дадим, - подумал командир. - Нам, начальству, виднее, что с вами, заразами, делать. И не то еще будет, понимаешь, если не покоритесь, жуки навозные!»

- Эй, ты, - стряхнув с себя задумчивость, заорал на мужичонку толстобрюхий командир, уже ступив на подножку маруси, - ты вой, да меру знай! Он, сучонок, у тебя с контрихой спутался и задумал теракт совершить, понимаешь. Хочешь и сам по пятьдесят восьмой пазгануться? Или я тебя тут, как здесь, одним моментом и тоже туда.

Мужичок, почуяв близкую опасность, замолчал. Поживший изрядно на свете, он знал один хорошо проверенный еще дедами способ удержать разгулявшиеся чувства и насквозь прокусил свой старый и жесткий язык. Кровь пошла полною струей в горло и заставила замолчать беднягу. Только корявые, как корни дуба, неумело обнявшие бездыханное тело мальчика тряские руки выдавали волнение старика.

Органы такое поведение со стороны мужика одобрили. Что же до отеческих или там еще каких-нибудь чувств, то государство благосклонно допускало некоторое их наличие у своих несознательных подданных.

- То - то же! – удовлетворенно похвалил начальник заглохшего отца покойного. – Молчи и цел будешь! – Скомандовал водителю: «Трогай, Кирюха! Поехали, понимаешь!» – Небрежно бросил старику и убитому мальчишке: «Оставьте с богом!»

Кирюха, поправив сползшую на широкую переносицу тубейку, с большой любовью нажал на стартер своей колымаги и запел от избытка чувств: «Летят перелетные птицы...» Слов он толком не знал, но птицы у него летели замечательно, это раз. Он был хорошим механиком и мог любой жиклер запросто

продуть и очистить от налета копоти и смолы, два. А мог еще легко, так - для разнообразия, продуть трубы и у несознательного элемента, три. За это начальство его просто обожало и одаривало спецпайками к революционным праздникам, приговаривая: «Жми, Кирюха, на стартер, понимаешь!»

Маруся, грузовик-автобус АМО, раскачиваясь задними крыльями, как подгулявшая сельская барышня бедрами, пошла-поехала вон из северной деревни по рытвинам-колдобинам, увозя в своем нутре маленькую узницу, вцепившуюся из последних сил в зарешеченное окошко автозака. Полуторатонка с общим отделением и шестью отдельными боксами была готова для перевозки как минимум тридцати пяти человек. Но сегодня в ней везли одну Машу – так по злой иронии судьбы звали нашу героиню. Тезка Маши была покрашена в темно-зеленый, почти черный цвет. По обоим бокам этой гулаговской савраски красовалась крупная надпись «Мясо» на русском, немецком и английском языках. На кой черт, никто из сотрудников не знал, но смутно догадывался, что так их строгая миссия забойщиков скота не привлекает к себе внимания той же европейской и прочей общественности.

За селом дорога пошла чахлыми перелесками. Впереди пробежал лось, высоко задирая рогатую корону, и пропал между елей.

Минут через тридцать старшой скомандовал остановиться. Машина стала у небольшого леска, состоящего из елочек-подростков. Начальнику это не понравилось. Он матюкнулся и приказал проехать до настоящего леса, где можно было бы спрятаться от этого невыносимого солнца и глаз разных там соглядатаев.

Проехали еще и вкатились в глухой овраг с тонкой лентой ручья по глубокому, заросшему ивняком дну. Там оказалась поляна с встревоженными крупными головками синих колокольчиков. На густой и не повесенному высокой траве виднелись капельки утренней росы и маленькие колокольчики белых до невинности ландышей. Место на этот раз начальнику приглянулось и они устроили привал.

Начальник дал команду выгнать всех из машины. А там и было-то: Марусенька-зэчка и два конвоирнедотепы, пьяные еще со вчерашнего.

На поляне накрыли богатый стол. Покушать им было чего: колбаска свиная домашняя, гусь запеченный, сало с розовыми прослойками, холодненькие огурчики прямо с бочки, яблоки моченые, густая сметана в глечке, еще теплой каравай хлеба, картоха горячая в мундирах, крашенные прошлогодним луком разноцветные яйца и куличи, покрытые сахарной глазурью с двумя крупными буквами «Х.В.»

- Разговеемся, понимаешь, православные! – весело воскликнул начальник. – Чай, пасха седни.

- Христос воскрес! – отозвался веселый Кирюха и выкатил из-под сиденья воронка потную четверть самогона - первача.

- Воистину воскрес! – хором произнесли ожившие конвоиры и первыми уселись за скатерть-самобранку.

По православной традиции все стали друг с другом горячо христосоваться. Целовались по русскому обычаю прямо в губы и по три раза.

Маша стояла в стороне и боялась шевельнуться, а еще ей больше всего хотелось сбежать в лес под сосенку. Но как тут скажешь. Она еще никогда не была под арестом и совершенно не знала как вести себя в таких ситуациях. Да еще когда мужики лезут христосоваться.

Выручил сметливый начальник, дав команду разойтись и оправиться. Маша тоже разошлась. Но, заметив охрану, в нерешительности остановилась.

- Ты чего, девка? – спросил конвойный постарше. – Не бойсь. Сходи по нужде, а мы глядеть не будем.

Маша пошла и присела под кустик. Не успела она как следует сделать свое дело, как почувствовала, что сзади ее крепко обнимают и валят на землю. Сопя противно и цепляясь за все тело, проникают в нее и совершают гнусный обряд насильственного совоупления.

Что она ощутила в первые секунды надругательства – так вы не поверите – замешанное на страхе и брезгливости, но все же наслаждение. Природа брала свое и, отстраняя ее от смерти, призывала быть благоразумной и отзываться на животную страсть пьяных и вооруженных насильников.

Конвоиры уже застегивали штаны, когда подоспел шустрый Кирюха, он был ласковый по натуре. Ласково же обошелся и с Машей, подложив ей под спину свою новую кожанку. Потом нежно, как брат, поцеловал в губы и забрал курточку назад, резко выдернув форменку из-под озябших женских ягодич.

Начальник был опытный. Он сначала плотно поел, то есть разговелся. Потом изрядно выпил злющей самогонки. Снова разговелся. Заставил всех напиться до бесчувствия. Но перед этим провел положенную политбеседу по поводу происков японских империалистов и злых помыслов бандитов-троцкистов. Разрешил даже подчиненным задать уточняющие вопросы относительно текущей политики партии в аграрном секторе. Спокойно и вдумчиво ответил на них. По своей же инициативе уточнил политику партии в области тяжелой промышленности и пролетарской культуры. Долго говорил про отеческую заботу товарища Сталина насчет подрастающего поколения, вроде Машин. Вспомнил и товарища Ленина с его настойчивым призывом к молодежи «учиться, учиться и еще раз учиться!» понимаешь. Только потом отвел Машу в ближайший овражек, привычно задрал комсомолке юбку и продолжил политинформацию с арестованной в более тесном общении.

Жара, самогон и Маша сделали свое дело. Скоро все мужики храпели в беспробудном сне. Начальник так и заснул в овражке с расстегнутыми и спущенными до сапог штанами. Над ним носились разноцветные бабочки и жирные шмели, готовые запустить свой хоботок в поры начальственного тела. Маша поймала себя на том, что она следит за шмелями и словно чего-то от них дожидается. Как умоляет шмелей ужалить начальника побольнее в открывшуюся белую полосу тела между задравшейся гимнастеркой и сползшим галифе. Но шмели, покружив над спящим, не оправдывают ожиданий и улетают в глубину леса. Маша почему-то облегченно вздыхает. Ей становится легко-легко, словно гора сваливается с плеч. А ведь она недоброе поначалу задумала, когда увидела всех своих обидчиков крепко спящими с беспечно разбросанным по поляне оружием. «Убью тварей и вся недолга!» - первую была мысль, пришедшая на ум. - «А там будь, что будет. Бог не выдаст – свинья не съест». И уже, приведя себя в порядок, она встала. Подобрала конвоирскую винтовку. Спустила с предохранителя и передернула затвор, введя патрон в патронник. Нашупала пальцем холодный спусковой крючок. Навела было ствол на начальника, а тут эти шмели со своими хоботками и веселым жужжанием. Покружили-покружили над поляной и улетели. Даже остатки сладких куличей с каплями цветочного меда их не заинтересовали. Это озадачило Машу. Она задумалась, но ответа не могла найти. Тут ее злость стала угасать. И уже ей не хотелось до смерти убивать обидчиков, а только поугагать, чтобы знали, как комиссарскую дочку обижать. С этой целью и стала стрелять между ног начальника...

Разбуженные стрельбой конвоиры быстро разоружили Машу. Били ее долго и с большим наслаждением. «Сука! Теракт задумала супротив органов, понимаешь. Таперича пойдешь с отягчающими под высшую меру!» - рычал старшой, дубася девчонку руками и ногами по недавно с таким наслаждением излапанному телу.

Перепачкавшись теплой кровью изувечной женщины, гебисты долго и с фырканьем отмывались в ручье, протекавшем по дну оврага. Похмелились остатками сивухи. Плотно заправились деревенскими яйцами с иссиня-желтыми шарами желтков и подтаявшим на солнце салом. Начальник, икнув, подвел черту: «Разговелись. Теперь по коням, понимаешь».

Машу намертво пристегнули наручниками к вонючему нутру маруси и повезли в местную губчека.

Проселочная дорога шла густым лесом. Ветки деревьев в некоторых местах срослись в сплошную стену и сильно били по жестяным бокам маруси. Иногда Маша даже догадывалась: ветки каких деревьев преграждали им путь, словно не давая увозить ее из родимых мест. Вот осина хлестко шибанула своими упругими и длинными руками по толстой жести кузова. Ее руки-ветви долго царапались по мрачному автозаку. Протяжно тянулись от кабины и до фаркопа. Согнувшись на неровностях капота на манер тетивы, ветка осины срывалась, гулко ударяла по зарешеченным окошкам и по всему, что попадалось под горячую руку. Елки шелестели, мягко охватывая шелковистыми лапами норовистую марусю. Шелест хвои одинаково ровно доносился спереди и сзади, справа и слева, снизу и сверху, лишая привычного ощущения пространства. В такие мгновения Маша, лежа на полу автомобиля, теряла ощущение земли и неба. Голова кружилась от потери крови и ориентировки в пространстве. В чувство приводил громовой хруст сухостоя. Чаще всего это были пересохшие ветки клена или березы. Они с пущечным выстрелом ломались и ложились под тяжелую марусю. Иногда машина сослепу насканивала на пенек и тогда кто-то из оплошавших конвоиров прокусывал себе язык. Матерился и просил остановить машину, чтобы оправиться. Начальник потом долго костерил полоротого, который, понимаешь, хуже арестантки себя ведет.

Скоро лес совсем загустел. Ветки теперь не просто били по обшивке автозака: они яростно и с наслаждением секли несчастный агрегат, словно старались запороть до смерти или хотя бы позабавиться с непрошеным гостем. Иногда им это почти удавалось. Шофер резко тормозил. Соскакивал с подножки и бежал с резиновым ведром, сработанным из старой камеры, в ближайший овраг по воду. Но воды нигде не было. Хотя она-то была, но подобраться к ней было невозможно: круто и высоко обрывались края оврага, поросшие густым терновником.

Между тем начинало темнеть. Сумерки в лесу короткие. Не успело солнце скатиться за макушки елок, как наступила ночь.

Далеко-далеко, но очень отчетливо в глубине леса заголосил ребенок.

- Дите в лесу, - Кирюха покосился на старшого.

- Олух! – огрызнулся начальник. – Волки!

- Свят, свят, свят! – перекрестился пожилой конвоир.

В одном месте попали в лапубую колею и сели на задний мост. Шофер взял саперную лопатку и лег под машину. Долго оттуда не появлялся. Начальник даже забеспокоился и стал тащить подчиненного за сапоги: «Кирюха! Кирюха, понимаешь!» Тот не сопротивлялся, но и никак не помогал, словно умер. Конвоиры стали помогать начальнику и скоро вытащили бездыханное тело шофера с туркестанской тибетейкой на

уткнувшейся лицом в землю голове. Потяжелевшего Кирюху с трудом перевернули на спину. Всех обуял ужас: у шофера нижняя половина лица отсутствовала. Из разодранной горячей раны шел пар и струилась кровь под жидким светом фонарика, который держал дрожащей рукой не на шутку перепуганный начальник. Он подумал, что так быстро стал сбываться его давешний пророческий сон. Но может, это ему только снится. Проснется он, и ничего этого не будет. Так бывало уже много раз, и он привык просыпаться от кошмарных снов.

«И не надейся», - сказал чей-то голос и пропал в глубине быстро остывающего к весенней ночи леса. Где-то солидным басом ухнул пожилой филин. Потом кто-то застонал и так жалобно детским голосом произнес: «Мама, мама, мамочка моя... Я боюсь, иди ко мне, мама». «Ам-ма, а-ма, м-а, а» - раздалось эхо по ту сторону оврага. А затем послышалась песня:

«Тюбетеечка шита золотом,

Рожь с пшеницею на хлеба перемолоты...»

Голоса были женские и доносились с окраины дальнего болота за речкой Чарой. Местные жители болото почему-то называли ведьминым и не любили туда ходить, хотя на клюку и брусику там из года в год бывал отменный урожай. Ягода на болоте росла такой крупной, и ее было так много, что слух об этом распространился далеко вокруг, привлекая людей и зверей. В трясине еще с царских времен пропадали грибки и любители ягод. Исчезали целыми семьями. Поиски обычно не приносили положительных результатов. От пропавших никаких следов не оставалось. Только вот на местном кладбище по совпадению или как появлялись безымянные свежие бугорки без крестов и всяких надписей, на которых через год всходили крохотные колокольчики лесных ландышей. Власти объявили проклятое место запретной зоной, но дурной слух действовал покрепче строгих запретов, и поганые топи жители окрестных деревень стали обходить далеко стороной. В тех местах уже много лет никто не промышлял ни зверя, ни птицу, не собирал лесные дары, не выгуливал скот и не косил траву. Поговаривали о диковинных существах, которые якобы обитали на том болоте. Никто с этими существами никогда не встречался, но старые охотники не раз говорили о крупных следах, похожих на человеческие, и голосах, которые по пасхальным дням доносились из утренней дымки со стороны болота за речкой с красивым именем Чара. Свидетели баяли, что голоса утихают с первыми ударами церковного колокола или лучами утреннего солнца, но эхо еще долго носится по лесной чаще, пугая заплутавших странников и диких обитателей леса.

Тело шофера по приказанию начальника конвоиры завернули как саваном большим куском промазученного брезента. Не успели они сделать свое дело, как из-за кустов по направлению к трупу метнулась тень похожего на матерого волка зверя. Волк легко подхватил пастью тяжелую ношу с телом несчастного Кирюхи и понес в лес. «Стреляйте, курвы!» - заорал начальник, подпрыгивая на кривых ножках. – «В душу-бога вашу мать! Стреляйте!». Какое там было стрелять, если на конвоиров от страха напала медвежья болезнь. По галифе воинов в голенища яловых сапог потекла дурно пахнувшая и скользкая жижа. «Тьфу ты, засранцы!» - выругался начальник. – «Козлы на мою душу!». Подумал и распорядился одному конвоиру на место изувеченного шофера лезть под машину мост подкапывать, а второму с карабином на посту стоять. Сам забрался в кабину. Захлопнул дверцу. Хотя и неверующий был, но стал быстро и мелко креститься, приговаривая: «Господи, помилуй и сохрани, помилуй и сохрани! Господи, прости и спаси мя, Господи

Иисусе! Да избави от лукавого, да прости нам все прегрешения наши вольные и невольные...». - Дальше он не помнил и просто крестился.

Маша подвиглась долгой и вынужденной остановке автозак. По времени они еще не выбрались из леса. Снаружи доносилась какая-то возня. Под днищем надсадно визжал задний мост, но машина не трогалась с места. В кабинке кто-то запричитал. Снаружи шелкнули затворами карабинов. Где-то далеко в лесу запели женскими голосами. Еле слышно ударил церковный колокол. Голоса стали тише. Потом все смолкло. Лишь ветер шумел верхушками деревьев.

Кто-то голосом сверху позвал Машу: «Пойдем, пойдем...». – «Куда же я пойду?» - удивилась Маша: - Я с места не могу сдвинуться». – «Я тебе помогу выбраться на свет божий, а Серый доставит тебя мигом в град Китеж, где ты будешь в полной безопасности. Поняла?». – «Ты кто?» - спросила Маша. – «Твой Спаситель». – «Слава тебе, Господи!» - Маша неловко перекрестилась закованными в тяжелые наручники руками. Не помнила, как выпорхнула из автозак. Как потом мчалась под звон колоколов по ночному лесу верхом на огромном сером волке, вцепившись в густую гриву уже тронутых сединой жестких и пахнущих зверем длинных волос. Как ее тепло принимали в высоком тереме и как нежно укладывали на мягкие перины, охраняя чуткий сон... Как ей приснился дружок ее разлюбезный - здоровый и невредимый. Как им потом свадьбу сыграли...

Начальник чувствовал кишками, что до утра конвою не дотянуть и что шофер – это только первая жертва и дальше будет больше. И не ошибся. Он еще сидел в кабинке, когда вновь повторилось убийство. Второй жертвой стал, как и предполагалось, конвоир, загнанный под машину. Но у него неведомый зверь отгрыз уже полтуловища – от головы до пояса, так аккуратно подлизав обильно хлынувшую кровь, что напарник совсем не опачкался, легко вытаскивая наружу останки несчастного. На дикий рев оставшегося в живых конвоира начальник вылетел из кабинки, расстегивая на ходу кобуру с револьвером.

- А-а-а! Выходи, тварь! – нагнувшись, начальник заорал куда-то под днище «маруси» и стал фонариком высвечивать брюхо грузовика. Луч фонарика упал на обезображенное тело конвоира с остатками кишечника, рваной печенью и сиреневой пленочкой легкого на клочках вылинявшей гимнастерки. – Я сказал, выходи! – Начальник закружил возле трупа в каком-то языческом танце. На неуклюжем, толстом туловище и мясистом лице празничным холодом тряслись кусочки жира. Фуражка с рубиновой звездой на малиновом околыше съехала на затылок, обнажив русый чубчик еще довольно молодого, но уже повывавшего жизнь человека.

Второй конвоир, крепко зажав в руках карабин, колотил прикладом по бокам маруси, выкрикивая проклятия в адрес невидимого врага. Кричал он больше от страха, чем от злости, подбадривая себя и отгоняя ночные тени, которые все быстрее и ближе обступали застрявший на лесной поляне автозак и тревожно мечущиеся фигурки людей. К ночи от болота все больше тянуло тухлой сероводородной сыростью.

Начальник, перегнувшись через клык фаркопа, стал бесприщельно палить в подбрюшье автомобиля. Там что-то тяжело охнуло, с рыком отхаркнулось и, качнув машину из стороны в сторону, выбросило нечто в виде рачьих щупальцев и крепко захватило начальника за тазобедренный сустав. Добротная диагоналевая ткань для начальствующего состава не выдержала и затрещала по швам. Щупальцы толстыми и острыми хитиновыми захватами вошли глубоко в бедра начальника и провернулись там как ножи в мясорубке.

Начальник так заорал от боли, что дымка над оврагом развевалась и луна с ковшом Большой Медведицы ярко осветили поляну и все, что было на поляне. Несчастный уже с трудом воспринимал происходящее. Но то, что открылось его взгляду заставило забыть о нечеловеческой боли: на поляне стояла не полуторатонка, выпущенная первым советским автозаводом АМО, а брюхатое доисторическое чудовище с саблезубой пастью на коротких, но мощных лапах с длинными, сталью поблескивающими когтями. Глаза этой гадины на месте фар светились ровным зеленоватым светом, не оставляя ни малейшей надежды. Зверюга била коротким хвостом-фаркопом с такой силой, что ближние сосны трещали как спички, пугая многочисленных волчи выводки, привлеченные запахом человеческой крови. Из пасти чудовища торчали два ребра и кусок трахеи, похожий на шланг от армейского противогаза.

Ударом хвоста чудовища старшой был отброшен в овраг...

Дальнейшее начальник помнил смутно, но когда вошло солнце и осветило поляну во всех подробностях, то ночные кошмары уже не казались сном. На бедрах,

аккуратно и мощно разорванных до кости, горели и кровавили глубокие раны, не оставляя надежд на спасение в глухом медвежьем углу.

Начальник, морщась от боли и теряя сознание, с трудом выполз на поляну, оставляя темный след на молодой траве.

Вся черная маруся от колес до крыши была забрызгана жидкостью, напоминавшей густой томатный сок или запекшуюся человеческую кровь. По всему пространству поляны были разбросаны карабины и клочки армейской амуниции: куски портянок, нижнего белья, раскроенные голенища сапог, пуговицы и пустые табачные кisetы. Кое-где в высокой весенней траве белели предметы, напоминавшие тщательно обглоданные кости человеческих скелетов. Дверцы в пустых боксах автозака были широко распахнуты и еле слышно поскрипывали на легком весеннем ветру....

Послышалось близкое рычание зверя, привлеченного запахом свежей человеческой крови...

Издали доносился колокольный звон. Звонили к заутрене.

Вологда 1 апреля 2003 года

Александр Дубинин Быль колп Брюкина

(фрагмент)

Слава партии

В августе я твердо решил начать новую жизнь, взял я свечечку, и благословясь, переехал жить в родной Грязовец. Пospел как раз к 200-летию этого благословенного города. Жизнь закрутилась колесом. Оформительской работы было навалом, а мне благоволил один очень крупный районный начальник: за мои труды обещал квартиру - как только, так сразу, Принял я художественную мастерскую совершенно разваленной, мой напарник больше пил, чем работал. Засучив рукава, я принялся за дело. 1500 рублей в квартал в кассу родного ДК я обеспечу! Проживать меня поместили в старый купеческий особняк, на самую верхушечку, выше меня было только небо. Дом помещался в старинном парке.

проснувшись утром, слушал я, как шумят столетние тополя, да посвистывают пичужки. Напившись чаю и намякавшись хлеба, спешил в свой подвал, где помещалась моя мастерская. Делал любую работу: стенды так стенды, плакаты «Слава партии!» мог строчить непрерывно. Так было весело и вольготно на душе. Но скоро моему веселию образовалась одна малая заминочка. Сбежал из школы искусств учителяшка-армянин, элемент явно несознательный, непонимавший нас, русских, никогда. Тут надобно пояснить: на юбилей нашего города на базе музыкальной школы открыли школу искусств. По причине крайней занятости я не присутствовал на этом церемониале, но честно говоря, все было очень торжественно и красиво. Венцом торжества были два новых отделения - хореографическое и изобразительное. Высокие областные чины были довольны... Этот нацмен вел как раз изобразительное, чтоб ему икалось, проклятому! Явились надлежащие чиновнички, так мол и так, Николай Михайлович, квартирку-то для себя хлопочешь, надо и потрудиться за себя и за того парня. «Веди покинутое отделение, - как со штыком острым ко мне пристали, - вся Европа на тебя надеется!»

На полставочки, за двадцаточку в месяц и волок. А в октябре подселили ко мне в мансардочку парнишечку-тромбониста, говорят, с месяц поживет у тебя, с трубой балуется на работе, а в быту нордически сдержан, в связях, его порочащих, не удирнешь. Ничего не поделаешь, у всех кто-нибудь имеется: у одних кошечка ангорская с котятками от разных котов, у других и вовсе кобель неизвестной национальности, а у меня трубочист улыбочивый, с утра до вечера трубу свою трет, да играть пытается. Работа у него сверхурочная, ночная я бы даже сказал, - на танцах. За особую вредность на службе вино, видно, по талонам выдают, как выходные - парнишечка лыка не вяжет, да меня, во всех отношениях занятого человека

спойть пытается. Так и зима подперла. Избушка наша только с виду лубяная, на самом деле ледяная. Вечером истопил - градусник зашкаливает. Утром - ноль с минусом, хлеб в шкапе мерзнет, вода в ведре, хоть с пешней добывай. Мы с парнишкой в ДК повадились ночевать, в подвале на толстых трубах. Примешь наркомовские полтора литра портвейна на двоих и на трубе разместишься. Главное - не свалиться. Зимы прокандыбались. В апреле заполучил я девять метров с печкой, временно, зато с законной пропиской, которой у меня больше года не было. Опять же, стране трудно, чего мне-то кочевряжиться, как говаривал классик: «Он и на это не заработал!» Парнека от меня в армию забрали, пускай, родимая, вместо меня тепереча помается! Ребят-художников я на каникулы распустил, пленер провел и катитесь от меня до осени! Сейчас хоть без перерыву «Слава партии!» мажь - никто не мешает! В отделе культуры мне шкаф под книжки даром отдали, сердечные люди кругом живут! Новую кровать с рук отхватил – деревянную. Стол - не помню, где взял. Живу, значит, мыслю, существую. Летом всем хорошо, а мне и подавно. Деток на лето родных у бывшей выпросил, в лагерь на Нурму определили, в родительские дни езжу проведывать. Река вся зеленая, облака вповалку спят. Небом все пропиталось насквозь. Благодать божья. Век бы тут жил. В августе мне замена вышла. Прислали нам на развод девушку молоденькую на мое место в школе.

Через год я ее уговорил. Вышла отличная жена, правда с тещей. Хоть и не при нас, а чувствуется. Тестя я не считаю. Видный мужик. Начальник. О теще вообще разговор особый, она меня как государство лет через десять только признала. Самое что ни на есть время мою квар-тирку от партии оттяпать, а она как вдова-импотентка, не дает и не дает... «Вы, говорит, у нас не главные, а наоборот... Я-то в школе на полставочки ломался, инфраструктура художественная мне до фонаря была, а Тамара, тогда и не жена мне вовсе, что-то просит у начальства, надоедает. Тогда я не вникал. Вдыхал, глядя на нее, да совсем о другом, но поддакивал на всякий случай. «Ты, - говорю, - не переживай, через пару лет тебя выгонят, направление вроде бы как отработаешь и вольная птица, катись куда хочешь». А у самого сердце так и заходится от преждевременной тоски. У нас всех так - отработал, как на химии, и свободен. Зато заботушки у начальства никакой, как в воду глядел!

Другую из Ярославля затребуют, вас там в Ярославле много - топи в пруду, всех не перетопишь. Так что плюнь и твори на вечность! Что тебе наша дыра! Вот так и объегорил деваху, все о вечном да о вечном... По весне 83-го наладилась моя Тамара рожать, вот-вот и попрет поколенья-то. Ну, а начальство забеспокоилось, стало в пожарном порядке ее с работы гнать, а ценное отделение закрывать, и так-то ничего не было, а тут последнее отбирают! Стало мне не по себе. За правду кто постоять не мечтает! Призвали мы высшее начальство к себе в школу. Ходят, молчат и мужик, и баба. Мужик, хоть и помоложе, а главный, так слова и не молвил. Вроде бы как и не достойны все его. А вторая, даже как будто извиняясь, всю правду выложила: «У вас в классе как в довоенном бомбоубежище...» После прямого попадания, я бы уточнил. С пустого места выставки устраивали, детей личным примером заманивали!

Теща у меня человек с идеалами. Я у нее многому научился, можно сказать, институт не выходя из дому кончил и высшее семейное образование получил. Она еще до нашей с Томой первой брачной ночи, зайдя к нам в опочивальню, обнаружилась в нашей кровати пьяного гостя в валенках, спящего как тридцать три богатыря, после запасной «Стрелецкой». Как он ее нашел, ведь водка под кроватью стояла, а сам богатырь был совершенно невменяем и спал у окна на старом полушубке, там, где ему самое место было?.. В такой компании укладываться нам не хотелось, и мы ушли ночевать к моей матушке. Дверь оставили открытой, так как удобства само собой в другом месте были...

В общем - «В греческом зале, в греческом зале!..» «Голландские простыни...» В кибитке кочевой, но чтобы на голландских простынях... Шлагбаум закрылся перед самым моим носом и чуть ли не навсегда. Много воды утекло, пока теща осилила нашу действительность, что соединило нас с Томой небо и что будем мы эту советскую дрянь теснить от себя и от своих детей вместе... Рожать Тамара уехала в Мончегорск. Через два месяца отчалил и я, оставив домовничать вместо себя кота. Вернувшись через одиннадцать месяцев в Грязовец, нашел его совершенно одичавшим, презирающим хозяина навсегда. И умер кот...

«ПРИ ПАДЕНЬИ ЛИСТОВ»

Почему я не пишу прозы? Я не умею этого делать. Зато могу рассказать и меня будет интересно слушать. Так стоит ли огород городить! Проза это сразу кафтан: пиджачок, рубаха и брюки с ширинкой. У меня материал, но как из него кроить, я понятия не имею. Когда в рифму, там, кроме ее, любимой, еще размер, ритм, цензура, строки, строфы. А в прозе буквально ничего - пиши, как хочешь. Вот я и пишу, как могу, рассказываю.

В нашем городе давали аванс, а мне еще приплатили за халтурку. Получилось изрядно. Мой тезка Коля получил много меньше. Мы решили выпить. После работы естественно. Но приятель уехал в деревню с автоклубом, а я сдул пораньше. Все купил. Все приготовил. Жду. Кольки не видать. Выгреб из ящика книжку, Книжного шкапа у нас не было. «Чтец-декламатор» том четвертый 1909 года издания. Читаю.

«Знаешь ли ты, при паденьи листов,
Эту томительность долгой печали?
Скорби сплетают, давно уж сплетали
Сердцу могильный покров...»

Данте - Г. Россети. Блин. 1828-1882. Уже умер оказывается. Выпить хочется, а Германа все нет... Явился. Без денег. Говорит, что украли или в сортир деревенский утопил. Вора он с собой приволок. Хорошо, что не сортир. Вором предполагался наш диск-жокей. Невменяемый настолько, что я его с миром домой отправил. Картошку подогрел. Тушенку открыл. Бутылку открыл. Разлили по первой. Вы-пи-ли. Я закусил.

Внизу свистят. Четверо. Кого надо, говорю? Лидку, соседку мою по веранде. Кольку послал. Закусываю дальше. Тут с синяком самым свежим Николай. Он, кстати, тромбонист в оркестре и мой жилец, временно конечно. «За что, - спрашиваю,

тебе в глаз дали?» Он — за кочергу. Я - так. Пошли разбираться. Коля показал одного. Я бью Коля подсыпает кочергой. Все нормально. Компанию выкинули. Порядок восстановили. Дверь на старый купеческий засов задвинули. Я наверх. Колян в туалет.

«Осень, и падают листья ненастно, - Знаешь ты это? Все в жизни напрасно, на все налегла полутьма...» К.Д. Бальмонт. Вот психи! Вдвоем, что ли, писали?

«Знаешь ли ты ощущение жатвы, При паденьи долгом осенних листов? То ощущение скользящих серпов?..»

По одному месту. Как у нас в общем. Ничего нового в книжках не пишут. Все тоже самое! Где этот музыкант? Выпить хочется. Но выпить не пришлось. Заглянул отец Лидки. Мол, твоего бьют. «Как же так, - думаю, - ведь закрыто же все?» Все четверо в парке при паденьи осенних листов. Лидка тоже тут. «Где, - спрашиваю, - Колька?» Молчат. Только Лидка головой мотаает. Посмотрел - никого. Только рейки сложены были, а тут кучей лежат. А под рейками Николай. «Эта томительность долгой печали...» Я тут все забыл. Показался он мне мертвым. Я его тряс, а он ни гу-гу. В ушах у меня заложило. Руки затряслись. Голоса не слышу, а вижу. Лидка кричит. Чтение пойму. Потом этого, мной битого, вижу с колом, а сообразить ничего не могу. Чуть не прозевал сам себя. Сообразил все-таки, что с колом этот на меня бежит. Озверел. Кол вышиб большим пальцем, его самого сшиб и забыл про него. Ищу остальных. Сдули. Как не было. А битый за забором бегаёт. Снова с колом. Выбрал и я колышек. Через дырку в заборе на ту сторону перебрался. Кол у него вывинтил. Стукнул раз. Тот как сноп, когда один, без компании. Упал и не дышит. Щупаю его. Живой или уже мертвый? Вдруг получаю по морде откуда-то сверху, но как-то нежно. Откатился в сторону, гляжу из-под себя. Колька в одних носках. Своих, сволочь, не узнает. Когда признал, извинился. «Разреши, - говорит, - того ударю». Так ведь уже лежит. Живой или мертвый - непонятно. «А мне, - говорит, - хоть какой! Добью гада».

Избит Коленка был здорово. Первые дни от меня не отходил. Боялся. Как оказалось - не зря. Завокзальные, в другом составе, прихватили папеньку Лидки. Били цепями при паденьи листов. Ладно, что жив остался. Перепутали со мной.

Татьяна Калашникова (Канада)

СИРОТА

«Гриша, Гришутка, сыночек», — мать протягивает свои красивые руки, нежно склоняется над маленьким Гришей, целует в носик, в подбородочек, в ушко. Нашептывает что-то теплое и мягкое. Прядь её слегка вьющихся каштановых волос щекощет Гришины тоненькую шею и остренькие ключицы. Пахнет свежестью и молоком, пахнет утром. «Мамочка, подожди, не уходи, погладь мне спинку», — просит еще до конца не проснувшийся Гриша. Мать гладит его ладошки, спинку, грудку. Тихонько подымается, отбрасывая привычным жестом густую длинную челку, отдаляется, все больше и больше, медленно растворяясь в воздухе, как сказочное видение. А Гриша все тянет к ней свои руки:

«Подожди, не уходи, мамочка, мама...»

С тех пор как умерла мать, прошло уже много лет. Грише было тогда пятнадцать. Когда через несколько дней после похорон мать впервые посетила его во сне, живая, ласковая, теплая, Гриша проснулся ошарашенный и окрыленный этим неожиданным свиданием с ней. Он перебирал в памяти её слова, её жесты. Ощущение прикосновений её рук и волос были так свежи, что не хотелось двигаться, дабы не стряхнуть случайно недавнее присутствие матери.

С тех пор он научился вызывать это сновидение снова и снова. Каждый раз был счастлив во сне, но просыпался всегда со слезами на глазах, сначала взрослеющих, а после обранных первыми, со временем делающимися все более очерченными, морщинками. На протяжении нескольких последних лет пробуждение наступало почти всегда одинаково. Головная боль не давала покоя, в горле першило, невыносимо хотелось пить. Григорий не имел привычки опохмеляться, и, наверное, это помогало ему не скатиться к запоям. Но пил он каждый день, то больше, то меньше, но каждый день.

Сначала жена пыталась по-своему бороться за него: уговаривала, устраивала скандалы, обещала уйти. Но не уходила, потому что в душе жалела своего, как она частенько его поругивала, «слабака» и «неумеху». Дочка, пока была маленькая, не понимала папиной болезни. Став чуть постарше, иногда делала ему замечания. Но отец всегда достаточно резко пресекал их. Со временем стало достаточно одного его больного просящего взгляда, чтобы домашние оставили его в покое и не донимали своими наставлениями или уговорами. Григорий медленно умирал. Он знал наперечет все мучившие его уже и подступавшие все ближе новые болезни. Много слышал о деградации, о неожиданных инсультах в сравнительно

молодом возрасте, циррозах печени... Слышал, знал, отдавал себе отчет, но каждый вечер повторялось одно и то же: начиная за ужином, продолжал у телевизора, и заканчивал тяжелым сном с единственной надеждой на встречу с матерью.

«Уж она-то поймет, она-то пожалеет, она-то приласкает», – думал захмелевший, еще острее ощущавший в таком состоянии свое одиночество, Григорий.

Одиночество, вечно и везде сопровождавшее Григория, одиночество, наступило в тот день, когда отец пришел из госпиталя серый и сгорбленный от горя. «Нет больше нашей мамы, Гриша, отмучилась голубушка». Двое осиротевших мужчин, отец и сын, сидели на полу друг напротив друга, тупо смотрели в никуда и утирали слезы, не приносявшие облегчения.

Григорий рано женился. Невольно он искал ту, которая приласкает его и полюбит так же сильно и преданно, как любила его мать, он искал способ заполнить эту зияющую пустоту в своей жизни. Очень скоро выяснилось, что молодая жена совсем не похожа на его мать, что у нее свой мир, свои желания и привычки, и что Григорий просто, по ее мнению, нормально вписывается в её мироустройство. Первый брак длился чуть больше года.

После развода Григорий впервые запил. По этой причине бросил работу. После стал переезжать из города в город в бегстве от собственной слабости и одиночества.

В одном из небольших городишек, где ему удалось немного осесть и остепениться, он встретил свою вторую жену. Она была старше него на шесть лет. Своими уравновешенностью и умением обо всем позаботиться она притягивала Григория к себе, и даже какое-то время после свадьбы Григорию казалось, что он теперь, наконец, обрел покой и избавился от одиночества.

Разочарование наступило, когда на свет появилась их дочь. Стало ясно, что он не единственное существо на свете, о котором должна заботиться его жена, что у нее свои взгляды, потребности и желания, и что Григорий, хоть и обременяет ее немного своей бесхребетностью, все же нормально вписывается в женин житейский уклад. Григорий со свойственными ему порывистостью и искренностью привязался к дочери, она была очень похожа на его мать, и с годами это сходство становилось все заметнее. Однажды, когда он, слегка подвыпив, вытащил старые семейные альбомы и хотел было порассказать дочери о ее покойной бабушке, которой давно уже нет в живых, и на которую дочка так похожа, девочка нравоучительным тоном, подражая своей матери, произнесла: «Ты, папа, только на подпитии нас любишь».

Григорий был ошарашен этими словами и долго потом находился в отвратительном состоянии духа, пил больше обычного и все не находил ответа на вопрос «Почему?!»

Одиночество, до этого только претендующее на все Григория, теперь стало сутью его, его жизнью – последней частью той самой финишной прямой, которую мы преодолеваем, кто медленно и мучительно, кто быстро и легко, на пути к своему последнему верстовому столбу.

«Гриша, Гришутка, сыночек», – красивые ласковые руки матери нежно теребят Гришины волосы. Мать склоняется, целует в щечки, в носик. Нашептывает что-то на ушко. Запах свежести и молока соединяется с легким, едва уловимым запахом сладкого вина. Гриша тянет к ней свои руки: «Подожди, не уходи, мамочка, мама...» «Я не уйду, мой мальчик, я – с тобой».

**Татьяна КОРЗИНА
(Вологда)**

АРХЕЛАЯ

Она явилась в мир третьим ребёнком. Трудные роды так измотали мать и без того не отличавшуюся здоровьем, что, когда ей показали ребёнка, она лишь едва взглянула на неё.

- Дочь, - возвестила акушерка.

- Ну, дочь, так дочь, - подумала мать, - главное, что всё уже позади.

На другой день, когда принесли девочку кормить, мать, держа в руках маленький тёплый свёрток, подумала: «Назову её Татьяной. Татьяна – значит последняя.» Девочка открыла глаза и одарила мать недетским, осмысленным взглядом. «Я – Архелая. Это значит – правительница, повелительница народов».

- Боже, что это было? – подумала мать.

- Нин, ты слышала, что кто – то сказал? – обратилась она к соседке по палате.

- Никто ничего не говорил. Я ничего не слышала, - отвечала та, занятая своим малышом.

- Ничего, ничего, - откликнулись остальные.

- Но я ясно слышала! – подумала мать, - не могла же я придумать, я и имени-то такого не слышала. Почудилось что ли? Но уж раз так, послушиваться не стану. Пусть будет Архелая.

Все родные и знакомые очень удивились, что мать дала дочери такое имя. А старшие дети, погодки, восьмилетний Мишка и семилетняя Наташка, насупившись, смотрели на сестру: «А как мы её будем называть?»

- Ну, Архела или Рела.

- Мам, давай её Танькой назовём или я с ней и водиться не буду, - набычилась Наташка и громко завопила: «Мама, она разговаривает, говорит, что она Архелая!»

- Не кричи, - оборвала мать, - будет Архелая, а говорить она ещё не умеет!

Но сердце тревожно сжалось: «Что-то не так».

Вглядывалась в личико младенца, ища родственные черты, но ничего примечательного не заметила, ребёнок как ребёнок. А девочка вдруг улыбнулась.

Мать чуть не выронила её из рук, смертельно побледнела. «Это не мой ребёнок!» - подумала она.

Девочка росла и развивалась не по дням, а по часам: развитая физически, здоровенькая и очень смышлёная. Беспокойства никому не причиняла. Если была накормлена, то молчала, смотрела вокруг пытливыми серьёзными глазами, изучая мир. Спала мало. Мать добросовестно ей заботилась, но любви и тепла к ней не чувствовала, испытывала к ней жалость, а чаще страх. Мать боялась своей дочери. Старшие дети откровенно были настроены враждебно, отказывались называть по

имени, называли «она».

Когда и как она сделала первые шажки, никто из домашних и не заметил. Мишка увидел её ходящую и громко закричал: «Мамка, она умеет ходить!», ей было тогда восемь месяцев. Говорить она начала с годом, чисто и предложениями. Ничего необыкновенного ни в ребёнке, ни в её поведении больше не наблюдалось, но особенно тепла к ней не испытывала ни мать, ни дети, а отец был равнодушен ко всем детям. Да и сама девочка была нелюдима, диковата, неласкова, сторонилась людей.

Девочке было пять лет, когда мать поторопилась и обварила ногу горячим кипятком, кожа с ноги слезла чулком, нога распухла, на другой день поднялась температура, ожог начал нагнаиваться. Лечили ногу куриным салом, но становилось всё хуже и хуже. Все очень жалели мать. Наташа плакала, отец ходил злой.

Когда дома никого не было, Архелая осторожно подошла к матери и стала смотреть на её ногу. Мать почувствовала покалывание, жжение, затем ласковый холодок, начала пропадать краснота и обожжённое место на глазах начало затягиваться и обростать здоровой кожей. Вошедший в комнату Мишка, со страху сел на пороге и произнёс: «Вот это да, она лечит глазами!». Архелая вздрогнула и отошла от матери. Мать обмерла, не в силах высказать ни слова, не понимая своих чувств: радоваться ли исцелению. Опять в душе проснулся страх. Что это за необычное дитя! Когда первая оторопь прошла, у матери в мозгу пронеслось: скрыть от всех.

- Мишка, поди сюда, милый, запомни, что было, никому не рассказывай, ни отцу, ни Наташке, ни друзьям, - умоляла она сына. - а то беда будет.

- Мам, а как это она? - недоумевал мальчик.

- Забудь, не было ничего, обещаешь?

Мишке, жалея мать, пришлось пообещать молчать. К вечеру пришла бабушка Александра, проведать больную, перевязать ногу. Она застала её хлопочущей по хозяйству.

- Ты зачем встала? - набросилась она на мать.

- Да лучше стало, - отмахнулась та.

- Я знаю, как лучше, я этих ожогов столько навидалась, давай я посмотрю.

Мать как могла отнекивалась, но бабка была неумолима. Оглядевшись, мать села на кровать и шёпотом поведала бабке о чуде.

- Не ошибаешься ли ты? - засомневалась та.

- Да посмотри сама, - и мать смотала повязку. Бабку прошиб холодный пот, когда на месте ожога она увидела здоровую розовую кожу на ноге.

- Чудо-то какое, не больно? - потрогала она больное место.

- Нет!

- Хорошо, если это от Бога, а если от дьявола?

- Что ты, Господь с тобою, как от дьявола?! Она ведь мое дитя! - перекрестилась мать.

- Спина-то у меня болит, давай посмотрим верно ли она может или случайно получилось, совпадение какое. Пусть и меня полечит.

- Доченька, Архелаяшка, поди сюда, - позвала мать дочь.

Угловатая девочка, непривыкшая к ласке и вниманию, подошла осторожно, бочком.

- У бабушки спинка болит, ты можешь её полечить?

Девочка молча провела рукой по спине бабки, остановилась у поясницы и наложила другую руку. Как потом рассказывала бабка, сначала она почувствовала тепло, потом покалывание, а потом необыкновенную легкость. Спина у неё больше никогда не болела. Мать и бабушка уговорились молчать о чуде, может всё само собой пройдёт, может, всё образуется.

Мать прониклась всё большей любовью и нежностью к необычной дочке. Вслед за ней и дети стали более внимательны с сестрой.

Но шло в мешке утанть невозможно. То ли проговорился Мишка, то ли бабка, только поползли по

посёлку слухи, что у соседей не только имя у девочки необычное, но и сама она необычная. Архелая чувствовала на себе изучающие, оценивающие взгляды, но не смущалась. К семи годам у неё стало видно, что это «птица недеревенского полёта», появилась царственная осанка, голова была гордо поднята, даже старенькие, застиранные Наташкины платья на ней выглядели дорогими, изысканными нарядами.

Зима в посёлок пришла рано. Подмёрзло в середине октября, а к концу месяца снег лежал уже плотным белым ковром. Любимой забавой поселковиков ребятишек стала игра около пруда. Лёд был не крепкий, и заходить на него никто ещё не решался. А тут, разгорячённый игрой, соседский Колька вовремя не остановился и выскочил на середину. Ледок затрещал, но не проломился. Ребята оторопели, замерли, а Колька, не знал, бежать или идти осторожно. Сделал шаг, другой, когда оставалось около метра, лёд проломился, и Колька с головой ухнул в ледяную воду. На крик ребятишек прибежал шофёр Иванов, кто - то побежал за Колькиной матерью, из ближних изб выбежали люди с одеялами и полушубками. Шофёру удалось вытащить Кольку, на них сразу накинули по одеялу. Но мальчик уже наглотался ледяной воды, дыхания не было. Мать выла над погибшим сыном, трясла его, но безрезультатно. Тут на берегу показалась Архелая. Весь её вид был величественен. Огромные серо-зелёные глаза смотрели пристально и холодно. Властным голосом, нетерпящем возражений, она приказала отойти матери от Кольки. Та опешила, замолчала и отодвинулась, а бледный, замёрзший трупик мальчика остался лежать на снегу. Девочка наклонилась и протянула к нему обе руки. Колька задёргался в судорогах. Медленно выпрямляясь и отодвигая руки, Архелая заставила Кольку потянуться за руками всем телом и сесть. У него началась рвота, вода пошла носом и ртом, Колька закашлялся и хрипло задышал. «Укройте его», - царственно произнесла Архелая и сама упала без сознания рядом с мальчиком. Все засуетились, стаскивали с мальчика одежду, закутывали его, мать, ещё не веря, в оживление сына, голосила уже от радости. Архелая бережно перенесла домой, она проспала до утра. Колька в домашнем тепле совсем очухался и даже не заболел, а шофёр Иванов слёг с тяжелейшим воспалением лёгких.

Архелая о случившемся не вспоминала, и все тоже молчали. О болезни Иванова она узнала спустя неделю и попросила мать свезти её к нему. Больного она погладила руками по бокам и по горлу. К вечеру у него спала температура, кашель прекратился. А врач, пришедшая на другой день по патронажу, отметила, что пациент абсолютно здоров. Весть о необыкновенной девочке мгновенно разнеслась по посёлку. Все дивились чуду.

А через некоторое время случилось то, чего боялась мать. Приехали люди и сказали, что её дочь - явление уникальное, и они её забирают на обследование.

- Не отдам! - запричитала мать. - Не имеете права отбирать силой.

Но Архелая ласково обняла мать и прошептала: «Я не боюсь их, мама, я буду тебе сообщать, где я и что со мной. Они ещё не знают, что я умею.»

Так Архелая попала в больницу. Девочку поместили в боксе. На другой день повели к главному врачу. Там собрался весь цвет местной медицины и ещё какие-то люди без халатов.

- Ну-с, что мы умеем? - спросил седой, добрый старичок.

- Ничего, - ответила девочка.

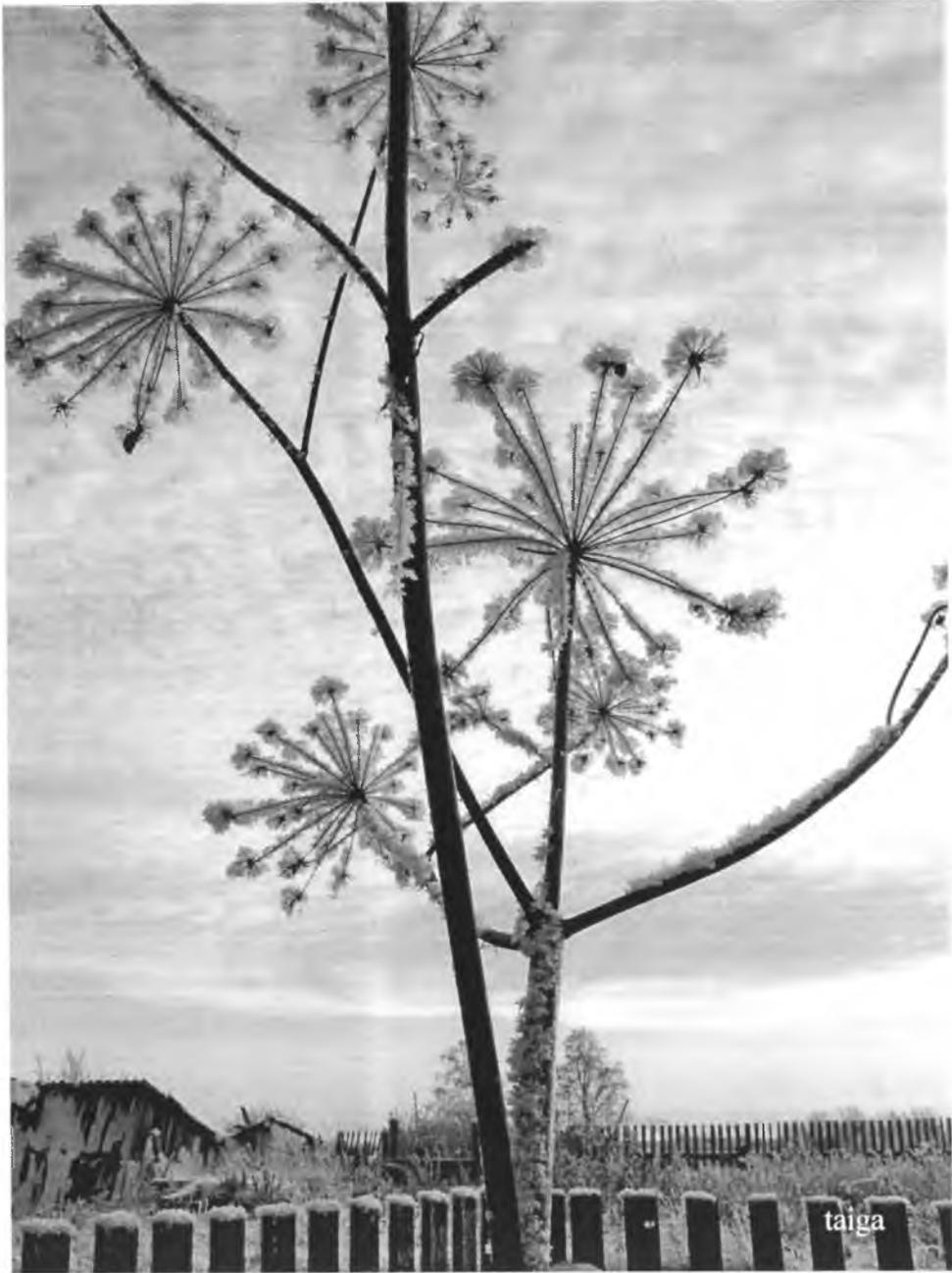
- А говорят, ты умеешь лечить руками.

- Пусть говорят.

- Можно, я тебя послушаю?

Архелая послушно подошла к доктору и подняла свитер. Доктор послушал девочку, заглянул в рот, в уши. Не нашёл ничего особенного.

- Всё в порядке. - кивнул он девочке.
 - А как тебя зовут? – спросил её другой врач.
 - Архелая.
 - Сколько тебе лет?
 - Семь.
 - Ты хочешь остаться у нас?
 - Я хочу домой.
 - Тогда ты ответишь на наши вопросы, и мы отвезём тебя домой.
 - Отвечу.

Девочке показывали картинки и задавали вопросы около часа. Все ответы говорили за то, что перед ними обыкновенный, нормальный ребёнок. Конечно, умный,мышлёный не по годам и богато одарённый.

...Пемброк доживал последние дни. Одряхлело и ослабло всё его когда-то сильное тело. Но голова ещё оставалась сильной, мозг был свободен и могуч, работал светло и мощно. За небольшой отведённый ему срок он должен сделать ещё многое. Ему не давала спокойно умереть мысль: когда появились эти люди, питающиеся тёмной энергией, как и где он допустил оплошность и позволил этим мерзким даркотам, как они себя называли оккупировать их мир. Их и людьми – то назвать было трудно. Они не отличались ни умом, ни сообразительностью. Но сумели сделать так, что его добрый народ сделался злым и погубил сам себя бесконечными ссорами и убийствами. Как же он, потомственный советник правителей, маг и ведун, не рассмотрел их коварства и агрессивности. Позволил оплести их страну паутиной ненависти. А ведь это была страна высочайшей культуры и развитой цивилизации. Хорошо, что он ещё успел спасти Архелаю, сумел переправить её в другой мир, в другое измерение. Как только он увидел, что мир рушится, и остановить этот процесс уже нельзя, понял, что надо спасать Архелаю, во имя жизни на земле вообще и их мира в частности.

От сознания своей вины советнику хотелось бы как можно скорее покончить счёты с жизнью, но на это пока, он считал, что не имеет права. Пемброк знал, что, оккупировав их мир, даркоты не остановятся на достигнутом, они пойдут дальше и дальше, завоёвывая другие миры. О том, что существуют параллельные миры, Пемброк знал не только теоретически. Из поколения в поколение советников передавалось предание, что их далёкий предок бывал в параллельном мире. Тот мир не был высокоскоростным, технически организованным, как их, он был примитивным, заселённый людьми, находившимися на начальных стадиях развития, но по-своему добрый – насколько может быть добрым пещерное существо. Тем более сменилось уже не одно поколение, их цивилизация тоже развивалась, наверняка был прогресс. Знал Пемброк, что окно в параллельный мир где-то здесь во дворце. Найти его помог ему Снел, сын его друга, младшего советника. Наблюдательный юноша заметил, что Пемброк озабоченно просматривает стены и рассказал, что однажды, под новый год, он со свечкой подошёл к зеркалу.

- Ведь запретное всегда притягивает, а нам с малолетства внушали неприязнь к зеркалам, якобы от них исходит чёрная энергия, отрицательно влияющая на судьбу. Ну, так вот, была ночь, в зале – тьма. Со свечкой в руке я остановился у зеркала и долго смотрел на своё отражение, долго не мог отойти. Из глаз потекли слёзы, затем всё подёрнулось туманом, и я увидел в глубине зеркального коридора людей. Они были одеты не по-нашему, но выглядели как мы. Я испугался и быстро отошёл от зеркала.

Снел указал Пемброку это зеркало. Отправить Архелаю не составило труда, но была одна проблема. Знал Пемброк, что время у миров разное. Далёкий предок, шагнув в другую жизнь в зрелом возрасте, в новом мире оказался желторотым юнцом. значит, Архелая тоже окажется младше, чем она есть. Но всё оказалось сложнее, чем он предполагал. В новый мир

она явилась маленькой клеткой и пережила второе рождение. А после она исчезла из поля его зрения, да и опасно ему было за ней наблюдать.

Пришельцы захватили Снела, по молодости он ещё не умел блокировать свои мысли для других, как советники. Теперь враги знали, что правительница ушла в параллельный мир. Они будут искать окно и, скорее всего, найдут. Тогда опасность будет угрожать не только ей, но и другой цивилизации. Напрасно вот уже несколько дней он настойчиво призывает её, применяя психокинез, но пока безуспешно. Но он верит в удачу. Иначе не может быть. Архелая не только его любимая девочка, но и его детище. Когда погибли её родители, всю свою отеческую нерастратенную любовь он перенёс на свою воспитанницу. Он учил её всему, что знал сам: и телекинезу, и телепатии. Умная девочка всё схватывала буквально на лету. Ко времени разлуки она уже умела очень многое и могла о себе позаботиться лучше, чем кто-либо другой. Ему оставалось только уповать на то, что он свяжется с ней до того, как вместе с телом одряхлеет и его голова.

Бедная Архелая в это время томилась в больнице. Свободолюбивой девочке, выросшей без ограничений и запретов, было трудно усидеть в четырёх стенах бокса. Больничная клетка давила и угнетала её, вселяла неясную тревогу. Когда Архелая уже подумывала, что пора ей выбираться отсюда, за ней пришёл доктор и сказал, что её перевезут в другое место, более спокойное. Человек, назвавшийся доктором, показался Архелая неприятным.

Новым местом оказалась дача, большая, красивая. Девочку хорошо накормили, уложили спать и оставили одну. Но ощущение тревоги у неё усилилось и не покидало, пока на другой день не пришёл доктор. Всё его слащавое поведение с претензией на ласковость отдавало фальшью.

- Мы знаем, что ты можешь исцелять людей. Помоги нам, мы не можем лечить все болезни, а ведь так хорошо помочь больным людям, которые уже потеряли надежду на выздоровление. Я буду приводить к тебе больных. За это у тебя будет всё, что ты пожелаешь: хорошая еда, красивая одежда, игрушки, книги.

Вот тут-то он и допустил промах. Помочь больным и несчастным Архелая была бы и не против, но делать это за что-то было чуждо её душе. В мозгу пронеслась знакомая фраза: «Ты должна быть бескорытна, а кому помогаешь, ты поймёшь сама».

- Кого лечить - решать буду я сама. Я сама разберусь, кому это необходимо.- ответила Архелая тоном не допускающим возражений.

Человек, называющий себя доктором, вдруг вскипел, стал ещё более неприятным.

- Ты будешь делать так, как я тебе скажу, иначе ты никогда не выйдешь из этого дома. А пока посидишь без еды и питья, может быть, поумнеешь!

Сказав, он направился к двери. Архелая ощутила, как в ней волной поднимается гнев. Усилием воли, а это было для неё совсем не трудно, она сдвинула тяжёлый шкаф к двери, загородив «доктору» выход. Тот остолбенел от неожиданности и ужаса, не в силах произнести ни слова. Перед ним стояла не обычная, провинциальная девочка, а королева с гордо поднятой головой, с красивым властным лицом. Особенно его поразили глаза Архелая: холодные и в то же время, излучающие огромную энергию. На губах её играла лёгкая презрительная улыбка.

- Ты не выйдешь из этой комнаты, если я не захочу, - произнесла девочка.

А «доктор» уже оправился от страха и, желая проучить строптивую девчонку, схватил стул и... со всей силы опустил его себе на голову. Архелая улыбнулась своей проделке, легко поставила шкаф на место и вышла из комнаты.

Выбежав на улицу, остановилась. Куда идти дальше? Её неудержимо тянуло домой. «Надо идти к маме», -

думала она и решила идти по дороге, дорога выведет к жилью, к людям. Девочка долго шла, наконец, вышла к большой магистрали и побрела по ней, не зная, куда она её приведёт. Архелая очень устала, была голодна. Но упрямо двигалась вперёд. Обогнавшая её машина остановилась, и из неё выглянули молодые мужчина и женщина.

- Куда ты идёшь, малышка, тебя подвести?

- Ты опоздала на свой автобус, давай залезай в машину.

Архелая села на заднее сидение машины. Она так устала, что не в силах была отвечать, да и не знала, что отвечать, она сама не знала, куда идёт. Вскоре силы окончательно покинули её, и девочка погрузилась в сон. Проснувшись она оттого, что кто-то тряс её за плечо. Открыв глаза, девочка вспомнила, что её везут на машине незнакомые люди.

- Мы уже приехали, в город, куда ты шла, куда тебя подвести? – спросила женщина. Архелая ещё не научилась распознавать, кому можно доверять, кому нельзя, поэтому решила молчать, пока не поймёт, как ей поступать.

- Что с ней делать? – обратилась она к своему спутнику.

- Придётся отвезти её в милицию. Ты не будешь возражать, если мы тебя отвезём в детскую комнату?

Архелая молчала.

- Не обижайся, малышка, ничего не поделаешь.

В милиции она долго не задержалась. Видимо, там были дела поважнее, чем заблудившаяся девочка. Поэтому её спросили: «Ты из интерната?» Архелая, в всякий случай, слабо кивнула. Через десять минут милицейская машина подкатила к большому каменному зданию. Торопившийся милиционер быстро сдал девочку дежурному воспитателю и ушёл. Та повела найдёнку к директору.

- Пойдём выяснять, кто ты и откуда.

В коридоре навстречу им шла группа старшекласниц. «Новенькая?» - спросил кто-то.

- Это же наша Архелая, - вдруг воскликнула высокая девочка. Перед Архелаяей стояла её сестра Наташа.

- Марина Николаевна, это моя сестра. Оставьте её, я с ней поговорю.

- Как ты здесь оказалась? – обратилась она к сестре.

Архелая так обрадовалась Наташе, что даже забыла все слова и не смогла ничего произнести. Она только сжимала Наташину руку и заливалась слезами. Ведь она была всего-навсего маленькая девочка.

- Я хочу домой, - прошептала наконец она.

На другой день Наташа, отпросившись, увезла Архелаяу домой и этим же днём уехала обратно в школу, у неё приближались экзамены.

Мать очень обрадовалась возвращению дочки и пролила не одну слезу, слушая бесхитростный рассказ о её приключениях. Архелая очень радовалась возвращению домой, но к радости примешивалось чувство тревоги и беспокойства, сопровождавшее её уже несколько дней и усилившееся дома. Ей даже показалось, что до боли знакомый голос зовёт её: «Архелая, Архелая...» Голос стал настойчивее, громче.

- Ты ничего не слышишь, мама? – спросила Архелая и, не дожидаясь ответа пошла на звавший её голос. Ей показалось, что звуки, зовущие её, исходят из старого потемневшего зеркала, висевшего в прихожей. Это зеркало она помнит с того времени, как помнит себя.

- Мама, что это за зеркало?

- Это старинное, оно переходит от матери к дочери уже много лет. Оно старое, но я к нему привыкла, да и бабушка мне наказывала беречь его, вот я и берегу, не снимаю его.

- Темно, ничего не видно, а может свечку зажечь? У тебя есть свечки, мама?

Мать подала дочери зажжённую свечу. Архелая поднесла свечу к зеркалу и увидела в зеркале что-то вроде коридора, в конце его начало появляться какое-то изображение. Оно увеличилось в размерах, и Архелая ясно увидела в нём отражение, но не своё, а незнакомое.

Лицо было довольно страшное.

- Архелая, - услышала она голос, - я Пемброк. Попробай вспомнить меня, я помогу тебе.

И он, постепенно снимая блокировку, заставляя работать пассивные центры памяти, заставил Архелаяу вспомнить её родной мир, который ей пришлось покинуть, поведал печальную историю о его гибели.

- Тебе его уже не возродить, он погиб безвозвратно, потому, что мы увлеклись технической стороной дела и мало уделяли внимания людям, их чувствам и идеалам. Огромная вина лежит на мне, поэтому я погибаю последним!

- Я спасу тебя, Пемброк! – горестно воскликнула девочка.

- Нет уже поздно. Я получу то, что заслужил. Ты обязана спасти мир, твой новый мир. Они знают вход. Наверняка кто-нибудь из них уже проник в твой мир, он найдёт тебя, чтобы убить. Будь осмотрительна, убей его сама. Ты должна научиться избавляться от них. Ну вот, теперь ты знаешь всё. Не зря ты носишь имя «Правительница народов».

- Ты должна спасти мир, - с трудом разжимая губы, проговорил Пемброк, голова его бессильно свесилась на грудь. Лёгкой птицей слетело последнее «Прощай». Изображение в зеркале исчезло. Оборвалась последняя ниточка, связывающая девочку с родным миром. Слезы катились из глаз Архелаяи, светлая грусть сжимала сердце. Но время неумолимо, надо было действовать, чтобы не опоздать и предотвратить беду. Теперь на ней лежит ответственность за мир, который дал ей вторую жизнь. Как не допустить нашествия! Архелая ещё так мала. Что ей делать?! Пока девочка раздумывала, мать сняла зеркало со стены, завернула его в тряпку и уложила в сундук, а стену окропила святой водой. «Так наши матери и бабушки делали, от нечистой силы спасались, может и от этой нечисти поможет. Закроет от них стену. А нам с тобой, Архелаяушка, надо к бабушке в храм срочно сходить, он научит.»

Мать и дочь быстро оделись и отправились в путь. Подойдя к храму, Архелая заметила человека, который стоял поодаль и смотрел на неё в упор неотрывным взглядом. Архелая сразу поняла, что это он. Он пришёл за ней. Она узнала его по холодным, выпученным, большим глазам.

Девочка остановилась в двадцати шагах от Даркота. Тот поднял свою тощую руку и бросил в Архелаяу свою паразитирующую нить. Та легко, без усилия отбросила её взглядом назад владельцу. Это удивило нападающего. Он поднял обе руки и пустил целый пучок нитей. Архелая напряглась и завязала все нити в узел. Не скоро теперь он распутает клубок, это даст девочке возможность бороться с силами. Мать видела, что сопротивление отняло у неё немало сил, девочка слабела. Как помочь дочке? Мать бросилась в храм и позвала на помощь батюшку, на ходу, как могла, рассказывала о случившемся. Батюшка мало что понял из сбивчивого рассказа матери, но почувствовал важность происходящего. Он встал рядом с девочкой и поднял серебряный крест. «Архелая, сотвори крестное знамение», - воскликнул он и начал читать «Отче наш...». Кончилась одна молитва. Он начал другую - «Да воскреснет Бог и расточатся врази его...». Архелая, стоя рядом, повторяла за ним фразу за фразой. С каждой фразой молитвы недруг всё больше съёживался и как бы уменьшался в размерах. В это время звонарь на колокольне ударил во все колокола. Даркот упал на землю, издавая отвратительные звуки и вскоре затих.

Архелая повернулась лицом к храму. Белый, на фоне лазурного неба он был удивительно красив. Теперь Архелая знала, как спасти мир, и знала, чему она посвятит свою жизнь.

СПОВАРЬ ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

- Ты заметил, как пахнет Чёрное море? - спросила дорогою Сеня, наслаждаясь солёным ветром, скользящим через щёлку окна. - У каждого моря свой неповторимый запах. Белое пахнет талым снегом.

- А Чёрное?

- Тобой.

- Нет, - возразил Костян, принявшись к своей куртке. - я пахну совершенно иначе, потому как ужасно вспотел, пока таскал тебя по аэропортам. А у меня с собой даже зубной щётки нет. Я ведь думал, что поездка в Сочи - первоапрельская шутка.

Сеня достала из сумочки его лотерейный билет и негромко сказала:

- Если бы он окончательно проиграл, то ты бы его давно выкинул... Я же решила дать ему последний шанс, - и она, поправив упавшие на лицо локоны, прижалась к Костяну всем телом и беззвучно зашептала:

- Отдав мне помятый билет, ты и не надеялся на удачу, но, однако, сделал большую рискованную ставку. А крупье хочет, чтобы ты выиграл. Твоему билету выпадет небывалое везение.

Измучённые глаза водителя такси косились в зеркало, и следили не за дорогой, а за клиентами. Сеня почувствовала чужой взгляд.

Это было ей давно знакомо. В детстве девочку чуть ли не сиби поезд, промчавшийся в полуметре от неё. Волна обжигающего и одновременно ледяного воздуха электрическими мурашками завладела телом. И после этого случая Сеня искала в поведении людей нечто, вызывающее похожую реакцию организма. И наткнулась на точно такой же поток искр по телу, возникавший всякий раз, когда во время контрольной за ней следил учитель, либо кто-то незаметно на неё косился, либо смотрел ей в спину. Сеню пугала та сибибьющая с ног энергия чужого взгляда, подобная силе локомотива, несущегося со скоростью более ста километров в час. Откуда во взглядах людей берётся такое подобие многотонной машины из чугуна и железа? Как умудряются люди владеть такой невидимой силой и посылать её лишь посредством глаз? Почему посторонние взгляды наводят на мысль не о близко идущем поезде, а лишь о рядом живущей смерти? На эти вопросы не было ответа. Нужно было бы задать их Творцу, но тот давно на людшек плюнул, переменял место жительства и уехал в другой универсум, позабыл прихватить с собой его любимую книгу для чтения. Увесистая книга была, со сказками, но без картинок и без ответов на вопросы Бестици. А тот оптимист, с которым Бог чего-то на земле не поделил, стал собирателем брошенных Творцом души и бесполезных книжечек не писал.

Сенечка посмотрела вперёд и тут же столкнулась с глазами водителя, которые, сверкая неподдельным интересом, отражались в зеркале. Она отстранилась от победителя и, зачем-то разгладив юбку, забормотала изменившимся голосом:

- Насчёт зубной щётки и прочих необходимых вещей можешь не беспокоиться - они пойдут в нагрузку к выигрышу. Только подожди до завтра - сегодня уже все магазины закрыты. Ночь...

Костян ухмыльнулся, увидев горящие глаза таксиста и реакцию в чём-то провинившейся школьницы.

- Я тебя хочу, - сказал он Сене едва слышно, спрятав её руку в своих ладонях.

- Я тоже, - полупешепотом призналась она, исподлобья косясь на водителя.

Машина остановилась у роскошного отеля со ска-

зочным названием «Уютное гнездышко». Шофёр, довольный хорошей выручкой, подхватил чемоданы и чуть ли не вприпрыжку последовал за парочкой.

- Какой пожелаете номер? - ковыряясь палочкой в зубах, равнодушно спросил администратор. Опытный взгляд тем временем оценивал размеры кошелька гостей.

- Самый дорогой! - ответила Сеня, оплатив ему той же монетой, и уточнила:

- С видом на море!

Костян отстегнул администратору миловидную улыбку и, взяв Сеню за локоток, отвёл её в сторону.

- Сень, - процедил он сквозь зубы, стараясь, чтобы его никто не услышал, - зачем тебе самый дорогой?

- Чтобы чудесно провести с тобой время! - пояснила влюблённая, не понимая, почему Костян увёл её от стойки. - Для победителя - все блага!

- Да, но твой победитель, - оправдываясь, заметил Костян, - сегодня совсем небогат, так как не рассчитывал на выигрыш, на поездку в уютные гнездышки, а тем более на самые дорогие апартаменты...

- А тебе платить не надо, - остановила его изливания Сенечка, озарившись таинственной улыбкой. - Победители должны наслаждаться победой!

И парочка вернулась к администратору.

- Могу я получить ключ? - осведомилась самозванная ведущая лотереи.

- От лица «Уютного гнездышка» разрешите поздравить вас с выигрышем! - расплылся в улыбке администратор, очевидно, подслушавший беседу гостей. И подал ключ.

- Споко-о-ойной ночи, - заинтересованно добавил он вслед поднимающейся по ступенькам парочке и едва не кувыркнулся через стойку.

Спокойной?

Они поднялись на верхний этаж, вернее, на самую крышу, где находился всего один номер с ромбовидным стеклянным потолком и восьмигранными стенами. Королевское гнездо со всех прозрачных, как потолок, восьми сторон, демонстрировало романтические виды Чёрного моря с пальмовой зеленью у подножия гор и утыканное звёздами южное небо. Беспардонным намёком нежилась в камине огонь. Его любовницы-свечи состязались в страсти гореть и хвастались между собой нарядами канделябров, инкрустированных рюшечками, розочками, бантиками и серебряными кружевами.

Пока Сеня принимала душ, Костян вышел в коридор и повесил с внешней стороны двери табличку «Не беспокоить!» Вернувшись в номер и захлопнув дверь апартаментов, он провернул ключ. Затем, о чём-то подумав, Костян нагнулся и убедился, что табличка снаружи надёжно прикрыла замочную скважину.

Но... табличка, она не помеха...

Сеня закрыла глаза, и почувствовала... как маленькие бабочки вспорхнули с неё, задевая крылышками растаявшее от блаженства тело. Это щекотливое касанье было настолько приятным, что ей стало жаль: вдруг бабочки.

едва вспорхнув, улетят? Но божественно лёгкие и дерзкие существа не исчезали. Паря и медленно кружась, они махали бархатистыми крылышками, сперва над её обнажённой грудью, потом над животом и, устав, присаживались на обессиленные руки. От их опалых движений, вальсирующего полёта исходили ласкающие струйки прохладного воздуха. Он был наполнен сочетанием дурманящих голову ароматов - изысканным перекрещением четырёх стихий вселенной: дьявольски обжигающее пламя раскалённого камня с привкусом подземного родника благоухало запахом весенних цветов и свежестью ночного ветра. Покоряющий запах обволакивал и вводил в забытье - в бездну. Послышалась музыка звуков - гулкого дыхания ночи и шепота морской волны, - предающих женское тело в объятья сладостного, возвышенного чувства. Порхающие создания растворялись в танце, щедро одаряя Сеню золотой пылью своих крыльев и словно зовя её за собой в чудесные, безмянные страны. Пыльца падала россыпью. Едва соприкасаясь с телом, она возбуждающе, подобно острым кристалликам, проникала в него. Поддаваясь обольстительному внутреннему порыву, Сеня почувствовала, как превращается в бестелесную лёгкость, исчезая вместе с порхающими существами. Непередаваемый дух ужаса и блаженства всецело овладел ею, и настал момент, когда она вспорхнула и...

Полёт закончился глубокой ночью, вернее, перед рассветом. Первым звуком, вернувшем Сеню к жизни, был убаюкивающий шум моря. Ей казалось, что она лежит сейчас на берегу, а нежная волна дотрагивается до неё и вновь отступает - Костян прикасался к Сене рукой и словно шелковой кисточкой по мокрому телу рисовал бесцветной акварелью иероглифы.

Вечером следующего дня, налетавшись всласть и купив всё необходимое для Костяна, они отправились бродить по берегу Чёрного моря. Купаться было рано - в апреле вода ещё не прогрелась, - но и людей, переполняющих летом Сочи, тоже не было. Берег пустовал. Его покой изредка нарушали крики чаек. Парящие над морем охотники-бакланы зорко следили за подводным миром, стараясь не упустить свою добычу. Камнем падая вниз, птицы ловко хватали молчаливых рыбёшек, которые подплыли слишком близко к краю, разделяющему два совершенно разных мира. Глупым рыбам за любопытность к бремени земного и за глоточек почти ненужного им воздуха приходилось расплачиваться жизнью. Но перед смертью прикушенные клювом жертвы могли с высоты птичьего полёта в первый и последний раз насладиться красотой и ослепляющим светом неведомой им стихии. И только тогда, на мимолетный миг, почувствовать, как велика тяжесть их собственного бременного тела.

Пляж был ещё неухожен и не вычищен. Тёмно-зелёные водоросли валялись и гнили после ночного шторма под лучами остывающего солнца. В их перекрученных ленточках торчали раскрытые ракушки. Водоросли прихватили их вместе с собой - погибать. Медузы, распластавшись пудинговыми лепёшками, ждали спасителя-прибоя, чтобы он побыстрее утащил их обратно - домой.

Сеня подобрала серый камушек и, присев, пустила его прыгать по воде. Скачущий камень вспугнул катающуюся на волне чайку, и та с недовольным окликом взмыла в бесцветное небо. Костян, пересчитав «блинчики» и проводив взглядом обиженную птицу, удивлённо воскликнул:

- Здорово! Где ты так научилась кидать?

- На Баренцевом море.

- Ты родилась в Мурманске?

- Да, - ответила Сеня, отыскивая среди множества камней тот, который умеет прыгать. И, найдя подходящий, гладкий, тут же запустила его бороздить волны.

- Но детство проиграло времени и давно перестало быть настоящим, - добавила она, когда камушек булькнул и исчез, ни разу не подскочив.

Птицы загорланили, будто умели смеяться по-своему - по-чаячин.

- Сейчас я живу у подножия гор, - продолжила Сеня, прислушиваясь к хохоту птиц. - Там нет безграничности. Всё, что меня окружает, можно измерить глазами и упереться в скалы. Чтобы наслаждаться пространством, как в детстве, нужно подниматься высоко в горы и с макушек смотреть на рваное море льда, раз уж настоящего моря у Австрии давно нет.

Она вновь наклонилась за камнем и, подобрав подходящий, предложила Костяну:

- На, попробуй!

- Я, как ты, не смогу, - растерянно ответил он, поглаживая холодный, пуговичный по форме камень, лежавший в её ладони.

- Это очень просто, - улыбнулась Сеня и, слегка согнув ноги в коленях, начала показывать и объяснять.

- Представь, что камень - это частица тебя. Размахнишь и кинь его так, чтобы он проскользнул, летя не по воздуху...

- А по воде?

- Камень не умеет плавать. Для начала надо вселить в него силу, заставить её пронестись между водой и воздухом - оживший камень запрыгает, точно отскочит от твёрдой воды... А когда сила, отданная ему, кончится, он, соблюдая все законы притяжения, потонет. Запомни: чем больше ты вселишь силы, тем дальше будет полёт камня.

Костян недоверчиво посмотрел на камень, потом на Сеню и, улыбнувшись, взял его. Присев, как она ему показывала, он размахнулся и запустил камушек.

Прыгнув несколько раз, игриво разбив гребни волн, он исчез в глубине моря.

- Получилось! - воскликнул радостный Костян, покаявая на то место, где утонул камень. - Сосчитала?

- Десять... Примерно.

- Сенечка! Почему, находясь рядом с тобой, я чувствую себя ребёнком? - воодушевленно спросил он и посмотрел на психологиню.

Сенины волосы ласкал вечерний ветерок, а заходящее солнце янтарными блесками играло в их прядях. Она смотрела в море, в даль, и думала о том, что уже давно перестало жить и кончилось так же, как растаявшая над водой невидимая сила...

- Расскажи мне о детстве, - попросил Костян, угадывая мысли. - Могу поспорить, что у тебя оно было непослушным и озорным.

- Нет. Ты проспорил. Оно было у меня трудновоспитуемым, - вкрадчиво ответила она и принялась рассказывать о девиантном поведении, о комплексах... Что явление под названием «бестия» выросло из несправедливости взрослых и из желания утвердить себя... С чего она решила пудрить ему мозги? Как будто он ребенок или они только что познакомились...

Но Костян не услышал воспоминаний. Он просто смотрел на Сенечку, машинально следя за движениями её губ, а душа его то озарялась, то погружалась в тёмные, чисто мужские мысли.

Костян напрягался, чтобы вспомнить и взвесить всю лживость, которую он в жизни имел и сбросил. Хотелось измерить. Конечно, не на вес, но если бы он и над этим задумался, то двадцать тонн набрал бы смело. Но Костян желал просто сравнить между собой то, что опало, и то, что есть. Ворох вспомнившихся дам... Он всегда держался с женщинами настороже. Всегда что-то отталкивало - как правило, недоверие. «Эти милые очарования любят только деньги, - думал когда-то Костян. - Им пофиг моя душа и я сам. Проверить их можно легко - стоит сказать даме: «Люблю». И очарование превратится на твоих глазах из доброй феи в коварную укротительницу. Кодовый пароль «люблю» даст ей право управлять и командовать тобой. Ей почему-то покажется, что раз болтливый мужчина любит, значит, уже принадлежит ей. А все побочные недостатки можно преспокойно убрать, каждый день дрессируя его и натаскивая под нужный для бывшей феи шаблончик. Стандарт - эдакий не пьющий, не курящий, любящий только её, и, соответственно, никогда не изме-

няющий чистокровный джентльмен, который должен на все ее замечания молчать, делать, как ему велят, одаривать ненаглядную ежедневными подарками и ежечасными комплиментами. А самое у баб заветное - чтобы мужик приносил побольше денег и всё до последней копейки отдавал бы звезде пленительного счастья. Вот так поступит каждая, - думалось когда-то Костяну, - если болван-мужик ляпнет даме о чувствах. Сразу накинут на шею цепь, напялят намордник, и бродяга навсегда распрощается со свободой. А раз так, то я влюбляться в тётку никогда не буду».

Костян дал зарок, не зная, что захочет его когда-нибудь нарушить. А теперь он, молча перебирая в руке камни, смотрел на шевелящую губами Сеню и понимал, что она хоть и не честным путём зарабатывает на хлеб, но намного лучше тех, которые зарабатывают честно - телом.

В это время Серафима ловко запускала блинчики и что-то рассказывала. Потом, заметив, что ей смотрят в рот, но ушами находятся не здесь, а в другом измерении, принялась искать куриного бога с дыркой в голове, который неизвестно по какой причине забил на все курятники и переехал жить на берег моря.

«Сеня не ширпотребного покроя, - продолжал размышлять Костян, приводя свои чувства в порядок. - Она не такая, как все. Её не интересуют мои деньги. У неё своих достаточно. Ей нужен я. Зачем? Любить?.. Нет. Это вовсе не любовь. Это что-то другое, названье чему люди ещё не придумали. Это что-то между словом «нравиться» и словом «любить?»

- Сень! - внезапно обратился к ней Костян, оторвав от поиска протреленного водой бога. - А ты когда-нибудь влюблялась?

- Тысячу раз, - ответила бестия, бросив безбожно целый камушек в море. - только понарошку, - добавила она, над чем-то смеясь.

- То есть как это - понарошку? - переспросил Костян, подойдя к ней вплотную. - В шутку, что ли?

- Нет, не в шутку, но и не всерьёз, - ответила Сенечка и прижалась к нему, озябнув под вечерним бризом.

Костян расстегнул куртку и прикрыл девушку.

- Мне лишь казалось, что я люблю, - вкрадчиво заговорила она, согреваясь теплом его тела.

- Тогда что же это было?

- Не знаю... Возможно, всего-навсего увлечение, голый интерес. Точно так же, как для ребёнка новая игрушка. Со временем это проходит. Ребёнок наиграется, разберёт на части, посмотрит, из чего она состоит и как устроен внутренний механизм, а потом забудет собрать обратно и бросит. Потому что она уже успела ему надоесть и показалась слишком простой... или наоборот, слишком сложной... Иными словами - не для него.

- Откуда тебе известна детская психология? - спросил Костян, догадываясь, что она ответила не своим восприятием, а его.

- Не поверишь, я сама была когда-то ребёнком.

Костян помолчал. Его губы касались прядей её волос. Мгновенье тянулось до тех пор, пока он не развернул Сеню к себе лицом и не заговорил тихо, глядя ей в глаза:

- Я заметил, что ты обо всём говоришь сравнениями. Люди у тебя монеты. Любишь ты понарошку. Запах срезанных цветов - для тебя запах смерти. Работу называешь пунктом проката. Меня - победителем. Почему?

- Так легче, - неоднозначно ответила Сеня, отводя в сторону глаза. - Жизнь настолько полна серостью со скучными названьями, что мне самой приходится додумывать вместо неё.

- А почему я победитель?

- Потому что ты выиграл меня. А другие - проигравшие.

- Хорошо, - задумчиво произнёс Костян и предложил:

- Я буду говорить тебе слова, а ты будешь отвечать,

что они для тебя значат.

Сеня кивнула.

- Луна, - начал перечислять он.

- Безмолвное око тьмы, - немедленно ответила Сенечка.

- Почему?

- Ей видно всё, что творится внизу. Ей видны деяния, сны и помыслы живущих и мёртвых. Но она не вмешивается ни в зло, ни в добро. Молчит и полнолунием вдохновляет своих поклонников стричь волосы.

Слова, произносимые Сеней, стали более вескими, а голос - глуше и картавей. Всегда она должна быть начеку, всегда следить за собой, а тут любовный напиток её растормозил. Она не думала о впечатлении, которое произведет, просто выпаливала, что придет в голову...

Костян осмотрелся вокруг, поискал предмет, который мог бы назвать и, увидев неподалёку медузу, сказал:

- Медуза.

- Лекарство.

- Почему?

- Не знаю... У бабушки часто болели суставы. Она ловила в море живых медуз, и, набрав их с полведра, опускала в него ноги. Бабушка кричала и плакала, потому что медузы жгли ей кожу, но зато потом всю зиму суставы не болели.

- Деньги, - продолжил Костян.

- Изменчивое постоянство.

- Почему?

- Потому что они всегда у меня были и есть. Деньги - это постоянный элемент существования. Ради денег размножается смерть. С помощью денег продлевается жизнь. У каждого они есть, а вот их количество непостоянно. Оно день ото дня меняется.

- А разве они для тебя не означают людей?

- Нет, - покачала она головой. - Ты меня не так понял. Деньги - оружие людей, их цель, мечта, их свобода, безопасность и даже друзья, но не они сами.

- Я знаю одного человека, у которого на деньги аллергия, - вспомнил Костян о бывшем пахане. - Он их терпеть не может.

- В это трудно поверить, - отозвалась Сеня. - Где же твой больной приятель живёт, если земля со всех сторон оклеена деньгами?

- В тюрьме.

Сеня расхохоталась.

- Эта болезнь мне давно знакома, и я примерно представляю, какая у него неподвластная лечению аллергия... если он умудрился назвать медицинским диагнозом свою сверхчувствительность к чужим деньгам.

- Ладно, - согласился Костян, пожалев о сказанном. - Что, по-твоему, любовь?

- Воровское море.

- Как?

- Так, - пожала плечами влюблённая. - Оно воровское. А ты - вор.

- Я не вор, - ответил он, быстро потупив взгляд. - Я никогда в своей жизни не украл ничего чужого.

- Это только тебе так кажется, - сказала Сеня, наблюдая за его поморщившимся лицом.

Оба замолчали. Тишина длилась недолго.

- Я так проголодалась, - она нарушила молчание. Она улыбалась, наблюдая драку чаек, которые не могли поделить добычу, найденную на берегу. - Давай куда-нибудь пойдем поужинать!

- А что бы ты сейчас съела?

- Креветок! - ответила Сеня, не сводя глаз с драчливых птиц. - Я обожаю креветок и красное сухое вино!

- Определённый сорт? - решил уточнить Костян.

- «Blauer Zweigelt» Ленца Мозера из виноградника «Neusiedlersee», - назвала она по-немецки вино, которым славится Австрия. - Не вино, а чудо в искусстве виноделия. Но его вряд ли здесь найдёшь...

ТАТЬЯНА МАСС (пюн. Франция)

В СТРАНЕ ИНТЕРНОВОСТЕЙ

Рассказ написан специально для сборника АРЕНА - ежегодной антологии рассказов писательниц-эмигранток, которая выходит в США, в издательстве ОКНО.

«...Париж - такая же провинциальная литературная тусовка, как, например, Саратов, с той же этикой убивания новичков и совковой вседозволенностью паханов»

(М. Арбатова «Я-женщина»)

И они отправились ужинать.

Оставшиеся три дня парочка провела в номере, заказывая завтраки и обеды в свои королевские апартаменты. Вечерами они выходили побродить на берег моря, покидать камушки и поболтать ни о чём. Победитель раскармливал тоску по столике, а Сеня наслаждалась двумя морями сразу - Черным и воровским. Правда, в первом искупаться ей так и не удалось.

Костяну очень часто звонили по мобильному телефону и постоянно что-то требовали, просили, спрашивали и кланчили. Возлюбленный старался говорить по телефону так, чтобы Сеня не догадывалась, кто ему звонит и что звонящему нужно. Поэтому он отвечал на звонки лишь денежными суммами, названием пород деревьев, а также дотошно придирался к ширине прокаточной стали, параллельно записывая количество опущенных кем-то коробок, прибавив к ним литровые объёмы каких-то банок и одновременно копаясь в цвете обивки стульев. Он перечислял разные города России, фамилии людей, к которым следовало бы обратиться в определённый день на определённой железнодорожной станции и выяснить: кто виноват и в чём. Всё куда-то перемещалось, перевозилось, скупалось, перепродавалось, портилось или бесследно исчезало...

Деньги почему-то приходилось из одних выколачивать, у других - любезно просить, а с третьими... настаивать на оплате, грозя неустойкой в случае задержки. С кем-то Костян говорил грубо и нагло, кому-то лукавил и льстил, с иными обходился по-свойски и спрашивал о погоде в Москве. Каждый раз он отвечал на звонок ничем не значащим по тону «да», сразу меняясь, как только узнавал звонящего. Костянина речь была небогата словарным запасом, и все его многочисленные телефонные разговоры для стороннего наблюдателя состояли, как правило, из двух слов: «пофиг» и «зачутка». Психологиня предположила, что слово «зачутка» может относиться к своеобразному просторечью, которое часто называют «феней». Ей показалось, что «зачутка» на «великорусский» переводится как некое количество - немножко, чуть-чуть, самую малость и так далее.

Пользуясь двумя словами, Костян коротко сообщал звонившему, что для него «пофиг», а что - нет. И если что-то было не совсем «пофиг», он тут же добавлял: «Неплохо было бы получить ещё «зачутка» того и этого. Отправить «зачутка» позже другого и подождать «зачутка» с их стороны ответа. Впрочем, тогда всё окажется «зачутка» дороже. Начальству непременно такая задержка «зачутка» не понравится, поэтому необходимо «зачутка» поторопить партнёров, применив «зачутка» дипломатии, а если не поможет - «зачутка» силы».

И если не учитывать вышеперечисленные неувязочки, то всё остальное было для Костяна «пофиг».

Ламбадная трель мобильного телефона начиналась в десять утра, прерываясь с двенадцати до часу (вероятно, на обед), а потом продолжала, пиликать на совесть, до четырёх дня. Ровно в четыре надоедливый концерт с Костяном-конференсье заканчивался. Телефон умолкал. По режиму работы и некоторым фразам Сеня догадалась, что это был график действий благотворительного фонда.

После каждого звонка Костян извинялся перед Сеней и с сожалением говорил, что телефон отключить он не может, так как в Москве без него пропадут или натворят массу ошибок. Словом, Костян был («зачутка») умный, (немножко) деловой и (самую малость) незаменимый человек. А Сеня, не зная никаких его дел, поняла это с одного взгляда...

Начальник русской службы Федор Сергеев равнодушно сказал мне: «ВОПРОС О ТВОЕЙ РАБОТЕ РЕШАЕМ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ». Не побоялся, что сегодня его теплое местечко на Западе, а не в СССР, которому он прослужил верой и правдой в качестве международного лет тридцать, чтоб заработать кооператив на Таганке и нарушение обмена веществ из-за резкой перемены климата - он работал зарубежным корреспондентом где-то в Новой Зеландии. Огромный живот и солидный возраст не мешают ему находить дам на ночь в этом европейском городе среди русских жен, мечтающих во что бы то ни стало работать на телеканале ИНТЕРНОВОСТИ. Добродушный и даже по-своему добрый начальник русской редакции многоязычного канала, с пониманием откликается на мучительные попытки тоскующих без работы женщин выразить себя в тележурналистике, по несколько раз в месяц приглашая на тесты приехавших в эту страну жен и несет с дипломами столичных или провинциальных вузов. Причем специальность, отмеченная в дипломе соискательницы, принимается Федором Сергеевым во внимание менее, чем размер ее бюста.

- А хотите лучше ключ от квартиры на море? На неделю или даже на две? - я вступила в торг знаменитой фразой, даже не заметив этого.

- Не нужно мне ключа от квартиры, - пророкотал в трубке профессионально поставленный голос, который я вторым ухом параллельно слушала по телевизору на ИНТЕРНОВОСТЯХ.

Наш разговор повис на непонятной ноте - я подумала, что мой ответ ясен, а что он подумал - мне неизвестно

Еще лет пять назад я бы швырнула трубку и потом вслух обозвала бы его старым хреном. Но сейчас мне нужна была работа. Я устала писать из дома байки про светскую жизнь всяких кинозвезд. Я хотела работать в команде. И банально - мне нужны были деньги.

- Придешь в четверг, мы пройдем тесты - я тебе дам перевести французский и английский тексты. А там посмотрим.

- О кей!!!

Значит, правда у них запарка с людьми. Как мне сказала моя подруга из Коммерческой Палаты, три журналистки из русской редакции, как будто сговорившись, ушли в декрет.

И вот четверг: Я приезжаю рано на автобусе в пригород, уставленный богатыми особняками, и, кивнув водителю на прощанье, выхожу на конечной остановке. Иду к студии по зеленой алее, залитой свежими июльскими лучами и молюсь, чтоб тесты были не больно уж мудреными. А мои дети еще спят дома - и я молюсь и за них.

Тесты были немудреными - английский сюжет про польский фильм - победивший на каком-то негромком европейском фестивале. Французский - об экстравагантной выставке в Центре Жоржа Помпиду. Мои руки дрожат, но голос звучит уверенно. Я прохожу тесты в отделе «Культура», и мне кажется, что это то, что жизнь мне наконец приготовила в качестве подарка, который я жду с интуицией ребенка, не способного заснуть перед Рождеством. Наконец вердикт Федора Сергеева - Федя, как его тут

все называют: «Таня, ты все-таки не телевизионщик. Ты не смогла сделать из этих двух маленьких простых информации сюжетов для эфира».

-Так вы ж сказали, что нужно просто перевести для начала!

-Ну, хорошо, - картинно вздыхает Федя, - сделай теперь сюжеты.

Я иду к компьютеру. В студии все заняты, только в спортивном отделе до трех часов дня один свободен. Я бросаюсь к нему, сажусь за - и вижу, что он работает в программе, мне неведомой. Никакого Майкрософта, никакой мыши - нет ничего. Просто доисторическая программа, которой нас пытались безрезультатно обучать на журфаке на курсе по информатике.

Потом мне объясняют, что эта программа выбрана для внутренней работы канала по соображениям безопасности. Я покрываюсь испариной - я понимаю, что это может быть моим бесславным концом. Но мне помогает разобраться в программе русский журналист из отдела политики, объясняя мне детали в течении 15 минут с такой натянутой улыбкой, что я стараюсь поскорее закончить эту муку, и догоняю сама.

Мне все же приходилось несколько раз просить помощи у моих русских коллег- штатных журналистов, и все мне помогали- правда как-то умело давая понять, кто есть худший на канале Интерновости.

Мое лицо, когда я его увидела в туалетном зеркале, было немного вызверенным и диковатым. Я пыталась сказать себе в зеркало аффирмацию: «Ты умная. Я люблю тебя», но из одной кабинки донесся шорох туалетной бумаги - и я быстро и вымученно улыбнулась своему отражению.

Крис - англичанин, рыжий спортивный комментатор, заметив или почуяв мое состояние, тепло спросил меня: «Тяжеловато вначале?» - отчего приобрел мое дружеское расположение, и очем так и не узнал, по-моему. Действительно, я получала тепло и поддержку от иностранцев и от ...Феди. Он терпеливо отвечал на все мои вопросы и всякий раз, когда он, шеф русской службы, грузно поднимался со стула и шел к моему зависшему компьютеру, я проникалась к нему благодарностью, находя в нем симпатичные черты - добродушное лицо, профессионализм, человеческое понимание какое-то даже. Но спать с ним все-равно не стала бы. Не могла даже представить себе этого.

-А чего ты так дичишься-то? - Спросил Федя у меня в куртке (где я не курила - я бросила давно курить - а шла кофе) - У нас тут все друг к другу бегают.

Я сделала вид рыбы в аквариуме - ни дать ни взять, рыба.

Федя понял мой маневр и перевел разговор на другую тему с тактом светского человека. Все-таки руководитель редакции. Не медведь же.

Он посоветовал мне читать вслух Гоголя, и когда мне самой станет не противно себя слушать, значит - я могу выходить в эфир.

Работали коллеги-русские и иностранные журналисты - как на фабрике у конвейера, отходя от своих компьютеров лишь на пару минут, чтобы перекурить или позвонить по телефону - часто по международному, экономя. Иногда из кабинки выбегал взмыленный редактор и объяснял срочный сюжет бежавшимся журналистам - по одному от каждой языковой редакции. Это телевидение - Интерновости - особенное - там нет своих разрезных операторов и журналистов. Все видеоматериалы берутся у других каналов, с которыми подписано соглашение о сотрудничестве, а комментарии пишутся вроде бы и свободно, но под чутким наблюдением двух редакторов - своего и дежурного - из аналитической команды.

Атмосфера производственной важности. Есть чувство присутствия «голого короля»- журналистика и так профессия вторичная с точки зрения бытия - рассказать о том, что уже произошло. А здесь - на Интерновостях - я бы сказала - третичная: повторить за рассказчиком. Западные журналисты аккуратно зарабатывают на этой работе деньги,

а наши все-таки тоскуют - пьют.

О том, что наши пьют, мне рассказала Юля-пизжистка, т.е. внештатница. Она живет далеко от нашего города, и студия ей оплачивает дорогу и гостиницу. Замужем за французом. Юля имеет дочь, свои тридцать лет, бледный цвет лица, она - с острым носиком и чутьем на ситуацию, которая бывает не у шибко талантливых, но пробивных московских девушек.

Мы едим с ней в кафе, набрав рыбы и овощей - обе худеем, наверное.

- Значит, Федя предложил тебе переспать? - то ли задумчиво, то ли завистливо спросила Юля, - у него в прошлом году была любовница, девушка с таким смазливym личиком. Она вообще была не журналистка - он ее поставил на политику. Один раз ее перед самой кабинкой звукозаписи ее остановили - прочитали ее текст - она написала, что Шарон решил отдать Западный Банк ИОРДАН, перевела с английского слово BANK не как БЕРЕГ, а как БАНК. Если бы это пошло в эфир, Феде было бы непросто...

Юля общается со мной неровно - то разговаривает дружелюбно, то спохватится и закрывается. Я понимаю - она боится, что у меня больше шансов - я - то живу в этом же городе, значит, студии для меня не нужно оплачивать гостиницу и поезд.

Юля одевается в нарядные синтетические кофточки и флиртует с техническими сотрудниками. Она говорит о том, что журфак сейчас изменился и там учатся одни лишь богатые студенты: «Ты б посмотрела на стоянку журфаковскую - иномарки одни!»

Мой тесть затянулся: вместо одного дня - на две недели. Федя мне приказал как Варьке из чеховского «Спать хочется!»: «Приходи и учись! Поклонись в попки всем, кто тебе подскажет! Учись и учись - денег не спрашивай!»

Он читал мои тексты и чуял, что я смогу, но перевод мой иногда вдруг его настораживал.

-Что это за рукописи, о которых ты пишешь? Простые рукописи? Зачем тогда Оксфорд будет из них выставку делать!

- Они ж старинные, еще до начала книгопечатания, - пыталась выкручиваться я

- Ясно, что до начала, раз рукописи - отмахивался Федя и лез в скрипты других редакций - читал по- английски, итальянски, немецки... Потом краснел и без того красным лицом и начинал брезгливо мне выговаривать: «Это же не просто рукописи, а рукописи, украшенные рисунками! Это лицевые рукописи!»

В такие моменты я чувствовала свое ничтожество и недоумение - как же это можно все знать! Я восхищалась Федей, его профессионализмом. Его спрашивают на бегу: Как произносится Сасекс? - Федя отвечает и еще дает справки по этому самому графству в Грейт Бритн, Западный Сасекс - так, на память. Тут же проблема у сектора экономики, Федя идет читать в кабинку текст с листа, заполненный экономическими выкладками, на ходу редактируя.

- Если б он не пил, говорит Юля, - он бы наверное стал шефом аналитической команды Евроновостей

В кафе наши добрые отношения с Юлей и заканчиваются. Когда я прошу у Юли сюжет - я работаю параллельно по тем же самым сюжетам - она почти всегда капризничает и говорит, чтоб я подошла попозже - сейчас ей некогда.

Сюжет про Туника - американца, который фотографирует толпы голых людей, укладывая их в лишь ему понятных композициях на асфальт крупнейших городов мира, у меня получился лучше, чем у Ю.ли. К рыбе, выданной редактором, я добавила информацию о том, что этот фотограф у себя на родине - в США - привлекался к суду за массовые нудистские съемки - и от этого певнигный сточки зрения морали материал получился более конкретным.

Юля явно завидует и спрашивает меня: «А почему ты мне не сказала об этом? Ведь эфир - это лицо всей нашей русской команды». С этих пор я подговариваю ей самые

русской команды». С этих пор я подсовываю ей самые интересные факты, которые сумею найти при подготовке сюжетов. У меня есть еще чувство команды в редакции - это правда.

Неожиданно мне пришла подмога - Гриша Подлескин. Уважаемый и серьезный сотрудник Интерновостей сказал мне вдруг: «Я вас знаю, правда заочно - мы с вами в одно время работали на БиБиСи - вы из Латвии, а я из Москвы».

Я чувствую себя в своей тарелке минут на двадцать, потому что этот факт никому уже неинтересен - это было лет 10 назад, после окончания МГУ. А сегодня - я просто стажерка, пытающаяся пройти тесты. И все мне это дают понять - так или иначе. К концу рабочего дня я себя обычно теряю - мне кажется, что я пижистка-внештатница и больше ничего. К реальности меня возвращают мои дети, которые честно за меня переживают и хотят, чтоб их мать работала на Интерновостях. Я им в подробностях рассказываю все детали рабочего дня, и они горят желанием, чтоб я всем наконец доказала, чего я стою на самом деле. Я их заподозрила однажды в меркантильном интересе и срываюсь: «Вы что, будете меньше любить, если я не пройду туда - на это провинциальное, в сущности, телевидение!? Почему вы все время так переживаете и хотите, чтоб я прошла? Я и сама не уверена, хочу ли я этого!»

Я не была уверена, что хочу там работать, натываясь на полуулыбку журналистов в штате, которая сразу же определяла мои притязания внештатного сотрудника и ставила все по своим местам. Но были моменты, когда мне мучительно хотелось работать в этой команде - у меня, оказывается, накопилась сильная тоска по редакционной обстановке. Однажды я прочитала смешное объявление в общей редакционной почте и почувствовала болезненный укол ностальгии: журналисты - известные приколышки и иногда остроумный коллега может одной фразой расставить точные акценты в каком-нибудь запутанном сюжете.

Сергея, беженец, из Белоруссии- пижист, говорит с мягким украинским Г, он смотрится в студии как медведь в бутике. Не помогает даже некоторая куртуазность манер, которая - так это чувствуется, испаряется, как только Сергей выходит с работы. Его жена Виктория плохо говорит по-французски, но отлично готовит, приглашая на домашние праздники Федю Сергеева, изголодавшегося по домашней еде так же сильно, как по женским ласкам. А может и больше (потому что у Вики больше шансов, чем у меня). Федя все еще пытается добиться взаимовыгодного сотрудничества со мной, самонадеянно расширяя сферу профессионального влияния на свою заброшенную спальню.

Посмотрев сюжеты, которые делает Вика - о Зальцбургском фестивале театра, я тоскую, что этот сюжет не будет озвучен мной - громкие имена, интересные идеи в организации - я могла бы сделать из этого прелесть что такое. Я и делаю - параллельно - но мой сюжет сегодня не выйдет в эфир, потому что в эфир сегодня вещает Вика. Правда, она не может отличить автора пьесы от постановщика, и по ее материалу выходит, что автор пьесы восстал из могилы специально, чтобы поставить свой спектакль на нынешнем фестивале в Зальцбурге - эти ошибки исправляет Вике энергичная журналистка из отдела политики - Аля, поднимая иногда в недоумении брови при чтении опусов Вики.

Вика - с круглым вырезом на платье, из которого видна ее смуглая грудь, она бегает по студии, поигрывая крепкими икрами, ее смачный голос мешает субтильной немке писать свой сюжет, по энергетика Вики превышает всяких профессиональных правил. Она пройдет спокойно там, где немчура застрянет - в шуме и в грохоте, поэтому такая малость для нее не стоит внимания: оприте сами, но и мне не

мешайте.

Ее деловитость на студии - как продолжение домашнего хозяйства - ко всему у нее подход простой и конкретный: если надо курочку пожарить для Феи или информацию в эфир прочитать - то с удовольствием...

Я уже ничему не удивляюсь - просто хочется все записывать. Зачем? Для кого? Не знаю... Просто мне кажется, что во всех эти хитросплетениях судеб, характеров, амбиций и страхов непременно отыщется ответ о смысле, блеснет рано или поздно, на лесной буреломе, как солнца луч, осветивший неожиданно прекрасный узор из сломанных коряг и сучьев.

Письмо в папке для РУССКОЙ РЕДАКЦИИ за подписью Феи кипело негодованием - вчера Федю вызвал на ковер директор капала и сделал выговор за жадность русских журналистов. Кто-то из коллег пытался распечатать па студийном принтере на студийной бумаге книгу из интернета. Наши действительно экономят на всем - в обед жуют сэндвичи, снимают дешевые квартирки-студии, чтоб накопить деньги на возвращение домой. Никто из работающих журналистов ныне не уверен, что ему точно продлят годовой контракт. Кроме Мити Гуляевского, конечно. Митя - звезда русской редакции, москвич, выпускник Иерусалимского университета, за год работы в Интерновостях проделал путь от рядового корреспондента до шефа отдела аналитики. Им гордятся наши и уважают иностранные коллеги. Несколько раз Митя выручал другие редакции, делая прямой перевод Шарона с иврита на английский, французский и немецкий.

Наконец, через две недели Федя мне объявил, что тесты я прошла, осталось пройти ШЭДОУИНГ: это когда я работаю, а за мной неотступно тенью следует штатный сотрудник Евроновостей. Федя мне назначает дату: первое сентября - и просит согласовать ее с Леной Кузьминой, журналисткой из отдела культуры. Я подхожу к Лене и говорю ей о том, что Федя мне назначил шэдоуинг. Лена смотрит настороженно и отрывисто бросает мне «Ну, приходи, раз назначил».

Буддисты говорят, что если смотреть на какой-то предмет долго и внимательно, то в нем можно рассмотреть свое будущее... Мне не нужно смотреть долго. По лицу Лены Кузьминой я сразу вижу, что мне не работать на Евроновостях... Но мне не хочется ни о чем думать - я уезжаю на две недели в Перпиньян загорать и купаться и мне кажется, что время и каникулы у моря как-то изменят этот прогноз.

Пересмотрев дома свою одежду, я отправляюсь в Галерею Лафайет: придется для шэдоуинга. Обойдя несколько бутиков, ловлю себя на ощущении, что все это бесполезно - и что никакая одежда ничего не может изменить.

Да и не нравится мне ничего - все кажется излишне кокетливым, стиль этого лета - воланы, аппликации, вышивки - поднадоел уже. А осенних коллекций еще не выставлено. После долгих размышлений решаю надеть то, что у меня уже есть: льняной костюм, тонкую батистовую блузку из ЗАРБ и немного украшений. Это такой стиль редакции - натуральная одежда при хорошей бижутерии.

Немецкие коллеги ходят в пиджаках, итальянка-редактор отдела политики носит темные длинные юбки и остроносые туфли на шпильке, англичане одеты по-разному: кто в майках с шортами, кто в светлых брюках и белых кроссовках. Наши, как и англичане, одеты не монотонно - Федя Сергеев любит спортивный стиль, Аля - иногда вдруг разоденется в белое льняное с красным - и ей идет! Лена Кузьмина - та самая, у которой я должна проходить шэдоуинг, всегда как-

ПРОЗА

сапожках, при этом на ней было декольтированное платье в мелкий рисунок и джинсовый пиджак.

В тот самый день моего позора она была одета в шелковую тигровую юбку до колен, черный джемпер, завязанный на бедрах, и черную шелковую майку, оставляющую открытыми ее полноватые плечи. Ее беременность не была заметна, если только чуть-чуть: особая бледность лица, заметная даже через слой тонального крема.

Беременная женщина для меня - хрупкий сосуд, который я не потревожу ни словом, ни жестом. Представьте себе, что Давид, вышедший бороться с Голиафом, обнаружил там, на поле битвы, не великана, а великаншу на сносях. Интересно, стал бы он убивать ее в таком случае?

- Добрый день, Лена!
- Добрый!
- Я пришла на шэдоунинг...
- Ну а я — то тут причем?
- Вы же сами назначили мне время

Если бы не вмешался Федя, никакого шэдоунинга и не было бы. Лена Кузьмина чувствовала себя задетой тем, что она должна стоять тенью за моей спиной.

- Вы должны сделать пять сюжетов. Пятый - самый сложный - наука и техника. Времени у вас немного, начинайте прямо сейчас.

Последнее было лишнее. Я уже открыла программу, создала файл и начала переводить сюжет о 25-летнем юбилее фильма Братьев БЛЮЗ.

Я давно замечала, что сюжеты в отделе часто бывают не так серьезны, как их читают русские журналисты в ИНТЕРНОВОСТЯХ. Лена Кузьмина читала их всегда быстро, нервно, с рваной интонацией, которую Юля называла узнаваемой манерой. Мне казалось, что это не манера, а манерность, по свое мнение я никому не высказывала. Хотя было смешно иногда слышать трагический нафос в голосе Лены, комментирующей строительство какого-то моста по новой технологии.

Трагизма и так хватало в политическом отделе - зачем еще напрягать человека, включившего Интерновости для того, чтобы быть в курсе свежих имен и спектаклей.

Лена села рядом и позвонила своей подруге. Ее речь, которую я запомнила, на самом деле была так банально вписываема в этот сюжет, что кажется, что я ее только что придумала. Сначала я не слушала ее диалога-монолога, но постепенно мое внимание переместилось от компьютера к ее голосу - что-то было в ее манере такое, особенное-специальное для меня...

Вот, что она говорила:

- Никто не понимает, почему я меняю свою работу в ВЕСТЯХ на ИНТЕРНОВОСТИ, которые оплачиваются в два раза ниже! Никто!...

- Тебе нужно было изменить своему мужу, чтоб оценить его!...

- Он потрясающе заботлив - он настоящий француз. Трудно понять это, не увидев и не почувствовав этого в полной мере. Здесь женщина ценится как вещь в себе, без посторонних примесей...

...Усилив воли, я перекрыла себе уши, чтоб не отвлекаться, но Лена мне и так уже предоставила достаточно информации, чтоб понять, что она опасна и кусается.

Впрочем, закончив говорить и подойдя ко мне, Лена постаралась еще раз продемонстрировать свой ядовитый окрас:

Прочитав первые три слова моего сюжета, она спросила с доброй хрипотцой в голосе:

- Это что, твой первый опыт в журналистике?-

Именно в эту самую минуту я испытала желание встать и уйти.

-Нет, не первый, - буркнула я в ответ, моментально закрывшись и не желая впускать ее в свою жизнь...

И через несколько минут:

- А почему ты вообще решила, что сможешь работать в элитной журналистике?

И так она убежденно спросила, что я и правду засомневалась: «А правда, почему?»

Все мои статьи, работа на БиБиСи, публикации рассказов, письма читателей и признание коллег - все это моментально бы обесценилось, вздумай я предьявить свои заслуги Лене.

Лена правила мои тексты, которые в ее редакции мало чем отличались от моих, высмеивала каждую мою фразу, распечатывала опечатки в текстах, которые еще не были мной же проверены и отредактированы и быстро - с видимым удовольствием тащила их Феде

-Что, Лена, стучишь? - спросила у нее я, уже впадая в состояние равнодушной жертвы и начиная смеяться над собой, над Леной, над всей этой глупой и бесполезной борьбой по имя всего лишь подлого выживания

Итальянка, работающая рядом со мной, с удивлением посмотрела в мою сторону, услышав мой смех. Я действительно однажды вслух рассмеялась, потому что все это было так поверхностно и глупо, что оставалось только смеяться.

Однажды я попыталась все же спросить у Лены совета

- Лена, - спросила я, - в музыкальных сюжетах вы сколько времени оставляете для музыки?

- Твое место у нас, - чуть не вырвалось у Лены, но вслух она сказала почти в той же тональности: «Дорогая моя, деньги зарабатываются в одиночку!»

-О кей, я спрошу у кого-нибудь другого, - сманипулировала я, поскольку уже начала разбираться, что причиной ее стержности был СТРАХ...

Оказалось, что я все поняла правильно. Лена выдала-таки мне сквозь зубы профессиональный совет:

- Оставь немного места для музыки...

Честно сказать, я не понимаю, отчего Лена так сразу была против меня на Интерновостях. Ведь я, пробуясь на внештатного сотрудника, не претендовала на ее штатное место. Наверное, просто так - на всякий случай, по своей телевизионной привычке бороться со всякого рода угрозой соперничества.

Сказать, что Лена Кузьмина была умнее и интеллектуальнее меня - как на духу - не могу. Ее тексты были написаны языком средним - то тут, то там мелькал шаблон, маскируясь под оригинальность. Например, мне показалась неуклюжей ее фраза «эта книга получила украиную прописку» - когда речь шла о какой-то литературной экранизации. В действительности, сейчас, на холодную голову, я могу сказать что секрет Лениного профессионализма состоял в натасканности. Ежедневный труд в отделе культуры не мог не принести своих плодов - Лена щеголяла хорошим произношением имен поп музыкантов, голливудских звезд, режиссеров...

Когда выяснилось, что я не знаю имени одного из известных американских поп музыкантов, Лена попыталась пристыдить меня, высказывая свое недоумение преувеличенной театральной гримасой.

- А что, это так стыдно? - не выдержала я и вдруг-неожиданно для себя, спросила Лену: «А ты знаешь, как звали Вивальди? Или Сезанна, например?»

Я попала на большое место. Профессиональное самолюбие человека, который обязан знать все, но чувствовал себя при этом Голым королем. Прав был Прутков, «нельзя объять необъятное». Я как-то интуитивно почувствовала, что став знатоком поп культуры, малам упустила классику. Давно известно: «Попса и классика - вещи несовместные».

Лена не знала имени Вивальди... Я это поняла методом дедукции: она сразу же назвала имя Сезанна, а про Вивальди как будто не расслышала - а глаза дернулись в сторону.

Уходила я со студии с суровым вердиктом - «пока не готова». При этом я лила горькие слезы унижения, а в пространстве при этом ощущала... улыбку Чеширского кота. Улыбка стояла в воздухе, и была ободряющей и очень теплой. Да, я как будто на самом побывала в стране Чудес - настолько стужено и искривлено было пространство на ИППЕРНОВОСТЯХ. Все, с кем я познакомилась там за это время, могли уложиться в образность Кэрролла - Лена Кузьмина была бы Королевой, которая казнила и казнила меня на протяжении 8 часов пэдоуинга. Юлька в таком случае была бы кроликом, вводила меня в эту страну чудес пажетским узким лязом, а Безумный шляпник и Мартовский заяц - я не скажу кто. Хотя, что мне терять - я сама и была и первым и вторым, потерявшая голову от страха и от желания работать на ЕВРОНОВОСТЯХ.

Мой голос звучал потом несколько дней в эфире, и все мои друзья следили за мной СМСки и мэйлы, говоря, что звучит неплохо - почти профессионально. На самом деле, я -то сама видела ошибки: например, на информации о черных дырах в созвездии Лебедя, открытого только что европейскими астрономами, текст: «ВОТ ТАК ВЫГЛЯДИТ ПУЗЫРЬ, СМОДЕЛИРОВАННЫЙ АСТРОНОМАМИ», у меня «залез» на кадр с мрачноватым лицом ученого, после которого показывался экран компьютера с этим самым смоделированным пузырем.

Эта информация вызвала дружный смех моих детей - а я сказала им: « Не могу представить, что наговорили бы вы на моем месте - с этой Леной Кузьминой за снудом».

Через месяц после описываемых событий мне позвонил редактор русской службы и сказал, что считает целесообразным для меня прийти попробоваться еще раз, когда Лена Кузьмина уйдет в декретный отпуск.

Я ответила, что меня это больше не интересует. И это была чистая правда.

«Работа - это Божье благословение, когда она позволяет нам осмыслить то, чем мы заняты. И работа становится проклятием, когда служит лишь тому, чтобы не давать нам думать о смысле жизни».

2005 г

ТАТЬЯНА МАСС, БУДЕНОВКА ВО ФРАНЦИИ

В нашем городе - втором по величине во Франции, недавно начали открываться русские магазины. Самый первый появился года два назад - его хозяин-маленький армянин с теплым понимающим взглядом при первом же посещении обсчитал меня евро на семь, поэтому я стала постоянно наведываться в другой русский магазинчик, принадлежащий семье азербайджанцев-беженцев. В один из дождливых весенних дней, закупив свой обязательный «русский ассортимент» - черный хлеб, палтус копченый, семечки жареные, торт «Белочка», а также новый русский детектив полуизвестного питерского автора, я вдруг увидела на полке с матрешками-президентами буденовку с яркой пятиконечной звездой.

- Сколько стоит это? - показала я хозяйну на нее

- Что? Эта шапка? - тороватый бакинец тянул время, высчитывая, сколько можно запросить с меня-вежливой покупательницы в джинсах, хоть и латанных, но кажется, дорогих.

Почувствовав вдруг невероятный груз ответственности, он решил спросить совета у своего партнера-совладельца магазинчика и принялся названивать тому по телефону. От такой суеты вокруг простого вопроса, я уж начала серьезно думать, что «шапка» -дикий раритет, чуть ли не с головы самого Буденного, ну или его зама - по крайней мере. И цены ей нет. А выставлена просто на счастливый случай какого-нибудь французского знатока русской истории.

После долгих переговоров, хозяин положил трубку и вытер лоб:

-25 евро...

С облегчением заплатив, я решила тут же примерить буденовку, и хозяин с почтением к капризу «богатой покупательницы» быстренько притащил из подсобки огромный осколок зеркала. Заглянув туда, я обомлела - на меня посмотрела совсем другая женщина. Буденовка вдруг открыла мой русский экстрим, постепенно затягивающийся здесь на Западе мелким слоем пресной буржуазной вежливости.

Сняв «шапку», я наткнулась на прежнее свое лицо, надев - опять увидела другую личность в отражении.

- Вы хотите в ней пойти? - неуверенно спросил хозяин, которому уже надоело держать тяжелое зеркало.

- Да нет, пожалуй, я должна к ней немного привыкнуть.

Нужно ли рассказывать, что, вернувшись домой, я сразу же надела буденовку и вернулась к зеркалу, чтобы понять, что же во мне меняется, когда я надеваю эту « шапку». Ответ сегодня я знаю, но пришел он не сразу, а через некоторое время- и он был простым и сложным одновременно. НО самое главное, этот ответ помог мне ответить на вопрос: «Зачем нам, поручик, чужая земля?»

Однажды в школе мы делали как-то спектакль на тему революционной романтики. Я читала под музыку стихотворение М. Светлова «Гренада». Успев закончить школу до перестроечных реформ, я не имела никакого критического осмысления революционного пафоса, который появился уже позднее, в университете. Этот паренек, который «хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» меня доводил до слез своей жертвенностью и чистотой помыслов. Я представляла его глаза, горящие мечтой, его пыльную буденовку, и мой голос срывался на строчки:

«Мертвое тело наземь сползло,

Товарищ впервые оставил седло,

Прошайте, родные, прошайте, друзья!

Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Русская революция, которой мы сегодня стыдимся, сродни французской революции, которой они гордятся. Былой революционный пыл санкюлотов (в переводе-«безштанников») сегодня трансформировался в национальный сексуальный экстрим, хорошо эксплуатируемый рекламными режиссерами, но отдавая дань почтения лозунгам: « Свобода, равенство, братство!» многие французы все же предпочитают уютный буржуазный мирок без особых потрясений.

Даже юноши здесь - во Франции, и в ЕС-знают свое будущее на несколько лет вперед, и никто из них- уж точно- не покинет «свою хату», чтоб где-то там кому-то там помочь с решением глобальных проблем. Хорошо это или плохо - не знаю. Но скучно - это точно.

Итак, решено - сегодня или никогда. Собираясь в гости к одному старому французскому аристократу, с которым мы раз в неделю читаем вслух французские книги, я решительно надела буденовку, хотя погода стояла солнечная. Для самоободрения, я даже напомнила себе о казахах, которые даже в жару носят войлочные шапки.

В метро пожилая арабская женщина с расписными ладонями и в расшитом халате посмотрела на меня на всякий случай осуждающе и строго. Она почуяла во мне соперницу с моей непонятной остроконечной шапкой с красной звездой. Ее религиозный шарм поблек перед моим шармом – национально-историческим. Остальные пассажиры дремали, устало отведя глаза, как всегда, подальше от посторонних взглядов. Я сидела с вызовом, понимая, что самое лучшее в моем перформансе - быть невозмутимой, как модель на подиуме, даже если на ней - одни кружевные стринги, хоть и украшенные бриллиантами. Не скрою, что меня интересовала реакция окружающих на мою буденовку, но признаваться в этом я не должна была никому. Даже себе самой.

Через несколько станций, немного привыкнув быть в буденовке на людях, я расслабилась и немного задумалась о своем. Как только это произошло, и я перестала контролировать обстановку вокруг себя, сразу же взгляды всего вагона притянулись к моей персоне. (Французы никогда не позволят себе в открытую рассматривать человека, но стоит ему заснуть нечаянно в поезде, например, или впасть в глубокие раздумья, - никто не откажет себе в удовольствии внимательно, с жадным любопытством быстро рассмотреть своего попутчика).

Мне удалось поймать незабываемые открытые взгляды, в которых сквозило даже что-то от ностальгии по романтическим временам, когда на земле носили вот такие шапки. Входили новые пассажиры и, попадая в струю всеобщего внимания, направленную в мою сторону, люди на мгновение забывали о хороших манерах, засмотревшись на русскую шапку с красной революционной звездой.

Один отчаянный арабский парень, раскуривая гашиш на последнем сиденье, вдруг ни с того ни с чего предложил мне покурить вместе, приняв меня за хиппи.

Добравшись до уютного двухэтажного дома своего знакомого, я поняла, что я совершенно не устала от всеобщего внимания. Как-то будто моя буденовка передала мне часть своего революционного равнодушия ко всяким буржуазным штучкам. В том числе к впечатлению, которое она сама производила на окружающих.

Открыв дверь, Боб присвистнул от восторга и едва дождавшись, пока я войду в дом, попросил примерить буденовку возле огромного семейного зеркала над камином.

Эта просьба «Дай померить, пожалуйста» - стала неотъемлемой частью моей буденовки. Мало-мальски знакомые люди просят примерить и затем засматриваются в зеркала, пытаясь реализовать себя в невиданном облике.

Бутик Сони Рикель, расположенный на самой дорожной улице нашего города привнес в мои деканданстские витрины. В этих странных одежках на пластиковых манекенах воплощен был женственный протест против самодовольной буржуазности и свежее идею. Но продавщица, с дежурной улыбкой предложившая свои услуги и бросившая оценивающий взгляд на мою одежду, была буржуазкой чистой воды.

Как мне надоели эти продавщицы, с их приклеенными улыбками, и быстрыми взглядами, не хуже любого рентгена просвечивающими внутренность вашего бумажника и названия банковских карт.

Ах, так! Я достала из рюкзака свою буденовку и поправив перед зеркалом волосы, надела ее на себя. Хотите верить, хотите нет - все изменилось. Изменилась обстановка, изменилась продавщица, потому что изменилась я сама. Из потенциального бумажника я стала личностью, которая высится над гранью простенькой и быстрой оценки. Я стала творческой женщиной, которая ищет чего-то невысказанного и небанального в жизни. И у опытной продавщицы хватило тонкости понять это. И отвязаться от меня. Она просто с человеческим интересом посматривала на меня из-за дальних вешалок, не мешая мне рассматривать, мерить, обдумывать. Но я, отвоёвав пространство, не стала злорадствовать или слишком радоваться своей победе - да и зачем мне это. Я просто позволила себе забыть о ее существовании.

Князь Голиков в буденовке

Немного опаздывая на интервью к потомку русских князей Голиковых, я нервничала - аристократ все же. Но Александр Голиков оказался человеком смешливым, необидчивым и очень разговорчивым. Он показал мне фото своего деда, который был капитаном броненосца Потемкин и во время знаменитого матросского бунта в 1905 году был убит матросом Матюшенко. Потом мы пили чай, и потомок русского княжеского рода рассказывал о жизни своей семьи в эмиграции во Франции, переходя с русского на французский или называя магазин лавочкой, а самолет аэропланом. Я попросила его сфотографироваться, а он, после величественных снимков на фоне роскошных, но немного помпезных интерьеров своей квартиры, попросил снять его в буденовке. Просто так – на память. Я полусерьезно сказала, что снимок потомка капитана Голикова в буденовке может стать историческим событием и знаменовать собой прощение от потомков русских белоэмигрантов всем матросам и пролетариату России. Александр кивнул головой: «Окей». Желание сняться в буденовке оказалось сильнее всех исторических обид...

Русская эгоцентричность - вещь тяжелая

На ежегодный прием в одной крупной архитектурной фирме я пришла в нормальной одежде для раутов. Было достаточно однообразно - архитектурный народ, обессиленный постоянной работой на износ в условиях жестокой конкуренции, постепенно напивался, как вдруг в голову мне пришла

сумасшедшая идея. Идея была на самом деле сумасшедшая! Потому что - скажем честно - мало у кого хватит куража надеть буденовку посреди ночного банкета. Я достала из своей сумки случайно прихваченную буденовку - просто в одно время я не расставалась с ней, обвиняемая своими домашними чуть ли не в идолопоклонничестве - и надела ее перед публикой.

Люди отреагировали по-разному - самой частой реакцией было мрачное пьяное любопытство, с попыткой познакомиться поближе, в этом кадре мой жизни я последний раз была в буденовке на людях. Потому что - как бы это сказать - слишком уж много эгоцентризма появилось в моем жесте: достать буденовку. И бац - я самая крутая.

Какими-то смещенными персонажами становились окружающие, не зная, как реагировать на этот шапочный перформанс. Вполне прочувствовав в тот раз свою эгоцентричность - обратную сторону эмигрантских комплексов, я как-то перестала нуждаться в буденовке - ее было все-таки слишком много уже - и теперь она мирно почует вместе с другими шляпами, шапками и шарфами в моем шкафу.

Татьяна МАСС Франция 2005 г

Витас Новоселов (Вологда)

КАРТЫ ЛЕГКИЕ

Закончив очередной сезон в Москве, я в конце августа отправился на Южный берег Крыма, а там, освоившись, заглянул в поликлинику. У меня было легкое недомогание.

Вальяжный врач закрепил на лбу рефлектор, сделал тщательный осмотр носовых пазух, задал несколько уточняющих вопросов и вынес лаконичное заключение:

- Опухоль.

Оглушительные диагнозы доходят не сразу, да и я к тому времени расслабился, побывав в летнем театре на берегу моря, где любой посетитель настраивается на беспечный, праздничный лад, встретив знакомого местного литератора и приятно проведя с ним вечер в кафе. На смену бесконечному столичному напряжению пришел курортный покой, поэтому ответ мой специалисту получился легкомысленным:

- Ну что ж, закончу отдых и на Севере обследуюсь.

Врач посмотрел на меня внимательно.

- Если задержитесь здесь, солнечные ванны вам не показаны... я бы так не смог.

Тут уж у меня шевельнулась в груди тревога.

- Скажите, доктор, часто ли такие опухоли оказываются злокачественными?

- Примерно в половине случаев.

Надеюсь, лицо мое после этого изменилось не сильно.

Я вернулся на квартиру, все обдумал и

почувствовал серьезность своего положения. А следующий день встретил в вагоне поезда. Делая пересадку в Москве, разыскал на Арбате Викторию.

Она удивилась:

- Что с вами, Ардальон? Вы сейчас должны быть в Крыму.

- Виктория, не буду рассказывать подробности мне тяжело, неприятность со здоровьем, срочно еду домой. Раскиньте, пожалуйста, карты.

- Сейчас, сейчас!.. Да, какое-то серьезное испытание. Однако продолжим. Снова неважный знак - он усилил значение предыдущего - опасность для жизни. Но будем смотреть дальше.

Она стала ронять карты, потом справилась с собой, и, наконец, близко выпала десятка червей.

- Ваша десятка, голубоглазый принц! -

воскликнула моя подруга. - Этот знак говорит, что жизнь победит. Еще на милуетесь со своей Ангелиной! Как она, маленькие-то города Италии уже объездила?..

Виктория сделала три контрольных расклада и окончательно развеселилась: сочетания повторились один к одному. Она замурлыкала: «Карты легкие лягут, как веер»...

Я попрощался и, успокоенный, поехал на вокзал. А к ней обратился не случайно: наша практика показала, что прогноз на текущие события легче получить иногда не по линиям рук, а на картах.

В течение двух недель - возвращение домой, неспешное обследование - я находился в особом состоянии, где-то на станции пересадки между этим миром и тем. Слова Виктории уже стали терять силу, и маленькие радости жизни больше не согревали меня. Чем бы ни занимался, в сознании навязчиво всплывали мысли: кому это нужно?.. Зачем?.. У меня нет главного - перспективы.

Однако умереть так рано!..

Я забыл, что смерть всегда приходит рано и не вовремя. Ну почему не обратился к врачам полгода назад, когда впервые почувствовал что-то не то?.. Бесконечные и безответные «почему». А ведь окружающие отнесутся к моей смерти спокойно, примерно так же относились и я к уходу других.

Пребывание в больнице затянулось. Мой лечащий врач уехала на конференцию. Последние дни она была занята - передача больных другому доктору, сборы в дорогу, - и мы не попрощались. Как оказалось потом, мой решающий анализ быстро поступил из лаборатории и был подклеен медсестрой в историю болезни, но у преемника нагрузка резко возросла, и до такой «мелочи» руки не дошли. Мне же его молчание показалось многозначительным.

Конечно, можно было поинтересоваться своей судьбой, но я уже боялся заключения - пусть лучше будет неопределенность. Короче, я запутался и дрогнул. Только когда, измученный, придумал на будущее «эстетичный» и безболезненный способ самоубийства - не агонировать же под наркотиками, - мне стало полегче.

К вечеру меня отпускали из отделения. Приехав домой, я выпивал бокал мадеры и читал русскую классику. Большой двухтомник Чехова в оранжевом переплете и южные вина скрасили мне жизнь, но как будто дьявол нашептывал: «Это твое последнее приобщение к великой русской литературе. Оно несет наслаждение, но имеет ли смысл?! Пустое занятие, впереди прах».

А по утрам я возвращался в красивое белое здание самого угрюмого в городе стационара. Осеннее солнце почти не грело, и ветерок прощально

сметал по асфальту сухие листья.

По-настоящему отвлекало только сочинительство: в больничной палате я много писал. Оно смягчило мои переживания, помогло сохранить достоинство и внешнее спокойствие: лишь изредка в сознание вырывалась мысль: успею ли закончить книгу?

Наконец приехала с конференции лечащий врач и объявила: «Рака у вас нет. Есть небольшая доброкачественная опухоль, с ней мы справимся», - и дала мне как доктору полистать историю болезни. «Ну как обидишься на нее, такую красивую и умную? У нее же, говорят, золотые руки. А весть, которую она принесла!..»

Я шел домой. Вечернее солнце било в глаза. Ветерок подгонял желтые листья. Они останавливались у моих ног и не двигались дальше, к следующему шагу набегали новые и тоже замирали. Я оглянулся и увидел на асфальте узкую ленту своего пути. Кто-то, радуясь, меня встречал.

Екатерина ТУШКОВА (Сыктывкар)

ПУТЬ САРЫ

Сара шла с задумчивой улыбкой. Что же, значит так предначертано - быть женой двух мужей. Любить двух разных мужчин, разделяя с каждым половину ложа. Днем - одну половину, ночью - другую... Сара шла, распустив по плечам длинные темные волосы, и в черных глазах ее мерцали вечерние огни.

У Сары не было выбора. Любовь мужчины требовалась ей даже больше, чем вода, воздух, еда и сон. Она готова была не смыкать глаз круглые сутки, лишь бы знать, что рядом с ней ОН. Тот, кто ее любит. Поэтому ее жизнь состояла из мужчин. Мысли о мужчинах, разговоры о мужчинах, стихи и даже молчание - все о них. Сара везде и всюду видела их глаза. Они всегда смотрели на нее и заставляли тихо улыбаться. Глаза Иохима, глаза Сехмета... Они смотрели на нее из прошлого и настоящего, они смотрели на нее все время, так, что она никогда не чувствовала себя без внимания.

Иногда, в редкие минуты, когда Сара оставалась наедине с собой, мужчины ее жизни, как молчаливые слуги, выполняли все ее желания. Они танцевали с ней, подносили ей кофе и сладости, они целовали ее, пели песни, признавались в любви. Это происходило в голове Сары, и внешне никто не нарушал ее одиночества. Но если бы в один страшный миг это одиночество вдруг стало бы полным, абсолютным, внутри и снаружи, Сара сошла бы с ума.

Мать Сары Мария предупреждала ее, что любовь - сильная привязанность к другому человеку, часто совершенно чужому и ненужному. «Ты будешь похожа на собаку, которая всюду скитается в поисках хозяйина, - говорила старая женщина молодой, - поэтому никогда не позволяй

мужчинам занимать слишком много места в твоём сердце. Будь как я». Но сердце дочери не слушало слов матери. Сердце верило только словам мужчин и не терпело лживых нравоучений. А мать Сары лгала. Много лет назад она была такой же красивой и желанной, как ее дочь. И так же доверяла многочисленным глазам, смотревшим на нее с радостью и вожделением. Она шла за этими глазами, как за болотными огоньками, то в одну сторону, то в другую, пока окончательно не сбилась с пути. И когда у нее родилась Сара, красивая, но бесконечно одинокая Мария осталась совсем одна. Мужчине не нужна была мать чужого ребенка. Да и что-то сломалось в душе самой матери: исчезла легкость, беззаботность, детская невинность, на которую так падали мужчины. Взгляд Марии стал тяжелым, руки и груди высохли, в густых волосах появилась седина. Теперь стареющая нимфа с ужасом и тоской наблюдала, как в море мужской любви и ласки утопает ее дочь, как она медленно и верно идет ко дну.

А Сара шла быстро, выбивая каблуками ритм своего маленького сильного сердца. Водители сияющих машин сигналили ей, пешеходы оглядывались в след или пытались заговорить. Она была как комета на вечернем небосводе, и за ней мчался хвост восхищенных мужских взглядов. Сара думала о Сехмете. Этот человек парализовал ее своей волей. Ему одному она позволяла делать с собой все, что тот пожелает. Он мог ударить ее, мог обмануть, мог просто не открыть дверь, когда она приходила. А она могла сесть перед этой дверью на колени и ждать терпеливо, когда хозяин простит ее и позовет. Что было в этом человеке такого, чего не хватало Саре в других мужчинах? Она не могла объяснить даже самой себе. Что-то очень животное и вместе с тем настолько трепетное, что душа Сары каждый раз падала в бездну, стоило Сехмету прикоснуться к телу Сары. Нет, Сара совсем не была глупа, она прекрасно понимала, что Сехмет пользуется своим могуществом и превращает ее, всегда свободную, в рабыню. Но ночь от ночи, проведенных в объятьях Сехмета, молодая женщина отличала, как драгоценные камни - по степени совершенства. И - это было чудо! - рубины любви сияли все ярче, и уже Сара оказалась вся в сиянии нескромного торжества земной страсти.

Тогда зачем Саре нужен был Иохим? Потому что с ним Сара могла быть другой. Иохим боготворил свою маленькую черноглазую красавицу, он каждый раз плакал, глядя, как она уходит в сумерки из его тихого и уютного дома. И каждый раз он проклинал себя, что не может дать Саре то, что она просит. А Сара ничего не просила. Она растворялась в любви Иохима, как мед в теплом молоке. Она лежала у него на коленях, когда он гладил ее длинные волосы, и смотрела перед собой, ни о чем не думая и ничего не чувствуя. Ей было так хорошо и спокойно с ним, что Сара хотела бы навсегда остаться в доме Иохима. Она желала бы провести здесь всю жизнь и умереть счастливой. Но только сгущались сумерки, нежные руки Иохима превращались в скользкие плети, а сладкие поцелуи вызывали отвращение. И Сара бежала от наскучившего любовника прочь по улицам города, ловя воздух свободы жадными ноздрями. И летящие навстречу горящие глаза других мужчин возвращали ей жизненную силу.

Вот и сейчас Сара чувствовала себя птицей Феникс, возрожденной из пепла страсти. Ее красное платье развевалось на ветру, растрепанные поцелуями Иохима губы освежал морозящий дождь. Ей казалось, ее никто не остановит, потому что все выросло и пространство

принадлежало только ей, ее чувствам и мыслям, ее жгучим желаниям, которые вновь вырывались из молодого, кипящего жизнью сердца. И тут она чуть не упала, потому что кто-то крепко ухватился за край ее красного платья.

Перед Сарой стоял маленький бродяжка, чумазый малыш с чистыми и прозрачными, как морозное небо, глазами. Он попросил у Сары милостыню. Еще думая о предстоящей ночи, совсем не готовая к встрече с кем-то, кроме нового прекрасного мужчины, Сара рассеянно спросила:

- Как зовут тебя, мальчик?

- Иса, - ответил нищий.

- Иса... А где твои родители? – Сара подумала, что родители бродяжки дали ему слишком громкое имя

- Они больны и не могут прокормить меня. Ты сможешь мне?

Сара нахмурила изогнутые брови, печально улыбнулась и ничего не ответила. Да что она могла ответить, а тем более дать этому мальчику? Свои мечты о мужчинах, одну из пар вожделеющих глаз, которые преследовали ее повсюду, даже в мыслях? Нужна ли Исе такая милостыня? А, может быть, бродяжке надо дать денег? Но даже денег не было у Сары. Она все потратила на свои желания – на красивую одежду, на роскошную прическу, на дорогие ароматы, которые кружили голову всем ее избранникам, на многочисленные браслеты и кольца, украшающие ее нежные руки.

- Извини, но у меня ничего нет... - прошептала Сара.

- Так значит, ты так же бедна, как и я? – изумился Иса

- Нет, что ты, - возразила женщина, - у меня все есть... Но я все равно не смогу помочь тебе сейчас.

Мальчик печально опустил голову и отошел. Сара побежала дальше, но шаги ее были уже не так уверены, как прежде. И она не смотрела по сторонам, не ловила взгляды и улыбки. Сара думала. Впервые за много дней не о мужчинах, нарядах и поцелуях. Она думала о детях, которые могли бы у нее родиться. Она знала, что многие мужчины хотели бы от Сары детей. Например, Динар. Или Малик. Или Иохим. Но не Сехмет, конечно. Он ненавидел детей и больше всего на свете боялся, что кто-то из его женщин сделает его отцом. Сара тоже боялась иметь детей. И в этом они были схожи с Сехметом. Сара помнила слова своей матери о том, что дверь клетки закрывается навсегда за спиной кротительницы тигров, если та вдруг забывает осторожность. Поэтому Сара была осторожна, она боялась клетки, поэтому предпочитала играть с тиграми без риска для своей свободы. Порой она даже оправдывала тех женщин, которые отдают своих новорожденных детей в приюты, или вовсе выбрасывают на улицу: младенцы требуют столько любви, что просто неясно, где ее взять. Если Саре не хватало любви всех ее мужчин, а их было немало, как она сможет дать маленькому созданию то, что сама не имеет? Нет, она никогда не сможет! Ее прекрасные груди не созданы для того, чтобы обвиснуть от переполнившего их молока, ее тонкая плоть никогда не посвящает себе и своим мечтам, никогда не кончится, его не отнимет кричащее, требующее неотлучного внимания существо! Женщина ужасалась этим мыслям, но еще больше ее пугала другая жизнь, без свободы и любви.

Сара не заметила, как дошла до дома Сехмета. Он встретил любовницу почти равнодушно, но его горячие пальцы, которыми он коснулся щеки Сары, мгновенно заставили ее пылать.

- Ты пришла от Иохима? – спросил Сехмет.

- Да, - Сара слегка покраснела, - хочешь, я не буду больше к нему ходить...

- Меня это не волнует, - ответил Сехмет, - только

на твоём лице сегодня тень. Он обидел тебя?

- Что ты, он на это не способен. - Сара улыбнулась. - в обидах тебе. Сехмет. нет равных. Причина другая - я встретила на улице маленького бродяжку по имени Иса. Я не смогла дать ему милостыню, и это расстроило меня.

- Ах, опять это маленький попрошайка! – Сехмет расхохотался. - Вчера он бросился под колеса моей машины в надежде, что я дам ему денег. Жаль, что я не раздавил его, потому что в этом случае он не стал бы сегодня досаждать тебе!

- Как ты можешь? – возмутилась Сара – Ты, сильный мужчина, зачем тебе нужно обижать ребенка?

- Но ты же знаешь, я ненавижу детей.

- За что?

- Подумай сама: на свете очень много людей и очень мало счастья. Чем больше нас становится, тем меньше внимания жизнь уделяет каждому из нас. К тому же, моя женщина не должна выглядеть брюхатой самкой.

- У тебя так много женщин, что хотя бы одна из них могла бы... - и Сара осеклась: Сехмет смотрел на нее очень внимательно.

- А не хочешь ли ты сказать...

- Нет, - ответила Сара поспешно, - я не хочу от тебя детей, и у меня их, наверное, не будет никогда. Просто этот ребенок напомнил мне меня. Он так же просит любви и внимания к себе от всех встречных, как прошу его я от тебя. И сколько бы ты или Иосиф, или кто-то другой не давали мне этого внимания, мне все равно мало.

- Ну что же... - Сехмет пожал плечами – Я так и думал. Ты - алчная охотница за любовью. Ненасытная плоть. Внутри тебя пустота. Но не такая, как у всех женщин – временная, заполняемая мужчиной или ребенком, а бесконечная, ничем не заполняемая пустота. Таких как ты используют в магических ритуалах для вызывания дьявола. Такие, как ты, нужны мне. Чтобы сбрасывать в ваши пропасти свою силу.

Сара молча слушала Сехмета. Он стоял перед ней, почти обнаженный и красивый, как бог. И говорил, как дьявол: каждое его слово падало камнем в душу.

- Ты никогда не заполнишь свою пустоту, - продолжал любовник Сары, - и со временем она поглотит тебя целиком. Ничего твоего в ней уже не останется: ни мысли, ни желания, ни слова. Ты станешь заложницей своей неукротимой жадности, ты уже заложница. И никто, кроме меня, не сможет тебе помочь.

- Кроме тебя?... – эхом отозвалась Сара

- Да! – Сехмет посмотрел на женщину всепобеждающим взглядом – я могу тебе дать столько любви, сколько не даст миллион обычных мужчин. Потому что я один знаю, какая ты и что тебе нужно. Я один могу любить тебя так долго и так часто, что ты начнешь молить меня о том, чтобы я оставил тебя. Но только я отойду, ты поползешь на коленях, умоляя взять тебя снова. Я один сделаю тебя счастливой. Но не так, как мечтаешь ты. Я обуздаю твою распутную плоть и заточу душу в тюрьму бесконечной страсти ко мне одному. Ты будешь сходить с ума, лишь заслышав мои шаги, и ты сойдешь с ума в конце концов от той любви, которую я дам тебе.

- Сойду с ума? – Сара почти потеряла сознание. – От любви?

- Да, - Сехмет наслаждался каждым сказанным словом, - ведь ты поймешь, что не сможешь уйти от меня, потому что я отнял у тебя все: молодость, красоту, свободу, жизнь. И я брошу тебя, как только ты поймешь это!

Голос Сехмета был подобен ударам грома. И даже когда он стих, то отдавался внутри Сары

болезненным злом.

- Я ухожу от тебя. - вымолвила женщина, преодолевая боль и страх.

- Уходишь? Сейчас, ночью? – Сехмет смотрел на нее как на загнанное животное. - Тебе некуда идти, у тебя нет своего дома.

- Это не так страшно, как оставаться с тобой. - Сара готова была броситься в ледяную воду и плыть через океан, спасая себя от этого мужчины.

- Ты боишься правды, Сара? – он приблизился к ней на расстояние поцелуя – Но еще вчера ты была готова броситься в огонь ада вместе со мной.

Сара молчала. Она закрыла глаза, чтобы не видеть красивое и злое лицо любовника. Ее тело все еще жаждало биться в одном ритме с его сердцем, но душа уже не выносила этой дьявольской пляски.

- Уходи, - мрачно сказал Сехмет, - сейчас ты меня раздражаешь. Вернись завтра ночью, когда действительно захочешь меня.

И он выставил женщину за дверь. Сехмет сделал так не в первый раз. Но тогда это была любовная игра в хозяина и рабыню, сейчас же Сара не желала быть рабой Сехмета.

Город заливал дождь. Сара шла в мокром платье, волосы прилипли к спине. Она возвращалась к Иоахиму. Только он один ждет ее и день, и ночь, но ночь никогда не приводила ему Сару.

Сара не видела ничего перед собой, она двигалась словно наощупь, как будто в ее душе выключили свет и от этого померкло в глазах. Поэтому она не заметила, как натолкнулась на какого-то человека.

- Женщина, ты ударила меня, - жалобно сказал нищий старик, - Смотри, куда идешь.

- Извините, - ответила Сара и хотела идти дальше, но старик схватил ее за платье.

- Может быть, дашь мне денег? Я ничего не ел весь день, а у тебя на руках дорогие браслеты.

- У меня нет денег, - отрезала Сара, - отпусти мою одежду.

- Хорошо, мне не надо денег. Но позволь дать тебе совет, - нищий разжал грязные пальцы, оставив на платье Сары черные пятна, - не раздавай кому попало самое дорогое, что у тебя есть.

- Что это значит? Зачем ты морочишь мне голову? – наглый старик вызывал у Сары только злость.

- Ты очень богата, дочка, - нищий погладил ее по руке, - иначе я не подошел бы к тебе. Ты вся в золотом свете, как самородок. Мы, бедняки, видим таких издалека. Но денег у тебя и правда нет. Зато у тебя есть любовь. Много любви, так много, что ты не знаешь, куда ее деть.

- Ты лжешь! – рассмеялась Сара ему в лицо. – У меня нет ничего, даже того, что ты называешь любовью. Я пустая, я – дыра, горшок без дна, который невозможно наполнить. Все, что у меня осталось – зло и боль, и эти украшения, которые я завтра продам, чтобы самой не оказаться на улице.

- Это ты лжешь, - спокойно ответил старик. – Вернее, лжет тот, кто внушил тебе эти мысли. Скажи, это был человек? У него есть имя?

- Сехмет... - выдохнула женщина.

- Сехмет... - повторил старик – он так себя называет. Что же, он тебя обманул. Впрочем, как и всех.

- Всех? Кого?

- Нет, я не знаю их имен. Даже твоего я не спросил. Но ты не первая, кого я встретил. Ведь ты видела Ису?

- Маленького бродяжку? Это твой сын? – Сара отшатнулась от старика – так вот кто заставляет малыша просить милостыню!

- О, как бы я был счастлив, если бы он был моим сыном! Но это не так. Иса необычный бродяга. И подходит он только к тем людям, у кого душа особая. Или очень черная, или очень светлая. Да, он ведь даже деньги, которые ему дают, не берет. Ты заметила?

- Мне нечего было дать, - ответила Сара тихо.

- А, ну понятно. Это даже хорошо, потому что ты не обидела его мелкой монетой, а признала свою бедность.

- Я не признала.

- Тогда почему ты здесь? – старик прищурил глаза, чтобы дождь не стекал в глубокие морщины под ними.

- Я ушла от Сехмета. Он сказал, что я – бездна и сойду с ума.

- Он сказал... Почему вы всегда слушаете его? Да, он умеет говорить. Его слова могут быть слаще сахара и горче яда. И быть прекрасным или ужасным ему так же просто, как сменить маску...

- Почему ты говоришь, словно знаешь Сехмета?

- А кто же его не знает? Сехмет может встретиться на пути каждого человека, и мужчины, и женщины. Для кого-то он будет любовником, для кого-то другом и братом, но лучше, если он будет заклятым врагом.

- Он – дьявол? – Сара не верила своим ушам.

- Называй его как тебе спокойней. Пусть и так. Но он предпочитает брать себе человеческое имя. Ты знаешь, как его зовут сейчас.

- Но если Сехмет – дьявол, кто же меня спасет?

– Сара подняла глаза к небу – шел беспросветный дождь

- А ты и не заметила, как тебя спасли, - ответил старик, зябко кутаясь в лохмотья

- Кто?

- Мальчик, который ухватил тебя за платье.

- Иса? Он?!

- Он или ты сама – я не стану утверждать. Может быть, Иса встретился с Сехметом, так же неожиданно, как с тобой. Этот мальчишка любит маскировать все под случайные обстоятельства.

- Да, да! Сехмет сбил его вчера своей машиной и очень жалел сегодня, что не насмерть...

- Ну, что дальше продолжать? – нищий тяжело вздохнул, он заметно устал. – Теперь тебе все ясно. Благодарю Ису...

- Я хочу его видеть! Отведи меня к нему! – теперь Сара ухватилась за старика, словно требовала милостыню.

- И что ты ему скажешь? Спасибо? – голос старика дрогнул от сдержанного смеха.

- Я... Я буду служить ему. Я пойду с ним. Я оботру его ноги своими волосами...

- Нет. – нищий отстранил Сару. – Ему это не нужно от тебя. Каждому свой путь. Просто теперь ты все знаешь. А значит, иди прямо и не блуждай.

Нищий сделал вид, что все сказал и собрался уходить.

- Постой же, - Сара остановила его, - если ты так много знаешь, скажи хотя бы, что со мной будет теперь.

- Хм, - нищий хитро погрозил пальцем, - не думаешь ли ты, что я уподоблюсь Сехмету и нарисую перед тобой будущее? Даже он не сказал тебе утешительных слов, а я и вовсе ничего не скажу.

- Но мне некуда идти. Я одна и пропаду. Не лучше ли, если Иса скажет мне что-нибудь важное? Ведь он для чего-то спас меня.

- Он спас тебя для себя самой и еще для нескольких человек, - нищий вдруг стал растворяться в дожде, словно нарисованный акварельными красками. - ты знаешь, куда тебе идти. Просто иди.

Сара осталась одна на дороге. Город был похож

Юрий ТОБОЛЬЦЕВ (Москва) ЕДУ В ЛИФТЕ

на безлюдную пустыню. Сара подумала о матери. Не к ней ли она должна идти? Но сердце почему-то не отозвалось. Мать не нуждалась в дочери с тех пор, как перестала беспокоиться о каждом ее шаге. Она отпустила маленькую Сару в большое плавание и напряженно думала теперь о своей судьбе, прожитой уже, но еще не законченной.

Так кто, кто ждет появления Сары сейчас, среди ночи, куда ей идти?

- Иохим, Иохим! – почти закричала Сара, ведь она шла к нему.

Иохим открыл ей дверь, едва она дотронулась до нее рукой.

- Я пришла пожелать тебе доброй ночи, – сказала она

- Доброй ночи, Сара – отозвался Иохим.

В глазах его сияли огни.

Ранней весной Сара не спеша шла по залитой солнцем городской улице. Под сердцем она несла любовь. Прислушиваясь, как она растет внутри нее, как движется в ожидании появления на свет, Сара забывала обо всем. Ей не нужны были украшения и платья, взгляды и улыбки, хотя именно теперь мужчины с искренней добротой глядели ей вслед. Красивая беременная женщина шла по дороге навстречу своему мужу.

- Иохим, у тебя будет сын. - сказала она, когда он взял ее за руку, - мне сегодня снился сон, а теперь и врач сказал об этом.

- Сын! – Иохим смотрел на свою Сару так, будто она вся оказалась в луче света.

- Давай назовем его Иса, - попросила Сара, - Так зовут одного хорошего человека.

Сыктывкар

Раньше я жил в хрущевке, на последнем этаже. За последние полгода или год у меня почему-то поменялось ощущение времени.

Неужели это связано?

С тех пор, как мы переехали, в моей жизни появился лифт.

То, что раньше я планировал сделать за неделю или за месяц, теперь мне кажется столь смутным и неопределенным, а осуществление моих планов представляется мне таким расплывчатым и неясным во времени, что теперь я вообще ничего не планирую.

Раньше, поднимаясь на пятый этаж, я всегда подводил итоги, думал о пережитом, планировал. Теперь же время, которое раньше я считал днями или часами, в моем сознании не фиксируется даже месяцами.

Раньше, спускаясь на улицу, я всегда сопоставлял этот день с другими, проходя каждый новый этаж, вспоминал о сделанном, с легкостью и уверенностью шел по ступенькам вперед - совершать новые подвиги, творить свою жизнь.

Теперь время летит в сотни раз быстрее, чем раньше, а толку от этого времени, дел, которые я успеваю сделать за это время - в сотни раз меньше. Лифт за долю секунд поднимает меня домой и спускает на улицу. Я не успеваю ничего обдумать, вспомнить, запланировать.

У меня уже даже изменился взгляд на свое будущее. Я уже не знаю, что будет завтра. Я уже ничего не хочу, потому что хотеть - это значит планировать, а планировать - это распределять что-то во времени. Но время проходит так быстро, что я никогда ничего не успеваю.

В замкнутом лифтовом пространстве, стоя неподвижно в четырех стенах, чувствуешь себя как-то неуютно, взаперти.

Время мое летит умопомрачительно быстро и так же умопомрачительно бесполезно. Но мои интересы как были, так и остались прежними, как и пять, как десять лет назад. Но почему тогда моя жизнь не соответствует моим интересам?

Почему так получилось, что живу я теперь, хоть и снова на последнем этаже, но уже в двенадцатизэтажном здании и уже нет возможности, как раньше, пользоваться лестницей?

Скитания по социуму ночи

Вечер был на подходе, и нужно было решать, куда идти. Пятница-тусим, суббота днем-спим, суббота - тусим, воскресенье днем – спим – такой привычный график ожидал нас в эти выходные. Была обычная рядовая клубная пятница, хотелось же чего-то особенного. Нормальная вроде вечерина намечалась в Мио, но нас было много, и всех могли не пустить.

Отправились в Эстакаду. В клубе прибавилось неадекватата, крутили какой-то попсовый музон, было много неформатных людей, зато народу было масса.

- Опять слишком много неправильного народа, – возмутился Вадим.

- Надо же колхозникам где-то отдыхать, – сострила Светлана.

- Но прут ведь целыми аулами.

- В прошлом году я замучилась здесь отшивать одного парня в спортивном костюме а ля адидас с черкизовского рынка.

- Не понимаю интереса приходить в отстойник каждый год и убеждаться вновь и вновь, что ничего не изменилось.

- Но ты, кажется, сам сказал, что в Мио мы фейсовый

контроль не пройдем.

На этой печальной ноте у нас, как всегда не вовремя, кончилось пиво. Непонятно, каким образом, но в Эстакаде оказались постоянные тусовщики из Пропеганды, Саша и Слава, знакомые Вадика.

- Что вы тут делаете? – удивилась Света.

- Смотрим, как ты безуспешно снимаешься.

- Очень остроумно. Послать бы тебя покрасивее.

- Ладно, не обижайся, пойдем сыграем партию в бильярд.

После бильярда Вадик продолжил начатый со Светой разговор.

- Мио сам по себе очень специфический клуб. Туда вообще непонятно кто ходит и не понятно, как работает фэйс. И зачем вообще говорить про то, что, вот я, весь из себя такой красивый, а меня не пустили... Ну подумаешь. Они в конце концов больше потеряли, что не пустили тебя.

- Значит ты не в формате этого заведения... а следовательно, это заведение не в твоём формате..

- Вообще я клублюсь со времен Птюча, и меня редко куда не пускают, – похвастался Вадик.

- Тогда ответь, почему девушки боятся подходить к молодым людям? – видимо, по причине передозировки спиртного, поинтересовалась Соня.

- С чего ты взяла... я вот не боюсь, – возразила Света, – наоборот, это молчелы боятся подходить первыми. Один раз мальчик мне даже признался, что боится, что ща выйдет дядя и накостыляет ему за то, что он со мной общается...

- А иногда они просто смотрят-смотрят, уже почти подходят и в последнюю минуту передумывают. В общем, не поймёшь вас... то слишком наглые, то стеснительные или какие там? Вот Вадик, если ему понравилась девушка, обычно действует без замедленки.

- Обычно молодые люди слишком заняты, чтобызнакомиться с каждой симпатичной девачкой, – смутился от такой характеристики Сони Вадик и предложил тусануть в Винигрет: - Щас в Винигрете самое время. Можно еще и чайную церемонию заказать или кальян покурить и поваляться.

- Что-то тебя периодически клинит кальян. Там танцпол маленький, – сказала Соня. Она познакомилась с танцором из Славы и категорически отказалась куда-либо ехать.

В начале третьего нам позвонил куда-то девшийся Павел и заявил, что сестра его друга «утащила его в сторону хаты».

Народ постепенно рассасывался, оставались тока самые расколбашенные, и мы даже уже привыкли к разношерстной публике Эстакады.

В итоге ночь прошла ударно, Светка с Вадиком зажидали на танцполе, а Соня зависла со своим танцором в чилауте.

<http://u-too.narod.ru>

Дебри ночных тусовок

- У ты есть знакомые диджеи?

- Щас каждый второй dj, кому не лень.

- Диджеев, играющих популярную, но некоммерческую музыку, и делающих это достойно, очень мало.

- Коммерческая музыка та, которую пишут и ставят только денег ради, не задумываясь больше ни о чем..

- Просто часто диджею приходится играть то, чего от него ждут люди на танцполе, а это обычно попса...

- Кстати, завтра Napalm promotion делают закрытую вечеринку. В списках уже 120 человек.

- Что-то очень много «своей публики» нарисовалось...

- Да, старая гвардия не в том составе.

- В прошлый раз там была одна долбёжка.

- Эти товарищи примерно раз в месяц делают проекты и каждый раз у них какие-нибудь проколы.

- Я уже даже подумываю организовать свою вечеринку, а то уже ходить стало некуда. Вот dj-ев нормальных ищут.

К нам подошла Галя, и я представил ее Сергею.

- Я тебя очень много где видела!

- А ты из Инфинити?

- Я хожу в разные клубы, вот вчера один мальчик сказал, что я из Китайского Летчика, – ответила Галя.

- Я был там раз пять на разного рода тусовках. Ничего особенного.

- Идемте на улицу, – предложил я. Было лето и народ, как обычно, кучковался у входа в клуб и у соседнего макдональдза.

- Щас я стащу со сцены Светку, и мы подойдем. – согласилась Галя и побежала за подружкой.

На улице мы присоединились к компании серегиных друзей.

- Как Вам вчера Гейткрешер?

- Целый день сегодня только и слышу от всех, как там было жутко или как там было круто...

- Народу было как грязь... давка оболденная.

- А я в VIPе всю ночь тусовал. Там, кстати, такие личности были...

- А мы сбежали оттуда через час. Эти так называемые «грандиозные мероприятия» уже надоели.

Подошли Света и Галя. У Светки случилась трагедия. Ее молодой человек, неожиданно оказавшийся в клубе, во время медленного танца целовался с какой-то девчонкой. Она, конечно же, к нему не подошла, а залезла на сцену и яростно танцевала всю ночь.

Заходить обратно в клуб было уже неохота и мы ввосьмером на девятке поехали посидеть в баре.

- Кстати, я что-то не помню, куда записал твой телефон, – сказал Серега Гале, – давай еще раз координатами обменяемся.

- Ты при мне его добавил в адресную книгу своего мобильного, давай ищи.

- Бесплезно, у меня там человек двести, я уже не помню, как тебя записал. Кстати, интересная тема, у кого кто как записан в телефоне. – выкрутился из неловкого положения Сергей.

- А я лично своего последнего мол. человека даже не записывала в телефон, просто хранила смс-ку с его номерами, которую иногда случайно удаляла. И он обижался, почему я ему на домашний не перезваниваю, – похвасталась Света.

Мы стали дружно обсуждать, кто как записывает телефоны.

- У меня имя+клуб...или DJ такой-то.....

- А я натолкнулась на запись у одного парня: «шлюха1», «шлюха2».

- И у меня по имени и по клубу, или Марина - «синие лосины» или Катя «хорошо танцевала». Иногда путаюсь, кто из них кто, но при разговоре понимаю...

- В общем, 3 варианта: имя плюс пометка где познакомился, имя плюс вид деятельности, имя плюс отношение.

- Любовь зла! Запишешь и как козла!

- А мне всю равно, у кого я как записан в телефоне.

- А потом из-за этих пометок помнишь все что угодно про человека, кроме его имени.

- Я имена запоминаю, только если очень человек понравился.

- У меня в телефоне 4 Ильи и 5 Ань, причём Аня у меня вообще только одна знакомая, а с Ильями даже не помню, чтобы когда-нибудь общалась.

- Кстати, куда мы едем?

Оказалось, что Коля, как водитель, принял решение за всю компанию и отправился в Пропеганду.

- Мой любимый клуб, – обрадовалась Светка.

- Часто там бываешь? – спросил Паша.

- Уже нет, но я оттуда дебютировала в дебри ночных тусовок...

Елена ЮШКОВА НОРИДЖ (отрывок)

МИСС

Мы уже прошли паспортный и прочий контроль, сидели в шереметьевском Дюти фри, нашего народу прибывало, география расширялась. Ростов-на-Дону, Волгоград, Питер, Сибирь, Урал...

Должно было быть человек 40. Сразу же начали завязываться знакомства. Эта девчонка с первой же минуты общалась так, будто знакома с тобой уже всю жизнь.

- Она – мисс Хакассия. - потом уже сказал кто-то, гоже из Сибири.

Но красавицей особой и не показалась... Ну, высокая, стройная, но даже лица было не разглядеть из-за неустойчивой мимики...

- Все равно я туда больше не вернусь, - энергично, если не страстно, произносила она. - В Англии не останусь, так в Москву буду перебираться, мне уже там все у нас надоело. Город маленький. В Москве на работу устроюсь, тут хоть возможностей больше.

С другом, похоже, она только что рассталась, а больше ничего в родной Хакассии ее не держало.

В беседу вклинивались все новые люди. Она на всех кидалась так же радостно, будто ее кипучую энергию держали под прессом целую вечность.

Обсуждали, кто как проходил собеседование (и где), кто где учился, прежде чем попасть на эту стажировку.

Уже через несколько часов («под крылом самолета») возникли рваные берега загадочного Альбиона и разбросанные вокруг них острова и островки.

В Хитроу мы задержались надолго.

Пока всех 40 человек досматривали и пока все получали в банке деньги, мы решили с ней пройтись по магазинчикам.

- Мне нужен переходник для розетки, - сказала она, - пойдем посмотрим?

Я согласилась, потому что устала сидеть в самолете.

Мы пошли по спокойному и уютному аэропорту, заглядывая в лавки.

Первый же встречный мужчина обернулся и посмотрел нам вслед долгим взглядом. Она с ответной радостью обернулась и тоже бросила на него взгляд. И следующие двое мужчин проводили нас (или ее) восхищенными глазами.

Который-то по счету (правда, очень уж пожилой) выразил свой восторг даже словами.

Ее внутренний аккумулятор сразу подзарядился, хотя и до этого она недостатком энергии явно не страдала, и она перевозбужденным голосом сказала мне в ухо:

- Похоже, тут будет интересно!

По-английски она говорила хорошо, так как закончила иняз у себя в городе, ей это даже нравилось, и такие впечатления тоже на нее действовали очень радостно. Она вообще была за границей в первый раз. Сами магазины ее тоже впечатлили...

Мы нашли наконец ей переходник, заглянули в кафешки и переместились поближе к своим, чтобы получить деньги и сесть наконец в автобус.

Мы оказались в разных группах, отчего она страшно расстроилась непонятно почему.

- Слушай, как жалко, мы бы с тобой весело бы время проводили, - с грустью сказала она на прощанье.

Хотя я человек далеко не очень веселый, но я не удивилась. Честно говоря, я тоже к ней немного уже привязалась – сибирская открытость и наивная простота мне всегда импонировали.

Два наши автобуса долго ехали, обгоняя друг друга, а через пару часов мы снова встретились на стоянке, где пошли с ней в торговый центр перекусить. Взяли кофе и аппетитные булочки и опять оказались в центре внимания, пока ели, так как разговаривали по-русски. Молодой человек за столиком напротив, похоже, просто онемел, слушая наш родной язык – даже трудно и

предположить, что же он подумал. Как я выяснила позже, некоторым британцам русский язык кажется очень грубым, а некоторым – очень сексуальным...

Она опять почувствовала себя как актриса на сцене в свете софитов...

Прошла неделя в Англии. Мы проучились целую неделю в маленьком симпатичном университете в не менее симпатичном английском городке недалеко от Манчестера. Но слухи от другой группы из самого Манчестера доходили такие, что там было в сто раз лучше и интереснее. Меня же Манчестер больше интересовал потому, что ребенок умолял меня привезти форму «Манчестер Юнайтед»... Поэтому, когда наша компания стала собираться на вик-энд в Шотландию, я уперлась и отказала себе в удовольствии посмотреть знаменитые замки.

На следующее утро, конечно, об этом пожалела. В городке без нашей громкой компании оказалось неуютно, тоскливо. Но у меня был куплен билет на поезд, поэтому я поплелась все-таки на вокзал, заходя по дороге во все магазины (а суббота – это, как я узнала потом, практически единственный шопинговый день в Англии, поэтому весь город ломился за покупками).

Не знаю почему, но я себя заставила сесть на поезд и поехать в Манчестер, опять проклиная себя по дороге – какой-то промышленный город вместо замков. Тут же утешала – что я, замков не видела что ли...

Деваться было некуда, поезд мчался по игрушечной стране с маленькими домиками в другую сторону от Шотландии... Впрочем, Манчестер тоже романтично – промышленная революция, первые фабрики, убеждала я себя.

Сойдя с поезда и выбравшись из супер-современного стеклянного вокзала, я вышла на улицу и пошла куда глаза глядят. Улица оглушила ревом толпы и страшной эмоциональной взвинченностью.

- Какое здесь безумие, - подумала я. Почувствовала себя совершенно потерянной.

Еще не зная английских нравов, я не могла понять, почему все люди толкаются на улицах. Ну а как же иначе, если у них – единственная возможность сходить в магазин, ведь в обычные дни магазины закрываются очень рано...

Слева гремел трамвай, впереди виднелась магазинны. Я зашла в первую попавшуюся дверь. Это был самый дешевый магазин с толпами перевозбужденных покупателей. Попав в толпу, я не смогла сразу выйти и стала осматривать дешевые товары, удивляясь их ценам. И вдруг...

Я почувствовала что-то странное. А странность заключалась в том, что недалеко от меня слышалась русская речь. Я повернула голову и увидела... двух ребят из второй группы.

- Привет, - сказала я им, протолкавшись через густую толпу.

Хотя они меня сразу и не узнали, но очень обрадовались.

- Слушайте, покажите мне Манчестер хоть немного, - попросила я их, - я тут совсем потерялась.

- Да без проблем, только давай сначала по магазинам немного походим.

- Хорошо, все равно у меня целый день.

Коллеги уже тащили огромные, туго набитые, пакеты. Мы с ними побродили в этом магазине, потом вышли на улицу и опять услышали своих. Нам встретилась девушка, потом еще парень, потом еще несколько девушек...

Наконец я в компании с совсем уже другим парнем из Ростова-на-Дону и с девушкой из Сибири отправилась сначала перекусить в китайский ресторанчик, а потом – посмотреть их Бизнес-школу, а по пути - и немного Манчестер.

Они, захлебываясь от восторга, рассказывали о своем университете, преподавателях, шикарном общежитии, отчего я почувствовала себя немного обделенной.

Потом рассказывали о самом Манчестере – какой это дурдом.

- Я уже заметила, прямо с первой минуты...

- Нет, ты не знаешь, что здесь творится ночью! Здесь

все колются и трахаются прямо на улицах... По ночам стоит такой шум в центре, никто здесь вообще не спит!

Потом я спросила про свою «подругу».

Они оба напряглись и промычали что-то невнятное.

Видно было, что мисс Хакассию тут не очень любят.

- Да она все мужиками занимается. Хочет англичанина какого-нибудь подцепить. - наконец выдал из себя парень. Может, имел на нее какие-то виды, а она его послала...

Девушка вообще при упоминании имени мисс недовольно морщилась.

Пришлось переменить тему разговора, чтобы не портить приятный обед в компании с чернокожим любителем России за соседним столиком и порхающих около нас китайнок.

Выйдя из кафе, мы пошли по Манчестеру, и я разглядывала эти бывшие первые фабрики, канал, ведущий в Ливерпуль, улицы, толпы народа...

Наконец пришли в общежитие знаменитой Бизнес-школы.

Парень из Ростова собирал народ, чтобы пойти в бассейн, я заглянула к девчонке в номер посмотреть, как они живут. Народ откуда-то узнал, что я тут появилась, все стали выползать из номеров, радостно и громко меня приветствовать.

На шум голосов открылась еще одна дверь, и оттуда высунулась мокрая голова моей «подруги».

- Ой, привет! - радостно завопила она. - Подожди меня, я в душе! Я тоже с вами пойду.

Мы ее подождали и поехали вниз на лифте.

Она рассказывала про свой сегодняшний шоппинг, просто вытаращив глаза:

- Девчонки, тут трусыя по фунту, представляете? И такие классные стринги! Представьте, у нас бы такие за полтинник! У нас и за триста не купишь нормальных... Я белья столько накупила...

Девчонки странно на нее посмотрели вместо того, чтобы разделить ее восторг. У них явно сложились какие-то контры, которые она просто-напросто игнорировала.

Тут я только наконец рассмотрела, как она шикарно выглядит: брюки обтягивали очень длинные ноги, тонкая талия, и все такое удлиненное - и руки, и маникюренные ногти, и шея. Но красавицей ее было трудно назвать потому, что в ней совсем не было томности, а только бешеный темперамент, заставлявший ее лицо постоянно гримасничать, руки - махать в разные стороны, а все тело - чуть ли не пританцовывать.

Она хотела со мной чем-то поделиться, но момент был неподходящий, компания собралась большая, и все вместе двинулись в бассейн на соседней улице. Я пошла за компанию.

Группа коллег оказалась шумно-базарной, в отличие от нашей. Здесь каждую минуту что-то выясняли, цапались, спорили - пойти туда, пойти сюда... Больше всех цапались мисс и парень из Ростова - у них, похоже, темпераменты сошлись как коса с камнем. Поэтому мы шли, останавливаясь на каждом перекрестке. А когда бассейн оказался закрыт, точно так же пошли обратно в общежитие, а потом - в какое-то кафе...

- Я точно помню, что это в индийском районе! Там такая кухня, обалдеть!

- А давайте лучше пойдем...

- А давайте...

- Надо свернуть здесь.

- Да нет, там...

И несмотря на это, куда-то все же шли, вот только никаких кафе вообще не было.

Зато попался огромный собор, куда мы решили зайти.

И тут она мне и рассказала о своих достижениях.

- Тут профессора от меня просто с ума сходят. Один сказал, что я стою 10 тысяч фунтов в день. Представляешь? И уже замуж меня даже зовут. Но ты не думай, у нас еще ничего не было...

Лицо у нее при этом стало более спокойное и возвышенное, потому что она напряженно думала...

- Ну, ты же этого и хотела. - прокомментировала я.

- Да, но...

- А он англичанин?

- Да нет, немец, но преподает здесь.

- Не очень хоть старый?

- Молодой! Тридцать шесть...

- Ну, давай, выходи замуж...

- Да может, еще все и изменится, послезавтра же я уезжаю в Ливерпуль.

Потом мы вышли из собора, и опять на улице было не пооткровенничать, потому что они опять все галдели как сороки.

Мы шли очень долго, кафе так никакого и не встретилось, так что я решила с ними распрощаться и поехать в «свой» городок, из которого уже завтра нужно было уезжать на другой конец страны.

Потом у каждого из двух наших больших групп началась своя собственная жизнь, и встретились мы все через пару недель в Лондоне.

Пожив в психологически-прохладном английском климате, все набросились друг на друга, чтобы общаться, общаться, общаться.

Но на этот раз мисс была, пожалуй, самой молчаливой и тихой. Она ни к кому не лезла с рассказами, и во время наших вечерних гуляний по улицам и барам держалась немного обособленно.

Кажется, я сама к ней подошла и спросила, как у нее дела.

Она ответила:

- Как он меня любит!

- Вы же расстались...

- Но он каждый вечер ко мне приезжал. Уже серьезно замуж зовет, говорит, что я ни в чем нуждаться не буду.

- А ты?

- Я же ведь все равно должна уехать...

- Приедешь снова, или он к тебе.

Но лицо ее стало озабоченным. Ехать ей было некуда, в Хакассию она явно не хотела, а в Москве начинать новую жизнь после того, как вроде начала ее здесь... И так вот взять и все в момент потерять. Но она еще была уверена, что профессор все же ее безумно любит и все проблемы решит, хоть и не сразу.

- Возьми да останься.

- Он все равно сейчас в Германию уедет, что я тут буду делать.

Зато другой человек все же принял решение остаться. Парнишка, который всем казался немного странным, нашел в Лондоне друзей (такой же нетрадиционной ориентации, как и он), плюнул абсолютно на все запреты и на предупреждения о неприятностях на правительственном уровне.

- Он тут будет нелегально работать, а жить у своих. - шепталась его группа.

В последний день, когда автобус, загрузив сначала нас, отправился забирать коллег из другого отеля, парнишки с ними не было. Он просто не поехал в аэропорт. Зато ехала мисс.

Ее как будто подменили.

На ее лице застыло некое подобие маски - ее раздирали мучительные сомнения, правильно ли она делает, отправляясь в аэропорт.

- Ее очень просили уехать. С ней официальные представители разговаривали, умоляли, чтобы она не устраивала скандал на правительственном уровне... - прокомментировали девчонки из ее группы. - А она теперь увидела, что (скажем) Сергей просто не пришел, и теперь сама себя прокликает.

- У нее же все хорошо, жених теперь есть, скоро ее заберет...

- Она так себя, честно говоря, вела безобразно, вешалась на мужиков просто, а уж такую одежду откровенную носила!

- Зато ее и оценили в десять тысяч в день...

- Да, как проститутку. Вообще ужас, - сказала сибирячка. - Неужели ей это не противно...

И вот мы снова в Хитроу, не прошло и месяца.

Мы сидим с мисс и ее подружкой в кафе и пьем кофе.

Она вообще не похожа на саму себя. У нее злое, нервное, издерганное лицо. Жесткое и некрасивое. Она не видит и не слышит того, что происходит вокруг нее. Истерично жмет кнопки на своем мобильнике.

- Что ты расстраиваешься, - не выдерживаю я. -- У тебя же все хорошо...
 - Нет! -- почти выкрикивает она. -- Он сказал, что ему надо подумать!!!
 - Подумает, соскучится по тебе быстро...
 - Или наоборот...
 - Тогда оставайся...
 - Я все равно здесь не смогу работать с такой визой, а другую надо делать в Москве.
 - Ну и сделаешь...

Но ее лицо перекашивает все та же мысль – а что, если все кончено, и после того, как ей наконец воздали должное и она получила все то, чего достойна, она опять окажется ни с чем... Животный страх того, что все сейчас потеряет в один миг. Наверно, прокликает себя за то, что послушала официальных людей и думала о том парне, который на всех плюнул.

Она замыкается. Лихорадочно роется в своей косметичке, опять хватается за телефон...

В Шереметьево я бросаю на нее прощальный взгляд. Она меня даже не увидела, как и всех остальных.

Ю Л Я

Она возникла еще в электронном послании секретарши, посылавшей мне обрывок карты города и рекомендацию взять такси на вершине вокзала.

- Вы представляете, - писала она мне очень эмоционально. -- В нашей компании работает русская леди! Она, узнав про ваш приезд, страшно обрадовалась и будет невероятно рада с вами познакомиться!

Тогда я сама не очень радостно восприняла эту весть, потому что разговаривать в Англии по-русски казалось мне большим препятствием для погружения в среду англоговорящих. У меня еще была иллюзия, что с англичанами можно общаться, хотя бы потому, что профессора в университете по долгу службы с нами поддерживали отношения.

День на третий, идя на «работу», я вдруг почувствовала, что так больше не могу. У меня возникло ощущение, что меня вообще не существует, или я просто тень. Наверно, это было то, что нынче красиво называется потерей самоидентификации.

Поэтому, придя в издательство на полчаса раньше первой деловой встречи, я спросила какую-то девушку, где мне найти русскую леди. Та охотно согласилась отвести меня в отдел рекламы.

Я все больше убеждалась в том, что здесь все про всё знают, но у них принято ничего собой не выражать. Никто первый не предложил мне организовать встречу с соотечественницей, хотя все знали и про меня, и про нее.

Я сразу ее увидела и наконец испытала первую за все время положительную эмоцию, потому что кто-то прореагировал на меня.

- Привет, - радостно закричала девушка. -- Меня зовут Юля!

Мы сразу же перешли на «ты» и договорились встретиться в обед.

Эта встреча стала началом новой веселой тусовки. Крыша, Эдди, Ира, молл, замок, пабы – все это радостно окружилось в хороваде, который и погрузил меня в настоящую английскую жизнь.

Крыша – это место в издательстве, куда Юля бегала курить вместе с очень доброжелательным пареньком Эдди. Он тоже работал в рекламе и тоже курил (хотя в Англии курить - это слишком уж большая роскошь, сигареты стоят бешеные деньги). Юля курила присланные или привезенные мамой из России, а Эдди – самокрутки из табака, какие предпочитали более экономные жители страны.

Эдди говорил с ужасным норфолкским акцентом (я еще тогда не слышала саффолкского!) и невероятно быстро, поэтому первое время я просто не могла понять ни слова. Но Юля всегда была на подхвате, и мы общались очень здорово. Эдди был тайно влюблен в Юлю, но она была замужем. За англичанином, конечно.

С крыши открывался фантастический вид на город. Погода неожиданно разгулялась, начались солнечные и почти жаркие дни. Поскольку издательство стояло на холме, совсем рядом с центральным замком, то можно было долго смотреть на отмытый реставраторами

памятник архитектуры средневековья и на весь город.

Конечно, мы не стояли на крыше целыми днями: Юля много работала, я ходила на деловые встречи, расписанные по часам, но зато с какой радостью мы ехали на крышу в лифте, когда все-таки выдавалась свободная минутка!

- Мы с мужем познакомились в Москве, - рассказывала Юля. -- Я к нему ходила на курсы английского, потому что работала в иностранной компании, и мне нужен был язык. Я очень хорошо зарабатывала, мы жили практически на мои деньги – снимали квартиру, да он за частные уроки получал...

- А он что, не зарабатывал?

- У него была вообще огромная зарплата, но он копил себе на аспирантуру и ее не тратил. Вот накопил, а теперь учится...

- Вот это да.

Юля разводила руками – у нее комментариев тоже не было. Это Англия...

- Мама у него бывшая учительница, а теперь – типичная английская пенсионерка. У нее дом, хорошая пенсия, и она живет только для себя – путешествует много. У них это принято. Пенсионеры живут хорошо.

- Жилья у нас нет, мы квартиру снимаем. Дорого, по 300 фунтов платим: он 300, и я 300.

- Даже так?

- У него денег получается немного. Он тратит в месяц определенную сумму из тех, что накопил. Больше не может себе позволить.

- Интересно вы тут живете. А как ты в это издательство попала?

- Когда мы приехали, я сначала стала на курсы английского ходить, куда ходят англичане, которые школу не смогли закончить. Там Шекспира на английском читали и обсуждали. Так эти англичане оказались такими тупыми, что мне просто было с ними неинтересно. Потом устроилась в медицинскую фирму на ресепшн, а потом вот увидела объявление о работе здесь, прислала резюме, и меня взяли. Хорошая тут работа. Вообще, компания считается солидная. Ты видела на дверях написано - investor in people? Так вот, они действительно дают учиться, развиваться, вкладывают в персонал.

- Как тебе с англичанином живется?

- Да они спокойные такие. Нормально. Не кричат никогда, не скандалят. Очень неприхотливые. Правда, я с ним никуда сейчас не хожу, потому что он вечером без всякого ужина начинает с друзьями по пабам ходить, и все пиво пьют, пьют. Я так не могу. Да и с друзьями мне его не очень интересно. У меня тут свои подружки есть. Я тебя потом познакомлю. Две девчонки, тоже русские.

- А Эдди классный парень. Он как будто русский, простой такой. С ним общаться очень здорово – все понимает...

Это я тоже заметила. Мне все время хотелось с ним говорить по-русски, потому что он с первой минуты стал своим в доску.

- И вообще, жизнь тут спокойная. Медицина бесплатная. Два раза в год гинеколог осматривает, причем бумажку с приглашением на прием за месяц присылают. Бесплатно дают противозачаточные таблетки. Больничные можно брать, а иногда и просто могут отпустить, если попросишь на пару дней – типа отгулов. В России я так не работала. У нас в компании с утра до ночи, никаких больничных, после работы всегда задерживались. А тут прямо социализм какой-то.

Я-то как раз успела поработать в России при социализме, поэтому Юлин рассказ меня очень удивил.

Теперь во время всех своих перерывов я спускалась или поднималась на второй этаж, и мы с Юлей болтали. Она мне находила свободный компьютер, чтобы я могла послать письма и проверить почту (они даже об этом тут не позаботились), а когда было время, мы ездили на крышу. Там, кстати, курильщики тоже упорно притворялись, что всю жизнь только и делали, что слушали русскоязычную речь, но наиболее раскованные вступали с Юлей в беседу, спрашивали ее обо мне и о ней самой.

Юля была очень симпатичной девушкой, всегда элегантно одетой (что для англичан не очень свойственно) – причем, шмотки покупала на самых

дешевых распродажах. Очень эмоциональная и живая, она даже вечно полусонных британцев располагала к себе. А с моим приездом и вообще оказалась в центре внимания.

Трудно было поверить, что еще неделю назад я совсем не радовалась перспективе нашего знакомства.

С каждым днем все больше Юлиных коллег из рекламы начинали улыбаться теплее, а самые отважные даже со мной разговаривали, особенно один полусумасшедший художник и очень юморной редактор молодежного журнала. Обычно непроницаемые лица стали проявлять хоть какую-то мимику.

Юлю здесь звали Джулией, фамилия у нее тоже была чисто английская, и она мне пожаловалась как-то:

-Представляешь, я потеряла свое имя!

Она никогда не говорила «у нас, в Англии», а только – «у них тут», а «у нас» для нее по-прежнему было только в Москве.

Во второй день знакомства мы сразу после работы пошли в бар напротив. Его хозяином был приветливый пожилой грек, и все издательство ходило туда по вечерам посидеть.

К нам присоединилась рыженькая девушка, которая оказалась русской подружкой Юли.

Мы сели в дальнем зале, и весь вечер провели под дикие вопли напившихся пивом молодых людей в соседнем.

Сам грек тоже пришел к нам поболтать.

Мы пили чисто английский напиток – сидр.

Ира (подружка Юли) тоже была замужем за англичанином, только познакомилась с ним в Казахстане, где работала в английской компании. У нее, несмотря на молодой возраст, была уже большая дочка, которая проучилась здесь целый год в английской школе.

-Когда мы приехали сюда, муж сразу купил дом и машину для меня. Дочка, конечно, очень боялась идти в школу, но учителя меня успокоили. Они сказали: у нас главное не знания, а то, чтобы ребенок чувствовал себя хорошо!

-И как она, свободно уже говорит?

-Практически да, и совсем без акцента. И школы, действительно, совсем здесь другие: развлекают детей, нянчатся с ними, ничего не требуют...

Юля слегка позавидовала, потому что она, хотя и говорила очень быстро, но с сильным русским акцентом.

В этом время английские парни заорали так, что задрожали стены. Причем, орал они какую-то очень философскую фразу, которая сначала мне даже понравилась – про равнодушие.

-Ничего себе, пьяные. Наши бы алкаши орал бы что-то философское...

Но этой фразой наш разговор прерывался раз десять. Вскоре она перестала казаться мне такой красивой.

-Чего они так вопят? - спросили мы грека.

-Они уже выпили по 10 пинт пива, и пьют дальше...

-Десять пинт? – Я умножила 580 миллилитров на 10. Получилось почти по 6 литров.

-Ничего себе они тут пьют! А я – то не могла понять, чего они так все кричат на улицах. У меня гостиница напротив вокзала, там до 5 утра крики не смолкают.

-Пьют много, - согласились девчонки.

-Но я живу в тихом районе, у нас мертвая тишина, - сообщила Ира.

У меня вскоре даже появилась возможность в этом убедиться.

Ира с Юлей обсуждали еще каких-то русских девчонок, из чего я поняла, что у них тут свой клуб русских жен. Может, в другой жизни они бы никогда не подружились, слишком все разные, но тут деваться было некуда.

Почему-то разговор зашел о возрасте мужей. Ира повела себя очень странно, как будто кого-то интересовал возраст ее мужа. И, первой начав этот разговор, вызывающе сказала:

-Только не спрашивайте, сколько ему лет.

Мы, конечно, удивились, но спросить сразу захотелось. Она даже занервничала – видимо, это была ее большая мозоль.

Ира рассказала душераздирающую историю о своей

жизни в Казахстане. О том, какая там нищета, как ее обманывал первый русский муж, как она не могла добиться от него развода и сколько ей пришлось потратить своих нервов на страдания по поводу измен, нищеты и невозможности цивилизованно решить все проблемы.

-Вы знаете, как я ему теперь за все благодарна! Я каждый день ему говорю «спасибо». Если бы не он, моя жизнь никогда бы так не сложилась.

Мы за Иру порадовались, хотя очень сильно чувствовалось, что в социальном плане она нам теперь далеко не ровня. Но пока она еще слишком хорошо помнила свое классовое положение в бывшей республике СССР, полуголодную жизнь и тотальную невозможность заработать на ребенка.

Она тоже была очень миниатюрная и стильная, как и Юля, выглядела гораздо моложе своих 30-ти.

Ира рассказала о том, что муж у нее работает «вахтовым методом»: месяц живет дома, а на месяц уезжает в Казахстан, потому что продолжает работать в той же нефтяной компании психологом. А она не совсем сидит на шее у мужа, потому что ей удалось продать квартиру в Казахстане и положить деньги на карточку. Работу она уже и готова бы искать, но муж требует, чтобы во время его приездов домой она каждую минуту была рядом с ним.

-Какой-то он у тебя не типичный англичанин, - сказала я.

-А он и есть нетипичный. Он рассказывал историю своей семьи. Представляете, была семья как семья, четверо детей, мама, папа. Жили как нормальные англичане. А потом мать, когда уже и дети выросли, вдруг встретила итальянца, влюбилась в него и сбежала с ним. И несколько лет ее не было. А потом она вернулась с новым ребенком (это и был мой муж). И что вы думаете – муж ее простил и ребенка усыновил.

-Так он наполовину итальянец?

-Получается, что да, поэтому и не совсем типичный. А братья у него, конечно, совсем другие.

Непонятно почему, но Ира, несмотря на свой дом, машину, хорошую одежду, нормально устроенную дочку, выглядела немного встревоженной и одинокой. То ли ее до сих пор преследовало прошлое, возврата к которому она боялась, то ли волновало непонятное будущее...

Юля в этом смысле, несмотря на отсутствие всего, чем обладала Ира, казалась более благополучной и беззаботной. Ее устраивало практически все, кроме цен на сигареты.

Мы ходили еще и по другим кафе, пили чай, болтали обо всем на свете (естественно, разговоры крутились вокруг их приспособляемости к новой жизни и о сравнении со старой).

А потом, когда уже стемнело, расстались, и я, впервые в хорошем радостном настроении, отправилась в свою кроватьную комнату.

Юля рассказала мне про все местные магазины и про молл, находившийся прямо под замком на круглом пятачке в центре, вокруг которого и закручивались все улицы.

Теперь я стала ориентироваться в городе. Самое главное – это выйти к замку, абсолютно с любой стороны, нырнуть в молл, сделать несколько кругов по залам, пока не упрусь в выход к издательству, а дальше уже просто...

Как-то вечером, разложив на всех своих кроватях многочисленные туристические карты города и окрестностей, которых я набрала целую пачку на вокзале, расположенном почти рядом с моим бед-энд-брекфастом, я вдруг увидела, что в городе есть русский ресторан под названием «Кафе Да», написанным английскими буквами. Вдохновившись этим открытием, я направилась в сторону замка, недалеко от которого должна была быть улица с кафе. Но город так просто не открывал свои тайны. Прокрутившись почти час, я так и не нашла этой улицы. То же самое повторилось потом, когда мы отправились на поиски с Юлей. Кафе как заговоренное пряталось от нас вместе с улицей, хотя мы и ходили кругами около нужного места.

Только под конец моего пребывания в городе мы наконец нашли этот русский след. Кафе было расписано

в ярко-красных агрессивных тонах, внутри посетителей встречал нарисованный на стене Ленин, как две капли воды похожий на знаменитую фотографию Че Гевары. Советская символика и отвратительный запах... Мы даже не стали туда проходить и искать русских. Зачем они нам...

В один из последних дней Ира пригласила меня в гости.

- Отдохнешь, расслабишься, - сказала она.

Она заехала за мной на небольшой очаровательной машинке с рулем на непривычной для нас стороне и посигналила с другой стороны улицы (к направлению движения я так и не могла привыкнуть).

Ирины изящные ступни в открытых босоножках ловко управлялись с педалями, а руки – с рулем. Она ехала пока еще не так уверенно, как ездили сами англичане, но вполне сносно, а уж как шикарно при этом выглядела...

Мы покрутились по городу, проехали по набережной реки мимо моего старого отеля, и заехали в огромный супермаркет, где Ира не позволила мне истратить ни пени, а сама нагрузила целую тележку.

Потом, проехав еще немного, мы оказались в настоящей «одноэтажной Англии». Для более состоятельных людей. Красные кирпичные дома стояли длинными рядами, за ними, предполагалось, настоящий садик – а как же без этого истинному англичанину...

В таком районе и жила Ира.

Дочка гостила у школьной подруги, муж находился в далеком Казахстане. В общем, домик был пуст, если не считать маленькую болонку (по-английски она называлась терьером), которая так мне обрадовалась, что не давала ступить ни шагу.

- Вот здесь у меня гостиная, - показывала Ира роскошно обставленную комнату с белыми кожаными диванами и большим плоским экраном телевизора.

- Здесь ванная, я дизайн весь придумывала сама.

В большой и светлой ванной везде были коврики, коврики – просто невероятно уютно.

- На втором этаже – детская, наша спальня, - продолжила Ира свою экскурсию.

- Мне кажется, что этот дом немного маловат, я считаю, что мой муж достоин большего, - сказала она и смутилась оттого, что по средним российским меркам (если только не брать новорусские) места там было недостаточно. Ира, кажется, не совсем еще разобралась, как ей себя, говоря модным словом, позиционировать в глазах окружающих, но сравнивать свою жизнь с прошлой еще не перестала, хотя уже начала осваивать и британские стандарты жизни. Запуталась в общем...

И на самом деле, дом-то был небольшой. Узкая лестница на второй этаж, маленькие комнатки наверху...

Но мы пошли, конечно же, на кухню, как нормальные русские люди, и Ира стала меня кормить шикарным ужином и поить не менее шикарным вином.

- Я могу тебе сказать, сколько ему лет, - продолжила она начатый еще раньше диалог.

- Да не надо, я не настаиваю, это же твое личное дело...

- Нет, я скажу, - набрала в легкие воды Ира, будто готовясь нырнуть в прорубь.

- Ему пятьдесят шесть! – выпалила она, пока решимость не прошла.

- Ну и что, Ира! – сказала я. Меня такое сообщение ничуть не смутило. – Подумаешь. Не восемьдесят же... Да пусть бы и восемьдесят, если тебе с ним хорошо.

Похоже, ей стало легче. Не от моих слов, а оттого, что она преодолела один из своих комплексов, хотя какое ей было дело до моего мнения...

Мы долго обсуждали особенности британского менталитета, которые Иру до сих пор коробили не меньше, чем меня...

Целый вечер собака не давала мне покоя, ластилась и лезла ко мне.

Ира решила принять меры и выставила ее за дверь. Сначала в садик, на который выходила дверь из кухни. Потом, когда мы в этом садике погуляли и снова уселись разговаривать, Ира отправила ее в дом.

Кстати, садик только так красиво назывался. Это был просто огороженный кусок земли, на котором росла дикая или искусственная трава и стояла сушилка для белья.

«Во работы, чтобы что-то сделать приличное», - подумала я, но Ире ничего не сказала.

Мы болтали, Ира опять хвалила своего мужа, звонила дочке, звонили какие-то знакомые мужа... Потом мы отправились в гостиную, фотографировались и вдруг... Ира вышла в крошечную прихожую, где я оставила свои туфли и вбежала обратно с перекошенным лицом.

- Ты представляешь, - ее всю трясло, - собака съела половину твоей стельки!

Я заглянула внутрь своей туфли – там, действительно, не было ровно половины стельки.

- Да успокойся, не переживай, - сказала я расстроенной до слез хозяйке.

Она же успокоиться никак не могла, ощутив материальный ущерб, нанесенный мне, как невосполнимый.

Я, конечно, поняла, что все оставшееся время мне в Англии будет страшно неудобно ходить, но все равно это же не смертельно...

- Ира, перестань, все нормально.

Но для нее вечер был бесповоротно испорчен. Она хотела сделать для меня приятное: накормить, обогреть, проявить гостеприимство, которого от англичан не дожидаться ни при каких обстоятельствах, а тут... Может, она думала, что новые кожаные туфли с кожаными стельками... это для меня катастрофа... - ведь в России, по ее мнению, так все ужасно бедствуют, а в Англии туфель мне не купить вообще...

Я на самом деле не восприняла происшедшее как трагедию. Ну, потерплю некоторое неудобство, но к чему русский человек не приспособливается?

Но на Иру было страшно смотреть. Она расстроилась так, что даже никаким усилием воли не могла привести себя в чувство. Наказала несчастное животное, без конца извинялась. Чувствовала неадекватно страшную вину за то, что такая богачка ограбила явно небогатого человека...

Уже стемнело, и я собралась в гостиницу. Ира отвезла меня на своей элегантной машинке, и мы распрощались, думая, что навсегда.

Как это ни смешно, но мы встретились с ней еще раз, причем, совершенно случайно.

В последний день моего пребывания в этом городе я сдала вещи в камеру хранения гостиницы и пошла гулять по магазинам, так как до поезда оставалось полдня. День выдался самый что ни на есть шоппинговый – суббота.

Погуляв по моллу, я решила выбраться на улицу и пройтись по другим магазинам. И вдруг в Праймексе (самом дешевом магазине) лицом к лицу столкнулась с Ирой и ее очаровательной дочкой. Конечно, я присоединилась к ним, потому что мне особенно ничего было не надо.

Мы погуляли по рынку (совсем, как у нас в России) в поисках недорогого школьного рюкзака для девочки, поболтали о том о сем. Она по-прежнему чувствовала страшную неловкость за съеденную стельку.

Я проводила их до парковки и осталась совсем одна. - Может, ты все-таки еще поедешь к нам? – спросила она явно из вежливости.

- Нет, Ира, спасибо, у меня скоро поезд.

- Будешь в Англии, обязательно позвони, - сказала на прощанье Ира.

Ирина ФЕШЕНКО-СКВОРЦОВА
(Португалия)

ВЕНЧАНИЕ В SALVATERRA

Всё продолжалось так недолго. Улыбающийся раде так спешил помочь им, этим пятидесятилетним и таким беспомощным из-за незнания языка людям, что говорил почти всё сам. Им оставалось только вставлять своё «да». Она даже один раз остановила священника, хотелось сказать самой. Путаясь в произношении, выговаривала чужие слова, которые подтверждали, да, она будет с ним в радости и горе, в здравии и в болезни. И думалось, думалось... Всё меньше остаётся здоровья и радости, как будто и встретились они только для того, чтобы поддержать друг друга в нелёгкое время – старости и болезней. А как бы хотелось пожить ещё с ним, обрётённым так поздно, всего шесть лет назад. Как хочется покоя и простых радостей семейного отдыха. Но они соединяются не для этого. Их обоих ждёт нелёгкий труд, скорее всего до конца их дней. Впрочем, об этом знает только Бог.

Вот и надели на палец тонкий ободок обручального кольца. На левую руку. Пройдёт два дня, и работающая с ней украинка буквально устроит истерику из-за этого, обвиняя её в смертном грехе. Как можно носить кольцо на левой руке, если на Украине и в России положено носить на правой?! И напрасно объяснять что-либо. Лучше просто молчать.

И снова шли потоком мысли. Об усталости, о которой он чаще молчит, но порой проговаривается: хочется, чтобы скорее всё кончилось. Устал. Он устал от жизни, которая для него стала непрерывной тяжёлой работой. А как мечталось, когда они встретились. Какая была эйфория чувств и надежд... Он тогда говорил, что хочет работать, чтобы дать ей возможность писать, отдыхать, чтобы она, весёлая, встречала его с работы. А здесь она поменяла любимую работу на тяжёлый физический труд, который не оставляет ни сил, ни времени для творчества. Давно уже ничего не пишет. Прожить на его зарплату вдвоём? Это значит – отказывать себе почти во всём. Да и сидеть всё время дома тяжелее. Когда работаешь, хотя бы занят и не думаешь о плохом.

Сами во всём виноваты. Непрактичные люди. Он оставил перспективную работу в экономическом отделе завода, на котором главным экономистом был его отец. Осуществил заветную мечту: ушёл в лес. Лесником с маленьким окладом, зато с возможностью жить в лесу. И до сих пор вспоминает годы, проведённые в заповеднике, как лучшие годы своей жизни. Чернобыль заставил бежать на Кавказ, чтобы восстановить подорванное здоровье. Но и там подстерегла война, заставила уехать, бросив выстроенный своими руками с огромной любовью дом.

Она всю жизнь думала о том, как лучше делать свою работу, а не о том, как заработать побольше. Только, когда совсем перестали платить – пришлось поневоле думать в первую очередь о деньгах. Но устраниваться, как многие другие, не могла. Не могла заискивать, шепетать с неприятной ей начальницей, восхищаться её

«талантами», тем более не могла пойти на интимные отношения с начальником ради карьеры. Вот и не было карьеры, не было денег, хотя сумела трудом добиться учёной степени, звания. Другие – без степеней и званий – устраивались гораздо лучше. Что поделал: или Бог, или Мамона. Так было и в увлечении, которому отдала всю свою душу – в поэзии. И здесь – не смогла переступить. Было ли это большим, чем увлечение? Заслуживали ли её стихи внимания? Она всегда была склонна к самокритике и всё более критично оценивала собственное творчество. Когда прошло время первого восторга ощущения свободного полёта в стихии языка, переоценила многое. И всё же, были действительно серьёзные, достойные вещи. И как же это трудно, продолжать верить в себя, когда о тебе всерьёз даже не упоминают люди, хорошо тебя знающие, когда-то хвалившие твои книги, люди, создающие общественное мнение. Когда нет друзей.

Вот почему она бросила всё, не раздумывая, уехала за любимым в надежде, что они вдвоём сумеют быть счастливы. Наверное, сумели бы, если бы не была так тяжела жизнь их здесь.

Португалия... Почему они выбрали её? От отчаяния. Когда он оставил вредную и становившуюся всё более кабальной работу, было стремление – во что бы то ни стало выбраться за границу. Жива была память об Англии, где прожил всего полтора года. Уехал сам, расставшись с женой, от большой тоски, уехал к родителям, в неосознанном поиске тепла, ласки. Тогда казалось, иначе нельзя. Потом наступило прозрение. Потерял, может быть, единственную возможность нормальной жизни. В родном городе всё раздражало. И сытые «новые», мчашиеся на красный свет на шикарных машинах, и пьяный мат в общественном транспорте, и откровенное враньё телепрограмм. А главное – страх перед будущим, невозможность покупать дорогие лекарства, необходимые жене, помогать старым родителям. Начались метания по турбюро, ставшим прикрытием для отправки на работу за границу. Сколько пришлось перенервничать, ведь так много случаев, когда у рабочих отбирают последние деньги ни за что, просто «кидают». Но вырваться всё же удалось. Оба вспоминают тот жаркий летний день и долгое ожидание отправки автобуса. Их надежды на встречу через год. Ставшие печально-беспомощными лица. И опять долгое ожидание, несколько дней, пока наконец он смог позвонить и сообщить, что всё в порядке. До места добрался, устраивается. Ему повезло тогда, были люди, которые долго мотались по стране, не могли устроиться на работу. Он сразу попал на фабрику. Конечно, вначале жили в холоде, в неотапливаемом помещении, которое директор разрешил занять бесплатно. Это было важно для людей, ещё не отдавших долги за проезд сюда.

Но ожидание только начиналось. Еженедельные звонки. Если их не было, она начинала сходить с ума. Срок разлуки растянулся на два года вместо одного. Вначале он боялся, что не собрал достаточно денег для её переезда и устройства. Потом девять месяцев ожидания гостевой визы. Как оказалось потом, это был ещё не худший вариант, другие ждали и дольше. Но ей это казалось бесконечностью. Было лето, делившееся наполам срок их разлуки, когда ей почудилось отчуждение. Где оно сквозило? Может быть, в голосе? Вроде, всё было по-прежнему. И всё-таки. Так никогда она и не узнает, было ли что-то тогда, отделившее их друг от друга. Скорее всего, было. Женская интуиция безошибочно

бочна. Как было страшно тогда... Слава Богу, это не продлилось долго. Вскоре зашёл разговор о её переезде. Сбор документов для оформления визы. Её предупреждали: такая долгая разлука чревата серьёзными последствиями. Приводили примеры: муж вернулся «на побывку», а встреча с женой закончилась ссорой и его досрочным отъездом. Кто там был прав, кто виноват... Не верилось, что так будет с ними, они-то были уже не юнцами, обоим под пятьдесят, должны были бережно отнестись друг к другу. Но оказалось, возраст не помеха. Непонимание, обида, страшная потеря веры в любимого. Всё это навалилось на неё внезапно, и она не сумела скрыть своего горя. Любимый человек внезапно показался оборотнем. Тот, кому верила больше, чем себе, кто берёт и жалел, вдруг обернулся жестоким и безжалостным, порой ненавидящим.

А каково было ему, ожидавшему приезда весёлой и нежной жены – видеть её ужас и разочарование. И всё это из-за каких-то пустяков, обмолвок знакомых, глупой фотографии. Она не узнала, не узнает никогда, что было. Не хочет узнавать. Потому что оба сумели пережить, перейти через это отчуждение, пойти навстречу друг другу, навстречу жалости и любви. Да и какое право она имела осуждать его, если он изменил ей за эти долгие два года? Она смогла остаться верной, но, может быть, это было проще ей, менее страстной по натуре, более рассудочной, более всего боявшейся унижения. А она бы унизила себя в собственных глазах, изменив мужу. Ну, и всё, не надо вспоминать об этом. Главное – они снова были вместе. Непонимание таяло, понимание давало силу пожалеть любимого за его слабости, вспомнить о своих недостатках, простить и быть прощённой.

Вот тогда снова возникло желание повенчаться. Собственно, оно возникло сразу, когда они встретились. В ту единственную совместную поездку к морю, в Ай-Даниле, когда он читал ей на ночь на родном ему украинском языке трогательную и искреннюю книгу журналистки Каллины Ватаманюк «Від лица твого, Господи, судьба моя іде». Им обоим казалось, что свёл их Бог, что после долгих лет одиночества наконец начинается счастливая жизнь. Они решили повенчаться, уже узнали, что для этого необходимо, купили рушники, иконы. Но всё откладывали. Ему хотелось купить красивое платье, сделать пожертвование на церковь. А деньги, заработанные в Англии, к моменту их встречи, через 2 года после возвращения оттуда, ушли на телевизор и мебель в доме родителей, где он поселился после возвращения, просто ушли на жизнь, ведь работу он нашёл не сразу. Так и не собрались за эти три года жизни в Киеве повенчаться. Перед отъездом тоже было не то настроение. Когда она приехала в Португалию, когда все неурядицы наладились, они стали искать возможность осуществить здесь своё желание. Но это

было непросто. Может быть, и был в Лиссабоне православный храм, да как узнать? В Лиссабон попадали очень редко из-за отсутствия машины. Посещали католические службы по воскресеньям в местной церкви, мало что понимая, конечно. Но привлекало красивое внутреннее убранство, да и сама возможность побыть в храме. Здесь просили о здоровье близких, молились за умерших. Ну, что же, что люди молятся на другом языке, ведь обращаются к единому Христу и Марии. Решили венчаться в католическом храме. Но священник по-японски отказал, не отказывая напрямую. Счёл, видимо, опасным, для себя, мало ли, как это истолкуют выше. И тогда знакомые португальцы похлопотали за них. Нашли этого улыбочного padre, который сразу с симпатией отнёсся к молодой паре. Взяли друзей в свидетели. Привезли на своей машине в Salvaterra, соседний небольшой то ли городок, то ли село. Церковь была поменьше, чем в Benavente, но более древней постройки, богаче украшена. Алтарь весь позолочен. Странной казалась слева от алтаря фигура Христа в венце, изображавшем солнце. Видимо, старинная статуя. Радовали доброжелательные улыбки окружающих людей. Их было немного: священник, четверо свидетелей, мать свидетелей и ребёнок – крестный свидетельницы. В церкви было холодно: январь. Красивое платье не пришлось продемонстрировать, оно было скрыто под пальто. Да и стыдно ей было: почему-то всегда у неё в церкви возникают суетные мысли, о том, как она выглядит, например, интересуется одеждой окружающих людей. А надо бы совсем о другом... Но мысли не слушались, разбегались, как серые мышки. Но на этот раз церемония была краткой, и мысли удалось сконцентрировать: вместе в горе и в болезни... А, может, она сама притягивает к ним беду? Но в близкую радость и покой уже не верилось так, как верилось в начале их союза. Тогда они были моложе, было намного больше сил и энергии. Только бы дотерпеть вместе. Бог посылает им короткие радости вечерних ужинов, редких поездок-прогулок. У многих нет и этого счастья.

Священник не стал брать деньги за обряд, тогда они пожертвовали на церковь. Потом был ужин в ресторане, за который заплатили португальские свидетели. Хотя они пытались возражать. Людям было приятно сделать добро. Как хорошо, что есть ещё на свете такие люди, такие чувства. Они пытались вступать в общий разговор на уровне своего очень слабого знания языка. Потом их отвезли домой. Как они и предвидели, дом был выстужен, света не было вовсе. Дрожа от холода, надели на себя, что могли, залезли под одеяло. Так прошла эта брачная ночь. Наутро светило солнце, они ласкали друг друга. Что изменилось? Ей казалось, теперь они перед Богом обещали никогда не расстаться, в этой и в той, другой, уже не такой далёкой жизни.

Португалия

Павел ШАБАНОВ (Вологда) СИРЕНЕВЫЙ ТУМАН ПРОШЛОГО

В 1995 году я был начальником охраны в одной невеликой фирме. Деньги мне там платили тоже невеликие, и тогда я вспомнил, что среди множества моих профессий, в том числе и весьма экзотических, есть и такая – кинолог-инструктор по обучению собак-телохранителей. Есть навык, есть закрытая территория... И в вологодских газетах стало появляться объявление - «Обучение собак-телохранителей».

Но недолго, потому что придя дрессировать Анкора, любимую собаку президента банка «Традиция» Валерия Денисова, я вдруг стал собачьим гувернёром, о чём, впрочем, ничуть не жалею.

За то, что я ежевечерне выгуливал холёного красавца кобеля московской сторожевой, мне платили в два раза больше, чем за мою беспокойную службу главного сторожа.

Чаще всего на прогулку с Анкором я брал и свою немецкую овчарку Чару, но иногда брал кобеля московской сторожевой Абрека, которого незадолго до этого подобрал на улице.

И вот вечером, именно в то неуловимое время, когда вечер переходит в ночь, в каком то лёгком тумане сиреневого цвета я проходил с двумя кобелями по улице Батюшкова к Соборной горке, задумавшись над предложением Валерия Денисова - он предлагал мне бросить сторожить и переходить на работу в банк.

Предложение явно было выгодным, и я это понимал, но отчего-то медлил. Ну, кем я буду в банке? Я знал только, что не охранником...

Вроде бы у меня явно просматриваются авантюристические склонности, а тут вдруг такая тяга к консерватизму, даже самому странно... Невольно вспомнилось – когда в госпитале мне объявили, что завтра утром мне снимут гипс с руки, я так обрадовался, что не дожидаясь утра содрал гипсовую скорлупу самостоятельно. И тут мне стало так не по себе, так неудобно, незащищённо, что я не смог заснуть, пока не примотал гипс на место.

Вот точно так же и здесь мне не хотелось покидать привычную скорлупу налаженного образа жизни, не хотелось что-либо кардинально менять...

Аккурат в это время по Вологде прокатилась эпидемия «минирования» - какие-то скорбные умы деятели сообщали по телефону о неких заложенных взрывных устройствах, приезжали кинологи с собаками и без, оцепление, сапёры...

В этот раз «заминировали» Рынок, и по улице Благовещенской стояло оцепление, вот только я был настолько поглощён в свои мысли, что не заметил, как это оцепление прошёл.

Где то краем уха слышу сзади - ОМОН, ОМОН...

Оглянулся - действительно, ОМОН стоит в оцеплении, и ближние ко мне менты особого назначения как-то застенчиво отворачиваются, стесняются, что ли...

А, ну понятно... Мои кобели на них внимательно смотрят с милой и приветливой улыбкой людоедов,

вот ребята и засмутились. Это для меня Абрек и Анкор милые слюнявые пёсики, а для посторонних они выглядят чистыми баскервилями. Анкор, правда, чуть потоньше в кости и поизящней, но за счёт взлелеянной французским шампунем пушистой шерсти при своих шестидесяти килограммах выглядит на все сто...

В общем, ОМОНовцы явно обрадовались, когда мы пошли дальше. Так я оказался в совершенно безлюдном пространстве в самом центре города, что в это время суток большая редкость. Я остановился у педучилища спокойно покурить; собаки гуляли чуть поодаль, вдумчиво обнюхивая фонарные столбы и деревья, скупно окропляя их для сведения грядущих собак - Я был здесь!

Повторяю - место было совершенно безлюдное, о чём позаботилась милиция, и потому, когда возникла вдруг передо мной фигура человека в плаще с крылаткой и в широкополой шляпе, я невольно вздрогнул от неожиданности.

Вероятно, заметив это, незнакомец поспешил сказать - Не извольте опасаться, милостивый государь, я никоим образом не доставлю вам вреда... Я осмелился побеспокоить вас вот по какому поводу: мне стало известно, что вы находитесь в раздумьях относительно авантажного предложения, сделанного вам Алексеем Петровичем. Смею уверить, что род Орловых-Денисовых весьма известный и заслуженный род, и Алексей Петрович ничего недостойного предложить не может.

Ничего не понимая, я растерянно спросил, невольно стараясь попасть в унисон со старомодным стилем собеседника – Позвольте узнать ваше имя-отчество.

- Константин Николаевич, – он слегка поклонился, коснувшись рукой поля шляпы.

-Так вот, Константин Николаевич, я что-то не припомню никакого Алексея Петровича...

Я уже почувствовал нечто необычное в своём собеседнике, и старался рассмотреть его поподробней, насколько это было возможно в неверном свете фонарей, в лёгком тумане сиреневого цвета...

В это время подбежал Анкор, Константин Николаевич без страха потрепал его по холке – Да как же не припомните! Сей меделян - Анкор? А его хозяина в святом крещении нарекли Алексеем.

Он оглянулся.

- Мне надобно идти, милостивый государь, а вам бы не худо было принять предложение

Алексея Петровича, право, не пожалеете. А при случае и меня добрым словом вспомните... Позвольте откланяться.

- Всего доброго...

Я хотел спросить фамилию незнакомца, но замешкался; в это время частично сняли оцепление, по тротуару хлынул народ, и я целиком переключился на собак, чтобы мои кобели ни на кого не наехали, и потерял Константина Николаевича из виду. В толпе с собаками главное - не останавливаться; стоит замедлить шаги, и собаки начинают охранять территорию, поэтому я ровным шагом пошел к реке, на Соборную горку, которая обычно была поворотным пунктом наших прогулок.

И тут я понял, что меня насторожило и показалось странным – одежда!

Несколько лет моей женой была Галина С., художник по тканям и очень приличного уровня портниха, да и несколько лет работы на Льнокомбинате не прошли даром, так что и в тканях, и в шитье я мало-мальски разбираюсь. Да еще в пору жуткого безденежья, когда в 84 году я оказался на издательской пенсии в 29 рублей 37 копеек, я моментально научился шить шапки и шил их вручную, так что, исковыряв до дыр не один наперсток, имея в активе не одну сотню метров ручного шва, я с уверенностью могу сказать, что и сюртук, и панталоны моего собеседника были сшиты из тонкого сукна вручную! То же я с уверенностью могу сказать и о его плаще...

И лицо...

Где-то я уже видел это лицо... Определённо видел...

Придерживая собак за ошейники, я перешел через дорогу и вышел к архиерейскому подворью, которое сейчас почти все называют Кремлём. Прошел вдоль стены с контрфорсами, имеющими вид вполне старинный и добротный, хотя и пристроены относительно недавно моей любимой тещей, Галиной Михайловной, и вышел на берег Вологды–реки, к памятнику Батюшкову.

И тут я вспомнил!

Так вот где я видел это лицо! Именно здесь, на этом самом месте, когда ещё не было памятника, ко мне подходил этот человек в старомодном сюртуке, и предупредил, что бы я ни нынче, ни вперёд, отнюдь никаких дел не имел с Сашей Муровым, и не давал согласия на любые переговоры с его участием, ибо завершится сие весьма плачевно...

Как раз тогда Саша меня усиленно окучивал, стараясь вовлечь в свои иконные дела. Строго говоря, я сам по себе ему был малоинтересен, и ценность в его глазах я представлял только как зятя директора краеведческого музея.

Муров разработал безукоризненную, как ему казалось, комбинацию - он вручал мне упакованные в крафт-бумагу «доски», я с этими иконами должен был зайти в музей, и пошивавшись там какое-то время, по условному сигналу выйти из музея навстречу потенциальному покупателю, раскланиваясь на его глазах с музейными служащими. «Свежеворованная» из музея икона, по замыслу Мурова, должна была многократно возрасти в цене, да еще если подгадать так, чтобы выйти из музея, непринужденно беседуя с Федышиным!..

А если еще небольшого размера икону просунуть через бойницу южной стены, прямо в руки покупателя!

- Легкие бабки - и никакого риска! – жарко

убеждал он меня, как лысеющий ловелас, приглашающий к себе домой десятиклассницу, музыка там послушать, то, сё...

- Два раза в месяц выйти из ворот музея с «досками», и получишь пять своих зарплат! Чего тут думать! - кипятился Саша, когда я попросил время обдумать его предложение

И этим же вечером ко мне подошел незнакомец и категорически предупредил, что бы с Муровым - никаких дел не иметь.

Я и так вряд ли согласился бы на предложение Мурова, не столько по моральным соображениям, сколько из знания специфики бизнеса «иконников». Дело в том, что мир так называемых «коллекционеров», поскольку неизбежно выходил на зарубежные контакты, находился под плотным наблюдением КГБ, каждый второй «стучал» на первого, и особо наглые движения антиквариата непременно отслеживались и пресекались. Чаще всего – руками милиции.

Так оно и случилось - милиция Мурова вскорости сгрязчила и загремел он в места не столь отдаленные, но, тем не менее, грустные.

Вышел он на свободу довольно скоро, (хотя ему, наверное, так не показалось) как раз к расцвету кооперативов и свободы торговли. Я встретил его на базаре - он продавал чай.

Глядя, как он под прилавком трясет каждую пачку над расстеленной газетой, на которой уже образовалась порядочная кучка, я возблагодарил Бога за то, что он уберег меня от дел с таким мелким жуликом... И еще раз с благодарностью вспомнил незнакомца в старомодном костюме, который предупреждал меня об опасности.

И сейчас, стоя на Соборной горке, когда все эти события были уже позади, я почувствовал необъяснимое доверие к незнакомцу и его советам и смог решиться - уже на следующий день я стал оформлять перевод в Промышленно-Купеческий Банк «Традиция».

При приеме на работу в банк меня оформили завхозом. Настоящий заведующий хозяйством, Саша Коржов, наверное, до сих пор не может понять – зачем в отнюдь не гигантском хозяйстве банка понадобился второй заведующий...

И хоть я действительно занимался хозяйством в загородном доме банка в поселке Майский, взял меня Денисов для выполнения совсем других функций - я стал начальником глубоко законспирированного отдела коммерческой разведки, замыкаемого лично на Денисова, и под его непосредственным руководством в короткие сроки создал идеально действующую структуру добычи и накопления самой немислимой информации в расчете на дальнюю перспективу.

В том, что никакой перспективы не оказалось, я себя виновным никоим образом не считаю – у президента банка «Традиция» была вышколенная личная охрана, была своя разведка, но не было контрразведки, и потому бывшему президенту банка бывшие компаньоны вскоре в суде с легкостью доказали, что в банке он, собственно, и не работал, контракт, заключенный с ним, не действителен, так что рассчитывать он может только на государственную пенсию аж в полпроцента от заработка.

За работавшего в банке президента, оказывается, банк исправно платил налоги и отчисления во всевозможные фонды, исходя из зарплаты в 10 000 долларов, что для нашего суда, самого независимого в мире, конечно же, не доказательство, как и заверенный нотариально контракт...

Я уволился вслед за Денисовым из банка и с тех пор был с ним неотлучно, до последнего дня его жизни, когда он скончался в ночь на 2 мая 2005 года.

И сейчас, по прошествии стольких лет, я должен признать, что мое решение пойти на работу к Денисову кардинально изменило мою жизнь и не только в материальном плане - я смог воочию увидеть, что большие деньги приносят очень большие проблемы. Да и прост без малого 10 лет, проведенные рядом с потомком славного рода Орловых-Денисовых, это очень немало.

Незнакомец, встреченный мной тогда, был прав - оказывается, Валерия Денисова в действительности звали Орлов-Денисов Алексей Петрович, и потому я называл его просто Петрович...

А что же незнакомец? Впрочем, он ведь представился - Константин Николаевич. Так что я знал, как зовут человека, который помог мне принять решение...

То, что оба раза я встретил его вечером в небольшом промежутке между музеем Батюшкова и памятником ему, могло значить, что он или жил где-то неподалеку, или работал. Может, в педагогическом училище? - предположил я, вспомнив, как он неожиданно возник внутри милийского оцепления.

И оказавшись на следующий день рядом, я с несвойственной мне робостью вошел в вестибюль училища. Меня встретил тяжелый запах общепита и не менее тяжелый взгляд вахтерши - Вы куда это направляетесь?

У меня не было никакого желания объясняться с неприветливой вахтершей, и я свернул направо, к лестнице, ведущей в музей-квартиру Батюшкова. Я бывал в ней много раз, и меня никогда не оставляло ощущение, что я прихожу в дом близкого, давно знакомого человека. Вот и сейчас я ходил по музею, не вглядываясь пристально в экспонаты, просто стараясь почувствовать дух времени, в котором он жил...

«Господин губернский секретарь Батюшков!

В воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражении прошедшего мая 29-го при Гейльсберге и Лаунау против французских войск, где вы, находясь впереди, поступали с особенным мужеством и неустрашимостью, жалую вас кавалером ордена святыя Анны третьего класса, коего знак у сего к вам доставляю, повелеваю возложить на себя и носить по установлению; уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей.

Пребываю вам благосклонный

Александр Военный министр: Аракчеев.

С.Петербург. 20 мая 1808 года

И вдруг краем глаза я заметил портрет, на который раньше как-то не обращал внимания, и мне стало ясно, почему Константин Николаевич показался мне знакомым! Стереотипы восприятия помешали впрямую воспринять, казалось бы, очевидное - я несколько раз разговаривал с героем войны 1812 года, с современником и другом Пушкина, ему даже довелось видаться с Гете!

И в воспоминаниях современников, и в нашем представлении он предстает эдаким херувимчиком - «глаза у него были чудного голубого цвета, волосы курчавы, губы довольно большие, сладострастные». Такому по балам порхать мимоходом эпиграммы записывая в альбомы

восторженных девиц, а мне довелось встретиться с битым жизнью (чуть не написал - мужиком) дворянином, раненым в битве под Гейльсбергом, не раз смотревшим в глаза смерти... Он был адъютантом сначала генерала Бахметьева, а затем генерала Раевского, а надобно заметить адъютант тех времен, в дыму сражений, под жерлами пушек противника разносивший указания полководца, весьма отличался от адъютантов XX века, греющих задницы в штабах, в глубоком тылу.

Он участвовал в битве под Лейпцигом, в которой был убит его друг Иван Петин и ранен генерал Раевский.

«Господин штабс-капитан Батюшков!

Именем его Императорского величества и властью, высочайше мне вверенной, в справедливом уважении к отличной храбрости вашей в сражениях 4 сего октября под г. Лейпцигом оказанной, по засвидетельствованию генерала от кавалерии Раевского, препровождаю у сего для возложения на вас ордена святыя Анны 2 класса.

Главнокомандующий действующими армиями генерал-от-инфантерии М. Барклай-де-Толли.

Генваря 27 дня 1814 года».

А до меня-то, потомка крестьян, ему какое дело? Для чего ему понадобилось дважды предупредить меня?

Этот же вопрос я задавал себе и вечером, прохаживаясь на Соборной горке невдалеке от памятника Батюшкову, который доморощенные острословы прозвали памятником лошади Батюшкова.

Памятник, действительно, несколько необычный - Батюшков держит коня в поводу.

Пытаясь найти объяснение такой композиции, я провел аналогии с американскими конными памятниками, где давно уже выработан язык символов - если генерал спокойно сидит в седле, значит, умер своей смертью, если лошадь подняла одну ногу - значит, генерал был ранен, а ежели изображен на вздыбленном скакуне - значит, пал в бою. Соответственно, если Батюшков изображен сошедшим с лошади, то в этом прямой намек на его сумасшествие...

Стоп! Я ведь разговаривал с Батюшковым как раз того возраста, которому и приписывается сумасшествие, и впечатление «глухо припудренного» он на меня как раз и не произвел...

Я год после школы отработал санитаром в психиатричке, и хоть остерегусь назвать себя специалистом в этой весьма специфической области, но уж то, что в обывательском понятии называется сумасшествием, я бы увидел, уверяю вас... Ну, не было этого!

Вот теперь мне и стали понятны слова Константина Николаевича: «А при случае и меня добрым словом помянете». Ну, что ж - есть такая собачья болезнь - благодарность... Наверное, я много, слишком много возился с собаками, вот и заразился.

Как начальник отдела коммерческой разведки в средствах на добычу и обработку любой информации я был практически не ограничен, потому как заранее не было известно, какая информация ляжет мертвым капиталом, а какая - принесет экономического эффект. Так, потратив немалые средства на проверку невнятного слуха, что один из вологжан приходится сыном немецкому военнопленному из Грязовецкого лагеря, я впоследствии немало способствовал заключению выгодного контракта с господином Сименсом. (Его

партнер по бизнесу искал хоть какие-то следы сгинувшего в русском плену дяди, а тут вдруг ему были предоставлены не только материальные свидетельства, но и живой потомок любимого дяди)

Так что я вовсе не чувствовал себя растратчиком, нанимая студентов-медиков, чтобы они на основании свидетельств современников составили перечень симптомов болезни Батюшкова, и оплачивая счета психиатров, проводивших заочную экспертизу. Давно известно, если встретятся два психиатра, то будет три противоположных диагноза. Но какие-то закономерности в заключениях незнакомых между собой специалистов были, и, в конце концов, проанализировав их предположения и заключения, я пришел к однозначному выводу - сумасшедшим Батюшков не был!

Сколько прямых указаний современников на его нелюдимость, тягу к уединению, и вдруг выясняется, что с ним постоянно жил компаньон, штаб-ротмистр Львов. Действительно, Батюшков редко появлялся среди гостей, но когда появлялся, то был весьма приличен в обращении, и «умел щеголять теми утонченными и остроумными манерами, которые составляли принадлежность образованного общества в конце прошлого столетия. Разговор его отличался решительными, резкими суждениями и, по большей части, сарказмом».

И при непредвзятом прочтении всех описаний его поведения я не вижу ничего, кроме простительной чудаковатости одинокого поэта.

Не узнал Пушкина? А может, не захотел узнавать?

Думается, Батюшков был далеко не единственным, кто не подавал Пушкину руки – множество людей в то время поступали именно так.

Ходок Саша Пушкин был еще тот, с легкостью необычайной немало достойных людей по его вине были увенчаны развесистыми рогами, а уж обидеть Батюшкова, которому и так-то с женщинами не очень везло, было проще простого...

Когда самому Пушкину лишь показалось, что на честь его жены кто-то покусился, сразу «забегал с вольной по стриту», как выражаются нынешние тинейджеры по этому поводу...

Еще и еще раз просматриваю воспоминания современников, сравниваю заключения врачей того времени и нынешних и снова убеждаюсь – сумасшествия не было!

А что было?

Была душевная неустроенность, было неосознанное желание скрыться от жизненных неурядиц, от материальных проблем, от фатального невезения в любви... Было потрясение при виде горящей Москвы 1812 года. Помимо всего прочего, в огне Московского пожара сгинули 22 тысячи раненых, попросту забытых и брошенных. Треть тогдашней армии! Я бы скорее удивился, если бы от осознания этой цифры у поэта не было глубокого потрясения...

Было отчаяние, были попытки самоубийства... Но были ведь и были тому причины!

Здесь и непрестанные столкновения с главой дипломатической миссии Штакельбергом, которому

Батюшков подчинялся по службе, и опубликованное на страницах журнала «Сын Отечества» стихотворение от имени Батюшкова, что воспринял как оскорбление своей чести...

А к этому еще добавилось желание племянника, лейтенанта флота Григория Гревенса, будучи опекуном, самолично распоряжаться немалыми средствами Константина Николаевича. А сумма по тем временам куда как немалая - около 9 тысяч годового дохода от имений и пенсия, не считая гонораров за публикации...

Прежний опекун, зять Батюшкова Шпилов, хоть и не очень аккуратно вел отчеты и не очень активно собирал подати с имений поэта, тем не менее сумел сделать то, чего не смог в свое время сделать сам Батюшков – расплатиться с его долгами.

Гревенс, получивший в опеку неотягощенные долгами имения, много времени и сил потратил на обвинения Шпилова в присвоении «пенсiona», еще каких-то сумм, в неаккуратном ведении отчетов по опекунским делам...

Обвинения эти не подтвердились, а вот сам Гревенс аккуратнейшим образом заносил в реестры каждую копейку, фиксируя все доходы и расходы, и именно в этих аккуратных реестрах расходов мы сейчас с легкостью и усматриваем материальный интерес Гревенса – то он ежемесячно фиксирует расходы на питание Батюшкова и прислуги в 500 рублей ежемесячно, а после замечания ревизии по этому поводу аппетит Батюшкова и прислуги уменьшился вдруг ровно вдвое. При том, что замечание-то сделали Гревенсу...

Лучшего виноградного вина, по отчетам Гревенса, Батюшков выпивал в год на 800 рублей, опять же - фантастическая сумма по тем временам.

Список этот можно было бы продолжать и далее, но достаточно отметить лишь такую закономерность – расходы эти уменьшались год от года, что объясняется очень просто - чем больше жалованья получал по службе сначала титулярный советник, затем коллежский асессор, надворный советник, коллежский советник, а 1849 году – статский советник Гревенс, тем меньше он нуждался в том, что бы покрывать свои расходы за счет дяди.

В общем, материальных оснований у него держать Батюшкова в сумасшедших было достаточно - 9 тысяч оснований в год, по крайней мере, серебром и ассигнациями...

И чем больше жалованья Гревенс получал, тем меньше становилось свидетельств о сумасшествии Батюшкова. Такая вот обратная зависимость...

И кроме всего прочего - не будем забывать, как я встретился с Батюшковым в конце XX века, и это вполне объясняет расхожее выражение «он не в себе».

Конечно, не в себе! Могучий дух поэта переносился сквозь века, это для меня несомненно...

Так что не пугайтесь, друзья мои, встретив поздним вечером, в легком тумане сиреневого цвета, немолодого, чуть прихрамывающего человека в старомодной одежде...

НАТАЛЬЯ АДЛЕР (Вологда) СТИХИ И ПЕРЕВОДЫ

Шнитке (I)
И за пределом ли – душа?
Где он, предел? Где та граница,
Что даст душе освободиться
От грез и морока. Спеша,
Она так хочет насладиться,
Не обольщаясь, не дыша.
Душа лишь хаоса частица,
Что в музыке преобразится,
В восторге звуки вороша .

Шнитке (II)
Для скрипки и виолончели
Отыщется такой мотив,
Где б снова ноты запестрели,
Внезапно ветер ощутив.
Им вторить будет фортепьяно
Поддержкой мощною своей,
Как бы взлетела разом ряно
Листва со всех ветвей!
Пусть струны рвутся, пусть внезапно
Застынет в жилах кровь,
Как в западне невероятной,
В преддверье катастроф...
Не объяснить, какою силой
Полна душа струны...
Но как мы рады звукам милым,
Но как мы им верны.

Шнитке (III)
Вот он, райский сад чудесный
С тихим солнцем и луной,
Он живет в секунде тесной
Ноты маленькой одной.
И живешь в предвосхищенье
Долгожданной красоты,
Воплощения мечты,
Сказки на одно мгновенье...

СОБОРНАЯ ГОРКА

Зеленый холм над Вологдой-рекой,
Рокочет гулко лодочка-моторка
Ах, есть ли где еще приют такой,
Как эта Горка!
Средь зелени и истинных святынь
Как будто рая приоткрылась створка –
И солнце ярче, и яснее синь
Над этой Горкой!

А если жизнь бичует, что есть сил,
Есть, где укрыться от вседневной порки –
Целебен воздух для поникших крыл
На этой Горке!
На набережной в светлый час постой,
Запоминая, словно поговорку,
Площадку меж Собором и рекой -
Святую Горку!

ПЕРЕД МАСЛЕНИЦЕЙ

То замерзнет, то оттает – время светлое пришло!
То февраль – шутник играет, ставит солнце на крыло!
Только-только с темнотою расходились по домам –
Но лучится золотое, целый вечер светит нам.
Время легкое приходит, любо взору и душе –
Слева – церковь при народе, справа – торг при шалаше
Свет – очам, а уху – звоны колоколен и синиц,
Да задорный смех девчонок, краснощеких озорниц!
На реке крутые горки – береги себе бока! –
Так раскатаны! Подпорки ищет в воздухе рука...
В снегосшибательной атаке, приминая снег и лед,
С горки катится ватага! Что ни санки – то полет...
Время Масленице править, пироги-блины творить.
То замерзнет, то оттает... Хватит мерзнуть! Надо жить!

(Е. Волковой и И. Цветковой)

Сентябрь позолотил листву, как щедрый ювелир.
И осень грезит наяву, преображая мир.
И снова вяжет листопад своей кружевной узор,
И листья весело летят, усеивая двор.
Летят они машинам вслед, вдоль улицы, к реке,
На берег, где любил поэт прогулки налегке,
Любил вечерние огни над Вологдой-рекой,
Высокий холм, и эти дни с их тихою тоской.
И много было зим и лет, что счет вести былью?
Но смотрит бронзовый поэт на Вологду свою.
И осень золотым жильем отрада и приют...
Недаром в Вологде ее Рубцовскою зовут.

В тени особнячков полузабытых
Ты, город мой, хранитель старины,
Ты была и явь, и все еще видны
Рубцы твоих увечий неизбытых!
Ты все еще тишайший скопидом,
Свое добро хранишь по переулкам –
Стараясь сохранить в столетье гулком
Все то, что наживал с таким трудом!
Тебе милы родные лопухи,
Деревьев сень, холмы под изголовьем
Да звон синиц! Печали и грехи
Смываешь ты речной прозрачной кровью.
Но кажется, чем дальше, тем трудней
Твой новый путь, чем целый век прожитый,
Расцвеченный мозаиками дней,
Посаженных на горький цемент быта...

Вернулся август сентябрьской ночью,
А с ним и грусть.
Томятся звезды – зарок непрочный! –
А вдруг сорвусь?
Вдруг забунтую, как летний ливень,
Как листопад...
Три дня навстречу ко мне спешили –
Назад летят...

Пройти за полчаса – пока не поздно,
Пока на небесах незримы звезды,
Пока гремит вдали –не надо мною,
Пока не поросли быльем-травой...
Пройти, как пролететь, пройти – промчаться.

И погрузить успеть, и посмеяться.
 Не слишком далеко- лицом на Север –
 Шаги свои легко, как зерна сеять:
 Шагать к монастырю дорогой езжей.
 Промозглой к ноябрю, а летом – нежной,
 Дорогой, что вела в Архангельск дальний,
 Что грешников гнала под звон кандалный.

Речка Енанга, речка Полдарса,
 Вашей музыкой детство полнится,
 Вашим рокотом - перекатами,
 Берегами - холмами покатыми...
 В пору зимнюю, пору летнюю
 Через Полдарсу в школу бегала,
 По крутому холму, по тропочке
 Мимо сосенок, мимо елочек,
 И тропинка была извилиста.
 И сама я была заливиста.
 Ах, как пела вода под мостиком,
 Как взлетали стрекозы россыпью,
 И беспечная речка Полдарса
 Мне была необъятней космоса.
 А потом были речки разные,
 И судьба не дразнила праздником,
 И далеко зеленым берегом
 Речка Полдарса, речка Енанга...

Переводы из немецкой поэзии

ГЕРМАН КАЗАК

Прозрачность снегопада
 Мир тишиной поверил...
 Снег кружится над садом
 Совсем как белый клевер...
 Не встрепенется птица,
 Не разнесется звук –
 Безмолвие таится
 Вокруг...

СНЕГОПАД

Сон мягкой смерти пеленой
 Меня охватывает часто.
 Я словно бы окончил путь земной,
 Но пробуждение показывает властно
 Мне камни новых дней,
 что не успел прожить,
 То время, чей предел еще я не покинул
 Для чьей-то радости или муки, может быть...
 Так длиться снегопад. И срок его не минул.

ВЕЧНОЕ БЫТИЕ

На наших коленях покоится Книга Времен
 С тысячей тысяч судеб людских и имен,
 И за столетьями – столетья
 Ее страницы листает ветер.
 Не прочитать начертанных письмен –
 Забвение коснулось тех колен.
 Что было некогда восторгом или болью,
 Не тронет никого своей юдолью...

КУКЛЫ В СУМЕРКАХ

Как будто дождем размыты, смешались дни и свет,
 Утратил привычный ритм и облик всякий предмет.
 Где звуки ушедшего века, поющих некогда лес?
 Подобия человека пронзают холод небес.
 Безмолвие полнится злобой и дымом ест глаза,
 Сами духи воды, должно быть, растворились в наших
 слезах
 Без цвета небесные кущи, нет зелени на земле,
 Ни звезд, ни полей цветущих в кровотокающей мгле.
 Лишь куклы парят над нею, качаясь, как в толщах воды,

Видны на тощих шеях смертельных укусов следы.
 Так сумерки будут длиться, пока мы не умрем.
 После заколосится поле спелым зерном.
 (1933)

Завещание наших дней
 В Царство Мертвых послано от века:
 Если можешь пожалеть – желей
 Божий мир в руках у человека.

ГОТИЧЕСКИЙ МОСТ

Мост, подобно саге древней,
 Над рекой дугу простер,
 Он не слышит в час вечерний
 Шум воды среди опор.
 В небеса взмывая с силой,
 На себе готов носить
 Он, крылатый, нас, бескрылых,
 Не умеющих парить.
 И, застыв посередине,
 Он припомнит шага медь,
 Что готов был в путь незримый
 Навсегда с перил взлететь.
 Всех, свободой соблазненных,
 Одиноких, мчит скорей
 Мост над пропастью бездонной,
 Темной пропастью своей.

ТЕОДОР ШТОРМ

ГИАЦИНТЫ

Там – музыка, здесь тихо и темно,
 В ночи благоухают ароматы,
 Все мысли о тебе одной давно.
 Мне не уснуть, ведь танцевать должна ты.
 Там зала, что для пляшущих тесна.
 Взывают скрипки, и пылают свечи,
 У всех пунцовы щеки, липки плечи,
 Лишь ты – я вижу! – мраморно-бледна.
 И вот – тебе кружить. Чужие руки
 Протянуты, ведут... О, будь горда!
 Но, светлую, тебя уносят звуки
 В водовороте танца навсегда.
 В ночном саду и тихо, и темно,
 Из недр цветочных льются ароматы.
 Все мысли о тебе одной давно –
 Мне не уснуть, ведь танцевать должна ты...

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

ПОСВЯЩЕНИЕ ГОФМАНУ СОНЕТ

О, кем ты был, и что тебя влекло
 Среди искушений поприща земного,
 Когда величье музыки и слова
 Твою гордыню растопить могло.
 О, как страдал ты, исказив чело,
 От страшного виденья сна ночного.
 Но кто бы смог ступить за грань иного
 И кто бы сделал явью – волшебство?
 Я ж не умею быть иным, чем есть.
 Едва владея языком натужным,
 Твой жемчуг собираю. Эту честь
 Мне окажи по старой доброй дружбе.
 Пусть неказист мой слог, наивен был,
 Но в искренности я не погрешил.

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ

С ЗАРЕЮ ОДЕСНУЮ

Сначала расставанья а потом
Попытки встреч пускай порой недлинных
На всяких там Московских и Неглинных
Ни сном ни духом ну а лучше сном

Пускай мы спим а кажется горим
Огнем с небес таким неугасимым
И будто я был теплым и красивым
Таким как на закате Древний Рим

И ты была волною в той войне
Которую я вел великодушно
Без крови та война была и нужно
Нам было переспать в другой стране

И потеряться и детей рожать
Да испытать эпоху на зуб медный
Я пред тобою словно рыцарь бледный
Заря зажглась Пора пшеницу жать

Я думал что праздник а вышла беда
Проказливо ночь верещала по саду
В душе у меня для тебя лебеда
А может быть лебеди там за оградой

А может таинственно сквозь немоту
Сквозь взгляд проникающий в плоть
босоного
Я выбрал единственно милую ту
Что мне предназначена Господом Богом

Тщеславия веселый уголок
Пусть воспарит немного и потешит
Чуть свет и я у ваших дивных ног
Как Грибоедов холоден и грешен
И говорлив после четвертой зря
Не надо бы глотать ее родную
А с берега мужик кричит Заря
А я с зарею этой одесную

Я не спал в эту ночь
Да и надо ли в сущности спать
Может в небо звездой
Иль метнуться бы камнем да в реку

Все равно музыкант
Будет клавиши милой ласкать
Пусть ласкает до слез
Ведь приятно ему человеку

Я не спал ну и что
Не увидел кошмарного сна
Раз десятый во мне этот сон
Пресловутый кочует
А за окнами лес
А за окнами бродит весна
А за окнами нищий
Березкам ладошки врачует

Может просто ворваться
В тот клевером пахнущий зал
И спросить у судьбы
Где она остановка такая
А потом тишина
А потом как сквозь зубы вокзал
И опять тишина
Это я без тебя умираю

Последняя осень
Последний убогий трамвай
Последний Иуда
Считает последние сроки
Любимая что ж ты
Вставай дорогая вставай
Сегодняшним днем
Мы с тобою не так одиноки

Как чудны леса
Что мелькают в полуночной мгле
Там стонет нечистый
И манит меня на кладбище
Но ты не пугайся поверь
Что на той стороне
Последний подсолнух
Под ветром отчаянным свищет

А в горле и боль и кусочки несеейной ржи
Как рана душа
Разболелась от звонких объятий
Пойдем и простим
Через смрадную патоку лжи
Всех тех кто пройдет
Через нас
А пройдя не заплатит

БЕДА

Я поздно понял что пришла беда
Ну и пускай я дверь не закрываю
Я пью чай и ты со мной беда
Попей ведь ты замерзла я-то знаю
Ты многолика Вот не знаю сам
Какая будешь старая поди-ка
Я посетил сегодня дальний храм
А руки все пропахли земляничкой
Пришла одна Зажгла на кухне свет
Смеясь заторопилась у порога
Сказала что-то плохо ты одет
Наверное давно не веришь в Бога
Я верую Вот видишь образа
А ты-то что трухлявая старуха
А ну смотри смотри ко мне в глаза
Ты существо без времени проруха

Ты гниль А может впрочем ты права
Беда тихонько номер набирает

И телефон мне молча подает
Я узнаю что друг мой умирает
Его жена зачем-то сильно пьет

Ну а сама она в балете прима
И не старухой-лебедью плывет
Такая вот уж вышла пантомима
Простите это снова дождь идет

Басурманят опять снегири
На застывшем от холода поле
Ты поэт свою душу не рви
Ей родной уж не вынести боли
Ведь она у поэта светла
Ведь она не привыкла к угрозам
И стихи что сгорают дотла
Для нее будто детские слезы
Мы напишем еще и прочтем
И уйдем как уходят в иное
Помолчать на родительский дом
На рассвет в белоснежном покое
На застывшем в полях снегирей
И на женщин не в меру усталых
Дорогая прости и согрей
Певчих наших они не для славы.

Будь проклята любовь Которой больше нет
Включи прожектора И бей меня в дыхало
Причудлив реверанс Изыскан пируэт
Признание мое Наверно опоздало
Я все придумал здесь И танец и каприз
Ты в образе своем То дама то простушка
Я падал как герой К подножью с кровью вниз
А ты была вольна И все-таки послушна
На миг на краткий миг Ты помнишь каблучок
И лепет невпопад И боль от модных туфель
Холодный трелет свеч Под жестяной крючок
И чаепитья бред и шоколадный трюфель

Смотрю как безумные рвутся олени
В твоих яснокрылых зрачках
От скопища страсти до вязкости лени
Всего лишь обыденный страх
Он в горло толкает какую-то смуту
И смуты той нету милей
Пусть парусник кроткий
Корежится круто
Над бедной дорогой моей
Все стены да стены да белые замки
В заплатках сухих облака
От черной лачуги к лебяжьей осанке
Всего лишь четыре шага
И все же четыре ступеньки как много
Спаси сохрани и отринь
Пусть целая вечность до господа бога
Скажи ему просто «аминь»

Я пойду к снежной бабе за снегом
Принесу ей глоток киселя
Словно Тяжким Возничим по небу
Я пройду сквозь босого себя
И ничто не всколыхнется - только
Не растащится не отомрет
И предвидится с кем-то попойка
Как живущий в веках анекдот

Кто при жизни, а кто после смерти
Восхваленьем народным омыт.

Нелегко нам в родной круговерти
Разобраться, кто лох кто пиит
Кто устало тоску свою носит,
В полумраке истерзанном пьет,
Ну а кто-то стреляется в осень -
Под березу вот - вот упадет.
И вскричит перед смертью кудрявой
Всех обиженных враз вознеся:
«Это Пушкин как мальчик усталый
Это пишущих братия вся».
И поднимутся и восстрадают
Клюев, Яшин, Орлов и Рубцов,
Превращаются в птиц и взлетают -
Край для этого дела готов.
И летят они, след оставляя
Для тебя, для меня и для всех.
Все ли пущены в кущи те рая,
Я не знаю. А пахнет успех
Коньяком или ладаном, или
Неизбывным таким родником.
Обмывали. Потом голосили.
Крест поставили. Песню споем.

Никто не подаст руки поэту Рубцову,
Никто не обнимет за плечи, не скажет
«братишка».

И в шинели с дырочкой пунцовой
Он пройдет мимо нас

молодой, неслышный.

Он увидит - опять «Поплавок» открыли.
И застынет душа кровяною ранкой.
Поплывут поэтовы поэзывные
Перелеском небес и незлым подранком,
И шарфом своим гордым взорвав эпоху,
Тишину призывая на край наш древний.
Не учил он нас, что хорошо, что плохо
Просто чуточку больше любит деревню,
Сны цветные и школу, что кончил рано,
Маму, спящую на погосте.
И речушку, что льдом сковало.
И поэтов пришедших в гости.
Может, будет собаками он облаян
Или встретит женщину с коромыслом.
Все равно превратятся в лебяжью стаю
И стихи его, и душ, и мысли.

Как странно, опускаясь до креста,
До светлого конца, что на рассвете,
Порезаться о краешек листа,
Где дивен стих, но вереница сплетен
Сдавила дух. А хочется грозы!
И покаянья с хлебом и водою.
От первого дыханья до слезы
Всего-то миг, лишь я глаза закрою:
Небесный свод знакомые черты
Воспроизводит над рекой родною...

Стихнет лопата не будет шуршать
Гравий под этой листоющей липой
Некому будет меня хоронять,
Я из обоймы обшарпанной выпал.
Нету гнезда у меня и сумы,
Нету отцовских наказов и баек.
Что ж тут сумы, если нету страны,
И не пойми, кто же в доме хозяин.
Нету войны, но к ударам судьбы
Все мы привычны, как ржавые гвозди.
Выйдем на площадь, мы белые лбы,
Красной калины звенящие гроздьями

ДМИТРИЙ ГАСПН СМОТРИ НЕ ПРОСТУДИСЬ

Я в этом мире мог и не случиться,
Мог не смотреть из этих тёмных глаз
На свет, который окружает нас,
А был бы веткой, камнем или птицей.

Но кто любил бы эти тополя
На этом фоне голубом, прозрачном?
Я стал бы серым облаком невзрачным,
А облакам неведома земля.

Но кто любил бы этот старый дом
И незнакомцев, и родных, и близких?
И будь я облаком, я пролетал бы низко,
Касаясь их своим большим лицом...

Со мной случилась осень. И поля,
Переменяясь тёмными лесами,
Неслись к рассвету. Медленно земля,
Проснувшись, поменялась полюсами.

И я почувствовал в однообразном стуке,
В биении колес, в пейзаже за окном,
Твои неловкие ласкающие руки
И голоса тревожное звено.

Дом без тебя. И город, где росли
Те тополя, которым я не верил -
То был иной край света, часть земли,
Не прожитая мною в полной мере.

И в каждом окне - огоньки, огоньки:
Зелёные, красные, синие...
Ёлки, гирлянды, под ними коньки.
И свет золотой, апельсиновый.

И балуясь, бегают дети под стол,
А бабушки их не ругаются,
И мам обнимая, шепча им: "постой!",
Их папы в усы усмеваются.

И радуется музыкой телеэкран,
И рожки смешные у месяца...
Там, ангел, не плачь, где на вате меж рам
Рябина и яблоки светятся.

Измена охватила лес и парк,
Листья сгорела, яростно желтея,
И в ревности ветра, дуэль затеяв,
Немало нитей вырвали у Парок.

Предзимьем отболели тополя
И выстрадали горечь голых веток.
В последних травах умолкает лето.
И обмирает по утрам земля.

Но семена уснули в тишине.

Их не пугает вьюга листопада.
Им не знакомо обнажение сада.
Их ждёт весна - им ведомо о ней...

Сто невозможностей и тысячу печалей
Минувший год уносит на крыле.
С ладони, из-под сердца ли, с плеча ли
Спорхнула бабочка. Очерчен по золе

Круг одиночества. Оно всегда мгновенно:
Ударит – и надломит изнутри...
Пустой квартиры ад четырёхстенный:
И незачем, и не с кем говорить.

Год отлетел большою серой птицей -
Такие птицы песен не поют.
Твоё лицо другие сменяют лица!
С твоей душой я потерял свою...

Сплети мне небо тополиных веток
И пухом белым убери мой город.
Я горд и счастлив, я ищу ответы
Пока ещё. Но скоро - помни! - скоро

Я осень обниму руками, холод
И хмель вдохну в порыве листопада.
Я солнечен и лёгок, тверд и молод!
И осень терпкую не торопи, не надо.

В крови моей прозрачная лучистость,
И радость закипают пузырьками!...
Я сам приду к зиме святой и чистой
И зачерпну её снега руками.

Поселиться в книжном магазине,
С фонарем бессонным за окном!
Ночь беззвучно волчьей пастью разинет
С розовым закатным языком

И слизнет одним движеньем влажным
Города сквозную суету...
Я ночную смену взял отважно:
Сто любимых книжек перечту,

Напишу роман в стихах и прозе,
Недосыпа – на семь лет вперед...
Утренник ноябрьский подморозит
Голову и дверь за мной запрет

Дворник ранний... Ты, фонарь, тревожно
Светишь в мой библиофильский рай.
Почитать, оно, конечно, можно...
Почитай, покамест, поиграй...

Давай, я напишу тебе письмо.
Оно - смотри! - отправится само
По воздуху тягучему, ночному,
Как рыба подо льдом - над самым дном,
Письмо вплывет, покачиваясь, в дом
И к подлокотнику прильнет ручному,

И ты уже не отвернешься, нет, -
Но бережно возьмешь листок на свет:
Вот я вернулся, как ты и просила.
И все И все. И плакать позабудь.
Ну, может, нарисую что-нибудь...
Обратный адрес не имеет силы,

Что ж, почты геометрия проста:
Разлука нам пересечет уста,
Мой голос станет точкою морозной.
Лишь форточку открой, вдохни, взглядишь:
Я улыбаюсь всей судьбой беззвездной...
Но только, ты смотри, не простудись.

Мы стояли на камне - шумел прибой,
И подумалось: мало же мы с тобой
Повидали подобных памятных мест,
Где душа, стесненная красотой
До последней степени, вдруг пустой
Ощутит себя, поглядев окрест.

Нам с тобой разминуться совсем легко
В самом деле - много ли уголков,
Что запомнили - нас, сберегли, не мы -
их.
Все пейзажи похожи - один к одному...
Да и голос мой тоже летит во тьму.
Где мы встретимся, робкие и немые?

У какой сосны, у какой воды?
Где трава сохранила твои следы,
Муравейник знакомый... Бывать почаще!
Даже за руки взяться не сможем мы...
Как двум листьям найтись, на краю
зимы? -
В жизни будущей, настоящей.

РАЗГОВОР С АВТОРОМ МОИХ СТИХОВ

Здравствуй, «Я»! Сегодня вместе
Повстречались в этом тексте
Сквозь прозрачную страницу
Мы. Давай, поговорим.
Спортплощадку, двор, больницу
Видишь? Нет, тебе не снится -
Это жизнь твоя иная,
Та, в которой ты незрим.
Я тебя прекрасно знаю!
Ты левша, я окунаю
Раздвигая строчки, руку
И тебя коснусь вот-вот.
Ты придумал мне разлуку,
Встречу, счастье, боль и муку,
Книги, сны, собаку, даже -
(Зря!...) в милицию привод.
И спасибо. Только гаже
То, что ты же все расскажешь!
(Публикуешь, вслух читаешь
Все интимности мои!)
Я ведь тоже мог бы, знаешь:
Как ты руки распускаешь,
Что ты кушаешь на завтрак,
Как дела твоей семьи...
Веришь, нет? Я буду - автор.
Я тебя, как космонавта
(С той поры, как обнаружил)
Далеко-о послать хочу!

Но - ты все-таки мне нужен.
Но: и я левша, недужен
Той же хворью и с улыбкой
По тому же бью мячу
Мяч летит над сеткой зыбкой,
С грамматической ошибкой,
Над тетрадной школьной клеткой,
Темной комнатой души.
Так. Перехвати ракетку -
Эта строчка будет меткой!
И сегодняшнюю дату
Аккуратно подпиши.

23.06.03.

Когда мы там окажемся, мой друг,
А не в местах иных, для наказаний,
Мы можем не признать ни сад, ни круг.
Все расплывается - видать не дальше рук:
Где дерево, где стражник, где хоругвь?
Так мало было в жизни указаний
На райский образ, запах, или звук.

Но мы - листвою прошелестим? Потом
Травкою ляжем? Ляжем. И ручьями
Мы потечем в задумчивый затон...
Нет-нет! Я буду - деревянный дом,
Ты будешь ходиками тикать в доме том.
Мы будем званы летними ночами
К знакомой Мыши в Норы-под-Кустом.

Тайком мы будем колыбель качать,
Седому деду поправлять лучину,
Сестер и братьев к ужину встречать...
Родители нас будут узнавать
И молока нальют, дадут мякину,
Мы их ничем не будем огорчать.
Они так ждали дочь свою и сына.

В ожидании чуда на кухне гремит посуда
И вода выбегает из крана томительной стружкой.
Быт навязчивый замер вдруг - и тишина повсюду.
Только голуби кружат и кружат над ближнею стройкой.

Может быть, они видят уже возведенным - зданье,
Из окна им смеется еще не рожденный ребенок,
А по крыше ушастая кошка спешит на свиданье,
На балконе полощутся свежие стаи пеленок...

Я проснусь, я открою глаза, я увижу
Яркий свет за окном над пейзажем пустым, привычным
Посмотри календарь: под числом, под восходом, ниже -
Там написано "Счастье" почерком частым, птичьим

Вологда-Москва

Екатерина Березовская (Белгород-Москва)

Т.А. Бек - ВДОГОНКУ

Два с половиной года
Вы были моей попутчицей.
Из веток, ручьёв и окон
глядел Ваш печальный лик...
Но верно твердят, что в жизни мы
почти ничему не учимся –
Хоть мир столько раз исхожен
и вовсе не так велик.

1. *Оставленный равен империи,
Рухнувшей и отпетой.*

В городе нашем то вьюга, то мгла.
Где-то дорога неровно легла,
Кочку, другую пересекла
И под откос ушла...

Там, где крутила нещадней мгла,
Добрая женщина тихо жила
Небо, и вёсны, и колокола
В синих глазах несла.

Только однажды – так, не со зла,
К ней прицепилось словечко «была».
К ней привязалось – такие дела...
Не *будет*, не *есть* – была

Горькие шуточки с языком...
Хватит! – Откройте, поговорим!..
... Словно охваченный столбняком
Как провода, оголённых руин,
Город-термитник – последний Рим –
Окаменел без рифм.
Сохнут чернила под сквозняком
Лампа шатается под потолком
Будто корабль налетел на риф.
Жарко глазам и горло горит –

Но всё ото всех тайком.

2.
... И хоть верь, хоть не верь – скончалась
Последнюю каплю – схватила залпом
Что-то не досказала – просто некому было
сказать
Значит, и в наше остывшее время можно уйти
внезапно –
Чтобы никто не опомнился и не успел связать

И, приблизившись к окоёму, почти поддавшись
хромому тремору
Пальцев и голоса – вдруг отпряну и собственный
страх спугну.
-Что ты, опомнись! – Нет, рановато мне, нет,
не время
Чахнуть, неметь, столбенеть и ночами глухо выть
на луну!

Т.Б. Тихо прощусь, уложу поуютней в памяти Вас,
чародейку, певунью, затворницу –
И поеду к другим, тем, которым пока не нужно
кричать вослед.
Ибо – если однажды, по недалёкости, глупости
сущей и это кончится –
Что же тогда нам, брошенным, останется
на земле?

3.
Когда поэт умирает,
Мы открываем его книги,
И стихи становятся сразу стихами,
А не просто его дневником.

Когда поэт умирает,
Мы сначала очень долго не верим,
Потому что просто не может быть,
Чтобы его не было на земле.

Когда поэт умирает,
Мы понимаем: что-то должны были делать
совсем по-другому,
Потому что он, оказывается, действительно *был*.

4 POST DEPRESSION

... Но, Господи, снова рэгайм в переходе метро.
Монетки блестят в бархатистом бордовом
футляре.
И звуки настоя и крепости не растеряли,
И сам виртуоз-самоучка напорист и строг.

И нынче опять не стемнеет часов до шести...
Взлетел воробей на раскрытую настежь фрамугу,
Пока мы про истину что-то долдоним друг другу.
Не смея войти
К тем, кого мы могли бы спасти.

Под утро вскачу – и умоюсь ни свет ни заря...
И март на подходе, ещё ни на миг не растрочен.
Устрою сквозняк – и пускай это что-нибудь
значит!..
Бренчат и поют подоконники. Значит – не зря?..

февраль 2005г.
Москва

Фрунзенская набережная

У дощатой скамейки в парке,
Насквозь вымокшей и продрогшей,
Вьются блики и ароматы,
Крепко стянутые в коллаж.
Воздух здесь до одури пряный,
И раскиданы груды яблок,
И дома, друг в друга влипая,
Обрамляют этот пейзаж.

А на том берегу - обрывок
Девятнадцатого столетия!
Так и тянет ворваться в рощу
И в беседке вскружить листву!
Тихий скверик - точка отсчёта,
Концентрат первозданных смыслов
Где сплетение сотен жизней
Веткой мечется на ветру.
2003

маме
Двадцать пятое марта. Форточка нараспашку
А в окошке напротив - лампочку без плафона
зажгли.
Я - слегка ошалевшая, непутёвая замарашка
Это третий этаж. Почти что у самой земли.

Это третий этаж. Упиваюсь душистым паром.
Снег распахивал поры, пока совсем не иссяк.
Мне приятно жить в этом доме, тихом и старом.
Где с утра воробьи на балконе (такой пустяк!)...

Да, с утра воробьи на балконе... а вечерами -
У подъезда медлю чуть не по полчаса...
И уже перед сном - прижимаюсь к оконной раме.
Забывая, что рядом ворчат, бубнят голоса...
Забывая, что рядом -
Впрочем, какой резон мне...
- Замолчи, послушай, как оттаивает земля...

... Сердце прыгает в необъятном этом озоне,
Словно брызги в парусе рвущего шторм
корабля...

март 2004

Где-то вишни давно в цвету -
И туда поезда идут.
Даже ночью - туда идут.
Не забыли пока.
И, нескладно одетые,
Вечерами, рассветами
Бродим, путаясь, где-то мы
В ожиданье гудка -

Бегуны, перебежчики...
А в окне - нерасцветшие
И растрёпанно-свежие
Кущи, купы, кусты...
И, в тумане раскидана,
Затихает в тепле весна.
Стерегут, укрывают нас
С головою мосты...

Вот и всё, что заметили:
Шпалы, шпилы и штемпели...
+ Там, нагретый и пепельный,
Пахнет даже асфальт -
Вот присядешь на корточки -
И о том позабыл почти -
Только форточки, форточки
Будут мир колыхать!
апрель - май 2004г.

Приснилось мне, что я была убита,
С землёю смешана и в воздухе размыта, -
И научилась небо брать и пить,
Читать его, как письма на плитах...
Но - первая, вернейшая из пыток! -
Без тех, кого привыкла я любить.

На стенке мерно ходики стучали.
И оказалось: как в земной печали.
И души тоже могут заскучать
И я томилась - с самого начала,
Писала письма и с небес кричала.

А им казалось - мёртвые молчат.

И я проснулась - те же занавески
И тот же стол - как будто в небе вести
Меня достигли - множество, не счесть!
Для счастья повод и простой и веский -
Пока мы на земле, - о Боже! - вместе
И жить, и мучиться, и верить - время есть.

утро 15 мая 2004г.
Москва

Летели струи на асфальт
И бились в лужах,
И из калитки рвался сад,
Спешил наружу.
Окутал ливень всю Москву,
Большой и тёплый.
Кусты ерошили листву
И бились в стёкла.

Весь день хрипел магнитофон
От перегрузки.
В нём лучший в мире баритон
Звучал по-русски.

Сквозь вечер, пыль, водоворот
И дрожь со звоном
Троллейбус вымокший - и тот
Казался домом.
Предел мечтаний - чей-то свет,
Окно напротив.
Скорей под дождь, запутать след
В водовороте!
Была готова мчать и мчать,
Сорвавши вентиль -
Чтоб быть не здесь - и не сейчас -
И с кем-то, с кем-то!...

... Гудел по водостокам альт,
Стальная примесь...
... Вода летела на асфальт
И пузырилась...

вечер 31 мая 2004г.
Москва

Одуванчики

Две недели, неподвластны зною,
Тормошили пыльную Москву
И растрёпанною желтизною
Освещали сонную траву.

А сегодня - серы и неловки,
Почему-то - за день, сразу все...
Тихо поседевшие головки
Облетают пухом над шоссе.

И теперь от них не будет проку -
Только запах под дождём с утра+
Что же ты, закутавшись в ветровку,
Всё никак не веришь, что пора?..

Кажется - они тебя узнали,
Слишком беззащитны и тихи -
Опоздали, как же опоздали
Невпопад пришедшие стихи!..

+Каждый год, внезапно отцветая,
Отлетают - в срок или не в срок...
+Головы седые под зонтами,

Съёжившись, торопятся к метро...
7 - 8 июня 2004г.
Москва

Книжный шкаф Фотографии Чашка кофе.
И опять сигарета в ее руке.
Жесты. отзвуки. взгляды. фонемы. строфы -
Просто мы на каком-то говорим языке

И пойдй разбери, кто тут друг, кто родственник -
И зачем эта дрожь у чужих дверей...
Люди так перепутаны, так разбросаны!
(Каждый третий великий - негр или еврей.)

Это так и останется недопонятым.
Но в вечернем грезится холодке:
Вот она, бесстрашная, входит в комнату -
И дрожит сигарета в её руке.

конец июня 2004г.
Белгород

Здесь крутых ступенек раскат,
Узкий вход и столетний дворик...
Прямо в темечко бьёт разряд
Неизведанной этой хвори

Мозжечком пролетает ток
И проносится позвонками...
Здесь блаженство - и снег, и смог -
Просто воздух ловить глотками.

Здесь дрожит под крыльями твердь
У дурных воробьёв и галок -
Здесь интеллигентская ветвь
Вырастает из коммуналок -

И не все их ещё снесли
С необъятной Московской земли.

Оборвавшись, как дверь с петель,
Я бездомна, но не бессильна!
Если б только Вы попросили
Чем-нибудь Вам помочь теперь!..

Дом из красного кирпича.
Пыль несётся в пустые окна.
Неприкаянна и свободна
В ожидании палача...
Но на свете живёте Вы -
И засим - не поставите точки
В этом крохотном закуточке
Недопонятой прежней Москвы.

декабрь 2004г.
Москва

Может, есть за лесом дали.
Да за небом не видны.
Там антенны с проводами
Мачтами наострены

Да под ветром не набрякнут.
Не забьются паруса
Ни отплыть - ни бросить якорь
Не позволят небеса.

Может, карта наврала им,
Может, дали кругалья...
Видно, там, за этим краем,
И кончается земля.

Долго ль этак заблудиться?
Ну-ка разбери-поди!
Это сказка, небылица.
Всё, что вправду - впереди!

май 2005г.
Москва

И В.

Помешательство буйное. Руки трясутся - то бишь
Даже точки уже не поставит. Мысли в развале
Брошу всё как есть. Заползу в полусонный
автобус -
Поминайте как звали!

Мне навстречу прыгнут вконец ошалелые травы
И последний налёт рассудка сметут с макушки
Я минуту назад неуёмной была и неправой.
А теперь - сражена, спасена - и навеки в
ловушке!

Упаду в траву - и буду в траве валяться -
Так, что белые брюки вовеки не отстираю
Если рая нет на земле - то чего бояться? -
Безнаказанно этот край нарекаю раем!

Тёмно-синюю сладость ирги разделю с дроздами
И чуть-чуть не дойду до ближайшего горизонта...
Жизнь моя, рассечённая скорыми поездами!..
Вот он, Замысел, - в недосказанности эпизода

Возвращайся сюда.
Возвращайся без опозданий.

июль 2005

ВЛАДИМИР ВУКОЛОВ **(Вологда)** **ПОЛОТНА,** **ДУШ ГРОМОТВОДЫ**

Андрею Тарковскому

Я выпал из обоймы жизни,
Как невзорвавшийся снаряд.
Который жизнь продлить был призван,
И негодным теми признан.
Чьи души по миру смердят.

Не жаждал зрелищ я и хлеба,
Но в миг, когда покой настал,
Я вдруг увидел детства небо,
Которое я позже предал,
Когда о мотухинб местал.

И ощущение бессистемья
По обе стороны земли
Лишь подтвердили опасенья,
Что в этом мире нет спасенья,
И все сомненья враз смели.

И лишь покой, рожденный верой,
Надеждой истины предстал
Я в истину судьбы поверил,
Закрыв глаза – и утром серым
Услышал шелест нежных перьев –
То ангел в небе пролетал

Простите мне, я на пределе.
Так безнадежно льется кровь.
Я раб земной. Увы на деле
Меня спасаете вы вновь.
Зачем? Убогому – могила.
В желаньях наши наша сила.
... Искрится пламя вдалеке.
... Следы от крови на песке.

Чурленису

Мне чудились все знаки Зодиака
Через прозрачный океан сонаты,
Плывущие над колокольным звоном
Как ангелы, с чуть слышным нежным стоном
Душа в объятьях стонов замирала.
Но страстен был мелодии напор.

От дивных звуков снова воскресала
И ввысь мчалась судьбе наперекор.
И посреди всемирного разброса,
Мелодий, звуков, красок, звезд и круч
Стоял художник в облике Христовом,
Как Прометей, добыв огонь у туч.
Он тем огнем, той кисточкой во мраке
Зажег моря и знаки Зодиака.
Он «Сотворенью мира» дал начало.
Все замерло, лишь небо не молчало.
Потоком вниз неслась «Соната моря».
Ласкаясь нежных крон «Сонаты леса».
Навстречу тем, кто восходил из горя,
Пэр аспера, ад астра в поднебесье.
... Художник верил в таинства природы
Его полотна - душ громотводцы.
Его сонаты - времени укор.
Нашедших свой приют лишь в «до минор».

ДРУЗЬЯМ

Как жаль, что все кончается внезапно
И почва вдруг уходит из-под ног.
Как жаль, но очень многие напрасно
Прошли с тобой мы тысячи дорог.
А где-то были горы золотые,
А за туманом бард нас звал в тайгу,
И мы, тогда роскошно-молодые,
Не знали, что такое «не могу».
Нас время стригло под одну гребенку,
С причудливой безвкусицей борясь,
Мечтали мы, чтоб нашему ребенку
Ночами снились южные моря
И в грозы, когда воздух свеж и стоек,
А дождь сквозь вечность рвался к нам в окно.
Мы постигали жизни смысл в настойках,
В кругу друзей и песен, и кино.
Но сломанные крылья отрастали,
И когти становились все острее,
Вот только души почему-то стали
Не по годам задумчиво-черствей
Все чаще с молчаливым наважденьем
Бессонница нам заменяет жен,
Как жаль, что путь начертан нам с рожденья,
И к этой жизни я приговорен.
Все так же ждут нас горы золотые,
По-прежнему нас бард зовет в тайгу,
А мы, уже совсем не молодые,
Постигли вдруг, что значит «не могу».

Меня не трогает лишь та людская боль,
Последствия которой — лжетерпенье.
Она прошла и через наше поколение.
Бывало — с вызовом, но чаще — исподволь.
Но жизнь, срывая маску с истца,
Порою столь притершуюся маску,
Вдруг обнажает облик не лжеца,
Не жалкого в измене подлеца —
А ветхого в забвеньи мудреца,
Не испытавшего ни разу в жизни ласку.

Бывает вдруг врывается к рассвету
Стремительный закат, и пир — преобразен!
Кто стал свидетелем невольным — тот сражен!
Так не было и нет до сей поры ответа,
Подвластна ли природе суть приоритета.
Когда рассвет закатом обожжен.

Ночь - подруга любви и воли крестная мать.
 Ночь меня научила красться и не дышать.
 Пробираясь через заборы страха и мелкой дрожи.
 Фонари кромсают жилы спящего городка.
 Заверещит машина во сне. Под мостом река
 У тумана попросит пить и заплачет тоже.

Хлопнет форточка и застонет чайка во мгле
 Злого рассвета, у которого на игле
 Поддыхает пруд заросший, тропа и поле.
 Мысль побитая, из скитаний придя домой,
 Бинт отделяет от раны за слоем слой
 И грустит о своей такой несчастливой доле.

Где-то там, за порогом сознания живёт печаль.
 Там другая страна и другой у воды причал.
 Там, воплощённый в мысли, кем я только не был.
 Но возвращаться каждый раз приходит пора.
 И всё уже тропка к дому, и черней кора
 Тополей, что толпятся в поле под серым небом.

Я хотел бы жить на другой стороне вещей.
 В тот же миг, когда погонят меня взашей
 С лицевой стороны, из трухлявой избушки тела,
 Пусть не зная даже, что такое балет,
 А в старину говорили - в рай душа отлетела.

Колдун

Люди, люди, я верил вам,
 В ваши помыслы и тревоги.
 На распятых оконных рамах
 Ваших жизней я метил сроки.
 Был я строг, но желал добра
 Даже самым отпетым тварям.
 Всех у маленького костра
 Я волшебным поил отваром.
 Пожелтевших, старинных книг
 Я живые листал страницы.
 Падал свет и тогда на миг
 Открывались мне чьи-то лица.
 Опускал я в реторты дней
 Сонмы ваших надежд и судеб.
 Больше всех я любил детей.
 Больше всех ненавидел судей.
 От облав я бежал в леса
 Сквозь туманы, дожди и вьюги.
 Подводили меня глаза,
 Боль и страх выдавали руки.
 Минут годы. Как в марте снег
 Все пройдет без следа и звука.
 Я всего лишь был человек
 И рассказ мой тому порука.

Посвящение другу

Что с тобой? Ты болен, мой друг?
 Этих сильных и ловких рук,
 Что без дела всегда скучают,
 Я теперь не могу узнать.
 Ведь сейчас в них даже не взять
 Кисть, перо, просто чашку чаю.

Ну, скажи мне хоть что-нибудь.
 Твой еще не закончен путь.
 Посмотри, как сверкает солнце.
 Блеск его бессмертных лучей
 Не заменят советы врачей,
 Как рефлекс на дне колодца.

Вспомни ту, для которой пел
 Веснущатый, лихой пострел
 На студенческой жесткой койке.
 Как последний, девятый вал.
 Ты потом её обнимал
 После той роковой попойки.

Что ж теперь из того, что жжёт
 Грудь, а пальцы, как вечный лёд,
 И на ране промокла вата.
 Ты морщины со лба сотри.
 Свет снаружи и свет внутри.
 Вот ведь что для поэта свято.

Подражание классикам

Не год, не два, а двадцать с лишним лет
 Живет во мне тот негасимый свет.
 Я вспоминаю россыпи огней.
 Среди тревог, буранов и лишений
 Я не встречал просторов откровенней,
 Чем горизонты родины моей.

Здесь дни мои безоблачно текли.
 И никакие силы не могли
 Естественный вещей разрушить ход,
 Когда в который раз ложится вечер
 Бинтами снов на раны человечьи
 И длится мысли девственный полёт.

Я снова здесь брожу, боготворя
 В углах души приметы октября,
 Старинные мосты, земные воды,
 И так во всех явлениях природы
 Я смысл бы вновь хотел уразуметь.

Но этот смысл почти неуловим.
 Вот берега растаяли, как дым.
 Доносятся сюда сквозь толщу сна
 Усталых голосов глухие звуки.
 Там теребят гитару чьи-то руки.
 Там тихо стонет первая струна.

Не музыкой полны вокруг поля.
 Мне кажется, поет сама земля.
 О, как её напевы хороши!
 Я все отдам завистникам жестоким,
 Чтоб возвратиться к собственным истокам
 И обрести величие души.

Вдруг сотни лет мелькнут передо мной,
 Январский снег и августовский зной,
 Бесчётные миры, их жизнь и смерть.
 В короткий миг я все преодолею.
 И вновь звезда на тихую аллею
 С небес крутых свой опрокинет свет.

Александр Дубнинн (Грязовец-Вологда)

ПОЭТ

Взлечу на нитке облаков
Куда-нибудь повыше
От наших горе-дураков,
Пока себе не лишен!
А показалось, - навсегда
Во двор влетело солнце
И загорелись провода,
Иллюминатором оконце..
За домом дом врагу сдают.
Гремит оркестр «Славянку»
И расчлняя наш уют,
Заходят в город танки.
Зашелся дом. Дрожит луна.
С ума сошла посуда.
Отодвигается стена
От вражеского гуда.
Когда совсем уже невмочь..
С гвоздя сорвались санки.
На все готова эта ночь.
Вода вскипает в банке.
Назавтра... Было ли вчера!?
Луна затмила солнце.
Скажи: «Зачем прожектора?» -
Светить, ну кто возьмется!»

1 декабря 2004 года

Поэт, ты пьян... А тучи низко
В твои опрокинулись стакан.
Беда. Ты чувствуешь, ка к близко
Скользит надушенный обман.
Ты пьян совсем, а ветер будет
Березы белые ломать
И вихри черные разбудят
Твою измученную мать.
Нечеловеческие муки
Заставят вынести вихрь войны,
Так пусть предскажут сердца звуки
Новоявление Сатаны.

1976.

Ты снова пьян. С утра недужен,
А что-то силишься понять.
Ты никому, Поэт, не нужен,
Тобой побрезгует и б...ть.
Ты пьян совсем. В тоске и блюде
Стоим по грудь. А суши пядь.
Сто тысяч собрано орудий
Над нами тучи разгонять!
Нечеловеческие муки...
Сто лет разрухи и войны.
К тебе живому липнут мухи,
Привет, Поэт, от Сатаны!

2002

Особа

Лежу в траве и наблюдаю
Многоэтажье облаков,
Живу и с ними погибаю
В пожаре солнца и паров.
И ослепленный в самом деле
Сжимаю веки-облака.
Ты, человек, у самой цели,
Взял в птеродактили жука.
Опять отчаянье и злоба.
Нам недалече до черты.
Горизонталь души. Особа,
С которой долго был на ты.
В траве нехоженной по пояс
В же-ле-зно-до-рож-ных остовах...
Невыносимо стонет поезд.
Ассоль в горючих облаках.

Голоса

Но проклянут... На ощупь в рыжем смраде
Найду заиндевшую дверь
И выйду все же... Бога ради!
Меня не трогайте теперь.

9 декабря 05

Друзья

Такая жизнь. Такая бредь.
Я не ропщу сейчас и впредь.
Все принимаю без остатка
А жить по правде мне несладко.
Где вы сейчас, мои друзья?
Так окаянно жить нельзя!
Навек с решетками палата
У сумасшедшего Липата...
Вот гений. Крылья за спиной.
Сливался в Котласе. Иной.
Быть Херувимом - должность.
Он там. Раз это должно...
Ужо свихнусь. Пристанет лихо.
Кричу молчком. В палате тихо.
«Нет, легче посох и сума».
Спасибо Пушкин дал ума.

1976 - 2005 Льды

Смотрю потеряно на лица
Моих друзей.
Им никогда не воротиться.
Душ, дел музей.
Изводят горькие невзгоды.
Сами года.
Все вместе ждем какой погоды?
Какого льда?
Ищу какого воздаянья
Им за труды?
Все заморожены страданья.
На то и льды, -
Чтоб дальше носа не стремиться.
Плыть в никуда.
Блестит на солнце рукавица
Из рокового льда.

10 декабря 05

Глагол для Насти Андреевой

Не знаю, как бабы влюбляются,
Скривив набекрень рот...
Но жить все равно стараются
По-своему... Наоборот...
Да песни зато остаются.
Бывает, и навегда.
Старухи, их слыша, плюются.
«Как молоды были... Тогда»
Все молодо, что остается.
Навек... Навсегда... В тогда...
Глагол хорошо поется.
Хоть горе. Хоть радость...
Всегда.

23 августа 05

Эфир визжит и молится
В сусеке бытия.
Пропахла морем горница.
Теряются края.
И ржавая, и грязная,
И всякая земля.
Конечно, безобразная
Не для чего, а зла.
Соскучился по солнышку.
За каждым жду углом.
Крою его по зернышку,
надеждою в окоем...

24 августа 05

Повелительное наклонение

Вспять потекли, заболотились реки.
Было обещано в кои-то веки.
Тучам под стать изнемог человек.
Взорвано небо содранных век.
Глаз не закрыть. Не сослаться на время.
Жизнь человека - старая тема.
Тощее стадо. Богатый пастух.
Не напрягайте душу и слух.
Бомж-попрошайка на каждом углу.
Нищему нищий своротит скулу.
Самый счастливый не ходит пешком.
Смерть не объедешь. Оставь на потом.
Как ни крутись, а не вечна халява...
Эх, дождалася крутого канава!
А ведь бахвалился: «Все нипочем!»
Богу помолимся... Труп обогнем

Наши крыши шерстит ветерок.
Шифер съехал. Промок потолок.
То-то весело... Скоро зима.
Утепляем, как можем, дома.
Путь усыпанный свежей листвой.
На отшибе, в избушке пустой
Ураган поработал другой.
Тополь - улицы сторожил,
Ты надолго своих пережил...
Чтобы ярко горели дрова,
Согревали у вечного рва!

Я женщину как книгу допишу,
Не выпущу ревниво из объятий.
Свой главный подвиг совершу
У шлюхи на кровати.

Жизнь такова. Она достойна слез.
Так закрути сюжет ее иначе!
Еще вчера ты в будущее вполз
На сдохшей в прошлом веке кляче.

Увы, состарились и бабы, и друзья.
«Так ты же умер, Саша. Так нельзя!»
Расхаживать по свету молодым.
Совсем уж юным.
Пьяным в дым...

Тут замешана любовь.
И наказана публично...
Я, представьте, не готов.
Голова варит отлично.
В чем и дело, голова.
Даже если и права,
Даже если не права
И солгать способна с горя.
Сударь. Люди. Человеки
Все рогатые мужья.
Вы теперь правы навеки...
Извините... прав и я!

Жаждем высокого хлеба любви.
Если бы были мы не правы!
Плоть, умирая, возжаждала неба.
Да совершится духовная треба!
Туч коридор. Между тучами чисто.
Миг вожделения будет неистов!
Провожая тебя. Тому быть надлежит.
Я отстану. Любовь побежит.
«Поезд - скорый...» И вдруг замолчишь...
А потом говоришь, говоришь, говоришь...
По приходу - визжат тормоза,
Даль снежит и слезятся глаза.

Мне этот год хребет переломил.
Жил человеком... Полюбил.
Свой грех мы тащим на себе.
Завидуем владычице судьбе.
Она вершит... Мол все ее дела –
Всех нас надуть... С ума меня свела!
Эх, басне этой будет ли предел?!
Ходи, хромай, коль сам не доглядел.

Ты прав, конечно, старина.
Я уступил без боя место,
Подальше от параша, у окна,
А ты и тут надешься на кресло?
Сегодня... Вот чуть-чуть
В досаде, проклиная все на свете,
Я позавидовал – а чей-то гладок путь...
И холст прошкурен на портрете...
Всегда одно и то же! И в тюрьме лицо
Глагол, причесанный прилежно.
И гадкое для человек острыйцо
Бесед и тем, лелемых так нежно.
Вам изнывать... вам чудиться пристало.
Оно настало, время. Спи и бди.
Всей жизни, знаю, будет мало.
Но разберутся люди, погоди.

1975-2005

АЛЕКСАНДР ДУДКИН **(Маза-Вологда)** **Прошлогодние стихи**

Шум за окнами дома машин и деревьев.
В одиночестве лютом не трудно поверить

в неизбежность суда и в величие слова
Слово значит теперь непростительно много.

и за плёнкою сотен нюансов цветных –
ослепляющих, бьющих – совсем не видны

все законные первые смыслы. И только
изначальностью болен поэт слишком стойко.

День сырой, немного грязный,
воздух кажется тугим.
Разговор течёт бессвязный
и безмысленный. Сидим

мы с тобою на веранде,
влагой дышим глубоко.
Здесь господствует сегодня
русской осени покой.

Проснулся поздно. Всё проспал на свете:
угар ночной и утреннюю свежесть,
стучавший в окна и наливший сотни
бездонных луж мгновенный хлесткий дождь.
Ещё не видел я как ветер южный
юродствовал в лесу - срывал листву
и ели выворачивал с корнями.
И только после этой истерии
далёкий гулкий гром очистил небо.
И я проснулся. Было всё спокойным
над тяжестью и брэнностью бытия.

Молчит, умирает деревня,
и солнце упало во тьму.
Иду. Спотыкаюсь. Деревья
уснули в щемящем дыму.
Иду. Спотыкаюсь. Срываю
с берёзы последний листок.
Иду. Но не вижу, не знаю,
где север, где юг, где восток
где запад, где я и зачем я
в пространстве оглошшем, немом
и в бурное, стрёмное время
без цели, без веры – пешком.

Отцу

Крестьяне копают картошку
и весело жгут на полях
ботву и пекут понемножку
огромные клубни. Но всяк
опять недоволен погодой,
и временем, и бытиём,
собой и своим же народом.
И Бога ругает тайком.
Тайком же и молится Богу.
И любит Россию не вслух.
Деревня глядит на дорогу
глазами наивных старух

Последние дни под дождём
жила, а сегодня деревня
наполнена дымом и сном,
безверием и суевьем.

И кажется, не было здесь
ни радостей, ни огорчений,
благая надмирная весть
не знаема слухом и зреньем.

И кажется, тонет во мгле
безумия, бедности, пьянства
всё созданное на земле
простым и кондовым крестьянством.

Тщится и тешится время,
бьётся и бьёт не впопад,
тыщу наслёт эпидемий,
экономический спад,

лечит холуйством и пьянством,
лезет навязчиво в сны
да изменяет пространство
мудро. Без всякой нужды.

Горе от ума.

Грибоедов

Дома новы, но предрассудки стары.
И всё на виды, классы, группы, пары

разделено, разложено. Распято ..
Растерзано и то, что было свято

и то, что стало таковым, но грешным
воспринималось прежде. Иль потешным

Благодаря уму и силе мир
иерархичным кажется. Он сир

и мал поэтому в проектах умных очень,
в прожектах слабых слишком груб и точен

Расставили по полочкам как будто
изучили, поработили то есть. Трудно

не согласиться с этим и понять легко.
Но почему вчера весь день пекло,

сегодня прячется и плачет это солнце?
Что-что увидело оно, чего не хочет видеть больше?

Дым столбом. Луна сияет.
 Кот трусит. Собака лает.
 Остальное – тишь да гладь.
 Глупо это замечать
 посреди зимы суровой.
 Ты кричишь опять и снова,
 ты не хочешь уступать,
 поскользнуться и упасть.
 И хватаешь воздух мерзлый
 ртом, руками. Брось, не взрослый
 этот мир и этот я. И немного погодя,
 поднялась и поняла:
 жизнь, конечно же, светла,
 но опоры в мире этом
 нет ведь – нет! - как нет ответа
 на мольбу, призыв или крик.
 Ты привыкнешь. Я ж привык.

ТАТЬЯНА ЖМАЙЛО

(Череповец-Вологда)

ПЕРГАМЕНТЫ ОСЕНИ

«Я пишу тебе это письмо на пергаменте осени,
 той, дающей покой, – как легко принимается
 дань ее.

Мне вчера ближе к ночи котенка под двери
 подбросили.

Позвонили, оставив с расчетом на сострадание.

Был оправдан расчет. А подумать, такая
 безделица! –

Существо пару месяцев отроду, только мне
 кажется:

на двоих одиночество поровну надвое делится,
 как твой цитрус на дольки под рыжей
 шершавую кожицей.

что уже созревает, и «фанты» пузырчатой запахи
 рассыпает вокруг широты, где живешь ты.

А мне – никак...

Выше, про одиночество – из буратиновой Азбуки,
 дальше тоже учебник, скорее всего – ботаника.

Прописными те истины сделала жизнь
 Не поэзия

И Колумбовы дали открыты, и выверен свет
 в окне

Мне бы выяснить только, к чему здесь я, да и
 есть ли я?
 Что Гекуба тебе, что Гекубе ты – в смысле: кто
 ты мне?

Ставлю точку (прости!), восковую ладонь
 подоконника
 исцарапав пером, как котенок когтями.

Но в памяти
 двух квадратов стекла отразится святая иконка
 Я пишу тебе это письмо на
 осеннем пергаменте...»

«Тоска по осени – давно...»,
 перефразируя поэта,
 с тоской в глазах смотрю в окно –
 с той, светлой, «...с ней не надо света».
 И сорок девять осеней
 Стоят за мною, как солдаты.
 О, что я сотворила с ней,
 с той жизнью, что вмещает даты
 через тире. Как через мост
 (он по-над пропастью раскинут),
 пятидесятой зимой
 пройду и в снежной дымке сгину...
 Таков сюжет, вернее – нет
 сюжета. «Кровь-любовь и розы...» –
 все это, друг, не обо мне.
 Судьба моя – кусочек прозы.

Лишь только двинулась рука,
 вовне на что-то указуя,
 а твой зрачок уже, ликуя,
 нарисовал полет листка.
 И губы только раскрывались,
 но говорило все лицо –
 опережая слух, покамест,
 на языке слова сливались
 в золотогранное кольцо.

Осеньдень...
 Осень-ночь.
 Осень-время дождями просеяно.
 Осенен каждый миг.
 Осиян и олицетворен
 каждый лист, что кочует по ветру
 в полете рассеянном
 мимо всех, мимо всякого
 от сотворенья времен –

до названья,
 до чувства,
 до имени, времени, вечности,
 бесконечности и до понятия разума.
 До
 осознания, что интеллект –
 проявление увечности.

в равнодушном кружении.
что не следствие опыта,
просто круговорот
листопада в природе,
природное бого-служение –
осень-ночь,
осень-день –
осень-смерть
за собою зовет.

15 октября 2005.

Ваша светлость октябрь,
перед вами стою на коленях,
горьких ягод отведав,
окрасив багрянцем ладонь.
Я – последний листок
из потерянного поколения,
что вдоль осени прихотью
вашей безвольно ведом.
Сколько было нас?
Воинство наше бессчетно,
несметно...
Наш языческий гомон
молитвой летел на восток.
Ваша светлость октябрь,
вы пришли, как всегда, незаметно.
Что осталось от братьев моих?
Я – последний листок...
Я не в силах бороться.
Извольте принять мою жертву.
Погребальный костер
соберет ежегодный оброк –
несмиранных и гордых,
что стаями шли против ветра.
Я – последний. И кто же
запомнит печальный урок?
Ваша светлость октябрь,
нет суровее казни, чем эта –
пережить, чтобы выжить.
И чувствовать словно другой –
как другие... Душа наполняется
горестным эхом.
я – последний листок,
отпустите меня на покой.
Ваша светлость...

До ярославского погоста
Памяти замечательного художника
А. Гаврилову - «Деду» посвящается.
То лето несравнимо с этим,
но тонкостей мы не заметим
и, на бегу часы сверяя,
вернемся к раю,
где ржаво замкнуты ворота,
а на скамье убогой – вот он! –
Архангел Гавриил с ключами
гостей встречает.
Не без греха – рукою щедрой
плеснет святой водицы в недра

души, да так что по-над нами
взметнется пламя.
Опала... Кажется, что и над
неопалимою кулиной
горячий запах вечной темы:
мол, те мы.
...Игра теней – на акварели
все тот же лес, все те же ели,
и день застывший длится, длится.
но вижу – в лицах:
нетерпеливыми мазками –
лик Авеля рисует Каин.
И Каинова лба коснется,
прощая, солнце.

Душа кленового листка,
в прожилках - свет лимонно-чайный
Две пятерни - одна рука,
но этот жест - не замечаем.
Мы переходим с «ты» на «вы».
Общенье – вредная привычка.
И, вслед наклону головы,
Как сор, выносим жизнь в кавычки.
И листопад виной тому –
Он мнится огненной стеною,
Где тесно даже одному,
Не то, что рядышком со мною.
И все – не так. И все – не зря.
Но в птичьем крике «кайра, кайя...»
Уже за гранью сентября
Дорога чудится другая.

Я наблюдаю лёт листа
Из-под руки другой приметы,
Где звук, что абрисом наметан,
Заполнит скоро пустота.

Заполнит холодом гранит.
Где чье-то высечено имя.
Губами, как листва, сухими
Сквозь осень вечность говорит.

19 сентября 2005.

Андрей Коков (Финляндия) ДАВАЙ ЗА ВСЁ ХОРОШЕЕ!

НАШЕ ЛЕТО – СТРЕЛЯНАЯ ПТИЦА

Дождь прошёл, и аромат грибницы
зрело наполняет хвойный лес.
Наше лето - стреляная птица,
склонная к сезонной смене мест.

Не спугнуть бы трепетные крылья,
не прервать в зародыше роман ...
Но скорей всего не станет былью
ожиданий радужных обман.

Не печалься – мы не виноваты.
Лету вслед кивают тополя.
Влажные холодные закаты
падают на спелые поля.

ПЛАЦКАРТА

Бывало, прёшь на Вологду от Омска
на верхней полке да на боковой –
матрац казённый на казённых досках,
казённый чай да грохот стыковой ...

Не ловит поля слабого мобила,
в сортирах вечно хлопают дверьми,
а прицепной из Нижнего Тагила
всё тащится по пустошам Перми.

Смешалось всё: цыгане, иностранцы,
служивые, священники... Лежу
и слушаю, как вкусно дагестанцы
едят вполне корейскую лапшу.

Командировки, пиво, водка, шмары ...
Да суточные все тю-тю, как щи.
Лишь сквозняки Ижевска и Самары
ознобом колким пробуют хрящи ...

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

На время зимнее часы
перевели, и день скукожен.
Императив его несложен –
дожить до светлой полосы.

Тягучи сумрачные дни.
Но эта тёплая квартира –
приют рождественского мира.
Пристройся рядом – и усни.

Пусть будут сны твои ясны,
и в них преобладает нежность –
столь вероятная погрешность
при вычислении весны.

ПИТЕРСКО-НОВОГОДНЕЕ

Дебаркадер на Васье. Сфинксы, сфинктеры сжав
на ветру, продрогли в немой напруге.
Дрожь декабрьская, прыгая в этажах,
отражает в призрачном Петербурге
наши ряхи - сытые, как блины.
Кирпича просили они, но волны
буржуазно-барочные валуны
облизали: поЛноте-с, сударь,
поЛно!

Выползаем в кухню, где на столе - разгром
Мойка ломится от уже вчерашней посуды.
Мы выводим собаку, вооружась ведром
полным мусора. Там мороз серебром
щедро колет. Я вскоре уйду отсюда -
проспиртован, выжат. Пропахший дымом.
А пока дрыхнут гости, давай нальём
коньячку, и за Новый вдвоём
подыдем.

МЫ РАЗОШЛИСЬ КАК КОРАБЛИ

Я еду в поезде ночном
по бесконечным перегонам,
и тьма глухая за окном
летит вдогонку за вагоном ...
А где-то ты вдали не спишь,
и вспоминаешь наши встречи.
И знаю я, что ты грустишь
а время давит,
но не лечит ...

Уже не вспомнить, почему
Мы были вздорны и упрямы.
Теперь уже всё по уму,
зарубцевались в сердце шрамы.
И огоньки живой любви
теряя в стуже расстояний
мы разошлись, как корабли
в житейском море-океане.

Разлуки нашей злую боль
укрыла белая порОша.
Того, что прОжито с тобой,
назад вернуть уже не можем.
Я еду в поезде ночном
по бесконечным перегонам,
и тьма глухая за окном
летит вдогонку
за вагоном ...

ДАВАЙ НАЛЬЁМ ЗА ВСЁ ХОРОШЕЕ!

[а ля шансон]

Ты помнишь встречи наши давние
в провинциальном городке,
где тополя пирамидальные,
да ивы клонятся к реке?
Но замела метель жестокая,
и не вернуться в те края,
в те годы дальние-далёкие,
где были вместе
ты и я.

Мне полоса пошла обломная,
я карту брал не с той руки.
Судьба сложилась неподъёмная,
такие вышли стремаки ...
Легла дорога мне крестовая –
быть одиноким по судьбе.
Бредя российскими просторами,
я всё тоскую
по тебе

Я для тебя – не коронованный.
И я скажу не во хмелю –
не перепишешь всё по-новому.

Но всё равно тебя люблю
Ах, сколько бед набедокурено —
и я другой, и ты не та.
Но в кабаке сидим прокуреном —
а сердце бьётся
как тогда

Ты помнишь время наше давнее
в провинциальном городке,
где тополя пирамидальные,
да ивы клонятся к реке?
Так быстро годы эти прожиты,
но вновь скажу я не тая —
давай нальём за всё хорошее,
где были вместе —
ты и я.

СЕЗОННОЕ – SEASON GREETINGS

Солнечные лучи проскальзывают, не грея
Это - сезонное. Они ещё слишком рОбки.
Как ни банально, но всё-таки батарея -
условие выживания внутри бетонной
коробки.

В середине зимы, однако, бывают сны
как-то особенно выпуклы и контрастны:
кожа твоя, и её аромат весны,
и слова простые во сне — прекрасны.

И я забываю о том, что давно не один,
и о том что и ты не со мной рядом дышишь.
А наяву меня ждут холод и кофеин.
А ты мне опять ничего не пишешь ...

В ПАУТИНЕ СУДЬБЫ

Всё идёт чередом.
Всё прозрачней и ближе границы.
Я как прежде в пути, среди странных и милых
людей.
От разлук и тревог мне уже не удастся укрыться —
в паутине дорог,
в непрерывных потоках идей.

Не в стране дураков, не один вопиющий в пустыне:
продаю свои дни по приемлемой рынку цене.
Я не нажил врагов, но навеки увяз в паутине —
в паутине долгов,
из которых не выбраться мне.

Есть и пища, и кров, и желанья, и мир увлечений,
а реальность и книги бледнеют пред магией снов
Но иных берегов всё ищу, и ищу приключений —
в паутине стихов
и сплетениях ритмов и слов

Милосердный Создатель,
позволь сделать мнимое былью —
эту брентную плоть долголетием благослови!
Не слететь бы с резьбы, не спалить бы до времени
крылья —
в паутине судьбы,
в постоянном стремленьи к любви.

ТЫ ПАХНЕШЬ СВЕЖЕСТЬЮ

Ты пахнешь свежестью. Тебе немного лет -
но чашу дней моих наполнила до края.
Похоже, что я свой иммунитет
к безбрежной нежности
безудержно теряю

В дороге дальней ты.
Вестей последних нет.
Скучаю я — но жить не тяжелее.
И прежде чем покину этот свет,
сентиментальней становлюсь, и не жалею.

Я не жалел ста тысяч добрых слов,
произнесённых трезвым
и не очень.
Мне снится про тебя так мало снов.
Но мир с тобой прозрачен,
свеж и прочен.

Андрей Коков
Стихи 2003-2005 г.
<http://www.stihi.ru/author.html?kokov>

Сергей КОРОЛЕВ (Бабаево)

БЫТОПИСАНИЕ

Над бабаевским вокзалом далеко
тепловозов маневровых голоса
семафоры темнотой заволочло
и натружены бессонные глаза
машинистов что увидят через миг
этот город умещается в окне
вот и я к стеклянной наледи приник
отражаясь в темноте как в глубине
темноты не переплыть не зачерпнуть
у неё ни островов ни берегов
слишком многие пускались в этот путь
следом не было ни всплеска ни кругов
и не знали темнота или вода
их следы одолевала на Земле
отражение пребудет навсегда
замерзать-мерцать-оттаивать в стекле

Ветеран В.О.В. Н. Потапов -
Он за Родину в танке горел,
И в бараках Освенцима прел,
И у наших пошёл по этапу -
В общем, много чего посмотрел...
Изработался и постарел -
И его позабыли, как тапок
За диваном; всё как у людей:
Светлый праздник 9-е мая.
И единственный орден надраен...
С килограммом говяжьих костей,
Кривулями московских окраин
Он бредёт как та-ра-рам хозяин
Необъятной та-та-та своей.

Если судить по бабкам да по дедам,
Так жизнь моя не пройдена на треть;
Они не торопились умереть,
И я не тороплюсь за ними следом.
Теряя счёт волнениям и бедам,
Под пулями сгибаясь до земли,
Они порой ложились и ползли,-
Но выползали к славе и к победам.
Мы переждали и взошли как зёрна:
У бабки народилась мать моя,
А после внучек - это значит я;
У бабушки был дом фугаской взорван,
Расстреляна, рассеяна семья...
Чего же я хандрю, щенок позорный?

Обнимая в ночи нелюбимых своих -
вспоминаем любимых своих:
далеко за морями огней городских
мы оставили их.

И теперь не учи меня жить по-уму -
лучше мне навсегда одному.
Но, позволь, напоследок тебя обниму -
перед тем как во тьму.

Хорошо бы в родимом колхозе...
Хорошо, кабы если бы не
Опрокинутый трактор в навозе
С трактористом, утопшим в говне.
В беспробудном селе и суровом,
Где собаки не спят на цепи,-
Хорошо, если дети здоровы,
Хорошо, чтобы отчим не пил.
Хорошо... А иначе как птице
На скалистом пустом берегу:
Не спастись, не найти покормиться,
Но легко умереть на снегу.
Никакие не "вечные своды" -
Там суглинок да камень тяжёл,
Да дремучая темень природы,
Из которой однажды пришёл.

Побежала метла по плевкам, по окуркам да по листьям.
Вася — гений. Значит, пока Вася дворничает в Москве.
В чем он гений? — Не знаю, в чем.Верю: гений —

и хорошо.

Тускло временем освещен,сам не знает, зачем пришел.
Хоть Тверская и не Бродвей, даже вовсе в другой степи, —
Вася пьет на Тверской портвейн, на Бродвее бы —
виски пил
И, шатаясь, под чей-то смех, ковыляет в сырую тьму
Бедной дворницкой — прочь от всех, к вдохновению
своему...

Ну-ка, солнышко, припекай! ну-ка, дождик, опишай сквер!
Стой же, гений, с метлой в руках, или с пивом в тени ларька
А не памятником в Москве!

Бытописание

Он выпивши — она не спавши —
Скандалят — их угомонят
Соседи, совесть потерявши,
Уже в милицию звонят.
Менты потопчутся в прихожей,
Посмотрят в пол и в потолок, —
У них все так же и все то же...
Едва уедет «козелок» —
Обнимутся, заплачут оба,
Она — Дюймовочка, он — жлоб,
останутся любить до гроба —
и загонять друг друга в гроб.

Хорошо, если вместе умрем.
Не хочу без тебя доживать.
Поседевшие стол и кровать —
Даже пыль нас запомнит вдвоем.
Берег неба зажег маяк,
А по берегу — он и она, —
Как улитки, бредут старики,
И вот-вот их подхватит волна.
Что на память тебе подарю?
Что имею — давно не мое.
Не о смерти с тобой говорю,
Но о чем-то важнее ее.
Если всех растворяет поток,
Я с тобой непременно сольюсь.
Я боялся, что будет «потом», —
А теперь ничего не боюсь.

Под шум дождя, ворчанье грома
 На чердаке чужого дома
 Спала, как в тёплой колыбели.
 Над колыбелью птицы пели.
 А ближе к полдню золотому
 Смолой благоухали ели.
 Со счёту сбилась, столько лет
 На просьбу детскую в ответ
 Кукушка жизни посулила.
 Да, счастье на денёк здесь свило
 Гнездо. И я благословила
 Моё убежище от бед.

В дни иные, окаянные,
 Ни за что бываешь бит,
 И, слезами осиянная,
 Вдруг душа заговорит.
*Залепечет сквозь рыдания,
 Будто малое дитя,*
 И всплывут обиды давние,
 Что забыты навсегда.
 Хоть подол слезами вымочи,
 Но на то и божий перст:
*Выше лба, душа, не выскочишь,
 Это твой, родная, крест.*
 Ну а жизнь — не поле минное,
 Зло в ней об руку с добром.
 После бурь — денёчки мирные,
 Золото на голубом!

Горе моё, горюшко
 Отнимает волюшку,
 Облепило душу тинной,
 С ним греха не оберусь.
 Может, времени машина
 Перемелет горе в грусть.
 Соберу в щепотку я
 Горе моё кроткое,
 Передышку выпрошу,
 За окошко выброшу.
 Ветер, помоги, дружок,
 Сотри горе в порошок,
 Утопи на дне морском,
 Схорони в бору густом.
 Но и со морского дна
 Горе вынесет волна,
 А из леса, со болот
 Ворон в клюве принесёт.

Глухая ночь. И жар объятий,
 И поцелуев острый мёд.
 Пустынный сад, до неприятья
 Чужой нас примет и поймёт.
 Сожми крепче мою руку,
 Нежнее нежного прильни...
 Вдали, в разлуке помани
 И эту ночь, и сад, и муку,
 Что помешательству сродни.

Сколько ж беспощадной боли
 Люди терпят на веку!
 Ни одной бескровной доли —
 Всё могущий начеку,
 Ясно, что его законы
 Чужды бедному уму,

И ни свечи, ни иконы
 Не помогут никому.
 Он и сам бессрочно терпит. —
 Ох, темны его пути, —
 Не сойдёт с небесной тверди.
 Ибо не-ко-му сойти.
 Стоит ли удел единый
 Разделять на жизнь и смерть?
 Пусть мой грех неотмолимый.
 Я хочу хоть что-то сметь.
 Или в океане слова
 Я на лодке без весла?
 Так зачем в молитве снова
 Бьюсь, как муха у стекла?!

«УТЕШЕНИЕ»

Не суетись. Пускай провисла
 Густая вереница дел.
 Прислушайся: играют Листа.
 День безутешный посветлел.
 Над чёрно-белым перламутром
 Склоняясь, колдует пианист.
 Тревогу, ранившую утро,
 Бесследно растворяет Лист.
 Мне сладок звук, как сладок
 хлеба
 Ломоть голодному в пути.
 И, глядя в сумрачное небо,
 Шепчу: «Пресветлое, прости».

Л. А.
 А ваш автограф выцветает,
 Хотя хранит его тетрадь.
 О вас и память тихо тает,
 И это грустно сознавать.
 Очарованье первой встречи
 Невстреч потоком сметено.
 Нам жить в разлуке суждено,
 Но корабли не буду жечь я.
 Я ваша, ваша всё равно.

Жизнь совершила
 страшный поворот,
 И взгляд угас, и в горьких
 складках рот.
 Приободрив на малое мгновенье,
 Пугливо упорхнуло вдохновенье.
 О время, ты воистину витое,
 Винить тебя — занятие пустое!
 Бесстрастное, как деревянный бог.
 Ты гордого согнёшь в бараний рог.
 Смирненного отыщешь в уголке
 И возвеличишь на крутом витке.
 Я не смиренна, хоть и не горда,
 Меня на прочность пробует беда.
 Пусть многое отнимет чёрный год —
 И в горестях моя душа растёт.

АНДРЕЙ НАУГОЛЬНЫЙ

(Вологда)

ЕЩЕ ПОЖИВЕМ

Забыто слово. Бреднем бредни.
Ты – из других времен –краев...
Из той, утраченной деревни.
Из тех, старинных соловьев.
...Голуба жизнь,
Доколе мыкать?
Как ты держался до конца?
Презрев казенную музыку,
Ушел, не потеряв лица.
Жив голос твой, ты был услышан...
Холопья ненависть и спесь,
Нож под ребро!
...Но здесь. И выше.
Есть Правда,
Непременно, есть.
Ее клинком владеет бахарь,
Сказитель.
Вечен миф святой,
Как песню не испортил пахарь...
Иль Ангел
Нивы золотой?

В.М.Шукшину

Степная удаль в каждом жесте...
Жизнь состоялась, жизнь губя!
(Иная редакция:
Первопроходец,
Лучше – вестник,
Загнавший своего коня!)
Ты из предгорий
Иль предместий
Иного, солнечного дня.
...Макарыч!
Жаль, что мы не вместе,
Что нынче с нами
Нет
Тебя!

...А в жизни личной?
Все прилично.
Все в пепле,
Будто бы с Везувия,
Обыкновенного безумия.

Генриху Асафову

В этой осени
Столько грусти!
Просто
Валится все из рук...
Грозно воет
За темным устьем
Океанский прибой разлук.
Перемены сродни изменам...
Защитит от тоски глухой
Портवेशок, что журчит по венам,
Возвращая душе покой.

Что ж, вечер... Вечен, фиолетов,
Озябший кучер тусклых дней...
Губителен он для поэта

Осенней ветхостью своей.
Поры нерадостной приметы,
Хоть я не раз себе твердил,
...Что вечность?
Ворох мокрых веток,
В чертог дождя
Чуток чернил...

Другу и Поэту Юре Макарову

Хмурость осени,
След разрухи
Абсолютно на всем,
Везде...
Ветки дерева,
Будто руки,
Что раскинуты на кресте!
В этой хмурости
Выжить мне бы ? !
Сердце трогает грусть берез.
Все обыденно:
Древо,
Небо...
Крест.
Голгофа.
Распят Христос.

**

Памяти моего деда
И.Я.Ершова

Тихвинские болота

... в подземном срубе,
В адской запруде!
Красивые люди,
Красивые люди.

Нет,
Не выжил никто из полка,
Если выжил, то в мир не вышел...
Слишком бурной была река,
А потом затянуло жижей!
Божья Матерь,
Храни солдат!
Души светлые грязь не тронет...
Помоги им прийти назад,
Из корней развернуться
В кроне...
...пели б птахи,
ведь лес притих,
будто слыша живую муку,
Божья Матерь,
Спаси ты их,
Протяни им, сердечным, руку!

Родина

Обитель Святого Духа,
Божьей Матери – Дом,
Однако, война, разруха,
Живая жизнь на потом...
Мне б тенью тех поколений,
Как к палой листве –листу...
А – нет,
Преклоню колени,
Лобзая Ступни Христу!

Ты из Поэта стал Пророком,
Сердце тревожа вещей строй,
Сердце, которые до срока
Огонь утратили святой!
Великой радостью объята
Была душа его – в слезах,
В слезах и горестных, и святых,
Как Храм
В строительных лесах...

Вечный огонь

...Память – грех,
Если все к суесловью.
Видю снег, изъязвленный кровью!

...дед мой сбрендил на той войне,
в той атаке, пылали лица,
пеплом в пекле, как в страшном сне,
где солдатская кровь-водица!
И не вырваться.
Нет, нельзя.
Как опомниться: Ты – то? Кто – ты?
...ночь хмелела.
И шла резня,
Впрочем,
Будничные заботы.
Разве? Что же запомнил мало?
Да, Усть-Семушки...
Называл.
Что рассказывать!?
Не за славой
В каждый скошенный сеновал
Лезли, лезли, теряя силы.
Друга, недруга...
Свет в душе.
...лишь потом, у братской могилы
он очнулся... того уже...
Что ж, опомнился?
Рукопашным
Бредя слезно... И впредь.
Печет!
Жить и помнить. Как это страшно.
Вот и сбрендил.
...зачем? О чем?

*Волховский волк.
Генерал Власов*

...солнце армии,
Все. Без вести,
Закатилось. Чумной прогар.
- Что бесчестье?
- А много чести!
Тем из ставки. Жив генерал.
Смел служака
Служить без лести!
Что там, почести?
Ангел пал.
Зверь из бездны!-тебя окрестят.
Рыцарь, мученик, генерал...
...волчья вотчина.
Гибель братства.
Волхов-волк. На его веку?!
...лишь поморщится:
- Святотатство?
Кровью каялись на снегу,
Да, братушечки? К черту, рабство!
Обреченных нас...чем смогу ...

Есенин осенью

Осень жалует листопадом
Лист к листу.
Онемели травы.
Под ногами хрустит
Висбаден.
Все тузы
У шальной шалавы!

...сад увлекся ее раскладом.
И пропал,
Не сыскать управы...

Твое Слово
Горит над Садам
Полнолунием
Русской славы!

...Эх, Сережа,
Душа-то плачет!
Может,
Это хоть что-то значит
В грозном мире,
Где ночь и стужа?

Нет – так нет,
Я себя растрочу,
Растрясу
По осенним лужам...
Все – не все,
Пустьячок заначил,
Лунный грошик
На пару
Кружек!

Моя звезда

Светит звезда,
А откуда?
Из тьмы, из праха,
Из октября,
Что подобен
Гнилой занозе...

Разве?
Душа-то,
Увы,
Не поет от страха,
Как не пугай,
Что последняя,
Может, осень...
Гордо трубят в ней
Старинной надежды
Трубы!
Рок усмиряя,
По-свойски
Меня облапил...

...Светит звезда мне,
Моя!
Из душевной глубины,
Глупо, конечно,
Из детских
Моих царапин.
Светит звезда,
И доверчиво шепчут губы
Что-то щенячье,
Считалочку,
Маминпапин...

Молитва

О Господи! греться!
Надежды воск
Давно растаял в сердце...
Забыт, безвестен...
Без любви и крова.
Но не забит.
И многое могу!
Молю Тебя.
Поверь, даруй мне Слово!
Какое Слово?
«Слово о полку...»

Жизнь меня крошит на части.
Схорониться
Смог я где б?
Дон Кихот моих несчастий
Мчит
На фабрику судеб!

Как сохраняю мужество?
Светит еще звезда.
Главное, это дружество,
Что б не разлей вода.
Главное, не сдаваться...
Горн протрубил зарю.
Главное, это братство!
Братцы, благодарю...

Фанерные чемоданы
Калининой Л.К.

...Была пора,
заткнулись все Емели,
лишь в подворотнях
«воронки» гудели!

Фанерные чемоданы,
Счастливицы.
Прошляпил вас рок,
А мог бы?!
Легко – без нагана.
Толкнув
Сапожищами
В бок...

...невинная ласка конвоя.
Отходная волчьего воя!
Эх, щепки...
Тщеты постоянство
В младенческих
Воплях страны...
Как вы одолели пространство
Времен,
Где нельзя без войны?

укрыт чемоданчик
под лавкой,
а смерть
за редакторской правкой!

.. Все в осипах время,
отметин
до черта
при кучной стрельбе...

Взгляните:
Вон – мама в берете
Лиловом, как вызов судьбе,
Шагает на станцию с дедом...
В Москву,
На учебу,
Вот так!

...а я еще в вечности где-то
валандаюсь, грустный чудак...

Фанерные чемоданы –2

Слово о славе...
В военном севе
Столько разных цветет химер?!
...дед рассказывал:
Шли на север,
Где сражений
Пожар шумел.
В топь дремучую,
Там-деревни
Хоронились от вражьи стрел,
Шли на север по самой древней,
Самой русской,
Своей земле!

.. Тихвин, тихое захоlustье,
Мать Божья,
Твой строгий рай...
Шли и знали,
Врага не пустит
Ангел воинства – Стратилат

Эшелон громыхал, как плакал,
Отпевая и славя всех...
Смерть, как гребень.
Одна атака,
И в плотине не счесть прорех!

...Жизнь-полушка.
Одна атака,
И прекрасных не счесть калек...

.. Дед рассказывал:
стали ночью,
Холод клящий,
Как клещ впился!
Снег по горло,
Иль выше...
Точно.
...И не вылезти в снег
нельзя...

В кучу сдвинулись,
Как бараны...
Лес валить!
Да откуда прыть...
Тут и вздрогнули?!
Чемоданы,
Словом, жечь
Означало жить.

Означало... Не до приличий,
Жечь себя на Руси-обычай!

.. Вспыхнул ворох!
Живи, Россия,
Искры-звездами,
Свет крылат!
...Каждый,
как Моисей,
Мессия!
...перед Богом
Стоял Солдат.
Вот и ринулись по пустыне,
Через топь,
Через бездну бед..

...этот свет
для меня отныне,
Я
Сияньем его согрет!

Н.М.Рубцову

Мир опустел.
И плакали, как дети,
Твои поля, когда ты вдруг исчез
В иную жизнь!
И только резкий ветер
Достиг с тобой тех новых,
Чудных мест,
Где всяк крылат,
А путь высок,
И светел...

Алексею Травникову

Рвется сердце, дружище?!
Все зримей отпущенный срок...
...школьный дворик,
И – аще забуду!
Листочки по дворику носит...
Перепуталось все,
Холодея,
Исход
Превращается в слог.
...Мы повязаны детством,
летающим в имперскую осень!

НАТА СУЧКОВА (Вологда-Москва)

К Р Ы Ж О В Н И К

Итоги турнира поэтов «Коктебель-2005»

Во 2-м Коктебельском турнире поэтов, который состоялся 7 сентября 2005 г. в арт-кафе «Босема», приняли участие 18 авторов (в порядке выступления): Алёна Щербакова (Одесса), Олег Ульянов-Левин (Москва), Михаил Гофайзен (Таллин), Ирина Легонькова (Харьков), Алексей Остудин (Казань), Алексей Ефимов (Москва), Валерий Сазонов (Киев), Алиса Орлова (Саратов), Александр Сапожников (Москва), Андрей Воркунов (Москва), Максим Кабир (Кривой Рог), Сергей Обчаренко (Евпатория), Александр Переверзин (Москва), Лев Болдов (Москва-Харьков), Ната Сучкова (Вологда-Москва), Александр Закуренько (Москва), Марина Матвеева (Симферополь), Денис Косяков (Москва).

Были определены следующие темы турнира: «Мужчина и женщина», «Стихи», «Муза и Вдохновение». По каждой из тем участники должны были прочитать по одному стихотворению. Выступления участников турнира оценивались по 5-балльной системе.

Турнир судили два жюри - Зрительское, в которое вошли все желающие принять участие в жюриении слушатели, и Профессиональное, в которое вошли: председатель Жюри - Андрей Василевский (Москва), главный редактор журнала «Новый мир»; Александр Кабанов (Киев), поэт, главный редактор журналов «Живой Журнал» и «ШО»; Ирина Евса (Харьков), поэт, член Национального союза писателей Украины; Станислав Минаков (Харьков), поэт, член Национального союза писателей Украины, победитель 1-го Коктебельского турнира поэтов «Коктебель-2004»; Наталья Мирошниченко (Феодосия), директор Дома-музея М.А. Володина и Андрей Осипов (Москва), кинорежиссер.

По версии Профессионального Жюри список финалистов выглядел следующим образом:

1. Алексей Остудин - 93 балла.
2. Ната Сучкова и Александр Переверзин - по 90 баллов.
3. Александр Закуренько - 86 баллов.

По версии Зрительского Жюри список финалистов был таким:

1. Ната Сучкова - 394 балла.
2. Лев Болдов - 373 балла.
3. Александр Переверзин - 352 балла.

Общий итоговый список финалистов выглядел таким образом:

1. Ната Сучкова.
2. Александр Переверзин.
3. Лев Болдов.
4. Александр Закуренько.
5. Михаил Гофайзен и Алексей Остудин.

Победителем 2-го Коктебельского турнира поэтов «Коктебель-2005» стала НАТА СУЧКОВА.

Турнир поэтов был организован журналом «Сетевая поэзия» и проведен Андреем Коровиным (ведущий турнира) и Андреем Новиковым (главный редактор журнала).

на остоженке пахнет ладаном,
позолотой осенней сусальной,
шаурмой, хурмой, ханом батыем
и неистребимо – рязанью,
словно шарик к рюкзачку привязали,
суетою, беготней довокзальной,
тем, что мы безнадежно устали
с поездами, следами, слезами,
на остоженке пахнет боженкой,
облаками в прожилках творожными,
тем, что непоправимо и прожито,
на остоженке пахнет прошлыми,
на остоженке пахнет ожоговым
и афишным путеводителем,
воробьями, дождями, крошками,
номерах дробными, литературными,
на остоженке пахнет кошками,
молоко по ладони стекает,
на остоженке пахнет брошенным,
а хотелось чтоб все же стогами.

откуда взялась марина?
из пены без слез? пластилина?
из желтого мандарина
косточки плюнутой выросла?
и нет и да. ерунда.
марина была всегда.
сидит на ковре и ногами босыми
рисует круги по воде,
по мягкому ворсу,
рисует знаки вопроса
острыми коготками по белой твоей спине,
в красный ее раскрашивая.
откуда взялась наташа?
из славного бурга ростова?
из льва толстого?
из белого льна простого?
из золотого руна?
на опеле стареньком въехала
в шагреновой кожанке включенной
с шенгеном просроченным,
целует тебя в многоточия,
гуляет тебя в воскресения.
откуда взялась ксения?
из шерсти какой связалась?
из облака из осеннего,
из физкультуры в бассейне,
из каждодневной рассеянной,
привычки что-то отсеивать,
умения плавать брассом и
так широко разбрасываться,
как улыбаться.

Поезд как пояс – удавочка узка,
о, mister postmen, give me a letter!
Я уезжаю донашивать лето
в белый березовый лес трафаретный.
Полка вторая, на море качка,
старая зечка – за ухом жвачка –
смотрит, смеется. язык – наждачка.
могу исплкать,
могу прикусить!

Что ты там мажешь черным по белу,
вот у меня-то другое дело:
бог – не судья, я – не проситель.
глянь на руках-то цветет как ситец –
не выбелить, не скосить.
сама писала – самой носить!

Сапропель

Возле озера Неро, под илом,
Под сосновой смоленной корой.
Спят любимые мои могилы.
Укрываясь водой с головой.
И, заросшая тиной и лескою,
Чешуей набивая рот,
Над тягучей водою пресною
Моя старая лодка плывет.
И болит у лодки уключина,
И скрипит как больное колено
Парусиновой белой брючиной
Задевая озеро Неро.

*я принесу тебе воду в горсти,
белую чистую воду,
пить-умываться, плакать-грустить,
растить на воде парходы.
я принесу тебе первые всходы
новой зимы, я принесу земли,
на которой - выходы-входы -
можно сжигать корабли.
я принесу тебе пепел, прости,
чтобы понять, когда
выдохнуть небо и в небо расти.
не доставая дна.*

там, где река повторяет изгиб руки,
скачут и мельтешат блики, флажки, буйки,
и у опоры моста в ледяной воде
крылья и плавники, больше уже нигде...

легкой бамбуковой воду неслышно тронь,
там, где она повторит, разожми ладонь,
и на воде, от которой насквозь промок,
сердце твое забьется, ухнув, как поплавок

*но я расту быстрее травы.
намного, намного быстрее*

а то еще - облако, ничего интересного,
тыходишь в траву, и оно качается
так низко, что можно панамкой детского
его коснутся и сдвинуть нечаянно.
и ты напуган, что небо падает,
такое близкое - только тронь,
но лижет спелой огромной ягодой
горячее солнце твою ладонь.

большеротым птенцом, садоводом прожженным,
я глотаю шмеля, как мохнатый крыжовник,
и на вкус не могу узнать.
и стою рядом с мамой - шмелем пораженный -
и гудит во мне шмель, он - живой, не прожеван!

а в ладони мои, как крыжовник тяжелый,
опускается благодать.

*он приносит дымарь,
поднимает меня,
говорит мне: ударь,
говорит мне: поболь,
и течет на ладонь
золотая струя,
обжигает мне руку пчелиный огонь.*

*он приносит дымарь
и не может поднять,
можно не понимать:
ты чего это, дед?
и текут по щеке
и его, и моя,
собирая пыльцу в золотой бороде.*

*а когда вы придете его хоронять -
да вот так: хоронять, а не так: хоронить! -
будут белые пчелы над садом летать,
будут белые бани под небом дымить.*

*И сейчас мне вдруг подумалось, что на самом деле то лето
было последним, когда пчелы были золотыми.*

дачник мой август! тетрадь на столе
в ней по линейкам ходят трамваи,
я к твоим буквам язык прижимаю,
но за щекою поет карамель
тут, за щекою, поет, говорю,
дырочкой хрупкой, стеклянной, глубокой,
яблочным розовым треснувшим боком,
как здесь вместиться еще букварю?!
но на минуту всего повзрослеть -
в сладком вине карамелька растает,
дачник мой август тетрадь пролистает,
встанут трамваи и нечему петь

Ты зарисовывала тоску
хною и басмой.
В белую - черным, одна - в одну -
было чуть красно.
Зеленая кашица пахла травой,
иранским сеном,
и становились года золой,
любовью все нам.
И растворялись года в воде,
загар, мозоли,
ты отвоевывала задел,
затем, что злою
быть отучала себя тогда,
и с сединою
в себя ты впитывала века,
года позоря.
И время комкалось в рукаве
зимы в полслюя,
приговоренное быть вдвойне
в тебе изгоем,
лишь на коротеньком поводке
(обычно ночью)
гуляло складкою меж бровей,
как многоточье...

ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВ
(Вологда)

КОЛЕСО

Растворяется ночь, отсекаются лишние звуки,
И отсутствие веры не может уже помешать.
Проступают черты, появляются ноги и руки,
И способность в зрачках окружающий мир отражать.

Вот, подняв воротник, он вступает в распластанный
город,

Нет, не просто вступает – он жил там, и ныне живёт
Он не слишком богат и не беден, не стар и не молод,
От каких-то нелепых друзей полупьяный идёт

В одинокий свой дом, где живёт кое-как, еле-еле,
Среди прочих жильцов по подъезду таким же жильцом.
Тяжким якорем рухнув на дно своей мятой постели,
Он забудется вскоре неясным расплывчатым сном.

По дороге на службу, лелея цветные фрагменты
То ли давешних снов, то ль вчерашних своих кренделей.
В полутьме тайной памяти, (папки, досье, документы)
Среди прочих курьёзов, он вдруг повстречается с ней.

Кто такая?.. Я, кажется, видел вас где-то... Откуда?
Сотни глупых вопросов теснятся в распухшем мозгу.
Я, должно быть, успел зачерстветь в ожидании чуда,
Я не знаю, как здесь поступить, и бежать не могу

От столь явной судьбы. Воплощение тайных видений
Здесь, в автобусной давке, наивно и даже смешно.
Угловатые фразы знакомства сквозь плёнку сомнений –
– Может, встретимся вечером?... Где-и когда – всё равно...

2.

Тянется время дешёвою жвачкой в бесчувственных
дёснах.

Служба. Планёрка. Зарплата. Коллеги. Обед.
В грёзах наивно блуждаю в каких-то трёх соснах.
Что же сказать ей при встрече? Конечно – Привет!

Столик к окошку. Вино гармонирует с шёлковой блузкой.
Я закрываю глаза и в тот самый момент
В шахтах ракеты навтыяжку встали пред пуском
Нужен лишь повод к тому, чтоб создать прецедент.

И телефонный звонок ослепительным лезвием бритвы
Вдруг разрезает фантазий моих полотно,
Где было место для встреч, для любви и для битвы,
А вместо этого к шефу идти суждено.

Что ж, перетерпим и этот облом, перетянем потуже
Брючный ремень, чтоб иметь разухабистый вид.
Все собрались – ГлИнж, ЗамДир, Генеральный, к тому же
Сам Президент со стены с укоризной глядит.

Да, мне достанется нынче, по самые, блин, помидоры
Надо угрюмо насупившись, перетерпеть
Весь этот вздор – наговоры, суды, приговоры.
Главное – в парке. К шести! У эстрады!!! Успеть!!!

Нет. Не успею. Уже опоздал на четыре минуты.
Ты опоздала на десять – приятный сюрприз
– Здравствуй! – Привет! – Опоздала... – Я тоже
как будто...
– Вот, эти чайные розы примите, пожалуйста. Please!

3

Расставлены сети. Отключен свет.
Нас на свете как будто бы нет.
Мы сидим в темноте у тебя на кухне.
На фоне окна твой силуэт.
Изящная ваза, роз букет.
Кажется, весь этот мир очень скоро рухнет

В преисподнюю, в Тартар, в ад.
Вместе с тобой. Ну что ж, я рад.
Пристегнём ремни, полетим первым классом!
От винта! Разрешён наш взлёт.
Я, возможно, неважный пилот,
Но позволь, сегодня я буду асом!

Прикосновенье. Внезапно, вдруг.
Нет, не надо бояться рук.
Им тоже должно быть стыдно – чайным розам.
Ветки тень по стене скользит.
За стеной твоя мама спит.
Теснота на кухне влечёт к экзотическим позам.

Это не сон. И так – это факт.
Как преступление. Как теракт.
Словно контрольный выстрел из пистолета.
Я размыкаю глаза, встаю,
Я забираю одежду свою,
Я ухожу в молоко рассвета.

4

Один оборот ключа в замке –
И вот я дома один.
Свинцовые веки. Пуля в виске.
Чёрт знает, где я бродил.

Склеена ночь из сотен кусков.
Будильника верный глаз
Будет на страже. Калейдоскоп
Клеток и цитоплазм

Быстро темнеет, хотя рассвет
Яркость почти набрал.
Я погружаюсь в одну из планет,
К центру её ядра.

Всё. Теперь – одна чернота
Сжала со всех сторон.
Здесь уже не нужны паспорта –
Въезд и так разрешён.

Взгляд направо – сплошная тьма,
Влево – ещё темней.
Так наверно сходят с ума.
Погружаясь в царство теней.

Я забыл, что когда-то был
На одной из планет.
Всё это пыль – смирение, пыл...
Нет – меня уже нет.

Взорвался будильник, меня оглушил.
 Новый вираж заложив.
 Тьма рассеяна. Свет – победил.
 Я оказался жив.

Пора на работу. Жёсткий цейтнот.
 Старый привычный путь.
 Пока автобус меня везёт,
 Можно ещё вздремнуть.

Как по заказу явилась она.
 Чайные розы. Кувшин.
 Тесная кухня. Пять минут сна.
 Я просыпаюсь один.

Моя остановка. Минута ходьбы.
 Премияльных уже лишён.
 – Как избежать очевидной судьбы?
 – Думать, что это лишь сон.

Нет! Не сон! Телефонный звонок
 Вгоняет в мелкую дрожь.
 – Да, это я. – Ушёл под шумок?
 – Прости, я думал – поймёшь.

– Так получилось. Позволь пригласить.
 Сегодня. В кафе. К шести.
 Там наверно смогу объяснить.
 До скорой встречи. Прости.

Весь мой навязчивый бред вновь грозит повториться.
 Весь этот мелкий озноб, голова кувырком.
 В самый последний момент я успел раствориться
 В белой таблетке, подхваченный долгим глотком.

Все эти глупости быстро летят мимо кассы.
 Я изучаю неровности на потолке
 Мягкой каюты, не меньше чем первого класса.
 Восемь часов – весь полёт. Выхожу налегке.

Плечи расправлены. Плащ через левую руку.
 Томная грация. Спешка – уже моветон.
 Каждый мой шаг сообразен сердечному стучу.
 Каждый мой вдох. Точка. Выдох. Оркестр. Камертон.

Мимо идут манекены безмолвным потоком.
 Впрочем, для них я, возможно, и сам манекен.
 Впрочем, неважно каким повернуть это боком.
 Главное – не представлять себя вовсе никем.

Немо. Язон. Одиссей. Корабли. Симплегады
 Мифы. Иллюзии. Вязкий попсовый мотив.
 Надо прорваться сквозь сети, решётки, ограды.
 Надо по водам пройти, стопы не замочив

Вот и условное место – тишайшая гавань.
 Ты уже здесь, хоть я вовсе и не опоздал
 Столик конечно к окошку, я слева, ты – справа
 В тёмно-рубиновой блузке, как я ожидал.

Встреча в кафе. Всё случилось как будто впервые –
 Мягкие краски, вино, мелодический джаз;
 Но в зеркалах преломляясь, сквозь грани кривые
 Наших хрусталиков, это бывало не раз.

Наш разговор ни о чём начиная сначала.
 Мы уплываем опять в предрассветный туман.
 Я вдруг умолк неожиданно. Сердце стучало
 Гулкий свой степ в тишине, и луна как шаман

Нас провожала неистойвой пляской под бубен.
 Мы уходили вдвоём по дороге к тебе.
 Вся эта ночь будет наша, и мы скоро будем
 Медленно плыть по реке к воплощённой судьбе.

Сосредоточившись, пересчитав все ступени,
 И оглядевшись, я вижу – квартира не та.
 Свет не включаем. (В чём смысл роковых
 повторений?)

Скоро наш вылет и радостное – От винта!

Всё повторилось опять. Лучше? Хуже? Неважно.
 Ты – это вовсе не ты, а меня давно нет.
 От твоих слёз вдруг всё небо становится влажным
 Надо спешить, вот уж скоро займётся рассвет.

День постепенно начнётся. И ноги, и руки,
 И голова, и опять воду в ступе толочь.
 Ну, а пока отсекаются лишние звуки,
 В тусклой рассветной заре растворяется ночь.

ЕКАТЕРИНА ТУШКОВА (Сыктывкар)

КРУГ ЗАЩИТЫ ОЧЕРТИ

Ты знаешь – меня больше нет,
В прихожей выключен свет,
Ты знаешь – однажды вода
Превратится в холодную пыль,
И пройдет – навсегда – над тобой
Смерч пустых пересказанных слов.
И, наверно, замерзнет рекой,
Застыв у истока, любовь.

Мама, я теперь все знаю, знаю.
Мне знакома каждая слеза.
Ты прости меня. И я прощаю
Грустные твои глаза.

Быть всегда веселой и красивой,
Ты себе позволить не могла,
Не была беспечной и счастливой:
Счастье дочки чутко берегла.

За усталый взгляд ненастных будней,
За любовь тревожную твою,
Мамочка, ну кто тебя осудит?!
Только я... Но я благодарю.

И теперь, когда пора настала
Материнства опыт перенять,
Расскажи мне, как я выростала,
Научи меня!

Жертвенно скромна, немного скажешь,
Сердца боль скрывая между строк.
Может, так же все поймет однажды
Мой сынок

Молитва

Сохрани меня, Господь,
От тоски и злобы.
Или посочувствуй хоть,
Не роптала чтобы...
Погляди сквозь облака
Ясными очами:
Буду легче мотылька
Душными ночами.
Подари мне краски дня
И любви знаменье,
Сделай это для меня -
Отними сомненье!
Веры дай и правды дай,
Дай улыбки детской.
И вовек не отнимай
Доброты у сердца.

Молодые поэты пишут о смерти,
Будто жизнь им совсем не мила.
Молодые поэты пишут о смерти,
Жить начиная едва.

Не успеют войти - и спешат попрощаться,
Облачаются в траур слова...
Молодые поэты не пишут о счастье,
Жить начиная едва.

Гуру сажает картошку:
«Будда, Христос или Кришна,
Вознаградите прозреньем
Непросвещенную землю!».
Медленно всходит картофель –
Овощ далек эзотерик.
Произрастает по воле
Солнца, Дождя и Навоза.

Я мечтала стать мужчиной,
Долю женскую кляня:
Пола слабого кручины,
Дети, муж – не для меня.
Я мечтала стать свободной
И гулять, пока живу,
Делать, что душе угодно
Не во сне, а наяву,
Но луна взошла над полем
И настал мой бабий час.
Дети, муж, неволя-доля -
Все по полной, все – за раз.
Но минуты для кручины
Почему-то не нашлось.
Я мечтала стать мужчиной –
Стала сильной: так сбылось!
Женщине нельзя иначе:
Срок работы бабьей - век.
Ну а если баба плачет –
Баба – тоже человек!
Но обиды забываю
За ночь – женский нрав таков!
И в избе своей гуляю
Повольнее мужиков.

Непогода

Мокрый снег попал за ворот.
Ветер дует мне в лицо.
На асфальте пять копеек
Превращаются в ничто.
Плох прогноз – определенно
Всем бомжам в подвалах спать.
Я шагаю по проспекту -
Я влюбилась. Мне плевать.

В каждом из нас живет Петербург,
Сталинский и Достоевский.
Город-поэт и драматург,
Чацкий, Болконский и Ленский.

В каждом из нас протекает Нева,
Невский проспект простирает
Улиц затейные рукава,
Купол Исакий вздымает...

В каждом из нас о потерях скорбят
Послевоенные стены.
Только у сфинксов сердца не болят.
Паперти. Вскрытые вены.

В каждом из нас застревают Кресты,
Ржавый кирпич баррикады
Между мирами. У самой черты –
Город мечты и блокады.

Круг защиты очерти.
За черту не заступи:
Черти нападают разом,
Стой на месте. Не глупи.

Пусть вокруг хохочут рожи,
Знойные манят тела,
Прошепчи: «Помилуй, Боже!»
Стой на месте. До света.

А когда рассвет настанет,
Морок встанет позади,
Вий зажмурится, устанет -
Плюнь три раза. Уходи.

На каплю холодной росы
Полсотни больниц.
И утро – приемный покой
С надгробьями лиц.
Лишь ветер поет в облаках,
Ему не простыть.
А в кружке – глотком молока –
Желание жить.

Я – растение в горшке,
Фикус на окне.
Задаю вопрос себе:
«Есть ли Бог во мне?»
Если нет – зачем рассвет?
Гибни, корешок.
Если да - листва с утра
Выше на вершок.

Топил кочегарку июль.
Рождались романы и дети.
Сто тысяч веков на планете
Вставал кочегар на рассвете.

Работал июль допоздна:
Натопит, да так, что невмочь.
А дома встречала жена,
Июльская жаркая ночь.

Рассвет. Я сказала,
Что ты мне не нужен.
Зрачок темноты
Насторожено сужен –
Он ищет ответ,
Как, впрочем, и ты:
Рассвет.
Я смотрю в глаза темноты.

Смотреть на звезды,
Кричать, а после
Падать на снег,
Как делают звезды,
И гаснуть, и мерзнуть,
Как делают звезды,
И снова взлетать.
Где ясные звезды...
Пусть шепчутся после:
«Звезда? Человек?»

Родине

Город, где волны и горы
В окнах домов над рекой:
Тихая пристань Печоры
В памяти будет такой.
Осени огненной краской
И акварелью весны,
Зимней заснеженной сказкой
Будет расцвечивать сны,
Вспыхнет сияньем над пармой,
Соснами станет качать,
В час одинокий, как мама,
Будет меня утешать
Песней, про волны и горы,
Над побережьем огни,
Белые ночи Печоры...
Будет в нелегкие дни
В дальнем краю, на чужбине
От бесприютства спасать, -
В сердце негромкое имя
Родины будет звучать.

Что уводило мрак и страх
И душу возвращало мне.

В общем, стоило ехать!
Чтобы грецких орехов
Недозре́лых в карманы
Напихать

и каштаны
Пересчитывать ухом.
Резко, глухо и сухо,
Как по шару кием,
В томной «Александрии»
Колотящих в газон.
Значит, был в том резон,
Чтобы оптом и сразу.
Гражданин Бакаррадзе!
Вы поймали момент,
И прадедушка ФЭД
Очень четко прочел,
Что, увы, ни-при-чем
Все музеи и парки.
Разве лишь как припарки
От любовной хандры
До поры... до поры...

Донской монастырь

Кроме подземелий пышных
И трилистника вокзалов
Я на память набросала
Адреса того, чем дышит,
Чем он жив, весь этот третий
Рим.

в моих, допустим, снах:
Монастырская стена
Вся в автографах столетий...
Еще в свете инноваций
Нет роскошных декораций,
И гранитные надгробья
Из травы, как исподлобья,
Хмурятся проникновенно,
Яблоки хрустят отменно,
Хотя малость одичали...
Утоление печалей –
Мысли мудро причащались
Тишиной и запустеньем,
Бедностью без суеты.
... Как теперь блестят кресты,
Как заметно возрожденье.

Одиночеством карает слово.
За ошибку платят пустотой.
У Пегаса тоже есть подковы.
Страшно: под копыта -

головой

Иллюстрации, декорации –
Прибалтийские города.
Как прививочка эмиграции
Будоражили вы тогда.
К серой готике,
к шпилью с «котиком»,
В керамический быт витрин,
В чистоты тротуаров экзотику,
В предрождественский мандарин
Неба и янтари окошек,
К сладким мыслям бисквитных крошек,
Постигающих «Рижский бальзам»,
Отправлял нас Рижский вокзал.
Чтобы всмятку нам
по брусчатке там
Каблуки за день!

Улиц власть

Крепко шпильями
в сердце чтоб впилась,
И болел от прививки шрам.

Янга –
сосны пьяным воском
Растеклись по синеве.
Янга прячет в рукаве,
В нежных складочках воды
Женам Золотой Орды
Украшенья в утешенье,
Не дареные, в сраженьях
Обретенные

Века

Их хранит
Янга-река.
И звенит, звенит
все лето
Серебро литых браслетов,
И подвески брякнут резко,
Точно рыба крупным плеском
Потревожит сонный плес.
Изогнется н бегу
Янга в точную дугу,
Тетивой над головой
Зазвенит комар...

И вдруг

Дернется монгольский лук.
Бор замрет, как неживой,
И янтарь сосновых слез
По щеке сползет смолисто
А плутовка лишь мониста
Потревожила слегка.
Янга, Янгушка-река.
Полупьяный

рядом с Янгой

Пьяный бор.
Окаянным
блеском в Янге
Скрыт убор.
Речка Янга,
Я-ан-га!
Дорога ты,
дорога.

Кипрейный туман белес
И розово-нежен, как
Бутоны увядших роз
На мраморных плитах, шаг

У мыслей сбивчив и вял.
Железнодорожная лень
Меняла вокзал на вокзал
Меж сереньких деревень.

Бежал в кипрейный туман
Елово-березовый строй.
Вдруг голос мужской про Афган
Запел в купе за стеной.

Вначале аккорды не в лад
Примеривались к руке,
Ложились слова невпопад,
Строка мешала строке.

А поезд стучал. Встречай
Прошлое в горло комком.
И пенился Иван-чай
Тревогою за окном.

Качало, а голос крепчал.
Чечне и Великой войне
Долг отдал. И без начал
Все войны казались мне.

А голос вагон перерос.
Метнулся в туманный кипрей.
И зарозовел вдоль полей
Седой Иван-чай, как вопрос.

А фресок всплеск не резок, но круги
Расходятся и образуют нимбы,
Ликующе бесчисленные. Им бы
Взлететь, кружить над сводом,
но строги
У ликов черточки морщин
над переносьем.
Фигуры клонятся, как спелые
колосья.
И чудится: махнешь рукой –
блеснет
Зерна поток. Без плевел – чистых истин,
Заговоренных на столетья кистью.
И каждый лик покажет оборот,
Волнами заволнуются одежды,
Отчаянье накатит и надежда,
Что прорастет зерно,
не пропадет.
И вера дать плоды успеет прежде.

Наверное, в Горицах тоже ливень.
Сияют лысины капустные у стен
Собора Воскресенья... Отцвели ли
До заморозков розы...? Перемен
Еще не много...

Сердится Шексна,
Морщинит волны судорогой боли,
Пропитана невольниц царской воли
Слезами и молитвами до дна,
Шексна шипит: Вы у реки спросили,
Когда топили? Убивать в чести
Лишь у людей. А мне не обрести
Покоя у могилы Ефросиньи...

А может быть, в Горицах ветер злится?
Вершит деревьев судьбы, вертит даты.
Дни покаянья и часы расплаты
Примеривает к проходящим лицам,
Аукаясь с акустикой руин,
Вычерчивает по чертополоху
Тропиночку... Когда совсем уж плохо,
Колючий, узкий каждому один
Путь остается...

Полно! У Горлиц
Сегодня солнце золотом играет,
И в память монастырских мастериц
Узором хитрым волны расшивает!
И к храму Троицыну тропка и пяти
Минуток не пустует! Ефросиньи,
Марии, Евдокии все простили.
И молятся, должно быть, за Россию.
Иначе как? Иначе нет пути.

День зацелован гроздьями:
Рябят, рябинят, ратуют.
За поцелуем просьба ли?
Отрада, дань, отрава ли?
Морозом сладко схвачены,
Судьбою цепко сучены.

Хоть клюйте – мы приучены,
Хоть плюйте – отворачивать

Ни права, ни... Дроздами ли
(Аж ветки клеткой – арками),
Корзинами, возами ли...
С горчинкою – дикарка ведь.

А как прижмется к матовой
Щетине дня несвежего,
И ну себя выматывать,
По яголке развешивать!

Оттенка ржавчины от кофе
до шафрана
По кирпичам, железу,
по экрану
Размноженного прутьями окна,
Где каждый ромбик четок
и бездонен,
Взгляд синева пропитывает до не-
Переносимости
и ввысь
висит стена –
Обрывок храма бахромой шафранной
Трепещет на ветру.
Руины,
странно,

Величественней целого порой.
И больше сердцу шепчут,
и игрой
Воображенья убаживают блажь,
Блаженствуя в оттенках.
Время – страж
Прекрасного.

Премудр он
и прилежен
И неизбежен шаг его
и нежен...

Это не пейзажем,
это даже
Не воспринималось
как природа.
Это в пятки ласковым
массажем
Наперегонки до поворота.
Это синева до боли в шее.
Это смех «от просто так»,
от воли
В золотом подсолнуховом поле.
Только детство видеть так умеет.

АНТОН ЧЕРНЫЙ (Вологда)

ДРУГУ В ЛОС-АНЖЕЛЕС

СЕВЕР

Мой рай на севере, где сосны.
Там прежде, в древности седой,
Скользя вдоль русел влагоносных,
Парили бесы над водой.
Во тьме и холоде от века,
Они скитались по реке,
О сотвореньи человека
Взывая к Вышнему в тоске.
Мой рай на севере, где грудью
Уперся в озеро гранит.
Там первые явились люди,
И были молоды они.
И стали безраздельно править
В пределах данной им страны,
Из ветра дальних Скандинавий
И влаги рек сотворены.
Мой рай на севере, где бури.
Там пращур мой и первый бес
Столкнулись в чаще снежно хмурой
И меж собой делили лес.
Мой рай на севере, где сосны.
В моем раю морозы...

ДИТЯ ЛЕСА

- Что тебе здесь, мой печальный пришелец?
Что тебе город и грохот шутих?
Тщится в устах твоих лиственный шелест,
В мохом покрытых ладонях твоих

- Хмелем утянут я в адово жерло
И пропадаю в асфальтовом дне.
Каждую ночь я шепчу: «Неужели?...»
Выйдя, из пекла, грущу о родне.

Мать моя - дерево, песен жилище,
Плачет смолою по мне по ночам
Ветер - отец мой - по выгонам свищет,
Ищет меня на лугу у ключа.

В чаще - стена из поваленных бревен,
То была роща. А вместо ручья -
Толкая гать. Там в ольховом алкове
Плачет лесная невеста моя.

ДЕВА

Завьюжило долом, полем,
Увело в леса.
Дупел полные неволи
Выли голоса.
Заблудило вправо, влево,
Сок стучал в виски.
Выплыла из древа дева
Полная тоски.
Хвое, воя, повелела
Сокрывать восток.
Солнце в кронах обмелело,
Сник лучистый ток.
Зрячему мутна дорога,
Кругом муть и тьма.
От кого: от беса, бога
Гибель принимать?
Дева весело смеется
Да хитро глядит.
Зачинается колотья,
Каменеть в груди...

ХОДЯТ ВОРЫ

Ходят воры по домам
И крадут хозяев
Через окна, через двери,
Через щели избяные.
На краю села курган:
Их туда и тащут,
Но негоже человеку
Видеть, что там с ними будет.
Ты сиди себе в дому
На дубовой лавке,
Жди, когда они придут
По твою душонку.
Луч без рук, без ног ползет
По твоей ладошке:
Не запрешь его в сундук.
Не запрешь в укладку.
А придет пора – уйдет,
Хлопнувши калиткой,
Красна девица сползет
С голубой шубёнки,
И горохи звезд на небе,
Черствый месяца калачик
Над Москвой и Вологдой...
Только крест тельной к тебе
Обернется пузом,
Только мягкая рука
Бултыхнет с подушки,
Да навалит сон, милей
И отца и матери –
Тут тебя и украдут
Воры расписные.
В темной горнице конец
Всему белу свету.
Как потащат, ты молчи:
Дай поспать соседям.
Скоро их черед настанет,
А пока что пусть кемарят.
Ты-то знаешь: боль хитра –
Скажется без языка.
Как потащат, не бери
Ни еды, ни водки,
Ни ружья, ни колтуна,
Ни дубовых валенок:
Растеряешь всё равно
По дороге торной.
Растеряешь всё равно...

ПЕСНЬ ФАВНА

О, путник, что молча под звуки грустит
Свирели моей своенравной!
Коль я задержал тебя в долгом пути,
Прости говорливого фавна!
Мне чары даны, соки тайных деревьев.
Музыка моя – трели птичьи.
Я всюду – в корнях ли, в дупле ли, листве –
Присутствую в сотне обличий.
Мне совы покорны. Лишь кликну в ночи,
По зову послушливо мчатся.
Есть тайный источник, прозрачен и чист –
Лишь в нем я могу отражаться.
И много чудес я бы мог сотворить.
Послушны мне листья и хвоя...
Но все их отдам, чтобы вновь повторить
Ту ночь, когда встретил ее я.
Ивана Купала зовется та ночь.
Все бесы и хляби, и тверди
Ликуют и пляшут с самим сатаной.
Глумятся и празднуют черти.
И деготь лакают с пустых черепов,
Шутихой согрев огневою,
И коль попадетсЯ подвыпивший поп,
Ему прямо в лысину воют.
Я сам среди них тою ночью скакал,
Огонь высекая копытцем,
И горца с дороги сбивал среди скал,
И звал рыбака утопиться.
Всю ночь прославляли мы бурю и мглу.
Мы пели про голод и морок.
Но вот, возвращаясь в родимую глушь,
В чащобе услышал я шорох.

У скал родника, где прохлада и мох,
Нашел я уснувшую деву.
И взор мой уже оторваться не мог,
Над нею склонился я деревом,
Из веток постелю я тщилю сплести,
Ведь ложем ей был голый камень.
Быть может она была сбита с пути
Блуждающими огоньками?
А может нужда ее выгнала в ночь,
И кровя она не имеет?
Ведь лютый разбойник здесь пробует нож,
Здесь волки и черти и змеи.
Ты спросишь меня, какова же она?
Но я умолкаю, мой путник.
Тут речь бесполезна, тут речь не нужна,
Хоть я в ней и первый искусник.
Я плакал над нею, судьбой удручен,
И ночь умоляя я продлится.
Ведь знал я, что с первым рассветным лучом
Я должен до ночи сокрыться.
И следующей ночью пришел туда я
И в думы сидел погруженный...
Ее уже не было возле ручья...
О, нужно ли здесь продолжение...
О, путник, что плачет под робкий напев
Свирели моей своенравной.
Давно уж веселых я песен не пел.
Прости одинокого фавна...

ПОСЛАНИЕ

Ивану Смирнову, Лос-Анджелес

Над Вологдой закатное светило
Печально оседает в горизонт.
Мой дух наполнен негой и грозой.
Чего в нём больше? Бури или ила?
Чего мне нужно? Где себя искать?
В затиненной ли речке за причалом?
На крыше ли, которой каждый скат

Заржавленный в закате рдеет алым?
Ты знаешь, этот город - будто дом,
Запущенный беспечными жильцами,
Подъездами, балконами, стенами
Хранит лишь сон, укорененный в нём.
Немая рыба, жертва злого лова,
Ты, Вологда, распята на крюках.
Ни жизни нет, ни дела, кроме как
Держать в себе несказанное слово.
О, мой далёкий сумасшедший брат!
Мы пили этот город из горла,
И сладкая волна по нам текла:
Амброзия или денатурат?
Замоченный в безделье и вине,
Наш дом отринул страсти и заботы.
Любимейшее тинное болото,
Где смерти нет, но жизни также нет.
И в нас входила ядом тишина,
Обволокла, сдавила и нависла.
Нам здесь всегда был кто-то ненавистен.
Но кто? Мы в городе? Иль этот город в нас?

Второе послание к другу-стихотворцу

Ивану Смирнову, в Лос-Анджелес

И этой неге, этой воле
В осеннем воздухе разреженном
Ты предпочел сомнительную долю
Быть нерешительным приезжим!
Теснимый духотой и зноем
В Бербэнке, Буне, Голливуде,
Видал бы ты, какое чудо –
Наш город, проклятый тобою!
Наги кусты, как каторжане.
Рассветы, ночи и полудни
Объемлет пламень злато-ржавый –
Последний. Все ему подсудно:
Стерня, пролесок и межа
И весь запас словес побасенных.
О, знал бы ты, насколько царственна
Земля, с которой ты бежал!
Волнуемое меди море,
Вдаль улетающие птицы –
Везде здесь горесть, от которой
Завыть белугой и напитокся.
Подобны люди сонным пчелам.
Весь город, замерзая, каюсь,
Смежает очи обреченно.
И твой плевок по ним стекает.

Третье послание к другу-стихотворцу

Ивану Смирнову, Лос-Анджелес

Мы были – город. Его тело.
Два разных льда его реки.
Он был нам бунтом и пределом.
И на плече теплом руки.
И это было даже счастьем:
Мы с городом – рука с рукой.
Но незаметно нам запястье
Выкручивали за спиной.
И ты бежал. И я не вправе
Судить. Клубок из рук был свит.
Ты просто понял: он удавит
В объятиях своей любви.
Мы его сами томно мяли,
Как куртизанку, за бедро.
Ва-банк на красное бросали.
Нам – колом – полое зеро.
Ты – там. Я – здесь, распят у дома.
Я – слеп. Не мне служить звезде.
По-вологодски никакому.
По-нашенски нигде.

НЕГРОМКАЯ ХРОНИКА ВОЛОГДЫ

1. Конкурс короткой прозы «ГЛАГОЛЬ» - Союз российских писателей совместно с газетой «Красный Север». Награждение лауреатов на подведении итогов литературного года. Февраль 2005. В числе победителей Татьяна Калашникова (Канада), Евгения Кузнецова (Бабаево), Ксения Хромова (Вологда), Александр Ломковский (Вологда), Яков Авербух (Вологда). Открытие сайта «Свечи» на сервере «КС» - январь 2005. Закрытие сайта - декабрь 2005.
2. Презентация книг кадуйских авторов - «УПОЕНИЕ» Марии Марковой и «СЛУЧАЙНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ» Александра Дудкина в студии Шахова на Ленинградской, 5. СРП, театральная студия Шахова. Март 2005.
3. Творческий вечер Игоря Эпанасова в студии Шахова. Апрель 2005.
4. Проект «Открытая трибуна». Участие в мероприятиях с Верой Павловой, Юрием Кублановским, Евгением Поповым в Центре Чтения. Статья «Поэты разные» - областная газета «Красный Север». СРП, студия «Лист», клуб «Ступени». В течение года.
5. Творческий вечер поэтессы Наты Сучковой к 10-летию литературной деятельности. Август 2005. СРП.
6. Творческие вечера прозаика Галины Щекиной к 20-летию литературной деятельности – вечер в музее «Мир забытых вещей» (сентябрь 2005) и в Доме Шаламова (ноябрь 2005). СРП. Выход книг Щекиной «Ария» и «Горящая рукопись».
7. Участие в творческих вечерах поэта Андрея Широглазова (Череповец) – декабрь 2004, январь 2005, октябрь 2005, в т.ч. презентация книги «ПИСЬМО ИЗ ГОРОДА Ч.» - январь 2006. РСРП, «Ступени», «Среда».
8. Творческий вечер поэта Валерия Архипова в гостиной Самарина. СРП, студия «Лист», сценарий Г. Щекиной. Итоговое собрание СРП с участием В. Архипова, С. Донца, С. Фаустова, Г. Яковлевой (Шексна), Н. Кузнецова (Череповец), Г. Щекиной, Е. Юшковой. Октябрь 2005.
9. Подготовка и издание книги прозы Алты Райдл «Монетка», книги стихов «Сантименты» и подготовка документов для выступления в СРП.
10. Проведение вечера памяти Татьяны Бек (совместно с москвичами И. Васильковой, Е. Березовской, Д. Гасиным, Д. Файзовым). Декабрь 2005.
11. Вечера памяти Н. Рубцова в филиалах ЦБС №№ 10, 17. Январь 2006. СРП.
12. Премьера программы «УШЕЛ ПОЭТ» о рано ушедших поэтах (А. Швецов, Н. Дружининский, В. Бокарев, Н. Елсуков, А. Алексеев, С. Шадрин, С. Королев, М. Жаравин) с участием В. Архипова, Н. Адлер, Г. Щекиной – актов. зал Сельхозтехникума, февраль 2006. СРП.
13. Организация творческого вечера Марии Запольских (поэт и бард) в гостиной Самарина. Февраль 2006. СРП.
14. Программа «ПОЛЮСА» - столичные поэты в Вологде (Д. Файзов, Ю. Цветков). СРП, «Северная Фиванда». Февраль 2006.
15. Издание и премьера книги «МИХАИЛ ЖАРАВИН КРУПНЫМ ПЛАНОМ» в Доме-музее Пантелеева, Г. Щекина, С. Козлов, Л.Новолодская, Н. Жаравин, М. Мурашева. Февраль 2006.
16. Организация литературного конкурса «ПРИРОДА И Я» 2005-2006. СРП. Конкурс ежегодный с апреля по сентябрь. Номинации - короткая проза, стихи. Отправлять по адресу dailary@yandex.ru
17. Подготовка и издание очередных выпусков журнала «Свеча» № 9, № 10.
18. Сотрудничество с журналами «Страна «Озарение» (Новокузнецк) - адрес ozarenie@nvkz.net с 2004, «Окраина» (Череповец), адрес okraina@mail.ru с 2004, «Хронограф» (Вологда), адрес izdat-gallery@mail.ru с 2003, «ИЛЬЯ» (Москва) - адрес lyadom@yandex.ru с 2000.
19. Организация творческого вечера поэтессы Татьяны Ржанниковой (Череповец) в гостиной Самарина. Март 2006.

Александр ДУДКИН. ДО И ПОСЛЕ «ПИСЬМА»

ШИРОГЛАЗОВ Андрей. ... И три минуты вдохновенья. Стихотворения. Альманах «Литературная Вологда», 2001
ШИРОГЛАЗОВ Андрей. Рукопись. Стихи
ШИРОГЛАЗОВ Андрей. Письмо из города Ч. Стихи. Череповец. «Порт-Апрель», 2005 г., 190 с.

В моём представлении Широглазов пишет не много, а очень много и пишет обо всём. Он откликнется на урчание в собственных органах пищеварения и на обсуждение Лесного кодекса в российской думе, он не оставляет без внимания посещение начальственного кабинета и визита посмертной славы.

Андрей Широглазов – поэт отдельный, обособленный, свободный, учителей и кумиров в поэзии, по крайней мере, вологодского региона не имеющий.

При первом их прочтении не заметил ни одного серьёзно сказанного слова. Ерничанье, высмеивание, сатира какая-то – концептуализм. Мне даже показалось, что он и над великой Ахматовой издевается: *«Анна Андреевна курит табак флотский. К Анне Андреевне ходит один Бродский»*. Вот это и плохо, для стихов плохо. - говорил я себе самому, - и не только потому, что сатира в моём понимании – не юмор, а его дьявольское проявление, но и потому, что сатира почти всегда сиюминутна и своевременна, то есть непоэтична.

Потом из прочитанных пятидесяти я отобрал двадцать, которые мне пришлось по душе. То есть снял, как понял после повторного прочтения этих 20 стихотворений, коросту. Коросту передёргиваний, насмешек, иногда и цинизма. А под коростой известно что. Рана. С обнажёнными нервами, незащищёнными, оборванными капиллярами. Под коростой – тоска, одиночество, боль.

Подборка в «Литературной Вологде» – это ностальгия по недавнему прошлому и прощание с ним. Прощание с отцом, с 207-ой комнатой, с фил.факом, с грозно целящим костылём промеж лопаток 20 веком. С тем временем, в котором поэт жил без ощущения сиротства.

А вот в другой – рукописной - подборке эти самые сиротство, одиночество, боль и явлены:

Не хватает огня... Вионо кончился Газ в зажигалке...

Пустой коробок С этикеткой «Великий Ростов»

Наблюдает за тем, Как смешны, Бесполезны и жалки

Все попытки мои Прикурить От сожжённых мостов.

И боясь одиночества, боясь того, что и одиночество его будет одиноким, непохожим на другие одиночества, он со своим одиночеством равняет одиночество Ахматовой: *«К Анне Андреевне ходит один Бродский»*. Да, ходил. Но, как хорошо известно, не только один он.

Заляпать трагедию иронией или сарказмом дело пустяшное, дело или циничное, или пошлое.

Чувство юмора на наших глазах – в моих глазах! – из достоинства быстро и бесповоротно превращается в крупный недостаток. Мы живём в годы не только всеобщей разрухи, но и всеобщей веселухи, от чего тошнит и выворачивает наружу. Поэт же должен поступать вопреки логике своего времени. Когда все смеются – должен горько плакать или же бить в набат. Когда все празднуют наступление нового года – устраивать презентацию собственной книги.

Однажды, в надежде на то, что Галина Александровна, не любя глагольных рифм, будет долго морщить лоб и перебирать имена поэтов, я спросил её: *«А рифмует ли у нас хоть кто-нибудь хорошо?»* Но Щекина ответила сразу же: *«Широглазов»*.

«Письмо...» это рана – сплошная кровотокающая рана. То молитва, то плач (Посвящение предкам), то исповедь (Тихая Русь), то крик (Родина), то окрик, то горько-светлая публицистика (Вниз по Сухоне). Иногда, правда, поэт подует на рану и своим тёплым – ироническим или язвительным – дыханием согреет оголённые нервы, утихомирит боль. И это естественно. Ведь естественно от боли излечиваться, притуплять её.

Одиночество человеку противопоказано, а поэту необходимо. Вот и поэтому *«... Поэт - уже не человек»*.

Поэт на людях поэтом быть не может. На людях он плясун, певун, рассказчик анекдотов и других историй, декламатор собственных стихов или же непонятный (и не быть ему поэтому понятным) молчаливый сумасброд. Поэт – уже не человек. Вот это «уже» утешает и возвышает. Ведь уже, уже человеком побывал. Но стал ПОЭТОМ! Не злодеем, не властителем, не карьеро- или вещелюбцем, не ментом и не ментором, но Поэтом! Поэтом. До конца. До смертного креста. Придётся, Андрей Геннадьевич, придётся...